

СТЕПАН РАЗИН

Максим
Чертманов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Степан Разин — одна из самых таинственных личностей в российской истории; достоверно о нем известно очень мало, ни строчки, им написанной, не сохранилось, хотя он предположительно был грамотен и знал восемь языков; он весь, от рождения до смерти, — сплошной миф и загадка. Кто он по национальности? Бросал ли он персидскую княжну в Волгу, а князя Прозоровского — с колокольни? Кем он был — лихим пиратом, жалостливым защитником угнетенных или амбициозным политиком? Для чего затеял все то, что принесло ему славу и закончилось так ужасно? Автор предлагает читателю вместе заняться увлекательнейшей детективной работой — опираясь на документы, распутывать клубки мифов, старинных и современных, и пытаться понять загадочного человека, который жил так задолго до нас.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Максим Черганов](#)
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)

- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [ЛИТЕРАТУРА](#)

- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1783

(1583)

Максим Чертанов

СТЕПАН РАЗИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Максим Чертанов, 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

*На Руси уж давно
Правды нету-ти.
Одна кривдушка
Ходит по свету.*

Народная песенка

*Мятеж не может кончиться удачей —
В противном случае его зовут иначе.*

Джон Харрингтон

Перевод С. Маршака

Глава первая

ЧЕРКАССК

Ах, как же нехорошо, когда нет со всею твердостью высказанного Высочайшего Мнения по поводу какого-нибудь человека, особливо ежели он занимался политикой. Хороший он человек или плохой? Хороший Степан Разин или плохой? С одной стороны, в соответствии с Высочайшим Мнением, равно как и с мнением, допустим, одного из ведущих историков разинщины, жившего в XIX веке, А. Н. Попова, всякий антигосударственный мятеж есть мятеж антинародный, и потому — плохо. С другой стороны, Разин был казак, а казаки — это очень хорошо, примерно как члены КПСС. При советской власти Разин был — хорош; при империи — плох. Но ведь и советская власть, и империя — нынче одинаково хорошо! Голову сломаешь! Так что придется нам либо ждать Высочайшего Мнения, либо воспользоваться неразберихой и просто читать — читать не только документы (которых наплакал кот), но и мифы, в которых может оказаться (а может и не оказаться) много правды. Давайте эти мифы анализировать, сопоставлять, что-то, возможно, сумеем опровергнуть — интереснейшая, прямо-таки детективная нас ждет работа!

Для начала попытаемся что-то понять относительно казаков — уж очень они (точнее, люди, рядящиеся в одежду, которую считают казацкой, обзаведшиеся нагайкой и выучившие слово «любо») теперь в моде. Но кто такие были настоящие казаки, откуда взялись они — «несокрушимые, как гранитные скалы, — как писал исследователь казачества Евграф Петрович Савельев^[1], — стойкие и твердые своей казацкой идеей, верные друг другу, никогда не изменявшие ни братскому слову, ни клятве, безумно храбрые, неподражаемо опытные в военном деле и обладавшие тонким умом и беспримерной военной хитростью и в то же время, в обыденной жизни, самые простые и сердечные малые, чуткие, как дети, к нуждам обиженных и милосердные к побежденным»?

Лев Толстой, наблюдая на Кавказе за взаимоотношениями казаков и русских солдат, замечал, что «русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо». Шолохов, «Тихий Дон»:

«— Я-то казак, а ты не из цыганев?

— Нет. Мы с тобой обое русские.

— Брешешь! — раздельно выговорил Афонька.

— Казаки от русских произошли. Знаешь это?

— А я тебе говорю — казаки от казаков ведутся».

Михаил Николаевич Харузин, «Сведения о казацких общинах на Дону»^[2]: «Иногородних казаки не любят, обзывают «русскими», «русью» и всячески притесняют». Казимир Валишевский, «Первые Романовы»^[3]: «На Дону, как и на Днепре, первые казаки были, по-видимому, иностранцы. Нигде нельзя было найти ни малейшего следа древних сельских учреждений, которые бы служили основанием для этих воинственных общин шестнадцатого и семнадцатого веков».

Слово «казак», по наиболее распространенной (а их десятки), хотя и недоказанной версии, происходит от тюркского выражения, приблизительно означавшего «вольный человек». О происхождении казаков тоже существует масса предположений, их можно свести к двум основным группам. Официальная дореволюционная, она же официальная советская, она же поддерживается многими серьезными историками и ныне: как считали С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, казаками становились люди каких угодно национальностей и сословий, не желающие быть связанными какими-либо обязательствами, платить налоги и заниматься земледелием. Д. И. Иловайский и Н. М. Карамзин писали, что казаками становились люди «неблагородного» происхождения — крестьяне-беглецы, реже посадские (городские) жители (так же говорится в литературе советского периода), но Ключевский замечает, что «в казаки» уходили и дворяне: «В десятках степных уездов XVI века встречаем заметки о том или другом захудалом сыне боярском: «Сбрел в степь, сшел в казаки»^[4]; на Дону в 1620-х годах под именем атамана Ивана Васильева жил опальный князь И. В. Друцкой.

Расселялись они на территории Дикого поля — так называлось с XV века пустынное место, образовавшееся после разорения монголо-татарами южнорусских княжеств: в лесостепной и степной частях Восточно-Европейской равнины, на берегах Дона, Днепра, Волги, в причерноморских и приазовских степях. (В границах Дикого поля сейчас располагаются Луганская, Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Кировоградская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Сумская, Харьковская и Херсонская области Украины, южная часть Молдавии и Белгородская, Воронежская и Ростовская области России.) Донские казаки, из которых был Разин, — в основном русские, бежавшие по разным причинам из Московского царства и к середине XVI века образовавшие на Дону военную общину, которая постоянно подпитывалась новыми беглецами. (Соответственно украинские

казаки — украинцы, бежавшие из Речи Посполитой — Великого княжества Литовского, в XVI веке объединившегося с Польским королевством.) Считается, что основной поток беглых на Дону был из Рязанского княжества — там казаки известны с 1444 года. Казаки были искусными мореходами и удачливыми пиратами — это относят на счет традиций, принесенных из Новгородской земли, что когда-то доходила до Белого моря. Исходя из казачьего демократического устройства (имеются в виду выборность власти и отсутствие крепостного права), некоторые исследователи считают, что русские казаки — это бывшие жители вольных новгородских и вятских земель, бежавшие на Дон и Волгу, когда Москва расправилась с их республиками; историк XIX века В. Д. Сухоруков был убежден, что казаки полностью унаследовали политический строй Господина Великого Новгорода.

Приходили и нерусские люди, и их тоже принимали в казаки, кроме того, казаки во время военных набегов похищали для выкупа татар, турок, персов, а на татарках, турчанках, персиянках зачастую женились. Подьячий (чиновник) Посольского приказа (приблизительный аналог МИДа) Григорий Карпович Котошихин^[5] писал о донских казаках: «...А люди они, породю москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне. И дана им на Дону воля своя и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают и судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу...»

Другая теория стала распространяться в XX–XXI веках: казаки — это отдельная народность, или «субэтнос», или что-то в подобном роде. От каких народов они произошли — тут опять десятки версий: например, то была смесь древних (то есть существовавших до монголо-татарского нашествия) славян с тюрками или же скифами. По мнению Л. Н. Гумилева, казачество возникло после нашествия путем слияния «касогов» (древнего черкесского народа, якобы ранее жившего на Кубани) и «бродников» — в свою очередь, гибрида славян и хазаров, живших в низовьях Дона с XII века. Правда, существование как бродников, так и касогов — вопрос по сей день спорный. Некоторые историки относят происхождение казаков к доордынским временам, полагая, что они жили в Диком поле с конца VII века. Сперва казаки служили Золотой Орде (пользуясь некоторой автономией) и воевали против русских княжеств, а после раскола Орды (XIII век) сохранили независимость. Другие идут еще дальше и ищут казачьи корни в Античности, когда смешивались опять-таки скифы, тюрки, славяне и еще бог знает кто.

Есть версии о несмешанном происхождении казаков. Немецкий историк Г. Штекль считает, что до конца XV века в Диком поле жили только татары, соответственно первые казаки — татары, по какой-то причине обрусевшие. Историки А. Л. Станиславский и Р. Г. Скрынников с этим согласны. Упоминания о казаках-татарах встречаются в документах начиная с XV века — «Московский летописный свод» 1492 года: «Того же лета июня в 10-й день приходили татаровя ординские казаки». По иным версиям, казаки, во всяком случае донские, произошли от когда-то населявших Придонье казахов. А. И. Ригельман, историк XVIII века, писал, что современные ему донские казаки сами убеждены, что ведут свой род от черкесов. Такого мнения придерживаются исследователи Г. Байер и В. Татищев. А в окружении Гитлера казаки считались прямыми потомками готов — потому-то довольно много казаков и воевало на стороне Германии. Но почему же эти казаки говорили не по-турецки, не по-татарски, не по-черкесски, а по-русски или по-украински?! Сторонники гипотез о казаках как особом народе отвечают, что обрусение казаков происходило постепенно: сперва еще до Орды при князе Святославе, потом при Орде (с чего бы?), далее после Орды — при массовом наплыве русских на Дон и Волгу; и, наконец, при Иване Грозном, когда русские бежали от опричнины. И все же это очень странно: ведь обычно пришлые перенимают язык и обычаи местных (если они их не уничтожают), а не наоборот.

Поскольку Запорожская Сечь оформилась раньше, чем какое-либо из русских казачьих войск, а в говоре русских казаков встречались выражения, характерные для русско-украинского «суржика», разумеется, есть версии о происхождении русских казаков от запорожских. Николай Иванович Костомаров, самый популярный разиновед XIX века, в монографии «Бунт Стеньки Разина» (СПб., 1903) пишет: «Русский мир был уже разделен на два государства — Москву и Литву; в обеих половинах явилось козачество. Тогда как в Южной Руси заложилось славное Запорожье и разлило из себя дух козачества по всей Украине, одинаковые события произвели наплыв народа с севера на Дон. Украина подала помощь этому обществу и населяла берега Дона своими детьми. Как ни темна первая история донского козачества, но что малороссийская народность участвовала в его закладке и воспитании — это лучше всяких исторических памятников доказывает нынешний язык донских Козаков: среднее наречие между малороссийским и великорусским языками». И все же это перебор — судя по документам, донские казаки изъяснялись вовсе не на каком-то среднем, а на русском языке. (И потом, если донские казаки произошли от запорожских, то от кого же произошли запорожские?)

Серьезные современные исследователи однозначно «народом» или «народностью» казаков не называют, выражаясь обтекаемо. По мнению современного исследователя современного казачества (это не тавтология — есть современные исследователи старинного казачества, а есть — современного, сам факт существования которого является весьма спорным) Т. В. Таболиной^[6], казаки «парадоксально сочетают в себе и этнические, и социальные характеристики». А. В. Сопов^[7] пишет, что казачество — это «уникальная социальная общность, имеющая сложный конфессиональный и этнический состав, основу которой составляет особый субэтнос русского народа» и у него сформировался «новый этнический характер, со своими традициями, предпочтениями, говором и норовом». Но так можно сказать, что «готы» и «эльфы» — «особые субэтносы», потому что у них есть свой характер, традиции, предпочтения, «говор и норов». Или что тexasцы — «особый субэтнос американского народа», ведь они так сильно отличаются от ньюйоркцев и по традициям, и по говору, и по «норову»... (Казачество нередко сравнивают с обитателями американского Дикого Запада — те и другие жили «на фронтире», то есть на границе цивилизаций.)

Самую прелестную гипотезу предлагает поэтический, страстно влюбленный в казаков историк-самоучка Евграф Савельев: казачество, «представляя передовой оплот великого славяно-русского племени, было известно, под тем или другим именем, в глубокой древности, за много веков до Рождества Христова, что оно в XII в. до Р. Х. с берегов Дона, Днепра и Днестра ходило на защиту Трои, потом часть его проникла в Италию под именем гетов-русов, а впоследствии основало Рим». Почему эти замечательные люди, основавшие Рим, не говорят по-итальянски (или итальянцы, раз их русские основали, не говорят по-русски), Савельев не объясняет. Он категорически отказывается считать казаков беглыми людьми, и вот его главный аргумент: «Были ли когда в истории примеры, чтобы бежавшие в одиночку холопы и преступники за тысячи верст от своей родины, среди чуждого и враждебного им народа могли основать особое государство, составить сильную демократическую, свободолюбивую и религиозно-идейную общину, целый народ, с его своеобразным правлением, особенным говором, другими нравами и обычаями?!»

На самом деле таких примеров полным-полно — в обеих Америках. Американцы от англичан, аргентинцы от испанцев, бразильцы от португальцев отличаются не только характерами и диалектами. У всех людей есть «ген приключений» DRD4, но носители так называемого

«короткого» варианта этого гена обычно тихие домоседы, «длинного» — авантюристы, стремящиеся к новизне; исследования показали, что обладателей «длинного» DRD4 у северных и южных американцев по сравнению с их европейскими предками гораздо больше, что неудивительно: осваивать новые земли ехали наиболее активные и/или авантюрные люди. Так что у американцев по сравнению с европейцами генотип чуть-чуть смещен. Так же, возможно, было и с казаками: шли на Дон (в Запорожье) самые активные русские (украинцы) и в итоге они (да еще и перемешиваясь с пленными турками и татарами) тоже стали чуточку отличаться на генном уровне от своих русских (украинских) предков... Увы, провести серьезное генетическое исследование уже невозможно: казачество — то, настоящее, — было уничтожено в 1930-х годах.

По крайней мере, никто не спорит с тем, что в XV веке казачьи общины уже существовали. К сожалению, письменных источников о казачестве вплоть до XVIII века мало; бесценный архив Войска Донского сгорел в городе Черкасске в 1740-х годах. Согласно Соловьеву, первое упоминание о казаках относится к 1444 году — в летописи «Повесть о Мустафе царевиче»: «казаки рязанские» пришли на помощь рязанцам против татарского царевича. В 1549 году ногайский (татарский) князь Юсуф писал Ивану Грозному, что «холопы твои, некто Сары-Азман словоет, на Дону в трех и в четырех местах города поделали... да наших послов... и людей стерегут, да разбивают...». Считается, что это первое упоминание о казачьих поселениях на Дону, — правда, имя Сары-Азман для русского казака не очень-то характерное.

В глазах князя Юсуфа казаки были московскими холопами, но формально ни казаки, ни Москва этого не признавали: русские цари просто нанимали казаков в качестве вооруженной силы. 3 января 1570 года (считается, что с этой даты началось существование Войска Донского) Иван Грозный отправил на Дон с боярином Новосильцевым грамоту к казачьим атаманам Мамину и Яковлеву, в которой высказывались просьба послужить и обещание вознаграждения. Служба заключалась в охране границ и нападении на чужие приграничные поселения. Иностранцы на казаков жаловались, Москва делала вид, что ее это не касается. Царь Михаил Федорович в 1640 году писал турецкому султану: «Донские казаки указа нашего не слушают и, сложась с запорожскими черкасами, на наши украины войной ходят. Мы пошлем на них рать свою и велим их с Дону сбуть» — и одновременно донцам: «...а мы, великий государь, за тое вашу к нам службу и впредь учнем вас жаловать нашим царским жалованьем и свыше прежнего». В летописной «Повести о взятии Азова»

(1637) Донское войско причисляет себя к «Московской области», однако сношения с ним Москва вела через Посольский приказ (МИД). Впрочем, уже в XVI веке многие казаки переходили на государственную службу и попадали в ведение Стрелецкого приказа.

Вольные донские казаки, в отличие от служилых, не приносили присяги и не платили налогов. Они в разинское время — хотя и называли себя в письмах царю «холопы твои», не были ни в каком смысле подданными русского царя — это надо запомнить и учитывать при оценке их дальнейших действий. (Далее, употребляя слово «русские», мы будем иметь в виду царских подданных.) Поэтому они вели себя весьма свободно: так, в период Ливонской войны (вторая половина XVI века) нанятые Москвой донцы попросту ушли из состава русской армии под крепостью Соколы, в 1633 году сбежали из расположения московских частей во время осады Смоленска, занятого поляками. Понятно, что царям это не нравилось. Но едва только казаков пытались хоть как-то обуздать, они вообще отказывались сотрудничать: не имея приграничных войск, Москве дешевле было их задабривать и кормить. В 1592 году Запорожское Войско конфликтовало с Речью Посполитой — его за денежное и хлебное жалованье перекупило Московское царство^[8], чтобы защитить свои южные границы от Крыма, извечного врага Москвы. (Крымские ханы были вассалами турецких султанов, а также полагали себя наследниками Орды и постоянно совершали набеги на русские территории, беря пленных для выкупа.) Помимо денег и продовольствия в жалованье входило много полезных вещей. Данные по Войску Донскому за 1638–1644 годы: деньги — 34 тысячи 500 рублей, хлебные запасы — 15 тысяч 300 четей (1775 тонн), сукно — 5000 метров, вино — 750 ведер (9000 литров), порох — 1460 пудов (23,4 тонны), свинец — 1400 пудов (23,4 тонны). Для сравнения: лошадь стоила примерно десять рублей, ружье — один рубль.

Кроме того, казакам разрешалось торговать в городах награбленным добром. Но денег не хватало, а если и хватало, то хотелось еще. В 1634 году донские казаки в очередной раз обещали не нападать на государства, с которыми у царя был мир, но слова не сдержали. Впрочем, среди самих казаков изначально возникли две партии: одна желала регулярного снабжения и, соответственно, верности Москве, другая — свободно пиратствовать и воевать с кем заблагорассудится. Костомаров: «Число воровских (преступных. — М. Ч.) было значительнее, потому что малейшее неудовольствие обращало в их ряды и тех, которые при других обстоятельствах были верными».

Как у казаков было все устроено? Общее собрание Войска — круг —

избирало войскового атамана, его помощника — есаула (или нескольких) и подьячего; на какой срок — видимо, бывало по-разному. В этом кругу решались только вопросы, касающиеся всего Войска: выборы, прием в казаки (лица, вступающие в казачество, становились его равноправными членами, а имевшие какие-либо титулы их отбрасывали; но принимали в казаки не всех), раздел добычи (дуван), прием послов, серьезные преступления (высшая мера наказания — утопление). Участники круга стояли, в середину выходил атаман под бунчуками — древками с привязанными конскими хвостами (переняли у Орды) — и с тросточкой (иногда серебряной) — насекой. Савельев: «В это время есаул «зычно», подняв свою трость, обыкновенно кричал: «Па-ай-помолчи, атаманы молодцы, атаман (или «наш войсковой») трухменку (головной убор. — М. Ч.) гнет!» Все стихало. Атаман делал доклад Кругу».

В каждом городке были свои выборы, атаманы и есаулы: на кругах рассматривались местные дела и решались тяжбы. При отправлении в поход избирался походный атаман. Религии казаки придерживались православной, но поскольку среди них самих и других живших в их городках людей было полно иностранцев и иноверцев (царь Алексей Михайлович сообщал турецкому султану в 1649 году^[9], что казаки «живут на Дону по своей воле кочевным обычаем; с ними же вместе живут различных стран люди: литовцы, немцы, горские и запорожские черкасы, крымцы, нагайцы и азовцы»), то уклад был космополитичный и веротерпимый.

Была ли эта форма правления прогрессивна? Костомаров: «Козачество тогда возникало, когда удельная стихия падала под торжеством единой державы; оно было противодействием старого новому... в козачестве воскресали старые полуугасшие стихии вечевой вольницы: в нем старорусский мир оканчивал свою борьбу с единой державой... оно было не новым началом жизни, а запоздалым, отцветшим; оно было страшным настолько, чтоб задержать русский народ, сбить его на время на старую дорогу, но бессильно и бессмысленно... В нем не было созидательных начал, не было и духовных сил для отыскания удачных способов действия». «Правый» историк А. Н. Попов, составивший первый свод документов о восстании разинцев, тоже считал казачество консервативной силой; забавно, что так же думал и «левый» Плеханов.

Всегда ли старое — регресс, а новое — прогресс? Господин Великий Новгород по сравнению с Московским царством — прогресс или регресс? Нередко новое оказывается куда более отсталым, чем старое: средневековая Европа, например, по отношению к Античности во многом была регрессом,

да и в XXI веке мы можем наблюдать подобное — бывает, что гораздо ближе, чем хотелось бы. Потенциально Новгородская республика была прогрессивнее, чем авторитаризм московских князей; у республиканцев и средний уровень жизни был выше. Беда, что в доиндустриальных обществах все решает количество военной силы: Новгород был уничтожен, как и Псков, и Вятка, и множество высокоразвитых вольных городов Европы. Мы не знаем, насколько казачьи выборы были свободными и конкурентными, как часто пускали в ход атаманы «административный ресурс», — наверное, бывало по-всякому. При жизни Разина, к примеру, Донским войском чуть не 30 лет правили два человека, время от времени производя между собой «рокировочку», и ни о каких иных кандидатурах никто не заикался. Может быть, в отдельных станицах ситуация бывала другой. И все же потенциально выборная власть выше абсолютизма.

О быте донских казаков до XVIII века мало что известно. Документальный памятник 1593 года «Роспись от Воронежа Доном-рекою от Азова, до Черного моря, сколько верст и казачьих городков и сколько по Дону всех казаков, как живут в городках» приводит данные о тридцати одном городке по Дону и его притокам — Медведице, Хопру, Донцу, а также Жеребцу; к концу XVII века их было 125. Сколько казаков было на Дону в XVI–XVII веках, тоже неизвестно — они принципиально отказывались от переписи населения, хотя каждый атаман, естественно, знал, сколько у него людей. Котошихин пишет, что во времена царя Алексея Михайловича донцов было около двадцати тысяч. (Их количество резко возросло после того, как они стали жениться, — сначала этого не полагалось.)

Городки бывали для круглогодичного житья и для зимовок — «зимовейские». Места для городков выбирали вблизи охотничьих угодий, причем такие, чтобы была естественная защита, — обычно на островах или крутых берегах. Городок обносился деревянно-земляной стеной или земляным валом с пушками. Дома — курени — сперва делали из камыша, потом стали строить деревянные, а дальше пошли уже и каменные фундаменты. Улиц в нашем понимании не было. Посреди городка находились церковь (или часовня) и площадь — майдан, где собирался круг, а в остальное время велась торговля и происходили различные «тусовки». Земледелием казаки не занимались — таково было правило; в древних русских республиках, кстати, тоже. Считалось, что таким образом не будет возникать имущественное неравенство; на самом деле казаки, скорее, не хотели себя связывать. (В XVIII веке все резко изменится и казаки весьма преуспеют в сельском хозяйстве.) Это обстоятельство

нередко ставило их в затруднительное положение: если почему-либо была невозможна торговля с соседними областями или Москва не присылала жалованье.

Скотоводство, естественно, было (коневодство в основном), за городом имелись места для выпаса, но, судя по тому, как часто у казаков гибли все лошади, они и тут были невеликие мастера. Многие казаки не имели собственных лошадей. Но в разинские времена уже потихоньку начинали разводить рогатый скот. Рыбы в Дону было видимо-невидимо. «Тихий Дон»: «Над песчаным твердым дном стадами пасутся чернопузы; ворочается в зеленых прибрежных теремах тины сазан; белесь и сула гоняют за белой рыбой, сом роется в ракушках...» В долинах Дона и Донца водилось зверье, росли яблони, груши, черешни, орехи. Огороды и сады у казаков были: кто сажал только лук да капусту, а кто и виноградники заводил; женщины, куда более свободные, чем москвитянки, разводили цветы. Голландец Ян Янсен Стрейс, парусный мастер, работавший в России в разинское время, писал о еде русских: «Пища их весьма простая: крупа, горох, кислая капуста, соленая рыба и ко всему прочему грубый ржаной хлеб. Приправой ко всякому блюду служит лук и чеснок, чем от них воняет за версту, что с непривычки совершенно невыносимо, но они варят из этого вкусный и превосходный суп. Они едят много рыбы и большей частью соленой, от нее на рынках стоит такой странный запах. Осетрину подают к столу у зажиточных людей почти каждый день. Знатные господа и дворяне едят помногу жареного мяса и еще больше супов и похлебок, хотя бы то был только рыбный отвар с хлебом, который годен лишь на то, чтобы его вылить наземь, а они едят его с толченым чесноком»^[10]. Лук и чеснок — главные овощи того, докартофельного, времени. Пекли пироги с рыбой, мясом, капустой, кашей, грибами, яйцами. Держали ли тогдашние казаки кур, уток и гусей, неизвестно, но скорее всего да: яйца нужно было есть свежими. Выращивали в огородах гречку, горох, арбузы, дыни. Собаки и кошки — непременно.

Главным занятием казаков была война: на службе у царя или по собственному желанию. Брали скот, пленных (ясырь), которых продавали за выкуп или меняли (это никак не может свидетельствовать о регрессе, ибо, увы, практикуется и поныне), продукты, оружие, ткани, ковры, дорогую утварь, драгоценности, картины, одежду: хорошо и чисто одеваться и украшать дома любили. Повседневная мужская одежда предположительно состояла из теплого суконного зипуна на кавказский манер, широких шаровар, как у запорожцев, барашковой шапки и мягких сапожек; по праздникам одевались (кто не пропивал добычу) в шелка и

меха; у женщин были роскошные шали, кожаная обувь. Судя по немногочисленным сохранившимся лубочным картинкам, многие носили серьги и брили головы, как запорожцы. Разин, насколько известно, головы не брил и серег не носил.

Покупали железо, медь, ткани, посуду, деготь, серу, воск, лен, инструменты, иголки, ножи; из других стран привозили все самое новомодное — часы, зеркала, чай, кофе, безделушки. Хорошо плавали (тогда русские поголовно не умели плавать и боялись воды) и воевать предпочитали на воде, спокойно ходили на дальние расстояния в стругах — этот термин часто употребляется для обозначения любого судна тех времен, но вообще-то это широкое (4—10 метров) и длинное (20—45 метров) плоскодонное парусно-гребное судно, легко избегавшее подводных камней, оборудованное съемной мачтой с прямым парусом, вмещавшее от 30 до 100 человек, с обшитыми камышом высокими бортами. Струги легкие — их часто перетаскивали волоком. Если воевать приходилось на суше, то старались нападать ночью, врасплох; если днем — ложились в каре и отстреливались, прикрывшись лошадьми; это тоже было для русских необычно и ново. Вообще перенимали все самое передовое. Дома у богатых казаков крылись черепицей, позднее стали строиться и в два этажа, с верандами, фундаменты и крыльца были высокие.

Роман А. П. Чапыгина^[11] «Разин Степан» (М., 1927; мы будем цитировать и анализировать беллетристику тоже — именно она сформировала в наших головах мифы о Разине): «Внутри хата убрана под светлицу: ковры на стенах, на полу тканые половики, большая печь с палаткой и трубой; хата не курная, как у многих, хотя в ней пахнет дымом, а глубокий жараток набит пылающими углями. Окна затянуты тонко скобленным бычьим пузырем, свет в избе тусклый, но рамы окна можно сдвинуть на сторону — открыть на воздух». При доме могли быть летние кухни, ледники, погреба, конюшни. Степан Павлович Злобин^[12], «Степан Разин» (М., 1951): «...широкий двор с вышитым полотенцем возле колодца, любимые матерью алые цветы, разместившиеся под окнами, полутемные прохладные сенцы с двумя бочонками: в одном — пиво, в другом — холодный искристый квас. Приземистый курень с дубовыми полками по стенам, на которых вперемежку наставлена глиняная, серебряная и оловянная посуда, возле окна материнская прялка...» Историк В. Д. Сухоруков писал, что в XVII веке серебряная посуда была только у царского двора, отдельных богатых бояр и у казаков, а историк А. И. Соболевский оценивает грамотность казаков на уровне развитых

европейских стран, в то время как крестьяне и даже посадские в Московском государстве были поголовно безграмотны. Военные занятия требовали умений: делать взрывчатку, закладывать ее, ориентироваться по компасу; современный историк казачества Владимир Николаевич Королев отмечал, что у казаков были подзорные трубы и карты; путешественник XVII века Ги де Боплан утверждал, что почти у каждого казака в походе есть часы. Личные часы в то время — это покруче последней модели айфона в наши дни.

В первой половине XVII века казаки занялись писательством: существуют «Казацкие повести» того периода. В 1623 году донской казак составил жизнеописание Ермака, а в 1642-м родилась известная «Повесть об Азовском осадном сидении». Даже театр в Войске Донском, как считается, зародился раньше, чем в России. Досуг молодежи — песни, пляски, игра в бабки, гадания; для людей солидных — нарды, кости, шахматы, шашки и (увы) коллективные попойки. Вообще чем развлекались в то время люди без телевизора, видно из запрета царя Алексея Михайловича 1659 года: «В воскресные, господские праздники и великих святых приходить в церковь и стоять смирно, скоморохов и ворожей в дома к себе не призывать, в первый день луны не смотреть, в гром на реках и озерах не купаться, с серебра не умываться, олову и воску не лить, зерню, картами, шахматами и лодыгами не играть, медведей не водить и с сучками не плясать, на браках песен бесовских не петь, кулачных боев не делать, на качелях не качаться, на досках не скакать, личин на себя не надевать, кобылок бесовских не наряжать. Если не послушаются, бить батогами; домры, сурны, гудки, гусли и хари искать и жечь». Указ означал смерть скоморошьего искусства. Но на казаков это не распространялось.

Столицей Войска Донского сперва были Верхние Раздоры, потом — Черкасск (ныне станица Старочеркасская), стоящий прямо на Дону и основанный предположительно запорожцами (их еще называли черкасами) в XVI веке. От других городков он отличался размерами и богатством своей церкви и майдана. Е. П. Савельев: «Черкасск носил оттенок интернациональности. Запорожцы, украинцы и казачество всех рек стекались сюда попить и сговориться о предстоящих морских поисках на турок и крымцев...» М. А. Шолохов, «Тихий Дон»: «А на квадрате площади дыбились задранные оглобли повозок, визжали лошади, сновал разный народ; около пожарного сарая болгары-огородники торговали овощной снедью, разложенной на длинных ряднах, позади них кучились оравами ребятишки...» Примерно так всё было и за два века до Шолохова — только тогда еще и людьми на базаре торговали. А. П. Чапыгин: «А на

майдану и посторонь сего — лари с разны товары, торгуют парчой и ясырем, иманным в Терках и у калмыки, а торг, государь, ведут кизылбашцы да армяня. Многи шинки, а стоят в шинках жидовя с греком».

На майдане торговали русские из Воронежа, Ельца, Коротояка, армяне, греки, турки, персы, татары, калмыки, черкесы; у местных они покупали соленую рыбу и дорогое иностранное добро. Тут же — бытовые услуги: сапожники, оружейники, гончары, портные, парикмахеры. А. П. Чапыгин: «В одном месте московские гости увидали будку, закрытую дубовыми бревнами с трех сторон, открытую с четвертой, закиданную камышовой крышей с дерном. В ней на ярком солнопеке на обрубке дерева сидел, весь коричневый и рваный, в лохмотьях красных штанов, в лаптях и синей выцветшей куртке-зипуне, запорожец. Уличный цирюльник ржавым кинжалом скоблил ядреную голову казака...» Были и знахари, и коновалы. Мастера, постоянно жившие в Черкасске и других городках, были свободными людьми, но не казаками. М. Н. Харузин: «Иногородних казаки не любят, обзывают «русью»... хотя, по словам самих же станичников, не могут без них обойтись, потому что русский и плетень огородить, русский и коваль, он же и землекоп, и портной, и плотник, овчинник, и пустовал, и чернорабочий, и торговец». Казаки нанимали работников косить траву, пасти скот, стричь шерсть, дубить кожу, чинить струги, ловить рыбу. Кроме пришлых казаками не считались совсем молодые парни, которых называли «товарищами» или «чурами»: они не имели права голосовать (женщины, естественно, тоже).

Среди мастеров были люди, просто искавшие хорошего места для «бизнеса», но в неквалифицированные работники, как правило, шли полунищие посадские и беглые крестьяне: их поток увеличивался с каждым новым витком закрепощения. Крепостное право — система правоотношений, вытекавших из зависимости земледельца от землевладельца, — частично существовало уже в Киевской Руси, но тогда далеко не все жители помещичьих земель были «холопами», а только те, кто сам продался (за долги, например), пленные и еще некоторые категории людей; решительное наступление государства на свободу крестьян началось, как принято считать, с Судебника Ивана III 1497 года, запретившего миграцию крестьян за исключением двух недель в ноябре (Юрьев день); в 1592 году царь Федор Иванович отменил Юрьев день, в 1597-м был установлен пятилетний срок для возвращения беглых крестьян землевладельцу; в 1607-м побег приравнивали к уголовному преступлению.

Завершило все это Соборное уложение 1649 года: розыск беглых стал бессрочным, и, что самое важное, все жившие в поместье дворянина, в том

числе и свободные, крестьяне объявлялись «крепкими», то есть прикрепленными к тому поместью, где их застала перепись 1620-х годов; при побеге их возвращали вместе с семьей. Крепостной пока еще не считался личной собственностью помещика, и теоретически закон защищал некоторые его права: землевладелец не мог отнять у него землю и сделать дворовым слугой, он имел право жаловаться в суд на несправедливые поборы (на практике почти никогда не мог: был неграмотен, а если ему и удавалось нанять стряпчего, дворянину на суде было достаточно просто сказать, что жалобщик лжет; изредка удовлетворялись лишь коллективные иски, и то если на стороне истцов выступал кто-то авторитетный). За убийство и членовредительство крепостных помещик уголовной ответственности не нес. Суд мог подвергнуть крепостного пытке по слову землевладельца. Дворянин, провинившись перед законом, мог послать за себя для наказания своих крестьян; если уклонялся от военной службы — его крестьян сажали в тюрьму. Крестьяне платили уйму налогов: царскую дань, полоняночные (на выкуп пленных), пищальные, ямские, стрелецкие и т. д.; они были обязаны возить дрова на строительство, мостить дороги, нанимать за свой счет сторожей, покупать для учреждений канцелярские принадлежности, отдавать на военную службу «даточных людей».

При таком обилии поборов жили, как правило, в одной комнате со скотиной, ели лук с чесноком и топили по-черному. Даже у небогатых казаков такого не бывало. (Все это безобразие существовало лишь в пределах центра Московии; на Кавказе, на Севере, в Сибири никогда крепостного права не было.) Кроме крепостных крестьян были (в небольшом количестве) свободные черносозные: они платили поборы только государству, но в таком же количестве, как и крепостные; это относилось и к посадским.

С Дону выдачи нет (тогда — не было); крестьяне бежали на Дон. Из книг может сложиться впечатление, что бежали они сотнями тысяч, но поскольку все население Дона составляло два-три десятка тысяч, надо полагать, что беглые скорее исчислялись десятками сотен, это были самые отчаянные и предприимчивые, и они частично пополняли казачий генофонд: если они хотели «записаться в казаки», их могли принять (с испытательным сроком), но могли и отказать, тогда они становились свободными работниками. (Почему не принимать всех в казаки? Потому что военная добыча делилась на всех: слишком много казаков — невыгодно.) Иногда, если казаки сильно нуждались в работниках, они сами вербовали крестьян. Из тех же, кто пришел своей волей, было много

преступников. На Дону это ничего не значило. Г. К. Котошихин: «...и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни в розбойных и в татинных и в иных делах, и, покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон; и, быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а случитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свободяютца».

Донские казаки делились на верховых (северян) и низовых (южан): разделение это произошло по объективным, природным причинам. М. Шолохов, «Тихий Дон»: «В апреле 1918 года завершился великий раздел: казаки-фронтовики северных округов — Хоперского, Усть-Медведицкого и частично Верхне-Донского — пошли с отступавшими частями красноармейцев; казаки низовских округов гнали их и теснили к границам области... Но начало раздела намечалось еще сотни лет назад, когда менее зажиточные казаки северных округов, не имевшие ни тучных земель Приазовья, ни виноградников, ни богатых охотничьих и рыбных промыслов, временами откалывались от Черкаска...» М. Харузин: «Верховец придерживается старины, он консервативен; низовец наоборот склонен к нововведениям: он любит, чтоб все было по-новому, он тщеславен, любит краснобайство, чины и почести... В то же время низовец, по общему отзыву, более дорожит своими казацкими привилегиями. Слышанную мною в низовых станицах поговорку: «жизнь хоть собачья, да слава казачья» в верховых станицах казаки употребляли так: «хоть слава казачья, да жизнь-то собачья».

И у верховых, и у низовых, конечно, было расслоение по имущественному положению: оно есть везде, где существует частная собственность. Дуванили (делили) привезенную из походов «рухледь» (имущество) поровну, но одни пропивали добро, другие наживали. (Разбогатевшие казаки могли сами не ходить в походы, а снаряжать бедных — за проценты.) И в досоветское, и в советское время принято было писать, что богатых («домовитых») казаков Разин ненавидел, а бедных («голутвенных») любил. Это ничем не доказано. Кроме того, вокруг понятия «голутва» много путаницы: бедные казаки, конечно, существовали, но в основном «голутвой» были не казаки, а пришлые люди, которым не повезло оказаться на Дону в голодные годы; они кормились поденщиной, а то и подаянием. Костомаров, утверждая, что «они были готовы на разбой или на бунт, если сыщется голова, что сумеет созвать и привязать их к себе», видимо, все-таки имел в виду малоимущих казаков, а не нищих.

Чаще всего самые предприимчивые казаки выделялись и интеллектом,

и боевыми, и лидерскими качествами: формировалась казачья аристократия, так называемая «старшина»; неясно, употреблялся ли этот термин во времена Разина, но явление уже давно существовало. (От обычного аристократизма этот отличался тем, что не передавался по наследству.) Несколько раз в год Войско посылало в Москву делегацию (станцию): туда выбирали казаков из «старшины». Е. П. Савельев: «На этих выдвинувшихся из общей массы казачества лиц обратили внимание хитрые и в этом деле дальновидные московские политики и всеми мерами, ласками и подкупками старались привлечь их на свою сторону. В этом они имели успех... тайно от других, шли уже подкупы видных и влиятельных атаманов и казаков, давались секретные поручения — кого и чем задарить на Дону, с целью привлечь их на свою сторону, т. е. быть в нужных случаях сторонниками Москвы».

В зрелые годы Разина это было очень актуально: во-первых, после заключения Московией мира с Крымом ходить воевать стало некуда и обедневшие казаки, совершая самовольные набеги, злили правительство; во-вторых, Москва начала требовать выдачи беглых. Войсковой атаман Корнила Яковлевич Яковлев, избираемый с перерывами с 1661 по 1680 год, был сторонником промосковской (сперва весьма умеренной) партии. (Сменял его периодически Михаил Самаренин — об этой «рокировочке» мы говорили.) Увы, личности Самаренина и Яковлева совершенно не изучены: кроме того, что оба держались промосковских взглядов (и опять же — искренне держались или по расчету?), ничего об этих, наверняка незаурядных, казаках неизвестно. В трактовке Злобина Яковлев — злодей, но Самаренин и вообще зверь: «Корнила считал, что если стрельцов до сих пор не прислали на Дон, то лишь потому, что был в Москве человек, который все понимал и удерживал царскую руку, — Алмаз Иванов. И войсковой атаман всею душой, больше, чем Разина, ненавидел Михайлу Самаренина, из властолюбия и корысти затеявшего такое изменное дело, как призыв на казацкие земли царского войска и воевод... Чем я вам не потрафил? Что казаки меня больше любят да войсковым всякий раз на кругу выбирают? А что же тебя-то, Мишка, не любят? Знать, Дону не заслужил!..»

На самом деле, следя за тем, как Яковлев и Самаренин сменяли друг друга, можно заметить, что первый обычно в затруднительных ситуациях объявлял: «Я устал, я ухожу» — и отдавал власть Самаренину. То ли Самаренин был лучшим «антикризисным» атаманом, то ли, напротив, мальчиком для битья. Короче говоря, в ту пору в Донском войске дела с демократией обстояли не бог весть как хорошо и у власти находилась все

время одна, промосковская, партия. Степан Разин стал лидером антимосковской.

Читая о выдающемся человеке, интересно начинать с какого-нибудь вздора (Эйнштейн украл теорию относительности у жены, Конан Дойл убил автора «Собаки Баскервилей») — это помогает разозлиться или развеселиться и тем вдохновляет. Но иногда в гуще бреда попадает жемчужина. Ознакомьтесь, пожалуйста, с фрагментом интервью (опубликованного интернет-проектом «Русь великая») с «известным специалистом в области исследования древних цивилизаций» А. Тюняевым:

«Стенька — это не форма имени Степан. Да, есть небольшие сходства, но это только на первый взгляд. Имя СТЕНЬКА происходит от русского глагола СТЕНАТЬ, понятного во всех языках Европы. В древнерусском — стенати, в болгарском — стена, в литовском — *steneti*, в древнепрусском — *stint*, *stnons* — «выстраданный, перенесенный», в англосаксонском — *stenan* — «стенать», в греческом — «вздыхает, стонет», в древнеисландском — *stynja*, в древнеиндийском — *stanati* — «гремит, грохочет». Это имя является древним эпитетом Громовержца Перуна. А имя Степан происходит от древнегреческого слова «стефанос», что означает «веночек, венец, корона, кольцо». То есть имя обозначает круговую структуру, которая символизирует ВРЕМЯ.

— Вы хотите сказать, что имя Стенька и имя Степан принадлежат не живому человеку, а мифу под названием «Стенька Разин»?

— Степан Тимофеевич буквально означает Ступень Времени, или Период Времени — когда князь Рязань прошелся восстанием по Руси, то есть поиграл силой. Миф о Стеньке Разине и о его противостоянии с московским патриархом Никоном — это все тот же астрономический миф, видоизмененный под конкретный момент. И этот миф полностью соответствует расположению созвездий и городов. Это расположение для варианта Оси Мира, совпадающей с Пулковским меридианом...»

Миф «Стенька Разин» — это точно! О большей части жизни Разина, кроме мифов, никакой информации нет. Освещены документально лишь три последних года его жизни, да и то с ужасными пробелами: соответствующие источники погибли среди документов приказа Казанского дворца (органа, управляющего территориями юго-востока России) в пожаре 1701 или 1702 года. Нет и документов Приказных изб (администраций) различных городов — тоже сгорели. Из агитационных посланий Разина («прелесных писем» — как тогда писали), рассылаемых сотнями, уцелело лишь шесть. Навечно утеряны протоколы его допросов.

Полностью отсутствует его обширная переписка. Он не оставил дневников — как занимательны они могли бы быть! (Нет ни строчки, им написанной, однако почти все исследователи убеждены, что он был грамотным.) В настоящее время главный и практически единственный источник документов — многотомная, кропотливо составленная «Крестьянская война»^[13]: все историки и литераторы равно пользуются ею (в XIX веке пользовались «Материалами» А. Н. Попова^[14]); зачастую историки пишут как беллетристы, а беллетристы — как историки, и все вынуждены придумывать, повторять и заново осмысливать мифы, и все мифы равноправны: мы сами вольны решать, какие покажутся нам наиболее убедительными.

О рождении, родственниках, детстве и юности Степана Разина мы не знаем почти ничего. Более того, существует миф, что и звали-то его не Разиным и не Степаном. Собиратель фольклора Дмитрий Николаевич Садовников (тот самый, что сочинил «Из-за острова на стрежень») приводит предание XIX века^[15]: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем; не далеко было дело от Чечни, близ речки Дону, в тридцати пяти верстах от Азовского моря, жил в одном селе крестьянин, по прозванию Фомин, а по имени Василий Михайлов. Не старше он был тридцати восьми годов, народился у него сын, назвали его Михаил. Воспитал он его до шести лет. В одно время в прекрасное да поехал на работу, взял и сына с собой. Напала на них небольшая шайка разбойников, мать с отцом убили, а Михайлу с собой взяли. Привозят они его в свой дом, отдают атаману. Атаман у них был старик, девяноста пяти лет. Принял он этого Михайлу на место своего дитя, стал его воспитывать и научать своему ремеслу, в три страны велел ему ходить, а в четвертую не велел. Прошло три месяца, атаман Роман вздумал Михайле имя переменить, собрал шайку, чтобы окрестить его, и назвали его Степаном».

Хронологически первый документ, в котором Степан Разин упоминается, — отписка (донесение) донского атамана Наума Васильева в Посольский приказ от 5 ноября 1652 года — здесь и далее числа и месяцы приводим по старому стилю, а годы по новому (Крестьянская война. Т. 1. Док. 1): «В нынешнем, государь, во 161-м году ноября в 5 день бил челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичи) всеа Руси^[16], и в кругу нам, холопом твоим, донского нашего казака сын Стенька Тимофеев сын Разин, а сказал. — В прошлом де, государь, в 158-м году обещался де отец ево Тимофей Разя^[17] и с ним, Стенькою, помолитися

в Соловецком монастыре преподобным отцем Изосиму и Саватее, соловецким чудотворцем. И мы, государь, тово Стеньку отпустили з Дону к тебе, государю, к Москве по обещанью ево...»

В 5-м документе из того же тома упомянуты «...донские наши низовые казаки Степан Разин да Прокофий Кондратьев» — значит, отец Разина Тимофей был «низовой», то есть более благополучный в сравнении с «верховыми». Не так давно стало известно, что был он, скорее всего, казаком в первом поколении, родом из Воронежа, где жил его куда более знаменитый младший (вероятно, сводный) брат Никифор Черток. 1671 год, 14 февраля (Крестьянская война. Т. 1. Док. 12) — «Указ о высылке в Москву семьи и продаже двора и имущества... Микитки Чертка, который ныне в ызмене на Дону»: «По допросу атамана Родиона Колуженина Микифорка де Черток Стеньке Разину дядя по отце, а родом воронежец, мать и жена его на Воронеже, а на Дону жил он з год в бурлаках». Воронежские краеведы выяснили, что до ухода на Дон в 1667 году Никифор Черток с матерью Анной (видимо, бабушкой Степана Разина) и своей семьей жил в Воронежском уезде в Новой Усмани (она же Усмань Собакина): вероятно, и Тимофей Разин пришел на Дон оттуда.

Корнила Яковлев был крестным отцом Степана — это известно из «расспросных речей» войскового дьяка Аврама Иванова в 1668 году. Из этого обычно делается вывод, что Тимофей Разин был авторитетным казаком, — но, когда Степан родился, Яковлев атаманом еще не был, так что и с социальным положением Тимофея ничего не ясно. Мифы рисуют Тимофея знатным воином, богатым человеком, при этом оппозиционером по отношению к Яковлеву. Андрей Николаевич Сахаров, «Степан Разин»^[18] (это как бы «официальная» биография, но она больше похожа на увлекательный роман): «В сундуках хранились дорогие восточные ткани с узорочьем, захваченные Разей во время лихих набегов на турецкие и кызылбашские пределы... в кувшине, зарытом в городе, лежали московские рубли, голландские ефимки, немецкие рейхсталеры». «Покориться надо великому государю, — говорил дорогой кум Корнило. Не соглашался с ним казак Разя:

— Что же ты хочешь, кум, совсем уж из чужих рук смотреть, не зорно ли это доброму и вольному казаку?»

А. П. Чапыгин: «Когда хозяин кричал и пил за белого царя, не подымал чаши старый казак Тимофей Разя и сын его Степан тоже»; Тимофей был активным лидером антимосковской партии, и негодяй Яковлев его отравил. С. П. Злобин: «Тимофей Разя иначе относился к куму: ему не нравилась боярская холя, в которой жил войскового атамана и которая, по мнению Рази,

не пристала казаку. Он недолго любил в Корниле богатскую спесь и воеводский покрик. Сам Тимофей давно уже не ходил в старшине. Сварливый нравом, он перессорился со всеми заправилами своей станицы и, сколько ни выбирали его по станичным делам, каждый раз отвечал, что есть люди умней его и корыстней, а он-де не хочет лихвы и почета, а мыслит дожить до гроба одной только правдой». Василий Макарович Шукшин, «Я пришел дать вам волю» (М., 1974): «Корней ценил Разиных за воинство, за храбрость и преданность общему делу, но вовсе не уважал, даже побаивался — за строптивость, за гордость глупую, несусветную, за самовольство. Разины не были домовитыми, но и недостатка ни в чем не знали, так как были непремными участниками всех походов, часто из походов приходили с хорошей добычей, которую не копили». Все это абсолютно бездоказательно.

О матери Степана не известно ничего. Народная песенка^[19], на примере которой видно, как мало можно доверять фольклору:

*У нас-то было на батюшке на тихим Дону,
Во славном было во городе у нас во Черкасске,
Жила-была у нас тут благочестивая вдова.
Не имела-то она, братцы, бескорыстного греха,
А нынче вдова себе сына родила.
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тут съезжались все попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою.*

1671 год, 16 апреля (Крестьянская война. Т 1. Док. 46) — фрагмент из статейного списка возвратившегося из Крыма подьячего Г. Михайлова о начале разинского восстания в 1670 году на Волге: «Ныне де Адил Гирею царю ведомо учинилось от азовского паши и от нагайских кочевных мурз, что де объявился с вашей стороны на Волге казак тума Стенька Разин...» Тумой называли детей от брака русского с турчанкой. Биографы Разина (здесь и далее относим к ним равно историков и беллетристов, ибо те и другие основывались на одних источниках), как правило, о матери Разина не распространялись. А. М. Горький в киносценарии «Степан Разин»^[20] придумал еще одну «мать»: решительную старуху в черном, политически подкованную: «Помни, Степан, — мы, казаки, Москву от Польши оборонили, мы царя дали москвичам, а Москва губит нас, проглотит она, зверь, вольный Дон!»

Правдоподобную версию дал С. П. Злобин: «Казалось, вот-вот услышит он вздох матери. Как часто слышал он эти вздохи, когда отец был в походах! Вот-вот прошепчет она молитву или тоненьким голосом начнет созывать цыплят, кидая им горстью кашу, а не то заведет старинную украинскую песню, привезенную с далекой Черниговщины, откуда когда-то Тимош Разя привез свою чернобровую Галю». Здесь есть логика, так как крестная мать Разина Матрена Говоруха (упоминание об этом: Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 70. 28 ноября 1670 года) жила в украинском городе Цареве-Борисове; значит, какие-то связи с Украиной должны были быть если не у Тимофея, так у его жены. И уж очень, как мы увидим в дальнейшем, Разина тянуло к Украине. Хотя и турчанка вполне возможна.

Пушкин, сам того не желая, сотворил в головах людей путаницу, записав 19 сентября 1833 года в Бердской станице рассказ казачки И. А. Бунтовой, современницы Пугачевского восстания, о казачке Разиной, искавшей своего сына среди проплывавших по Яику трупов погибших в битве 22 марта 1774 года у Татищевой крепости: «...каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черные кудри свежа вода моет?» — и, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп». Он внес этот эпизод в рукопись пятой главы «Истории Пугачева», где на полях записал фамилию казачки — «Разина». Рукопись первых пяти глав была представлена на цензурное рассмотрение Николаю I и возвращена с замечаниями: упоминание Разиной было рекомендовано «лучше выпустить, ибо связи нет с делом». Пушкину уже указывали — мы к этому еще обратимся, — что Разина поминать нежелательно; он перенес эпизод в примечания и убрал фамилию. Историки полагали, что «Степушка» Разин — лицо вымышленное, но некоторые журналисты вообразили, что Пушкин и вправду нашел мать Степана Тимофеевича. Не правы оказались те и другие: в 1976 году оренбургский краевед С. А. Попов нашел документ о том, что казак Степан Разин воевал на Яике при Пугачеве, причем не погиб в 1774 году, но прожил еще 60 лет. Теоретически он мог быть родственником нашего Разина...

Один иностранец, лично видевший Степана Разина после его пленения, написал, что ему было в 1670 году примерно 40 лет, отсюда и пошло, что родился он примерно в 1630-м. Вероятно, так и есть, поскольку при первом упоминании, относящемся к 1652 году, он — молодой человек, юноша. Может быть, родился и в 1635-м, но не позже. А. Н. Сахаров: «В начале 30-х годов XVII века в казачьей донской станице Зимовейской в

семье зажиточного казака Тимофея Рази родился второй сын. Новорожденного нарекли Степаном». Во-первых, неизвестно, билли Разя зажиточен. Во-вторых, как установил историк А. П. Пронштейн, станица Зимовейская возникла не ранее 1672 года, то есть уже после смерти Разина; там родился Пугачев, а Степан Разин родился, вероятно, в Черкасске. Второй он был сын или десятый, были у него сестры — мы тоже не знаем. Из русских документов известно лишь о его младшем (скорее всего, младшем, так как первое сохранившееся упоминание о его служебных делах относится к 1666 году) брате Фроле.

О старшем брате — только предположения, хотя вроде бы довольно убедительные. Впервые он был упомянут в анонимном тексте некоего иностранца «Сообщение, касающееся подробностей бунта, недавно поднятого в Московии Стенькой Разиным»^[21] — первом и довольно толковом литературном описании разинского восстания: оно было начато в Москве не позднее сентября 1671 года, завершено в Архангельске и частично на корабле «Царица Эсфирь», на котором автор (возможно, служащий британской миссии в Москве) возвратился в Англию, издано в Англии, Франции, Германии и Голландии, впервые переведено на русский язык А. Станкевичем в 1895 году. Российские историки высоко ценят этот документ: его автор явно имел доступ как к официальным, так и к неофициальным правительственным источникам, предположительно был знаком с высокопоставленными лицами, но при этом высказывал самостоятельные мнения; почти все прочие иностранцы, писавшие о Разине, пользовались этим источником, да и русские тоже. (Не будем путать «Сообщение...» с другим анонимным документом — «Повествование о величайшей на памяти человечества победе, или Полный разгром великого бунтовщика Степана Разина и его стотысячной армии великим царем России и его прославленным генералом Долгоруковым»^[22] — это датированное 15 февраля 1671 года и отправленное из Москвы письмо «фактора», то есть представителя английской торговой миссии, своему нанимателю; в нем ничего интересного нет.)

Итак, «Сообщение...»: «Причиной или, вернее, предлогом к этому [разинскому] бунту послужила казнь брата сего Разина, совершенная боярином князем Юрием Долгоруковым. Ибо в 1665 году последний находился с войском против поляков около города Киева, имея под своим начальством в числе других и отряд донских казаков. При наступлении осени этот отряд, находя, что он достаточно действовал против неприятеля, пожелал быть распущенным вышеназванным начальником Долгоруким^[23],

который, нуждаясь еще, быть может, в их службе, не согласился на это. Тогда эти казаки не захотели подчиниться приказанию их начальника, но, поддавшись убеждению и примеру их атамана, брата Стеньки, разошлись каждый по себе домой. Долгорукий, крайне рассердившись, приказал немедленно его повесить. <...> Вот на какую причину разжигания им мятежа ссылался Разин под пыткой на дыбе: он, дескать, желал отомстить за смерть брата, казненного, по его разумению, безвинно. Но что сие есть только предлог, явствует из того, что восстал он не только против царя, но и против шаха Персидского, а о нем он никак не мог сказать, что терпел от него какие обиды. Итак, лишь злонамеренный и бунтарский дух Разина подвигнул его на подлое дело».

Еще один важный источник — посвященная Разину магистерская диссертация немца из Тюрингии Иоганна Юстуса Марция, жившего в Москве с 1668 по 1672 год, «Степан Разин, донской казак изменник»^[24]: она основана не только на «Сообщении...» и официальных документах, но и, по словам автора, на «личных наблюдениях». «Возмущенный Долгоруков посылает вдогонку ушедшим большой отряд, чтобы их вернули, и сам казнит их начальника — это был брат Разина — для острастки. Разин увидел в этом свирепость. С этого времени он изменил образ мыслей и прежние свои взгляды и стал помышлять только о том, как отомстить, снять с себя этот позор и вовлечь в замышляемое преступление как можно больше сообщников». (Имя «Иван» появляется в иностранных источниках уже позднее и, вероятно, выдуманно.)

Так был ли брат? Сюжет уж очень архетипический: месть за старшего брата. Сомнения вызывает также то обстоятельство, что ни в одном русском источнике нет и намека на существование Ивана Разина или хоть какого-нибудь брата Степана Разина, кроме Фрола. Странно, что этот предполагаемый брат не оставил уж совсем никакого следа в документах: в них довольно часто пересказываются слова Разина и при этом нет упоминаний о старшем брате, который будто бы значил для него так много. Но, как уже говорилось, документы сохранились далеко не все.

В общем, раздолье для мифов — кто во что горазд. У А. П. Чапыгина Ивана Разина казнят не на месте, а в Москве, и он не просто дезертировал: «Подговаривал тот Разин казаков, что, дескать, напрасно мы тут время изводим: побьем воеводу — дорог на Дон много... и противу всех утеснителей казацкой вольности, противу воевод, бояр, голов и приказных замышлял»; Степана тоже хотели казнить («...слышал Степан, как шипело от каленых щипцов, пахло горелым мясом, слышал треск костей и понимал, что ломают ребра Ивану»), но пощадили, ибо он спас во время

бунта боярыню Морозову (с таким же успехом можно допустить, что он пытался помешать убийству Кеннеди: чудесное занятие — мифотворчество!).

У Шукшина Степан тоже был свидетелем гибели брата: «Иван шагал твердо, кривил в усмешке рот: никто не верил, что казаков повесят, и сам Иван не верил. Весь проступок казаков был в том, что они — по осени послали горделивого князя Долгорукого к такой-то матери, развернулись и пошли назад — домой: зимой казаки не воевали. Так было всегда. Так делали все атаманы, участвовавшие в походах с царевым войском. Так поступил и Разин Иван. Князь Долгорукий догнал мятежный отряд, разоружил... А головщика принародно, среди бела дня, повел давить. Это было невероятно, поэтому никто не верил. Иван сам влез на скамью, ему надели на шею веревку... Только тут стали догадываться: это не нарочно, не поугагать, это — казнь...» У Злобина Иван — заступник и вождь пришедших на Дон крепостных; он «во всем разделял мысли старого Тимофея, как разделяло их множество верховых казаков» (напомним: по документам Разины — низовые).

«Корнила вспылил:

— Ты что же, мятеж поднимать?!

— Эко слово боярское молвил: «мятеж»! — усмехнулся Иван. — Кабы думал ты о казацкой вольности, берег бы Дон, кто бы вставал на тебя мятежом?! Бояре давят казачество по Днепру и по Дону. Одно нам спасенье: всех казаков от Буга до Янка слить в едином казацком братстве. Державу казацкую учинить». Дезертировал Иван потому, что «паны и бояре сговаривались разделить Украину по Днепр между Россией и Польшей», а на казнь его отправил изувер Яковлев.

Брату Фролу, хотя он лицо историческое, не повезло: мифологическая традиция из него делает труса, бесполезного типа. Основание для такой оценки — свидетельства иностранцев (косвенно подтвержденные дальнейшим развитием событий), что Фрол, испугавшись казни, крикнул «Слово и дело государево», давая понять, что хочет выдать важную информацию, и отсрочил свою смерть на несколько лет. Беллетристы сочли, что Фрол был слабак и трус. С. П. Злобин: «Мечтательный и немного ленивый, Фролка завел себе гусли, забирался на островок и просиживал целый день, напевая песни. <...> И едва дошел слух, что бояре готовят великое войско против Степана, Алена Никитична решительно взъелась на Фролку: «Брат ведь Степан тебе, пентюх! Сиди-ишь! Срам ведь смотреть: брат за весь люд, за всю землю один со злодеями бьется, а ты все на гуслих да в голос, как девка!.. Тпрунди-брунди на гуслих — вот и вся

твоя справа!».

В. В. Каменский, роман-поэма «Степан Разин» (М., 1918): «Фрол был нрава кроткого, грустного; и звали его Птицей-Девицей». А. П. Чапыгин:

«Вишь, много ты, Фролко, на девку походишь... Ой, да не казак ты!

— Не лежит сердце к казачеству: война, грабеж».

В. М. Шукшин: «Фрол — не охотник до войны, до всяких сговоров, хитростей военных. Не в разинскую породу. Он — материн сын, Черток: покойница больше всего на свете боялась войны, а жила с воином и воинов рожала. Зато уж и тряслась она над Фролом, меньшим своим... Помирала, просила мужа и старших сынов: «Не маните вы его с собой, ради Христа, не берите на войну». На самом деле Фрол Разин был одним из главных военачальников у своего брата и пользовался авторитетом и до восстания: в 1666 году он попал в число отборных казаков, которые составили станицу в Москву. Минута слабости — и лживый миф прилип к человеку...

Как жили Разины в детстве, мы не знаем. Наверное, лапта, бабки, пятнашки, позднее — посиделки, танцы; купались, ездили верхом. А. Н. Сахаров: «Иван верховодил за атамана, Стенька был есаулом, а маленький Фролка сходил за русского пленника, которого братья освобождали вместе с другими ребятами-несмышленишками от страшной турецкой неволи». Наверняка так и было: мальчишки всегда играют «в войну» и, соответственно, «в политику» — игру, которой Степан посвятит свою жизнь.

Казачество, несмотря на свою обособленность, в русскую политику было завязано очень сильно: давайте разберемся с этим. После смерти Ивана Грозного (1584), Дмитрия (1591) и Федора (1598) правящая династия пресеклась, в 1598 году на трон взошел Борис Годунов, сторонник централизации и враг казаков: им запрещалось появляться в русских городах, нарушившие запрет попадали в тюрьму, русские не могли торговать с казаками. Неудивительно, что в 1603 году Лжедмитрий I обратился за помощью к донцам. Они послали к нему войска под предводительством атаманов Андрея Карелы и Михаила Межакова (запорожцы тоже прислали помощь). Известно, что в Туле Лжедмитрий I принимал делегацию с Дона прежде, чем московских бояр; казаки сопровождали его во время торжественного въезда в Москву.

Весной 1606 года на Тереке казаки голосованием выбрали из своей среды собственного «царевича» — Петра; это был юный «чура» Илья Коровин по прозвищу Муромец (выходец из Мурома). (Почему мальчика — ясно: чтобы управлять через него.) Лжепетр с войском двинулся к Москве на помощь Лжедмитрию I, но тот 17 мая был убит (Земский собор избрал

на престол Василия Шуйского), и казаки повернули обратно, по пути грабя купцов и разоряя русские города. Летом того же года в Московию пришел с войском украинских казаков Иван Болотников, к нему присоединялись донцы (любопытно, что сам Болотников казаком не был): требовали выдать на расправу бояр, убивших Лжедмитрия. Казаки участвовали во всех битвах с царскими войсками: в осаде Москвы, калужском и тульском осадных «сидениях». А заодно устанавливали повсюду скопированный с Речи Посполитой институт «приставств» — организованный рэкет, который давал особенно хороший доход с богатых монастырей. А. В. Сопов пишет, что Российское государство по отношению к казакам проводило очень гибкую политику, что предопределило сильные «охранительные» и «державные» ориентации казаков. Однако до Петра I, а может, даже и до Екатерины II, «ориентации» у казаков были прямо противоположные...

И всё же казаки проиграли. Шуйский обещал сохранить жизнь Болотникову и Лжепетру, но слова не сдержал; впрочем, к репрессиям Годунова он не вернулся и официально замирился с Доном, послав казакам богатое жалованье. Однако, когда летом 1607 года объявился Лжедмитрий II, казаки опять встали на сторону самозванца. В. Н. Татищев приводит цитату из неизвестного источника: «И через то во всех городех паки казаков из холопей и крестьян размножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов». Шуйского свергли бояре в 1610 году, а вскоре предатель убил Лжедмитрия II. Но тут Марина Мнишек родила сына Ивана Дмитриевича (по легенде, от донского атамана Ивана Заруцкого) — казаки встали за него. Почему казаки с их умом и ловкостью все время проигрывали Москве? Отчасти по объективным причинам: малочисленность, экономическая блокада, нехватка продовольствия, отсутствие оружейной промышленности; отчасти, возможно, потому, что слишком увлекались рэкетом...

Вскоре началась война с Речью Посполитой; польские войска осаждали Смоленск и Москву. В начале 1611 года стало формироваться русское ополчение: казаки не смогли между собой договориться и воевали и на той, и на другой стороне. Тогда же возник Лжедмитрий III и с казаками занял Псков, а на юге казаки бились за Лжедмитрия IV (первый был разбит, второй куда-то делся). Тем не менее в тот период казаки, видимо, были сильны как никогда. В 1613 году измученные и обалдевшие бояре объявили очередной Земский собор (он собирался в сложных для Москвы ситуациях) для выборов царя (как можно видеть, и царей нередко выбирали, только избирательный ценз был гораздо уже, чем у древних республиканцев и казаков): участвовать должны были верхи духовенства, Боярская дума и

«земские люди» — свободные представители разных сословий и местностей. В знаменитой «Повести о Земском соборе»^[25] говорилось: «И хожаху казаки в Москве толпами, где ни двинутся гулять в базарь — человек 20 или 30, а все вооруженны, самовластны, а меньши человек 15 или десяти никако же не двинутся. От боярска же чина никто же с ними вопреки глаголету не смеюще и на пути встречающе, и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы свои поклоняюще».

Казаки предложили три кандидатуры: князь Д. Т. Трубецкой, князь Д. М. Черкасский (оба — опальные) и мальчик Михаил Федорович Романов. В апреле 1613 года Михаил был избран царем. Шведский посланник доносил из Москвы, что казаки осадили дворы бояр и силой заставили избрать Михаила. (Уж наверное не только силой; кого-то и уговорили, да и многие бояре одобряли такой выбор.) «Хронограф» второй половины XVII века упоминает, что за избрание Романова высказался на соборе донской атаман. Чем казакам нравился этот вариант? Формально они ссылались на то, что он наиболее законен, ибо его отца, патриарха Филарета, в свое время благословил царь Федор. Наверное, важнее было то, что Филарет в свое время пострадал от Годунова и был сторонником Лжедмитрия II. А путешественник Жак Маржерет докладывал английскому королю Иакову I, что казаки просто рассчитывают манипулировать новым царем. Отчасти их расчет оправдался. От Земского собора совместно с Духовным собором они получили грамоту: «А за свою нынешнюю и прежнюю многую службу вы, Донские казаки, от всемогущего Бога милости, а от царя Михаила великое жалование, от всяких людей Московского государства и от окрестных государств честь и славу и похвалу будете иметь». Казакам было разрешено ездить в какие угодно русские города. Сношения с ними перешли в ведение Посольского приказа. От Михаила они регулярно получали всяческие похвалы, он пожаловал их знаменем. Было ли все это так уж хорошо для казаков? Н. И. Костомаров: «До эпохи самозванцев козачество, по-видимому, готовилось образовать отдельное общество в русских южных краях и хотело только укрыться с своею независимостью от северного единовластия; но, вмешавшись в дела Москвы в начале XVII века, оно вошло в неразрывную связь с нею...»

Еще несколько лет отряды казаков шатались повсюду и занимались грабежом, но все затихло в 1618-м, когда Михаил стал выплачивать Дону жалованье регулярно, а не эпизодически. Тогда казаки стали ходить на Черное море, грабить Крым и турецкие земли; в конце концов, после угроз турецкого султана и крымского хана, Михаил решил порвать с казаками и в 1630 году отправил им грамоту, извещающую о их отлучении от церкви.

Казачьи посольства убили, и два года между Доном и Москвой не было отношений, но в 1633-м, когда случилась новая война с Речью Посполитой, Михаил позвал казаков на помощь — помирились. В 1641–1642 годах донцы и запорожцы служили Москве, обороняя Азов от крымского хана; по легендам, в «азовском сиденьи» участвовали либо Тимофей Разя, либо его сын Иван, либо Степан, а то и все вместе. В 1653 году гетман Богдан Хмельницкий, не ладивший с поляками, упросил принять украинские территории под протекторат Москвы, и до 1667 года тянулся конфликт с поляками: воевать казакам было где. (Бывало, что и Москва помогала казакам: в 1648 году по просьбе донского правительства был прислан для защиты от набегов отлично экипированный отряд в тысячу солдат, набранных из вольных людей сроком службы на один год, голова отряда — дворянин Лазарев.)

Тут выходит на сцену одна интересная, связанная с разинскими делами, фигура. Царь Алексей Михайлович хотел объединения русской церкви с греческой и, соответственно, согласования обрядов с греческими образцами. Властолюбивый и энергичный патриарх Никон, ранее не терпевший греков, сделал то, чего хотел царь, но за это выговорил для себя полную свободу от светской власти (и в два с половиной раза увеличил свою личную собственность); царь сперва терпел, потом они поссорились, и в 1666 году был созван собор, чтобы судить Никона: его признали виновным в произнесении хулы на царя и церковь, лишили сана и сослали в Ферапонтов монастырь. До этого в народе Никона за его новаторство и стяжательство не любили, но к свергнутому отношению иное: легла одна из козырных карт будущей смуты.

Во второй половине XVII века из-за экономических проблем было много локальных мятежей в городах (именно в городах, запомним это): в 1648 году — в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, в 1649-м снова в Москве, в 1650-м в Новгороде и Пскове, в 1662-м по всей стране; после подавления беспорядков уцелевшие участники пополняли ряды казаков на Дону, других ссылали на Волгу. Сами казаки время от времени пускались в пиратство: яицкий атаман Иван Кондырев наводил страх на Каспийском море в начале 1660-х, его земляк, пират Парфен Иванов, незадолго до этого дошел с Волги до Персии.

Молодой Степан Разин, кажется, в это время был вполне благонравным казаком. Савельев (чистейшая выдумка): «Молодость свою Разин провел, как и все казаки, в походах и битвах с неприятелем. В 1646 г. он участвовал в морском поиске казаков на берегах Тавриды, а в следующем году при защите Черкаска от нападения азовцев; в одной из

вылазок раненый попал в плен и два года томился в азовской земляной тюрьме, откуда успел бежать. За выдающийся ум и отвагу Войсковой Круг наградил Разина почетным званием старшины». (Н. И. Костомаров: «Народное предание говорит, что Стенька прежде того был гонцом к турецкому султану и попался в плен в Азове».)

Что касается фактов, то первое упоминание о Степане Разине мы уже цитировали: в 1652 году он — видимо, после смерти отца — поехал на богомолье в Соловецкий монастырь через Москву. Вид документа — потертый на сгибах — указывает, что его брали в руки; есть отметка о предъявлении в Посольском приказе. (Это как бы командировочное удостоверение — без него люди, кроме бояр и иностранцев, попасть в столицу не могли; купцы получали торговое свидетельство, крестьяне — разрешение барина, дворяне — подорожную.) Зосима и Савватий, поклониться которым ехал Степан, считались целителями ран и были особенно популярны у военных. Кроме того, богомолье было предлогом для путешествий, особенно у молодежи. Был ли Разин в молодости религиозен — кто ж его знает? А. Н. Сахаров пишет: «Знал атаман, что Степан в вере нетверд, кое-кто даже стыдил его за богохульство... подозревал атаман, что не молиться шел Степан Разин — больно уж дерзок, суетлив и любопытен он был для этого». Эта гипотеза ни на чем не основана.

Поездки Разина в Москву упоминаются также во 2-м и в 5-м документах «Крестьянской войны» (Т. 1) — то есть он был в столице как минимум трижды. Как добирался? В составе делегаций — верхом, на санях, на подводах, если один или вдвоем — неизвестно. Никто не знает, была ли у него в молодости своя лошадь. На богомолье, может, шел бы и пешком, как многие ходили (от Черкаска до Москвы около тысячи километров, от Москвы до Соловков — полторы тысячи; хороший ходок в день мог делать пятидесятикилометровые переходы — за несколько месяцев можно обернуться), но, поскольку был ноябрь, скорее всего ехал с какими-нибудь попутными санями. Советские авторы (ученые и беллетристы), как правило, сходились в том, что Разин мало доверял крестьянам и не понимал их (во всяком случае, поначалу); С. П. Злобин отправляет его в путь пешком, причем летом, и Степан видит соху и борону «как сказочную небылицу, словно ступу бабы-яги.

— Дай попытаю, — с любопытством попросил он крестьянина.

И унавоженная взрыхленная пашнядохнула на него каким-то особым умиротворением и теплом».

Злобинский Степан, пожалуй, самый идейно правильный из всех,

однако автор не обидел его чудесными приключениями — и по дороге, и в Москве этот донкихот заступает за обиженных, бьет купцов и даже встречается с царем, очень ласково с ним обошедшимся: «Теперь Стенька видел своими глазами неправды и беды народа... говорил с царем, и вера его в невинность царя еще укрепилась». Разумеется, мы понятия не имеем, что Разин в молодости (да и в зрелости) думал о царе, чем он развлекался в столице и как прошло богомолье. А. Н. Сахаров в данном случае предпочел особо не фантазировать: «Покрутился он по московским дворам и кабакам, побывал в подмосковных слободах и городках. О своем соловецком богомолье говорил Степан глухо...» Самые потрясающие приключения Степан пережил у Чапыгина: мало того что дрался со злодеями и выручал простых москвичей, мало того что спас красавицу, за убийство мужа-садиста заживо зарытую в землю (такая казнь существовала еще и при Петре I), и стал ее любовником, так еще и мимоходом организовал в Москве Соляной бунт (который на самом деле был в 1648 году: реакция на подорожание соли, бывшей тогда единственным консервантом). Его дальнейшие планы: «Думаю, дедо, когда зачну быть атаманом, уйду с боем в Кизылбаши и шаху себя дам в подданство, а оттуда решу, как помочь народу своему...»

После этой поездки — громадный, в шесть лет, пробел в документах. Остается только додумывать, что там теоретически могло быть. А. Н. Сахаров: «В первом же походе к турецким берегам показал он себя казаком смелым до крайности, но диким и необузданным. Удивлялись донцы, глядя на него в бою, — ни врагов, ни себя не щадил Степан. А по приходе в родные места часто уходил Степан погулять по верховым городкам, встречался там со всякими людьми. Пропадал иногда надолго. «Ох, темный будет казак Стенька, непонятный», — говорили про него домовитые. И вправду, отстал Степан от отцовских занятий, торговлишкой не промышлял, деньги не копил, не прятал, все хозяйство переложил на старшего брата, много ходил по донской земле, был и в Черкасске, бродил и по станицам. Но особенно любил верховые городки. Вольно ему там было и просторно. Не было рядом ни круга, ни грозного окрика войскового атамана». В романе Злобина герой воюет на польском фронте.

Надо думать, где-то он, конечно, воевал и набрался опыта и кое-какого авторитета: в декабре 1658 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 2) валуйский воевода И. Языков пишет в Посольский приказ, прося пропустить в Москву казака Степана Разина, отставшего по болезни от посольства атамана Наума Васильева, «на ямской подводе». Отметка о подаче: «167-го декабря в 17 день з донским казаком с Стенькою Разиным.

Помета. Чтена. К отпуску взять». Раз он был членом зимней (считавшейся особенно важной) делегации, значит, имел вес. Известно, что пролежал он в Валуйках больной до середины декабря и, по всей видимости, до Москвы все же добрался. Потом еще двухлетний пробел. Ав 1661 году он уже был дипломатом. Для этого желательно было знать грамоту и (хотя с послами всегда ездили переводчики) иностранные языки. Э. Кемпфер, секретарь шведского посольства в Персии, писал^[26], что Разин говорил на восьми языках — допустимое предположение, так как в среде казаков жило полно иностранцев.

Защищаясь от могущественного и агрессивного Крыма, Москва и сами казаки нашли союзников — кочевых калмыков, которые враждовали с кочевыми же татарами Малой Орды (едисанскими или ногайскими татарами), бывшей в вассальной зависимости от Крыма. Калмыки были благодарны казакам еще со времен Ермака, который в Сибири защищал их от киргизов и татар. Но народ они были в высшей степени ненадежный: сто раз клялись в верности московским царям, подписывали договор (шерть) и тут же его нарушали. Дипломатам с ними было непросто: следовало быть гибким и жестким одновременно. Документ от 28 марта 1661 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 3) содержит отписку Яковлева (за несколько лет до этого избранного войсковым атаманом) в Посольский приказ — о неудачной осаде казаками ханского городка на Дону и об отправке делегации к калмыцким тайшам:

«Да в нынешнем же, государь, во 169-м году февраля в 20 день присылали к нам, холопом твоим, калмыцкие тайши, Дайчин Тайша и сын его Мончак тайша и Манжик тайша и все колмыцкие и етисанские мурзы, об миру посланцов своих, колмыцкого мурзу Баатырку Аянгева с товарищи. И мы, холопи твои, с ними, колмыки, помирились и аманатов дву человек у них взяли... А для, государь, мирного подкрепленья и для подлинных вестей послали мы, холопи твои, к самым гим, колмыцким тайшам... своих донских казаков Федора Будана да Степана Разина».

(Между прочим, в этой же отписке Яковлев обещает царю поймать «воровских» (преступных) казаков, занимавшихся грабежами.)

Переговоры прошли 4 мая, очередная шерть была подписана, царь наградил послов грамотой. Будан и Разин, оставив у калмыков своих «аманатов» (полупредставителей, полузаложенных — это было обычной практикой), привели с собой 500 вооруженных калмыков, и те вместе с казаками двинулись к Азову, разгромили ногайцев, пленили 500 человек и освободили 100 своих; чтобы показать калмыкам свое доверие, донцы передали им всех пленников и поручили сопроводить в Москву

освобожденных. А. Н. Сахаров пишет, что в этот период — весной 1661 года — «ходил Стенька на приступы, садился на коня, отбивался от крымских конных набегов». Может быть, но скорее всего ему было некогда: улаживал дела с тайшами. С. П. Злобин пишет весьма правдоподобно: «Большие военные и посольские дела захватили Степана. Он чувствовал себя в них, как, бывало, в троицын день на качелях: летишь выше всех над толпой, и всех тебе видно! Стать большим атаманом и всегда видеть дальше, чем видят простые казаки, чувствовать себя соучастником великих державных дел казалось теперь Степану самой заманчивой из человеческих судеб». Вскоре, впрочем, злобинский Степан на польском фронте осознает, что атаман может быть негодяем (Яковлев) и что во всех странах высокопоставленные люди — подонки («О правде кричат, за веру Христову зовут проливати русскую кровь, а сами лишь о боярской корысти и мыслят...»).

Документ от 4 ноября 1661 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 5): донской войсковой атаман Осип Петров (Яковлев находился на войне с поляками) пишет в Посольский приказ о пропуске в Соловецкий монастырь Степана Разина и Прокофия Кондратьева; 29 ноября они были в Москве (отметка на «командировке»), но до Соловков Степан вряд ли успел добраться, так как в феврале 1662 года был уже в Астрахани и снова готовился к посольству к калмыкам. В Москве он, вероятно, докладывал о дипломатических делах, но это скучно, хочется чего-нибудь прибавить: у А. Н. Сахарова Разин становится свидетелем Медного бунта — восстания безоружных москвичей из-за выпуска обесценивающихся по сравнению с серебряными медных монет, завершившегося жуткой расправой, но все-таки приведшего к отмене медных денег. На самом деле Медный бунт произошел в августе 1662 года, а Разин ездил в Москву в ноябре 1661-го и в 1662-м опять занимался своими калмыками. Теоретически можно допустить, что летом 1662 года он зачем-то «сгонял» в Москву, но это ничем не подтверждается и неясна цель такой поездки. А. Н. Сахаров: «Трудно было молодому казаку перенести глумление над людьми, ненавистны ему были длиннобородые бояре, кичливые воеводы, надменные стрелецкие начальники, приказной сутяжный люд. Не раз хватался Степан за свою казацкую саблю, грозился изрубить стражников и сыщиков...» Это уже не о каком-то мальчике, а об опытном дипломате. Вряд ли он проделывал вышеописанные вещи.

Самое необычное приключение молодости Разину придумал Шукшин, причем не основанное даже на намеках и весьма странное, учитывая, что он называл своего Разина интеллигентным человеком и всячески

подчеркивал его нежность и доброту. В деревне Степан остановился на постой: в доме жили старик и его молодая невестка.

«Только в монастыре догадались казаки, что у Стеньки на душе какая-то мгла: старики так не молились за все свои грехи, как взялся молить бога Степан — коленопреклонно, неистово.

Фрол опять было к Стеньке:

— Чего с тобой? Где уж так нагрешил-то? Лоб разобьешь...

— Молчи, — только и сказал тогда Степан.

А на обратном пути, проезжая опять ту деревню, Степан отстал с Фролом и показал неприметный бугорок в лесу...

— Вон они лежат, Аганька со своим стариком.

У Фрола глаза полезли на лоб.

— Убил?!

— Сперва поманила, дура, потом орать начала... Старик где-то подслушивал. Прибежал с топором. Может, уговорились раньше... Сами, наверно, убить хотели.

— Зачем?

— Не знаю. — Степан слегка все-таки щадил свою совесть. — Я так подумал. Повисла на руке... а этот с топором. Пришлось обоим...

— Бабу-то!.. Как же, Стенька?

— Ну, как?! — обозлился Степан. — Как мужика, так и бабу.

Бабу зарубить — большой грех. Можно зашибить кулаком, утопить... Но срубить саблей — грех. Как ребенка прислать. Оттого и мучился Степан, и молился, и злился».

Единственный источник подобной истории можно отыскать в фольклоре — из записей Садовникова, где Михаил превращался в Степана и становился разбойником:

«Вышел на большую поляну, вдруг увидел себе добычу, лет семнадцати девицу. Он подошел к ней, сказал: «Здравствуй, красная девица! Что ты время так ведешь? Сколько я шел и думал, такой добычи мне не попадалось. Ты — первая встреча!» Девка взглянула, испугалась такого вьюноши: увидела у него в руках востру саблю, за плечом — ружье. Стенька снял шапку, перекрестился, вынул шашку из ножны и сказал: «Дай Бог помочь мне и булатному ножу!» Возвилась могучая рука с вострою шашкой кверху; снял Стенька голову с красной девушки, положил ее в платок и понес к атаману. «Здравствуй, тятенька! Ходил я на охоту, убил птичку небольшую. Извольте посмотреть».

В жизни наш молодой политик занимался делами серьезными: весной

1662 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 6) астраханский воевода Г. Черкасский докладывает в приказ Калмыцких дел, что исполнил повеление царя пропустить к калмыкам «казаков Степана Разина, Василья Глаткова и запорожских черкас (украинских казаков русские называли черкасами. — М. Ч.) Еремея Тимофеева с товарищи... дав им твое великого государя жалованье, корм и подводы, и для письма подьячего и толмача и служилых людей, сколько человек пригож».

1663 год, 8 марта — первое сохранившееся свидетельство о Разине как военном командире (Крестьянская война. Т. 1. Док. 7) — выдержка из расспросных речей в Царицынской приказной избе калмыка Бакши-Шербет Тургенева о сражении казаков и калмыков с крымцами под Молочными Водами. На помощь к Солум Сереню тайше с отрядом в 50 человек послали 500 донцов и «черкас»: «А в головщиках у донских казаков Стенька Разин донской казак... Взяли у Крымской Переколи 200 лошадей, 3000 коров да 600 баранов, да польского ясырю, мужиков и женок и девок и ребят взяли в улусе 350 человек и, взяв, поехали было к урочищу к Молочным Водам». В отряде татар было 600 человек, 30 казаки убили (их потери неизвестны), причем проявили военную хитрость, распустив слух, что с ними идет еще отряд в 1500 калмыков; татары бежали, а казаки «животину и ясырь разделили по себе» и пошли по домам. Потом опять до 1667 года о Разине информации нет. Те, кто считает, что Степан жил в несуществующей Зимовейской, пишут, что он переехал в Черкасск.

Возможно, в этот период, а может и раньше, он женился на женщине с ребенком: из документов известно, что у него был пасынок Афанасий. О жене сведений нет: опять остается фантазировать, но так, чтобы было и убедительно, и интересно. У С. П. Злобина Степан женился на Алене, сестре его соратника Сергея Кривого (лицо историческое), никакого пасынка нет, но будут дети. У Шукшина Алenu и ребенка герой отбил у татар («Глядим, наш Стенька летит во весь мах — в одной руке баба, в другой дите. А за ним... не дай соврать, Тимофеич, без малого добрая сотня скачет... Афоньку же, пасынка, очень полюбил — за нежное, доверчивое сердце»). Священник, не будучи уверен, что женщина крещеная, венчать отказался — так и жили. (Это чепуха: взрослых людей крестили запросто.) У Чапыгина Олена — девушка, на которую зарился сам Корнила Яковлев, пасынка нет, свидетели на свадьбе — тот же Кривой и Василий Ус (тоже лицо историческое, хотя далеко не факт, что Разин с ними обоими был знаком до 1667 года); молодые тоже живут невенчанными, и Степан показывает себя весьма прогрессивным человеком:

«— Не таскать вам, жонки, по городу брачную рубаху Оле-ны... Кто

придет за рубахой, того окучу мешком и в воду, как пса! Иное, что старики любят, то мы кончили любить!»

Самая поэтичная любовь Разина — у Каменского: «В голубиный, полетный, хрустальный полдень весны, на берегу Дона, далеко от людей, на животе лежал молодой Степан, старший сын атамана донского, на песчаном бугре, у кустов, и расцветно смотрел. Рука застыла на гусях. На берег прибежала юная казачка Алена — знатная красавица черкасская — гибкостройная, русокудрая, небоглазая, вся трепетная, вся лебединая, вся призывная.

— Дай прикоснуться.

— Люблю тебя.

— Люблю.

— Жена.

— Муж».

(И тоже не венчались, и пасынка никакого нет.)

Кроме женитьбы Разин должен же был чем-то заниматься — опять додумки. Евграф Савельев написал, что до 1667 года Степана на Дону вообще не было: «...исколесил Россию вдоль и поперек, советовался с гонимым царем патриархом Никоном в Воскресенском монастыре, а потом заглянул в его местозачение — Белозерский Ферапонтов монастырь, убеждая лишенного сана узника бежать с ним на Дон; был даже в Соловках, Запорожье и многих других местах обширной России, ко всему присматриваясь, все изучая и взвешивая». В действительности наиболее вероятно, что он продолжал работать с калмыками, периодически участвуя в военных действиях, зарабатывал авторитет. О его материальном достатке нет сведений: исходя из последующих событий можно предположить, что достаток был не ахти какой.

В 1665 году был казнен разинский брат Иван, если только вправду был такой брат, в чем у нас сильные сомнения; в 1666-м — это уже факт достоверный — сильно нашумел атаман Василий Ус. Царское жалованье распространялось лишь на казаков (а было много пришлых), да и казакам хотелось большего: «добыть зипунов». Идти на Черное море запрещало Войско, чтобы не вызывать конфликтов с турецким султаном. Против пиратства на Волге и Каспии, естественно, возражала Москва, и в 1659 году донское правительство, захватив «воровских казаков» в построенном ими городке Риге, предало их казни. Но весной 1666 года из-за неурожаев в соседних областях на Дону начался настоящий голод.

Донские казаки, жившие по рекам Хопру и Иловле, выбрали Уса атаманом, и он, собрав 700 человек, привел их в Воронеж и заявил, что

желает идти на польскую войну. Но война уже заканчивалась, и правительство велело возвращаться на Дон. Казаки, однако, пошли к Москве, намереваясь, как считается, подать петицию лично царю; по пути к ним приставали другие казаки, посадские, беглые крестьяне и даже военнослужащие. Как раз тогда взбунтовалась Левобережная Украина под управлением гетмана Брюховецкого — против правобережного гетмана Дорошенка; левобережные были разбиты, многие бежали на Дон или присоединялись к Усу. Нет данных о контактах Уса и Разина в тот период. А. Н. Сахаров придумывает, что Ус звал Разина к себе, но тот «равнодушно выслушал предложение Уса идти к нему в есаулы: не собирался Разин в тот год двигаться с места, да, кроме того, не с руки ему, уже бывшему в головщиках, идти в есаулы под такого же, как он, казака».

У Уса было уже больше 1500 человек — по тем временам это очень много. 14 июля он с небольшой свитой вошел в Москву, и боярам пришлось назначить переговорщика, князя Ю. Н. Борятинского: казакам Уса обещали свободный проход домой и большое жалованье в Воронеже, но все приставшие по дороге должны были быть выданы. Ус на это не пошел и вернулся на Дон с войском, минуя Воронеж; царские войска за ним гнались да не догнали, войсковой круг подверг Уса наказанию (неизвестно какому), и на время Ус где-то растворился. И. Ф. Наживин, «Степан Разин» (М., 2004)^[27]: «Многие казацкие головы призадумались: если можно было с пятьюстами казаками, громя всё, дойти до Москвы и вернуться в полном благополучии, то...»

В 1667 году Московское царство и Речь Посполитая заключили перемирие (а вскоре будет подписан мир, да заодно и мир с Крымом). Воевать казакам всегда было экономически выгодно, но теперь стало не с кем. В начале года Разин решил готовить собственный отряд. С какими планами — неизвестно. Позднее к нему будут засылать толпы шпионов, и те хоть что-то о нем поведают, а в тот период за ним еще никто не следил. По С. П. Злобину — хотел идти брать Азов с альтруистическими намерениями: накормить «голытьбу» и узаконить ее положение, чтобы на нее давали жалованье, но не пустил Яковлев, после чего Разин решил Яковлева рано или поздно свергнуть («Свернем рога низовым, всю старшину к чертям растрясу... сам атаманом сяду»). В основном пишут, что на Азов Разин не пошел действительно из-за запрета войскового атамана, однако от юрисдикции Яковлева все равно сбежал: с чего бы он стал его запретов слушать? Скорее всего, на Азов идти он просто не решился: крепость в тот период была абсолютно неприступна.

По А. Н. Сахарову, поход планировался в первую очередь с чисто

пиратскими целями — «за зипунами», «на бесерменские земли», но при этом Разин думал: «Хватит, натерпелись мы власти атамановой да старшинской». «Домовитые» казаки идти в поход отказались, зато «голые» люди из низовых и верховых городков поднялись с радостью». Возможно, но не доказано, что именно «голых» набрал Разин — что бы он делал с ними, безоружными? Для морского похода — а он собирался именно в морской — нужна экипировка. И все почему-то пишут так, словно кроме богачей и «голых» никаких людей на Дону не было — а ведь наверняка подавляющее большинство были «середка на половинку», и люди из этой серетки, особенно молодые, хотели хорошо заработать.

Документ от 17 апреля 1667 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 41) — грамота из Посольского приказа Яковлеву о состоявшемся еще в феврале нападении двух «воровских» казаков на зимовавший на Волге струг посадского человека С. Аникеева: ограбили и ушли «в воровской Качалинской городок... а на весну хотели приходить для такого ж воровства на Волгу большим собранием». Неизвестно, были ли то разведчики Разина; во всяком случае, похоже, что до апреля никто о новых пиратах не слышал. В марте Разин с неустановленным числом людей на четырех стругах отплыл из Черкаска вверх по Дону и в точке, где Дон сближается с Волгой, между рек Тишина и Иловля, возле казачьего города Паншина, заложил стан, по примеру пиратов 1659 года названный Ригой. Очень удобный был стратегический пункт, легко наладить снабжение из Воронежа: купили там муку и свинец. (Вообще тогдашние воронежцы были люди предприимчивые, отчаянные и самостоятельные, а кроме того, имели массу родни на Дону.)

Разин собирал людей. А. Н. Сахаров: «Шла молва по Дону впереди стругов, что грабит Стенька домовитых, бьет и дерет их, а голутвенных ласкает, берет в свое войско. Хоронились прожиточные казаки в погребах и банях, прятали на огородах свое добро, а голутвенные люди по станицам ждали прихода разинцев и, едва их струги показывались в виду станицы, бежали на берег, вопили за своих радетелей и защитников, собирались в путь». Разин должен быть сумасшедшим, чтобы так восстанавливать казаков против себя. К тому же во все времена «домовитые» финансировали экспедиции в счет будущей добычи. Атаман города Паншина утверждал, что оружие, порох, деготь, тележные колеса и продовольствие у него отняли силой. Это может быть правдой, а может и не быть: впоследствии все поголовно утверждали, что Разин силой заставлял их делать то-то и то-то и по своей воле ни единый человек ему не помогал. О покупке того же пороха, дегтя и тележных колес у воронежских

производителей тоже есть документы: зачем тогда грабить? И, выходит, не так уж «голы» были разинцы, если могли расплачиваться?

Был Разин в ту пору — ну сущий ангел. А. Н. Сахаров: «Приходили казаки целыми отрядами... и для каждого у Степана находилось доброе слово, ободрение, шутка.

— Ну что, — говорил он крестьянину (так крестьянину или казаку? — М. ¥.), смотревшему на атамана во все глаза, — замерз, сердешный? — И он клал руку ему на плечо, прикрытое рваной дерюжкой...

Исхолодавшиеся и голодные люди, беглые и неприкаянные — вся голь верховая дивилась на атаманову ласку и простоту». Да еще и природу любил! С. П. Злобин:

«Проходя через сад, залюбовались усыпанной белым праздничным цветом яблонькой, срубили ее и во всей весенней красе поставили посреди одного из челнов, подвязав к мачте...

— Баловство! Яблонь годами растет! По другим хуторам чтобы мне деревья не рубить! — строго сказал Степан, не сходявший с челна и молча следивший за всем озорством».

Глава вторая

ЯИК

Обычно считается, что в Риге отряд Разина еще толком не решил, куда идти. С. В. Логинов, роман «Колодезь» (М., 2000): «Говорили про Персию, говорили и про Трапезун. В Туретчину не пропускает Азов и крымчаки, в жирные персидские города — собственный царь, у которого с кызылбашами особенная дружба. Значит, мимо Царицына и Астрахани придется бежать воровски, а то и боем. Однако приготовления шли: ладились струги, казацкая старшина, довольная, что шелупень уходит, не жалела ружей и порохового зелья. Хлеб на струги грузился помалу, чтобы уходящие знали: пан или пропал — не добудешь в скором времени зипунов, значит, помрешь голодной смертью. Семен лишь качал головой, глядя на приготовления. До Шемахи с таким запасом не доедешь, Азов воевать — тоже неместно. Значит, первое, что предпримут казаки, — начнут кормиться на родной земле, грабя и побивая тех, кто под руку подвернется». (Грабить «на родной земле», то есть на Волге, пираты могли как русские торговые суда и караваны, так и иностранные.)

Однако Разин мало похож на человека, пошедшего на рискованное предприятие без плана. Но какого? А. Н. Сахаров: «Разин ни словом, ни намеком не выдавал своих мыслей: только и делал, что слал людей всю зиму в верховые города, будоражил их сладкими надеждами, подогревал ненависть к боярам, воеводам и домовитым казакам». Пока что это абсолютно бездоказательное утверждение.

Поскольку царствование Алексея Михайловича было богато разбоями (не только казацкими) и бежали разбойники обычно в низовья Волги, тамошние градоначальники (воеводы) должны были держать ухо востро. Воеводы Самары, Саратова, Царицына и Черного Яра постоянно слали друг к другу станицы, предупреждая о появлении подозрительных людей; в помощь Москва давала сыщиков из Разбойного приказа. Так что сборище Разина было сразу замечено.

Грамота из приказа Казанского дворца астраханскому воеводе Ивану Хилкову от 22 марта 1667 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 38):

«Марта в 14 день писал к нам, великому государю, с Царицына Ондрей Унковской (воевода Царицына. — М. Ч.). Ведомо де ему учинилось от донских казаков, что на Дону в Паншине и Качалинском городках

збираютца воровать на Волгу многие воровские казаки, а чаять де, их будет с 2000 человек. И хотя, взяв под Царицыным струги и лотки в день за боем, идти для воровства. А только де учнут царицынские стрельцы битца, и они де побьют з 20 или с 30 человек, и царицынцы, того убоясь, прочь от них пойдут. И во многие де в донские городки пришли з украины беглые боярские люди и крестьяне з женами и детьми, и от того де ныне на Дону голод большой. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б от воровских казаков в Астарахани и на Черном Яру велели жить с великим береженьем...»

Помета на письме: «Записать в книгу и отписать к великому государю к Москве, что по вестям за воровскими казаки посланы ратные люди на море судами и сухим путем».

Какая военная сила противостояла казачьим или другим организованным бандам? В основном стрельцы — первое регулярное русское войско; однако они могли параллельно заниматься ремеслом и торговлей — как и казаки; плюс еще работали полицейскими и пожарными. (Подобным образом функционировала, например, Национальная гвардия во Франции времен Великой революции.) В Москве были пешие и конные стрельцы, в других местах в основном пешие; вооружены были ружьями, а кое-где по старинке луками.

В мирное время стрельцами становились свободные «гулящие» люди и родственники стрельцов. В войну в стрелецкие полки призывали «даточных» людей, то есть отдаваемых от определенного числа крестьянских или посадских дворов. Стрельцы получали денежное и продуктивное обеспечение; средства на их содержание собирались в виде налогов с населения («пищальные деньги» и «стрелецкий хлеб»), каждый город содержал своих стрельцов. Долгое время стрельцы имели налоговые привилегии, но в 1649 году их отменили; постепенно стало сокращаться их жалованье. Причем в разинский период стрельцам более или менее нормально платили только в Москве. Воевода каждого иного города считал своим долгом на стрельцах сэкономить. Стрелецкие начальники, как правило, обращались со стрельцами отвратительно: вычитали из и так уменьшавшегося жалованья, избивали, вымогали взятки, посылали работать в своих дворах; добавим, что в отдаленные от Москвы города ссылали провинившихся стрельцов. Нечего удивляться, что стрельцы были неблагонадежны. Потенциально это была взрывоопасная сила.

С 1630-х годов, то есть еще при царе Михаиле Федоровиче, началась организация полков нового строя — солдатских, рейтарских и драгунских. Если не вдаваться в подробности, различались они тем, что солдаты были

пехотой, рейтары — конницей, а драгуны — тем и другим вместе. Рядовой состав полков поначалу набирали из беспоместных дворян и свободных людей, потом — из даточных; командный состав сначала полностью был иностранным, позднее вырастили и своих командиров, но многие иностранцы остались. По-настоящему регулярными эти войска долго нельзя было назвать: в перерывах между войнами они распускались по домам. При Алексее Михайловиче призыв в полки нового строя стал пожизненным. Но сосредоточена эта сила была опять-таки в Москве. В другие города полки нового строя посылали лишь по необходимости.

Еще были два «выборных» полка, разумеется московских: набирали в них и боярских детей, и казачьих, и вольных людей, и даточных; они получали за участие в боевых действиях денежное вознаграждение и земельные наделы. Если стрельцы были самой ненадежной силой, то выборные полки — самой надежной. Возможно, не будь их, история пошла бы по-другому. Кроме вышеописанных родов войск в Москве существовали еще поместная конница — элитарное войско, состоящее из дворян, и жильцы, выполнявшие охранные функции и разные поручения; совершенно отдельной военной кастой были пушкари, которые передавали свои должности по наследству; были, наконец, служилые казаки.

Но пока вроде бы больших сил в ход пускать было незачем и воеводам предписывалось обходиться своими стрельцами, а Войску Донскому — урезонить своих казаков. 22 марта 1667 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 39) из Посольского приказа Яковлеву пришла грамота: «...и вы б послали от себя в Паншинской и Качалинской городки, выбрав из войск атамана и ясаула и з ними казаков добрых, чтобы они под Царицын и в иные места не ходили, и задоров никаких с царицынскими стрельцы не чинили, и стругов не имали, и ото всякого дурна и воровства велели их унять. А буде из тех казаков которые учинятца непослушны, и вы б тем за их непослушанье велели учинить наказанье по нашему великого государя указу и по войсковому праву, хто чего доведетца. А которые казаки объявятца з Дону в побеге, а перенять их буде не мочно, и вы б в те города, которые их побегу чаять, ведомо чинили воеводам, чтоб их за посыльчиков ваших не почитали».

Но донское правительство никогда (кроме исключительных случаев) не спешило исполнять подобных просьб и на сей раз тоже палец о палец не ударило; как сообщается 13 июня в грамоте из приказа Казанского дворца астраханскому воеводе Хилкову (Крестьянская война. Т. 1. Док. 54), 3 мая Яковлев писал Унковскому, что «жили де они с азовскими людьми в миру, и за их миром хотел было их войсковою казак Стенька Разин со товарищи

своровать, идти на море. И по их де отписке он с моря в больших лотках воротился и ничево не учинил, и прогребли мимо их Черкасского городка вверх по Дону. И они де, атаман и казаки, посылали за ними и их не нашли. А ведома де им в войску учинилось, что де тот Стенька Разин со товарищи пошел на Волгу реку воровать». Это и без того уже было известно.

Далее Унковский сообщал царю, что «он, Ондрей, для проведыванья и уговаривать тех казаков посылал служилых людей, и те де служилые люди, приехав, сказали, что тот Стенька в зборе с товарищи своими, с воровскими казаки, с 600 человек (а раньше сообщалось, что их было две тысячи — вообще в вопросе о численности разинцев путаница ужасная: и люди от них беспрестанно отставали и приставали новые, и осведомители ошибались и лгали. — М. Ч.) и больши, приехали к Паншинскому городку. А збираются де к нему беспрестанно и, едучи вверх по Дону, многие казачьи городки грабят и разоряют и проезжих торговых людей и казаков грабят и побивают до смерти». Все-таки сомнительно это «побивают до смерти» казаков — какой в том смысл? — да и Яковлев не сообщал ни о чем подобном. Он написал Унковскому, что послал за «ворами» людей, да не догнал (факт неподтвержденный). Продолжение рассказа Унковского:

«Да ему ж де, Ондрею, сказывали из войска присыльщики донские казаки, что писал де к нему, Стеньке, прежней станицы воровских казаков Федька Сукнин, чтоб он, Стенька, збирался воровать большими людьми, и, пришед к Яицкому городку, тот городок взяв, и учюг разорить и людей побить, а самому сесть в том городе, и, выходя ис того городка, на море и на Волге воровать...»

Яицкий каменный городок (позже Гурьев, а ныне казахский Атырау) на реке Яик — удобная база для операций по нижнему течению Волги и в Каспийском море (где были владения персидского шаха). На территорию яицких казаков, в свое время живших независимо, в 1640—1660-х годах приехали предприниматели Гурьевы и построили в устье реки рыболовные сооружения; казаки протестовали (отчасти из свободолюбия, но больше, надо полагать, из-за появления могущественного конкурента по рыболовному промыслу), но были усмирены правительственными войсками. А теперь обратим внимание на переписку Разина с Сукниным: она могла начаться, и скорее всего началась (раз о ней знали в Войске), еще до ухода Разина — вероятно, это и был его план, точнее, начальная часть плана.

Многословный Унковский (молодец, хотя и коррупционер был, но столько материала подарил историкам!) пишет далее:

«Да мая в 8 день посылал он, Ондрей, с Царицына на Дон к казачью

Паншину городку вожа Ивашку Бакулина да с ним пяти человек стрельцов для проводывания воровских казаков и чтоб языка у их поймать. И приехал де он, Ивашко, с товарищи з Дону, подали ему доезд, а в доезде их написано. — Съехали они де тех воровских казаков на Дону выше Паншина городка, меж Тишини и Иловли рек, мая в 9 день. Стоят на буграх, а около тех бугров вода большая, и про них де подлинно проведать и сметать, сколько у них человек и у них стругов и каковы струги, не мочно, и языка у них поймать за большою водою нельзе. А Паншина городка станичной атаман и казаки им, Ивашку со товарищи, сказали. — Приставали они, воровские казаки, к их Паншину городку и ружье, и зелье, и свинец, и запаса, и тележные колеса, и деготь насильством у них имали, а в зборе их было с 800 человек и больши. И еще де за ними после того воровские казаки мимо их Паншина городка проехали многие, а чаять де, их будет всех в зборе человек с 1000 и больши, потому что де из их донских казачьих городков к тем воровским казаком тайным обычаем многие люди уходят. А стругов у них де 4 струга больших черноморских, а малых стругов сколько, того они не ведают. И говорил де Стенька Разин им, Паншина городка атаману, чтоб им на Царицыне сказать воеводе, чтоб он царицынских служилых людей за ним не посылал, а пошлет де за ними служилых людей, и тех всех потеряет напрасно, а город де они велят зжечь».

Унковский всем рассылал тревожные письма, да и его можно понять. Из Москвы в волжские города пошли грамоты, предписывавшие воеводам «жити с великим береженьем» и ловить воровских казаков с помощью стрельцов. Но Унковский ограничился посылкой разведчиков, затем отправил к Разину для увещаний соборного протопопа и старца из Троицкого монастыря; как пишет Костомаров, воротились они не выдавши атамана, но получили подтверждение слухам, что тот идет на Яик да еще собирается «воевать тарковского шамхала». (Тарковское шамхальство — феодальное государство на территории современного Дагестана с центром Тарки, крупный торговый центр на перекрестке путей из Персии (Ирана) на Северный Кавказ и в Астрахань; русские войска неоднократно на него нападали.) Все это приказ Казанского дворца 13 июня перечисляет в своей грамоте, вновь требует следить и не пущать и сетует, что Астрахань до сих пор никого не прислала ловить Разина.

У того тем временем собралось (вроде бы так получается, если сопоставить разные источники) около двух тысяч человек, отряд, как положено, делился на сотни и десятки; есаулом стал казак Иван Черноярец. Так какова же была цель, кроме взятия Яика, устройства там своей столицы

и походов оттуда «за зипунами» (хотя и это уже немало)? Можно много чего предположить... Влюбленный в Разина Савельев написал пьесу в стихах «Степан Разин»:

*Покоя нет душе моей смятенной...
Горит она, горит, как пламень...
Вулкан в груди моей бурлит, клокочет...
Знать призван я, знать суждено мне свыше
Стать на защиту братьев угнетенных,
Бесправный люд, голодных мужиков...
Я видел все, я видел жизнь их,
Их кабалу, их стоны и проклятья...
Я видел жадных воевод, дьяков, подьячих
И лицемерие святош, ханжей продажных...
Все господа у них, рабовладельцы,
Жестокие, надменные, как крымские мурзишки,
Но гибкие и льстивые пред троном «падишаха»,
Где чают милостей за низкие поклоны.
Мужик у них холоп, как пес смердящий,
Без имени, без прав, защиты не имеет
У воевод, бояр и даже у царя...
Повсюду голод, плач и стоны,
Как будто Бог забыл их там.
Как будто Он заснул и ведать предоставил
Землей и миром этим наглецам,
Без совести, без жалости к трудящемуся люду...
А чем, спросить бы их, они нужней холопа?
Да, суждено... иду... и жребий брошен...
Перешагнул я пропасть и решил
Отмстить за все! за все отмстить!
И за народ униженный, забитый,
За слезы, стон, бессильные проклятья,
За плач детей, за вопли женщин,
И за поруганную честь и кровь казачью.
Иду! иду! и отомщу за все! за все!.. (Задумывается.)*

Каменский: «Ужо царёво рыло своротим! Сами на трон сядем! Сами управлять будем по-сермяжному! Освободим бедноту крепостную!

Приступом остроги возьмем! Князей, воевод, помещиков, дворян, купцов перещелкаем, как орехи! Эй, царская боярщина, берегись: бревнами станем лупить по жирным зарылбам! Отведем свою душеньку за мучительства! Кровь нашу правители да помещики заместо щей хлебали, смотри: одни кости остались. Отведаем, похлебаем и мы кровушки господской, сусла боярского. Чем хуже наше брюхо мякинное!

— Ой, шибко весело слушать мне вас, удальцы отпетые, — улыбался солнцем Степан, — знать и впрямь времячко пришло...»

И совсем загадочно — Велимир Хлебников, «Разин»^[28]:

*Мы, низари, летели Разиным.
Течет и нежен, нежен и течет.
Волгу див несет, тесен вид углов.*

*Взять язв.
Мака бури рубакам.
Вол лав — валов!
Потоп и Топот!
А гор рога:
О-го-го!
Шарашь! Эвона нанове!
Женам мечем манеж!
Женам ман нож!
Медь идем!
Медь идем!
Топора ропот
У крови воркуй.
Ура жару.
Не даден.
Мечам укажу мужа кумачом!*

А если без поэзии, но с логикой? Марций в диссертации писал, что целью Разина была борьба за власть. Выражение это лукавое. Те, у кого власть уже есть, всегда упрекают конкурентов в том, что те «хотят власти», как если бы сами они ее не хотели и их принудили силой. Политик всегда хочет власти, вопрос: для каких целей. Иногда по его заявлениям сразу ясно, что он, придя к власти, будет делать, но чаще на этот вопрос можно ответить, только когда человек к власти уже пришел и проявились

результаты. А поскольку Разин к власти по большому счету не приходил, то и мы вряд ли узнаем, что ему было нужно. Возможно, прав Наживин, предполагая у него уже в тот период «смутную, но, как ему казалось, грандиозную мечту, которую он всё это время носил в душе своей, мечту, в которой смешивалось как-то в одно: и новое, правильное устройство всего мира православного, и жгучая жажда большого богатства, большой славы, большой мести и большой власти для себя...».

Георгий Владимирович Вернадский, «История России» (М., 2014)^[29]:

«Цели Разина простирались дальше финансовых дел экспедиции. Он связывал ее с честолюбивыми планами широкого политического значения. Лично для него успех предприятия такого рода мог дать возможность стать признанным лидером всей Донской армии, а не только казацкой голытьбы. Более того, Разин и его соратники думали масштабнее: вдохновляясь традицией Смутного времени, они мечтали о введении казацкой формы правления во всем Московском царстве. Успех запорожских казаков, начавших в 1648 г. украинское восстание против поляков, и борьба украинских казаков с Польшей и Москвой (в 1666 г. и позже) не могли не произвести впечатления на воинственно настроенных донских казаков. Донские казаки, как запорожцы, традиционно выступали против крепостного права. Набег Василия Уса в 1666 г. выявил, что крестьяне в Московии находятся на грани бунта. Разин и его сподвижники были готовы возглавить этот бунт. Но прежде всего они должны были завоевать авторитет среди донских казаков, и успешная морская экспедиция казалась для этого наилучшим способом».

Украина — вот главное слово. Судя по дальнейшему развитию событий, Разин, возможно, еще до выхода из Черкаска думал о военном единении с запорожцами, и не только: более или менее казачьей была вся Слободская Украина (ныне — Харьковская область, за исключением юго-западных районов, юго-восточные районы Сумской, север Луганской и Донецкой областей Украины, часть Белгородской области России и юг Курской и Воронежской областей), защищенная от татар крепостями Белгородской засечной черты. Потенциально это была громадная сила, всегда готовая отшатнуться обратно от Москвы.

И все же точных данных о планах Разина в тот период нет, поэтому каждый вправе придумать их исходя из собою же придуманного разинского характера. Какой он был человек? Мы даже не знаем толком, как он выглядел. «Европейская субботняя газета» от 14 августа 1670 года (№ 38, Москва)^[30]: «Они слышали также, как многие люди — татары, казаки и

москвиты, часто бывавшие с ним, — говорили, что он при его безобразном теле, но большом уме способен совершить нечто особенное. Он невысок ростом, туловище у него небольшое, но плечи вдвое шире обычного». Гамбургская газета «Северный Меркурий»: «Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь». Стрейс, который его видел: «Это был высокий и степенный мужчина крепкого телосложения с высокомерным прямым лицом». Немецкий альманах «Поучительные досуги Иоганна Фриша»: «Он [Разин] был большого роста, неуклюжим, с такими широкими плечами, каких я ни у кого не видел. Однако талия у него была как у девушки. Его лицо достаточно ясно отражало его упорный нрав».

Нет ни одного его русского портрета — только три иностранных, причем неизвестно, с натуры они рисованы или как. На портрете немецкого художника Пауля Фюрста 1671 года у Разина на голове чалма, костюм восточный, борода черная окладистая. Вряд ли он носил чалму. На другой гравюре неизвестного художника Разин одет в стрелецкий кафтан, кудряв и как две капли воды похож на Петра I. Нам кажется, что правильнее будет поверить третьему портрету, так как он прилагался к упоминавшемуся анонимному «Сообщению...», весьма правдивому в целом. Там у Разина чуть выющиеся волосы, прямой нос, худощавое лицо, красивые брови, небольшие аккуратные усы и бородка. Какое у него было телосложение, какой цвет волос и глаз, голос, какие манеры и повадки, уже никогда не узнать, а значит, имеем право придумать.

И. Ф. Наживин: «Его грубое рябое лицо, с небольшой черной бородой, было правильно и красиво какою-то особою степной, дикой, звериной красотой, и карие глаза смотрели строго и повелительно». А. Н. Сахаров: «...широкий в плечах, с могучей шеей, гордо посаженной головой. Его темные негустые волосы, постриженные по казачьему обычаю в кружок, свободно падали на высокий лоб. Небольшая курчавая борода и густые усы обрамляли бледное рябоватое неподвижное лицо, обыкновенное русское крестьянское лицо, каких десятки в каждой деревне, если бы не глаза: они смотрели, казалось, каждый по-своему. Взгляд левого — спокойный, твердый, уверенный, открытый; правый — со злым прищуром, с ядом, издевкой». Е. П. Савельев: «Степан Разин был выше среднего роста, с темными, курчавыми волосами. Бороды он не носил; длинные с красивыми изгибами усы спускались в стороны. Взгляд его приводил в трепет самих его сподвижников, людей, как известно, не с очень нежными нервами. В черных глазах его горел высокий ум, была видна жестокая, непреклонная

воля, было что-то страшное и обаятельное. Каждое движение его нахмуренных бровей заставляло дрожать самых храбрых. Всякий видел в нем присутствие какой-то необъяснимой, «стихийной» силы. Он весь был живое воплощение беззаветной удали и ничем несокрушимой энергии. Движения его были резки и быстры, голос громок и внятен... Молчаливый и задумчивый и строгий с подчиненными, он умел привязать к себе всех и заставить безропотно ему повиноваться. В его словах было что-то обаятельное, демоническое и при том что-то властное и магическое...» Н. И. Костомаров: «...человек чрезвычайно крепкого сложения, предприимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой деятельности. Своенравный, столько же непостоянный в своих движениях, сколько упорный в предпринятом раз намерении, то мрачный и суровый, то разгульный до бешенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый с нечеловеческим терпением переносить всякие лишения... В его речах было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось в грубых чертах лица его, правильного и слегка рябоватого; в его взгляде было что-то повелительное; толпа чувствовала в нем присутствие какой-то сверхъестественной силы, против которой невозможно было устоять, и называла его колдуном. В его душе действительно была какая-то страшная, таинственная тьма. Жестокий и кровожадный, он, казалось, не имел сердца ни для других, ни даже для самого себя; чужие страдания забавляли его, свои собственные он презирал». Марций: «Человек хоть и безродный, но на редкость искусный и ловкий, готовый на любое дело».

В. М. Шукшин: «Шел тяжеловатой крепкой походкой. Ноги — чуть враскорячку. Шаг неподатливый. Но, видно, стоек мужик на земле, не сразу сшибешь. Еще в облике атамана надменность, не пустая надменность, не смешная, а разящая той же тяжелой силой, коей напитана вся его фигура... Голос у Степана грубый, сильный, а когда он не орет, не злится, голос его — родной, умный, милый даже... Он вроде все подсмеивается, но слышно, что — любя, открыто, без никакого потайного обидного умысла. Красивый голос, вся душа его в нем — большая, сильная. Где душа с перевивом, там голос непростой, плетеный, там тоже бывает красиво, но всегда подозрительно. Только бесхитростная душа слышится в голосе ясно и просто». Да уж — политик с бесхитростной душой... Зато харизма, видимо, была, и немалая. Историк XIX века С. М. Соловьев простодушно пишет: «...один из тех стародавних русских людей, тех богатырей... которым обилие сил не давало сидеть дома...»^[31] Историк начала XX века Н. Н. Фирсов: «Это несомненно был один из тех самородков, которые иногда выбрасываются из таинственных недр народной жизни на ее

поверхность и поражают наблюдателя преимущественно какою-то истинно богатырской неукротимостью воли»^[32].

По характеру он у советских авторов, конечно, добр и человеколюбив, хотя и не без жестокости. В. М. Шукшин: «Но — весь он, крутой, гордый, даже самонадеянный, несговорчивый, порой жестокий, — в таком-то жила в нем мягкая, добрая душа, которая могла жалеть и страдать. Это непостижимо, но вся жизнь его, и раньше, и после — поступки и дела его — тому свидетельство. Как только где натыкалась эта добрая душа на подлость и злость людскую, так Степана точно срывало с места. Прямо и просто решалось тогда: обидел — получи сам. Тогда-то он и свирепел, бывал жесток. <...> Он только мучился и злился, везде хотел успеть заступиться, но то опаздывал, то не умел, то сильнее его находились... И сердце его постоянно сжималось жалостью и злостью. <...> и живет-то она, эта душа, и болит-то — в судорожных движениях любви и справедливости». Из книги В. М. Шукшина: «Если в понятие интеллигентности входит болезненная совестливость и способность страдать чужим страданием, он был глубоко интеллигентным человеком»^[33]. (Вот только зачем же было в таком случае придумывать ему немотивированное убийство женщины в лесу?)

У Каменского Разин такая же чистая душа (но поэту простительно): «...хотелось ему, как в детстве, так и теперь — и будет потом — бродить одному с гусями по берегам, распевать песни кумачовые, жить где-нибудь в землянке у реки и по вечерам грустинно смотреть с высокой горы в синедальнюю глубь долины, созерцая мудрость тишины... хотелось Степану стать проповедником, странником по всей земле, и чтобы по его думе устраивалась жизнь человеческая, полная добра и красоты, полная звона семицветных радуг во славу любви единой. Но ни в детстве, ни теперь — и не будет потом — никогда не думалось Степану быть атаманом да вершить столь великие и беспокойные дела столь огромного множества людей».

Думалось или не думалось, болела душа или не болела, а надо было действовать: отряд набрался достаточно велик. По донесениям правительственных разведчиков, Разин сообщил Сукнину, что идет на Яик (и просил подкрепления). Для этого нужно было выйти на Волгу, постараться добыть там еще судов, миновать Царицын, Черный Яр и Астрахань, спуститься по Волге в Каспийское море и оттуда пройти к устью Яика. В мае 1667 года разинцы волоком перетащили струги на Волгу (примерно в том месте, где находится Волго-Донской канал). И началось

пиратство — поначалу не столько ради «зипунов», сколько ради стругов для охоты на зипуны.

*Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте,
Как млад ясен сокол стал на взлете.
Доселева Степанушка в круги к нам не хаживал,
Крепку думушку с казаками не думывал,
А нынече Степанушка в кругу стоит,
С казаками крепку думушку он думает.
Возговорил Степанушка таковы слова:
«Ой вы гой еси, казаки братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки,
Меня, Степанушку сына Тимофеевича, Разина.
Сядемте мы, ребятушки, в свой легкий корабличек,
Побежимте мы, ребятушки, в сине море,
Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики,
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла без государева»^[34].*

И тем не менее первым предприятием Разина на Волге считается нападение именно на «сизого орла государева» — крупный речной караван, ходивший дважды в год из Нижнего Новгорода в Астрахань: часть судов в нем принадлежала московскому правительству, часть — патриарху Иоасафу И, а часть — лично царю. Возможно, однако, что этому акту пиратства предшествовал другой, о котором сообщал Хилков терскому воеводе И. Ржевскому 1 мая (Крестьянская война. Т. 1. Док. 42): еще в апреле ему пожаловались купцы Луковников и Васильев и «иные де товарищи иноземцы тезики^[35] и индейцы^[36] во стругах с товаром», которые шли в Астрахань и «о урочище у Двундцати Колков» на них «наехали воровские казаки в стругах человек с 70, и те воровские казаки за ними гонялись и из ружья в них стреляли, а никого не убили. А взяли де у них струг один с товары и с людьми. А людей де на том стругу взяли они, воровские казаки, 3-х человек индейцев да 3-х человек татар...».

Ограбление каравана, конечно, нашумело больше. Там было множество судов с купеческими товарами, в том числе большое судно купца Шорина, везущее казенный хлеб, а также судно со ссыльными — беглыми стрельцами и «гулящими людьми». Караван сопровождал отряд стрельцов под начальством дворянина Степана Федорова, сами купцы и

приказчики были привычны к грабежам, хорошо вооружены, смелы. Но пираты оказались проворнее. А. Н. Сахаров: «Разин выпрыгнул на головное судно одним из первых. С саблей в руке бросился к стрельцам. Так страшен был Степан в своем неистовстве, что даже не сопротивлялись стрельцы. Побросали сабли и пищали на палубу». Н. И. Костомаров: «Стенька сам взошел на патриарший насад, перебил руку монаху-надзорщику и приказал повесить на мачте трех человек, вероятно за то, что показали охоту сопротивляться». С. М. Соловьев: «Ладья с государственным хлебом шла ко дну, начальные люди лежали изрубленные, с почернелыми от огненной пытки телами, или качались на виселицах, старинный соловецкий богомолец сам переломил руку у монаха патриаршеского». Кто же все-таки сломал руку монаху? Бог знает...

А вот еще документ — фрагмент большой сводки (Крестьянская война. Т. 1. Док. 106), сделанной в феврале 1670 года в приказе Казанского дворца (эта сводка просто клад: в ней пересказывается масса событий, непосредственные донесения о которых утеряны или неполны):

«Да майя в 13 день [1667 года] писали... и с Саратова воеводы, что воровские де атаман Стенька Разин со товарищи пошли на Волгу и на нагорной де стороне многие струги и насады поймали и гостя Василия Шорина и многих промышленных людей погромили, и хозяева тех судов у них, казаков, в полону. И с тех де насадов и стругов живот всякой, и деньги, и ружье, и запасы грабили и имали к себе. Да с тех же насадов пошло в казаки работных людей человек до ста. Да тех же воров атаман Стенька Разин со товарищи патриарших двух человек дворян, да Василья приказчика Шорина Федьку Черемисина да работника, да казанского митрополита дворянина повесили, да синбирскаго сына боярского Степана Федорова да синбирских стрельцов трех человек в воду посадили и иных де многих хозяев и работников бьют и вешают безпрестанно... Да июня в 15 день в роспросе сказал нижегороцкой поп Ондрей Титов да балахонского уезду Заузольской волости крестьяне Ондрюшка Иванов да Оничко Яковлев с товарищи, 20 человек. — Были де они на лодьи гостя Василия Шорина, которая ладья с государевым хлебом, и ныне де от воровских казаков потоплена... Да Васильева де приказчика и работного человека срубили да двух человек ранили... всех порубя, отпустили куды хто хочет. А которые люди повешены по насадом, тех не велели они снимать. А которые ссыльные люди посланы были в Астарахань с Кузьмою Керентовым, и тех людей его казаки росковали. И те де ссыльные люди всяким людем чинят всякое разоренье, мучат и грабят пуце прямых донских казаков. А его де, Кузьму Керентова, с женою и з детьми и со

всеми людьми, пограбя весь живот и запасы, сняли платье до нага, оставили с государевой казней на песку. А струги лехкие побрали себе и по всем де насадом и по лодьям и по стругам по большим и малым всякой живот и судовые всякие припасы пограбили и многих людей мучили и до смерти побивали. А им де и всяким людем и их братье, работником, сказав, дали волю, кто же хочет на низ, велели плыть за собою».

Страшно любопытно, что не взяли казнь, — рассчитывали, что Москва не так сильно будет сердиться?

Кузьма Керентов, отвечавший за конвоируемых ссыльных, в июне 1667 года давал показания в Астраханской приказной палате (Крестьянская война. Т 1. Док. 53): «700 казаков (опять их стало меньше! — М. Ч.), Стенька Разин со товарищи, напали, ниже Саратова напали, пограбили и разорили совсем без остатку... А тех де ссыльных людей, которые посланы с ним, Кузьмою, ис Казани, взяли к себе на струги и кандалы на них разбили и пометали в воду, а иные взяли с собою, и говорили тем ссыльным людем: хто де хочет идти с ними, воровскими казаками, охотою, а неволей де они никого с собой не ем-лют».

У Кузьмы было 20 ссыльных — из них с Разиным ушли не все, а семь стрельцов, один солдат и один «гуляющий человек». Куда больше народу перешло к казакам из гребцов и стрельцов. Из сводки: «...пристали к нему, Стеньке, ярыжных (чернорабочих. — М. Ч.) по ево подговору с Васильева насаду Шорина 60 человек, с патриарша 100 (! — М. Ч.) человек, да патриарш сын боярской Лазунко Жидовин». Это далеко не последний боярский сын, приставший к Разину. Сводка подтверждает, что «старца патриарша насадного промыслу били и руку ему переломили, да трех человек патриарших насадных промышленников повесили за ноги, а иных за голову»; все источники, однако, сходятся на том, что с собой пираты никого насильно не звали. Костомаров (очень неприязненно к Разину относившийся): «Он сказал: «Вам всем воля; идите себе куда хотите; силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочет идти со мной — будет вольный козак. Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бедными и простыми готов, как брат, всем поделиться». Ну уж наверное не альтруизм им двигал: люди были нужны, а вооруженные стрельцы — чего лучше желать?»

Касательно убийств и пыток. Человеческая жизнь ничего не значила, и нравы были жестокие. (Как, впрочем, и в XX веке в Европе, как и во многих местах земного шара сейчас.) В соответствии с Соборным уложением применялась казнь через отсечение головы, повешение, утопление, сожжение, четвертование, залитое горла раскаленным

металлом, посадение на кол, повешение за ребро; среди наказаний были отрубание рук, ног и пальцев, отрезание ушей, вырывание ноздрей, вырезание языка. Женщин закапывали живыми в землю, забивали камнями, вырывали щипцами грудь. (Примерно то же практиковалось и во многих других государствах.) Бунтовщики калечили и убивали людей, в том числе мирных. Правительственные чиновники калечили и убивали людей, в том числе невинных. Голландец Людвиг Фабрициус, бывший на военной службе в России с 1660 года и лично наблюдавший многие предприятия Разина^[37]: «Эти каналы... стали захватывать крепости, убивать всех и грабить все, что им попадалось под руку, не щадя никого и ничего. Тиранствовали они ужасно: вешали людей за ноги или прокалывали человеку ребра и затем подвешивали его на железные крюки».

И он же — о том, как был после подавления мятежа наказан целый город: «Свирепствовал он (воевода Я. Н. Одоевский. — М. Ч.) до ужаса: многих повелел кого заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать язык из глотки, кого заживо зарыть в землю. И так поступали как с виновными, так и с невиновными. Под конец, когда народу уже осталось мало, он приказал срыть весь город. По его приказу люди стали вновь строить дома за городом. Когда дома уже были наполовину выстроены, их приказали снова разобрать, и людям пришлось снова перевозить срубы в Кремль. При этом им приходилось самим с женами и детьми таскать телеги взад и вперед, ибо лошадей не было. Часто бывало даже, что беременные женщины падали от тяжелой и непосильной работы и подыхали вместе с младенцем, как скотина... После такого длительного тиранства не осталось в живых никого, кроме дряхлых старух да малых детей». Зверствовали обе стороны; в количественном отношении, конечно, правительство — гораздо больше (с другой стороны, оно защищалось; с третьей стороны, оно само тиранством провоцировало людей на преступления). Впрочем, добрый Евгений Евтушенко в поэме «Братская ГЭС» советовал Разину убивать еще больше:

*Грешен я в глазах моих тем,
что мало вешал их.
Грешен тем,
что в мире злобства
был я добрый остолоп.*

«Мало вешал» — так безобидно звучит... Интересно, помнил ли

Евтушенко повесть Тургенева «Призраки»:

«Я оглянулся: никого нигде не было видно, но с берега отпрянуло эхо — и разом и отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары весел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрип снастей и колес, и лошадиное скакание, звон набата и лязг цепей, гул и рев пожара, пьяные песни и скрежещущая скороговорка, неутешный плач, моление жалобное, отчаянное, и повелительные восклицанья, предсмертное хрипенье, и удалой посвист, гарканье и топот пляски... «Бей! вешай! топи! режь! любо! любо! так! не жалеи!» — слышалось явственно...

— Степан Тимофеич! Степан Тимофеич идет! — зашумело вокруг. — Идет наш батюшка, атаман наш, наш кормилец! — Я по-прежнему ничего не видел, но мне внезапно почудилось, как будто громадное тело надвигается прямо на меня... — Фродка! где ты, пес? — загремел страшный голос. — Зажигай со всех концов — да в топоры их, белоручек!

На меня пахнуло жаром близкого пламени, горькой гарью дыма — и в то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мне в лицо и на руки... Дикий хохот грянул кругом».

Советские биографы Разина вынуждены изворачиваться, чтобы показать героя не таким жестоким. Любимый их прием: когда надо было кого-то убить, Разин советовался с «народом» и слушался его. А. Н. Сахаров:

«— Ну, что делать с ними, братцы, — обратился он к работным людям и колодникам, — казнить или миловать? Как скажете, так и будет.

Те нестройно закричали:

— А чего там думать, тащи их, псов, на виселицу! Кинуть в воду, и делу конец, лизоблюды окаянные!

...А Разин сидел хмурый. Он знал за собой приливы этой неистовой дикой злобы, когда темнеет разум и появляется неуголимое желание все крушить и уничтожать».

У С. П. Злобина Разин вообще не принимает участия в расправе: всех порубили и перевешали сами стрельцы, а Степан даже и не хотел на караван нападать, а теперь не знал, радоваться ли победе. Теперь в руках его было много оружия, были пушки и порох. Дружина пополнилась толпой отчаянной, бесшабашной гольтыбы. «Ну чисто детишки, — подумал Степан, — шумят, озоруют, а что будет завтра — о том нет и в мыслях!..» Поозоровали детишки — прямо пионерский лагерь...

Однако все это еще находилось в пределах того, что обычно делали

«воровские» казаки на Волге. И воеводы должны были управляться сами. Около 15 мая Хилков сообщает Ржевскому, что 24 апреля ловить разинцев отправился берегом стрелецкий голова Василий Лопатин со 175 стрельцами и стрелецкий голова Семен Янов с таким же количеством людей в стругах и что «о урочище промеж Белово и Кумского майя в девятом числе с ними, воровскими казаками, учинили бой... многих воровских казаков побили до смерти, а иные де раненные металися в воду; ушли на степь осьмнадцать человек» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 42); далее Хилков писал, что путь по Волге абсолютно безопасен и все в порядке, но уже через неделю сообщил Унковскому, что дело серьезно, и 22 мая доложил в Москву, что послал из Астрахани «по воде 400 стрельцов и солдат 100 по суху конных стрельцов 300 и татар 300» и «велели им ехать до Черного Яру и до Царицын, и где про тех воровских казаков весть будет» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 44).

Царицын строился как большинство старых русских городов: сперва ставили крепость, окружая ее бревенчатым или бревенчато-земляным валом с башнями и пушками на нем, под стеной рыли ров; внутри этого сооружения помещались хоромы воеводы и важных бояр, присутственные места, военные склады, церковь; кругом крепости располагался посад, где жили люди побогаче, и его зачастую тоже окружали валом, а третий круг был — слободы, для горожан попроще. Вроде бы есть защита, но Унковский с беспокойством сообщал в Москву, что если казаки придут, то защищаться будет трудно, так как в царицынском гарнизоне всего 300 стрельцов (остальные разосланы с разными поручениями).

28 мая 1667 года на рассвете Разин с отрядом предположительно в 1000–1500 человек (источники, как обычно, расходятся) на тридцати пяти (а может, и не на тридцати пяти...) стругах подошел под стены города и начал обстрел из пушек и ружей. Зачем ему нужен был Царицын, если он хотел поскорее попасть на Яик, чего он добивался от Унковского? Оказывается, была причина. В начале июня Хилков писал Ржевскому, ссылаясь на рассказ Унковского: «Майя де против 28-го числа в пятом часу ночи пригребли под Царицын сверху Волгою рекою воровские казаки, Стенька Разин со товарищи во многом собрание, в 30-ти в 5-ти в морских и мельнишных стругах, по смете с ним будет с тысячи полторы и больши. И стал приступать к городу и ис пушек и из ружья стрелять беспрестанно и город хотел зажечь подметом, а загогши город, идти на приступ и город взять приступом. И ночь де он всю сидел в осаде з большим опасением. Да того ж де числа в третьем часу дни присылал к нему, Ондрию, с угрозами многожды для переговору ясаула Ивашка Чернояра, чтоб он, Ондрей, выдал

на грабеж струг на разоренье со всеми животы стольника Льва Плещеева да шаховой области купчину, который зимовал на Царицыне, со всеми ево животы и товары» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 47).

Унковский пошел на переговоры. Почему он не отогнал казаков, ведь у него все-таки были пушки и крепость? А вот почему. Из сводки 1670 года: «Сказывал в Синбирску с синбирского насаду работник Федька Шеленок и иных чинов люди. — Донские де казаки, атаман Стенька Разин да ясаул Ивашко Черноярец, а с ним с 1000 человек, да к ним же де пристают по их подговору волжские ярышки, караван астарыханской остановили выше Царицына. А как они, воры, мимо Царицына Волгою плыли, и с Царицына де стреляли по ним из пушек, и пушка де ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил. А стояли от города в 4 верстах и присылали они на Царицын ясаула... и взяли на Царицыне у воеводы наковальню и мехи и кузнечную снасть. А дал он им, убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пицаль ни сабля, ничто не возьмет...»

Надо полагать, стрельцы попросту не хотели стрелять и не подчинились приказу, или сам воевода все прохлопал либо испугался: надо же ему было потом как-то объяснить царю, почему он не только не задержал казаков, но и беспрекословно отдал им по их требованию кузнечную снасть. Отсюда намек на сверхъестественные силы, защитившие разинцев.

Неизвестно, сразу ли распространилось мнение о Разине как о колдуне или это более поздний фольклор: в приговоре от 6 июня 1671 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 81) его в колдовстве не обвиняли, а фольклор по-настоящему начали собирать лишь в XIX веке^[38]. «Песни и сказания о Разине и Пугачеве» под редакцией А. Н. Лозановой (М., 1935):

«[Разин] возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют. — Он, по-нашему, как бы как дьявол был. Стреляют в них, стреляют, стреляют. «Стой-ко-те!» — кричит его сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды, по-вытряхнут пули и отдадут назад; а сами стреляют, как «прядь» делают. — Сенька^[39] заговаривал от пуль... Сенька Разин на своей кошме-самолетке-самоплавке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон».

Костомаров: «Народное предание говорит, что чародей Стенька останавливал плывущие суда своим ведовством. Была у него кошма, на которой можно было и по воде плыть, и по воздуху летать. Как завидит он с высокого бугра судно, сядет на кошму и полетит, и как долетит до того, что станет над самым судном, тотчас крикнет: «Сарынь на кичку!» От его слова

суда останавливались; от его погляда люди каменели». («Сарынь» — искаженное слово «чернь», кичка — возвышенное место на носу судна. По наиболее распространенной версии, «Сарынь на кичку» кричали разбойники, нападая на судно: это было приказание бурлакам и прочим работным людям убраться на кичку и не мешать грабежу; есть также ряд версий о том, что «сарынь на кичку» — это искаженное произношение различных нерусских слов; в любом случае, возглас этот — разбойничий, пиратский.)

И. Н. Кузнецов, «Предания русского народа» (М., 2008):

«Совсем мальчишкой попал Стенька в шайку к разбойнику Уракову. Был он кашеваром на корабле. Да не заладил пятнадцатилетний мальчишка с атаманом. Идет как-то купеческое судно, приготовился Ураков захватить его. А молодой кашевар кричит:

— Не тронь, бедно оно!

Тот и пропустил. Показалось из-за острова другое судно, а Стенька опять:

— Брось, не стоит, бедно!

Атаман и это судно пропустил, но жутко рассердился на Стеньку.

— Молодой еще мной командовать! — выпалил он и нажал на курок пистолета. А Стенька даже не пошатнулся. Вытащил пулю и подает ее назад Уракову.

— Возьми, — говорит, — может, в другой раз пригодится.

Ураков в ужасе упал на землю, а кашевар тут же пристрелил его из незаряженного пистолета. И сам стал атаманом. Пошел Разин вольничать да разбойничать. Все ему нипочем. Грабил без разбора и царские суда, и купеческие. Никого не боялся. Говорят, была у него, кроме людской, и другая — нечистая сила. Еще в детстве он себя нечистому продал, не боялся ни пуль, ни железа, на огне не горел, ни в воде не тонул».

Что касается полетов Разина по воздуху, то есть версия исследователя Л. М. Вяткина^[40]:

«Мне представляется весьма любопытным утверждение старого бакенщика на Каме, близ Перми, слышанное им от дедов на Волге, что-де разинцы подавали друг другу сигналы (с берега на берег и на разбойные струги) при помощи больших воздушных змеев, называемых «голубями», что непосвященным простым людом воспринималось как колдовство. Нельзя не признать, что сигнализация разинцев при помощи змеев в значительной степени объясняет их осведомленность, и стремительную неожиданность атак, и захват купеческих стругов на Волге. Без хорошей связи это было бы трудно сделать: собрать вооруженную ватагу,

организовать засаду, в нужный момент ринуться на абордажный бой. К запущенному змею можно было послать в воздух условный знак в виде квадрата, треугольника, шара и т. д. Такой закодированный знак мог дать краткую информацию о количестве судов (сколько, куда, откуда), сообщить время прохождения «разбойного места», засады и многое другое».

Разин в фольклоре — существо абсолютно сказочное, более фантастическое, чем, например, Илья Муромец; он бросает в небо предметы и создает созвездия, дует на лес — и лес ложится; создает гигантскую ступку, производящую в неограниченных количествах соль; свои силы он получил, по одним легендам, от нечистого, по другим — от чудовища Волкодира, который стережет границу добра и зла. Из записей Д. Н. Садовникова:

«В одно прекрасное время взял Стенька шашку и ружье, вышел за ворота. Шел он немного чащей и вышел на большую поляну. Вдруг видит перед собою огромную чуду.

— Нет, это не так, — думает, — я здесь теперь должен погибнуть.

Испугался, стоит на одном месте, не знает, что делать.

— Куцы же мне деться и как от этой чудищи скрыться?

Чудища подняла голову и увидела юношу; дохнула на него и стала двигаться к нему...

— Неужто, — думает, — Бог мне не поможет срубить Волкодира? Я не буду так трусить, и Бог поможет!

Волкодир его тянет и хочет проглотить сразу. Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти его разрезал. Когда челюсти ему до ушей разрезал и нижняя часть отстала, захватить Волкодира силы не стало, развернулся Степан своею шашкой и давай голову рубить, сколько силы его хватало (потому что он был не богатырь). Отрубил голову, стал брюхо разрезать; разрезал брюхо, нашел в кулак камень и дивуется над этим камнем. Повернулся и пошел. Идя он дорогой, думает себе:

— Что это за вещь такая и какой это камень?

Взял, нечаянно лизнул и узнал все, что есть на свете, ахнул перед собой.

— Вот, — думает, — этот камень мне дорог!»

Во многих легендах имя Разина связывали с Мариной Мнишек (то ли потому, что казаки в свое время стояли за Марину и хотели посадить на трон ее сына, то ли просто по ассоциации — как с бунтовщицей и колдуньей). «Предания русского народа» (записал знаменитый фольклорист XIX века Павел Иванович Якушкин):

«В Орловском кусте обитала атаманша Марина-безбожница, а в

Чукалах — Стенька Разин. Местности эти в то время были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькой вели знакомство, и вот, когда Марина вздумает со Стенькой повидаться, то кинет в стан к нему, верст за шесть, косырь, а он ей отвечает: иду-де, и кинет к ней топор. Марина эта была у него первой наложницей, а прочих — до пятисот, и триста жен».

Но самые прелестные легенды — об отношениях Разина с фауной. «Песни и сказания о Разине и Пугачеве»: «За Волгой вот хорошо из-за этого, там ни одна змея не кусается. Всех их там заговорил Стенька Разин на веки-вечные. Он брался заговорить их и во всей России, даже не одних змей, но всяку гадость, как то: блох, клопов, вшей, комаров, вообще всяку гадость, которая кусает человека. Но, прежде чем заговорить, просил собрать дань в размере с каждой души по одной денежке».

Итак, переговоры с казаками состоялись (из сводки): «И атаман де Стенька к нему, Ондрею [Унковскому], приказывал. — В войске де им пить и есть стало нечево, а государева денежного и хлебного жалованья присылают им скудно, и они де пошли на Волгу прокормитца. А Астрахань де они хотят проехать среди бела дня. А которые де взяты на море воровские казаки 6 человек, и тех казаков они хотят выручить. И того ж де числа, в девятом часу дни, от града стругами отошел и стал со всем войским на Срапинском острове. А што у него с войским какая мысль и дума, ему де, Ондрею, о том не ведомо. А к нему де, Ондрею, беспрестанно присылают с угрозой и хотят город взять взатьем».

Получил ли Разин от воеводы что-либо помимо кузнечных снастей — неизвестно. Выдали ли ему арестованных казаков — а он своих по мере возможности старался выручать, потому, быть может, и стоял, теряя время, на острове в четырех верстах от города, — неизвестно. Вероятно, в это время продолжались пиратские нападения. Никто из историков и писателей эту стоянку толком не объясняет; по версии А. Н. Сахарова, казаки несколько раз собирали круг и думали, куда им дальше ехать. Однако Разин с самого начала стремился на Яик с далеко идущими планами. То ли другие казаки вдруг не захотели с ним ехать, а авторитет его еще не был непререкаемым, то ли сам он подумывал о том, чтобы взять Царицын, увидав, как непрочна его защита. Любопытно, что у С. П. Злобина казаки более «сознательны», чем сам Разин:

«Степан, оставшись один, бродил по бугру и, незамеченный, слушал говор казацкой вольницы. Все роптали. Бранили его, своего атамана:

— Сережка да Черноярец, как воронье, налетели махаться саблями на народ! Вот те и вольное войско казачье!

— В разбой мы пошли — не на доброе дело, не жди и себе добра! Не с голоду сдохнем, то атаманы побьют!.. Лих атаман! Тут будет похуже дворянской неволи!»

Через три дня казаки пошли вниз по Волге. Наказная память из Астраханской приказной палаты стрелецкому голове Яицкого городка И. Яцыну (Крестьянская война. Т. 1. Док. 46): «Майя де в 31 день в третьем часу пригребли к Черному Яру сверху Волгою рекою воровские многие казаки, атаман Стенька Разин со товарищи, в 30-ти в 5-ти в морских и мельнишных стругах и почали под город приставать к берегу. И головы де стрелецкие Богдан Северов и Василий Лопатин с ратными людьми, с конными и с пешими стрельцы и с салдаты и с татары, выбрався на берег, против их пошли на бой».

На сей раз казаки от боя бежали, «а чаять де им поход на море и город у Яику». Хилков писал Ржевскому, что ниже Черного Яра на реке Бузан казаки разгромили стрелецкого начальника Семена Беклемишева. Из сводки: «ограбили без остатку и руку ему чеканом прорубили и плетьми ево били и вешали ево на шоглу». С этим Беклемишевым не вполне ясно: шел ли он на Разина (и с какими силами?) или просто попался под руку. Зато известно, что для розыска Разина был направлен на Волгу и далее на Каспий «полуполковник» Иван Ружинский с пятьюстами солдатами.

2 июня, как сообщал Хилков Унковскому (Крестьянская война. Т. 1. Док. 51), казаки прошли мимо Красного Яра, затем 5 июня «рыбных ловцов и дровенников грабили, государево ружье и платье отымали; и взяли де с собою человек с 6, а пушкаря де Пиляска отпустили з дороги, отъехав от города верст з 10». Наказная память Ружинскому из Астраханской приказной палаты (Крестьянская война. Т. 1. Док. 45) требует казаков «переимать» и «привесть в Астарахань», а также ссылается на распоряжение царской администрации, адресованное воеводам поволжских городов: «А однолично б вам государевым делом радеть и промысл чинить заодно, а розни меж себя ни в чем не чинить» — видно, была-таки рознь...

Еще до этого, 2 июня, Хилков передал наказ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 46) Яцыну об усилении обороны города, а также сообщил, что на Разина идут Волгой и сухим путем отряды подполковника Богдана Северова, Никиты Лопатина и Герасима Голочарова. Кроме того, правительство направило указ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 59) в Казань, чтобы оттуда «отправить на тех воровских казаков нашего царского величества и конных и пеших воинских людей», а «тайшам колмыцким ведом учинен, чтобы тем ворах пристани нигде не давали и затейным их речам, где учнут пролыгатца, будто они нам, великому государю, служат, не

верили». Это первое упоминание о том, что Разин прикрывался именем царя — именно в переговорах с калмыками. Это был бы сильный ход и вполне осуществимый: ведь Разин прежде уже приезжал именно от царя к калмыкам. Однако неясно, как повели себя калмыки — скорее всего, уклонились от каких-либо действий, так как пока не упоминается ни о их помощи Разину, ни наоборот.

Кзаки по восточной протоке дельты Волги вошли в Каспийское море, остановились недалеко от устья Яика на острове Шутовы Шалыги. Их продолжали преследовать отряды, вышедшие из Астрахани, но опоздали. Когда и как именно Разин брал Яицкий город, не вполне ясно, в документах, относящихся к тем дням, ничего толком не объясняется, вероятно, пропало сообщение всеведущего Унковского, так как в грамоте из приказа Казанского дворца от 29 июля (Крестьянская война. Т. 1. Док. 60) царь ссылается на таковое сообщение и укоряет Хилкова: «А вы нам ничево про это не отписывали». (Лишь 7 августа Хилков отправил свой доклад.)

Унковский сообщал царю, что — как рассказал ему некий посадский житель — на реке Яик между стрельцами и казаками был бой. В сводке же 1670 года со ссылкой на показания подполковника И. Ружинского говорится, что Разин и с ним 40 казаков пришли к городовым воротам «и просились в Яицкой церкви помолитца»; Яцын разрешил их впустить, они вошли, как троянский конь, и открыли проход остальным, а уже потом был бой «и многия ратные люди остались в камышах». Эту версию подтверждают и рассказы других людей, и все же она неубедительна: Яцын только что получил наказ «жить с величайшим береженьем», зачем бы он впустил в город 40 здоровенных мужчин? Скорее уж люди Федора Сукнина открыли ворота по договоренности с Разиным (связь и разведка в войсках Разина с самого начала были поставлены отлично, лучше других служб; такой же разведкой мог похвалиться разве что Унковский).

Теперь уже Разин сидел в защищенной крепости. А с Дона шло подкрепление. В донесении из приказа Казанского дворца в Посольский приказ от 20 июля (Крестьянская война. Т. 1. Док. 57) со ссылкой на Унковского (тот, в свою очередь, всегда ссылается на чьи-то рассказы) сообщается, что на Дону «казак Микишка Волоцкой, прибрав с собою человек с 40 и больши, и иных прибирает, и хочет идти на Волгу реку к Стеньке Разину воровать вместе»; «в низовых донских городках прибираетца на воровство за Стенькою ж Разиным казак Ивашко Серебряков, а прибрал к себе з 250 человек и больши и прибирает по городкам беспрестанно, так же как и Стенька». Зато некоторые казаки, как

говорится в этом же документе, от Разина отстали и вернулись домой; войсковая администрация хотела их казнить, но ограничилась устным порицанием. В донесении Унковского указано, что Войско вообще ведет себя нехорошо: ни разу даже не попыталось что-либо предпринять для поимки Разина. Если предположить, что разинцев, собиравшихся в богатую Персию, как обычно в подобных случаях, финансировали зажиточные казаки, такое бездействие ничуть не удивляет.

Считается, что, захватив Яик, Разин в тот же день казнил, точнее, приказал казнить Яцына и 170 стрельцов. Факт убийства Яцына подтвержден многими документами. О казни 170 стрельцов — как показывал впоследствии на допросе человек, по его же собственным словам (Крестьянская война. Т. 3. Док. 208.26 июля 1672 года — отписка астраханского воеводы Я. Одоевского в приказ Казанского дворца об отсылке допросов участников восстания), непосредственно производивший казнь, — бывший сотник Острогжского полка Яков Чикмаз (или Чикмез; до встречи с Разиным человек зажиточный и преуспевающий). Однако ни в сводке, ни в приговоре Разину эти убийства не упоминаются, так что этот факт сомнителен, во всяком случае, сомнительно количество убитых: зачем Чикмезу было нужно такое признание? (Что именно Чикмез убивал, подтверждают показания стрельцов от 26 июля 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 209), но никаких цифр они не называют.)

С. М. Соловьев: «Яцын с своими стрельцами не сопротивлялся, но и не приставал явно к ворам. Это не понравилось атаману: вырыли глубокую яму, у ямы стоял стрелец Чикмаз и вершил суд своих товарищей, начиная с Яцына: сто семьдесят трупов попадало в яму». А вот Костомаров, которого никак нельзя заподозрить в снисходительности к Разину, на 170 убитых настаивает: «Стенька приказал вырыть глубокую яму и повел к ней Ивана Яцына; стрелец Чикмаз отрубил ему голову; то же сделали с другими начальниками и некоторыми стрельцами». Непонятно, зачем нужно было убивать столько стрельцов и восстанавливать это сословие против себя; тот факт, что впоследствии стрельцы в разных городах не боялись Разина, а массово переходили на его сторону, тоже косвенно опровергает версию о столь массовом убийстве.

Беллетристы, конечно, принимают это количество за чистую монету. Наживин:

«А вокруг, вдоль стен и по стенам, по крышам и по бурханам стояли посадские люди, — женщины, казаки, дети, попы, стрельцы, девушки, — ужасались, ахали, отворачивались, закрывали глаза, но не уходили, и, когда смотрели они на разрядившегося Степана, в глазах их был и ужас, и

подобострастие...

— Сто семьдесят... — всё бахвалясь, крикнул Чикмаз, отирая пот и уже не раз сменив саблю. — Еще кого?

— Довольно... — громко сказал Степан. — Будет!..

И в самом тоне его все услышали полную уверенность, что, действительно, надо было порубить сто семьдесят человек, не больше и не меньше...»

Это не Разин — это Ежов какой-то или Вышинский... При всей жестокости Разина — будто ему в тот момент больше делать нечего было, как считать стрельцов...

Советские романисты — в отличие от эмигранта Наживина — пытались Разина как-то оправдать. У С. П. Злобина пленный стрелец хотел убить Разина, его зарубили: «Выходка молодого десятника поразила его. Он не мог понять, из-за чего этот молоденький паренек обрек себя на смерть. И Степан ничего не сказал на злобный возглас Сергея. «Всех так всех! Пусть казнят! — мысленно согласился он. — А чего же с ними делать?! В тюрьме держать на измену? Самому себе в спину готовить нож? В осаде сидеть, голодать да столько врагов кормить на хлебах?!». Но он мучится: «Возня, творившаяся кругом, едкий дым, комары, поминутно садившиеся на виски и на шею, проклятый зной, душно висевший кругом, исходивший, казалось, из недр опьяненной кровью толпы, — все томило Степана. Степан поглядел на то, что творится вокруг, и только тут увидел в яме под плахой кровавую грудку казненных стрельцов. «Куды же столько народу казнить!» — мелькнуло в его уме, и сердце сжалось какой-то тяжелой тоской». Черноярец вступается, прекращает казни, а Степан и рад:

««Не ладно, и впрямь не ладно — казнили их сколько! — подумал Степан. — Грозой нельзя городом править. Добром бы править, не силой!.. А то — как дворяне...». У А. П. Чапыгина вмешивается один из казаков:

«— Батько! Я тебе довольно служил, а ты не жалостлив — не зришь, сколь ты крови в яму излил? <...>

— Ведаю я, кого жалеть и когда».

А вот А. Н. Сахаров на сей раз никак Разина не оправдывает — даже приписывает ему изуверскую хитрость, что вполне убедительно:

«— Что с головой делать будем, как решим с другими кровопийцами?

— Смерть голове! — закричал кто-то из голутвенных людей.

— Смерть ему! Смерть! — закричали и другие.

— Будь по-вашему, — отвечал Степан, хотя сам уже давно решил разделаться с Яцыным, верным слугой государевым...

Один из стрельцов, перебежавший к Разину еще на Волге, взял в руки

саблю и полоснул ею с размаху Яцына по шее. Степан спокойно посмотрел, как упала в яму яцынская голова, как рухнуло вниз безголовое тело. Потом он обернулся к казакам и городским людям и указал на других стрелецких начальников и стрельцов, которые обороняли ворота:

— Бей их, робята!

Сто семьдесят человек полегли тут же на месте».

Читателю, наверное, любопытно, как решил этот эпизод В. М. Шукшин со своим «интеллигентным» героем. Никак. У него действие романа начинается позднее^[41].

Оставшимся в живых стрельцам было предложено либо вступить в разинское войско, либо уйти. Они (неизвестно, сколько их было) разделились. Но потом Разин вдруг передумал, послал за ушедшими погоню, и им предложили иной выбор: сотрудничество или смерть. Об этом сообщает на допросе в Астраханской приказной избе в 1672 году стрелец Васильев: «Потом послал воровских казаков за теми стрельцами. И тех де воровские казаки, сугнав на Раковой Косе, побили до смерти» (Крестьянская война. Т. 3. Док. 232). Сам Васильев и еще сколько-то стрельцов пошли с казаками. Кстати, о казни 170 человек Васильев не упоминает. Не говорят о ней и два других выживших и допрошенных стрельца — Власов и Дворянинов: по их версии, казнили Яцына, затем стрельцов отпустили, затем погнались за ними.

Почему Разин передумал? А. Н. Сахаров:

«Стрельцы тут же ушли из городка в степь, а Степан не находил себе места, и мысли одолевали его самые разные. Закрадывался страх, что придут через несколько дней стрельцы в Астрахань и разнесут по всему государству весть о суровой расправе, какую он учинил над государевыми людьми в городке. Жди тогда беды и воеводского прихода. А куда податься? На Дон все пути перекрыты. В Персию поздно уж, не успеет вернуться до зимы. А зимой какой поход. Эх, зря выпустил стрельцов. Бередило и другое, хотя открыто никогда бы в этом не признался: не захотели стрельцы признать его атаманство, презрели его ласку и внимание».

Звучит малоубедительно: о «расправе» (если она была) так и так бы узнали, а обида выглядит детской. Возможно, просто не хотел оставлять в живых потенциальных вооруженных противников.

Покончив с убийствами, стали устраиваться на житье. В устьях Яика поставили блокпосты. Возможно, хотели иметь удобную постоянную базу для пиратства на реках и Каспии. Жили тихо, пиратствовали помаленьку; у С. П. Злобина Разин, как Петр I в Голландии, сам строил лодки... Как считается (не подтверждено документами), имущество богатых людей и

чиновников отобрали и поделили на остальных (так делалось впоследствии, но конкретно насчет Яицкого городка — домыслы, логичные, впрочем: раз так было в Астрахани, то почему бы и не на Яике). А. Н. Сахаров: «Степан сам руководил дуваном, чтобы все было по справедливости. И когда видел, какую радость приносит дуван людям, сам он светлел и отмякал. Подходил, шутил с одаренными людьми и видел, что не в вещице дело, не в рубахе или портах, а в том, что не забыли человека, выделили, уважили, поставили его вровень со всем миром».

В данном случае более убедителен неприязненно относящийся к Разину С. В. Логинов: «Купеческое и городское добро поделено на кругу меж всеми жителями городка — кто и не хотел, все одно свою долю взять был обязан, чтобы не оказалось среди мещан никого не связанного круговой порукой». Впоследствии все замешанные в мятеже будут клясться, что «дуван» им всучили насильно; возможно, отчасти так и было. Хлеб и казну не делили, а прибрали и распоряжались ими по мере надобности. Предположительно — также по аналогии с тем, что Разин делал потом в других городах, — ввели казачий строй: «кругом» стали жители города (избрали кого-то городским атаманом или им был Разин — неизвестно). Долговые и кабальные записи в Приказной избе уничтожили, всех объявили свободными (в городах не было крепостных, но были холопы — люди примерно с такими же правами). Всем было разрешено заниматься прежними торговыми и промышленными делами. Калмыки, кочевавшие неподалеку, пришли и предложили для торговли скот и молочные продукты. Историкам все равно, а беллетристам и читателям интересно: как это станет городским головой военный без малейшего опыта? С. П. Злобин:

«Что делать с городом? Управлять ведь не плахой да палачом.

— Ты, Иван, — обратился Степан к Черноярцу, — возьмишь на себя дела городские, стены да надолбы лучше глядеть. — Ты, Сергей, житницы, кабаки смотри, казну собирай с вина».

Наживин:

«Голота все порывалась в море за зипунами, но Степан был точно связан по рукам и по ногам теми делами и заботами, которые выпали теперь на его долю и которые не только не уменьшались по мере того, как он делал их, но, наоборот, всё увеличивались. В первый же день казаки разгромили Приказную избу и все бумаги, к которым они питали неодолимую ненависть, пожгли, но уже через неделю оказалось, что без приказных и без бумаги нельзя было вести городскую жизнь, нельзя обходиться без суда, нельзя не собирать налогов, что все те вольности,

которые так чаровали их в воображении, в соприкосновении с жизнью действительной оказывались красивой сказкой, миражом, который ладен в песнях, но неладен в той жизни, в которой люди едят, пьют, ссорятся, рождаются, помирают, строятся, ловят рыбу, покупают, продают и прочее. И приказные перья уже скрипели в душных покоях избы, и бумаги быстро накоплялись снова. И то и дело собирался и часами шумел казачий круг, и все чаще и чаще подмечали наблюдательные умы, что сколько он ни шумел, в конце концов он все же как-то незаметно, невольно сворачивал на старые, избитые пути жизни, той жизни, которую казаки пришли разрушить до основания...»

Наживин в своем романе почти впрямую отождествляет казаков с большевиками. Его замечание очень любопытно и выглядит правдиво — вот только вряд ли главные казаки, включая Разина, общавшегося с московскими чиновниками и бывшего в составе посольств, «вдруг» обнаружили, что нельзя жить без писарей, канцелярии и налогов. Более того, писари и канцелярия существовали и во время походов.

Москва, естественно, падением Яицкого городка была обеспокоена. 19 июля царь созвал совещание с ближними боярами. Решили заменить в Астрахани Хилкова на князя Ивана Семеновича Прозоровского, в товарищи ему дать его брата Михаила и князя Семена Ивановича Львова; им обещали придать четыре полка стрельцов с тяжелым вооружением и впервые появившимися в то время гранатами. Посольский приказ уже не уговаривал ласково, как прежде, а бранил Корнилу Яковлева за бездействие (Крестьянская война. Т. 1. Док. 59): «А ныне что так отменно в вашем войсковом совете учинилось и нераденье на весь свет показали — удивлению такое безстрашие подлежит, или то неявно истинным християном за своевольное суще над християнскими людьми кроворазлитие без всякого розмышления отступление от бога учинили. <... > И то нам, великому государю, слыша из отписок от воевод наших с Волги, что де з Дону множатца воровские люди на всякие злые дела, имеютца от вас в нераденье быти, что не остерегаете таких и не разрушаете таких зборов, и перед прежним вашим войсковым донским правом попустились злые и богоотступные люди в погибель вечную. А от вас ни проезжих станиц, ни ведомства никакова в присылках к нам, великому государю, нет, и на Волгу к воеводам нашим не пишете и за теми ворами не посылаете и злого того их совету не разоряете...»

Но Яковлев по-прежнему не пошевелился. Тем временем дядя Разина Никифор Черток оставил свое спокойное житье в Воронеже (он служил в Белгородском полку), сколотил банду и пытался ограбить царское

посольство, приехавшее на Дон, но был разбит и бежал. (Хотя он приходился Степану Тимофеевичу дядей, считают^[42] — правда, без каких-то особенных на то оснований, — что они были ровесниками.)

24 сентября разинцы (так говорится в сводке 1670 года) ходили в устье Волги к протоку Емансуга, где жили извечные враги — едисанские татары под предводительством мурзы Али: ограбили, взяли пленных, в том числе женщин и детей. (Татары тоже регулярно это делали в отношении казаков.) Куда потом делись эти пленные — неясно: то ли их выкупали сразу, то ли они были отправлены на Дон и выкупались уже там; могло быть и так (об этом еще будут упоминания), что часть женщин была оставлена в Яицком городке и на свет скоро появились маленькие казачата — «тумы». Возможно, именно там дядя Никифор сошелся с племянником; возможно, именно через Никифора Чертка воронежские предприниматели Г. Гарденин, И. Хрипунов, П. Носков, В. Тихонов и другие субсидировали поход в Персию (факт установлен документально).

Наконец в октябре в Яицкий городок прибыли послы с Дона во главе с войсковым есаулом Леонтием Терентьевым и вручили приказ прекратить «воровство». Приказ исходил, однако, не от Войска и не от царя, а от Хилкова. Разин его проигнорировал. Тогда в Яицкий городок приехала делегация из Москвы во главе с сотником стрельцов Микулиным и передала царскую грамоту. Разин объявил ее фальшивой. Возможно, она такой и была, ибо текст ее нигде не сохранился. Часть москвичей были убиты, остальные бежали.

Зачем Разин требовал «настоящей» царской грамоты? Сдаваться ему было вроде как незачем. Возможно, хотел выиграть время. А возможно, всерьез рассматривал возможность замирился, выторговав для себя и своих людей некие привилегии. Тем временем Хилков не раз высылал стрельцов ловить казаков, но те возвращались с потерями — часть посланных постоянно убегала в Яицкий городок. Анонимное «Сообщение», которое мы цитировали в предыдущей главе: «Своеволию стрельцов, которое впоследствии разразилось ужасным взрывом, помогало в тот век вообще то, что стрельцы не находились в полной зависимости от воевод: воеводы не только не смели ими распоряжаться без согласия стрелецких голов, но еще в царских наказах стрелецким головам подтверждалось беречь подчиненных стрельцов от воевод и приказных людей. Таким образом, и теперь воеводы и приказные люди ничего не могли сделать со стрельцами, когда между их начальниками были тайные приверженцы Стеньки».

Зимой Разин получил новое подкрепление — пришли с людьми

казацкие сотники Щеголев и Маховиков. Но почему он так долго сидел в Яицком городке и не шел в Персию, как собирался? Сопоставление документов позволяет предположить, что он колебался между двумя вариантами действий: сперва в Персии обогатить и тем самым вдохновить свое войско (так делал Наполеон); объединиться с украинскими казаками и заняться созданием казацкого государства. Писатель В. Я. Голованов^[43] пишет, что если бы Разин остался жить в Персии (а такая возможность, как мы далее увидим, всерьез рассматривалась), то и никакого мятежа бы не было, а так — «воровскому предприятию, каковым была разинщина изначально, суждено было сделаться одной из самых дерзновенных и последовательных в российской истории попыток сокрушить весь российский государственный строй». Для большинства казаков, конечно, разинщина была изначально пиратским предприятием — но, как выясняется, не для их атамана.

22 декабря 1667 года воевода Белгородского полка Юрий Борятинский писал в Разрядный приказ (примерный аналог военного министерства; ведал также иными «служилыми людьми» и южными городами), ссылаясь на своего разведчика, что делегация от Разина прибыла к гетману Правобережной Украины Петру Дорошенку (Крестьянская война. Т 1. Док. 65): «К изменнику Петрушко Дорошенку прислал станицу вор Стенька Разин, 10 человек о дву конь. А пишет де он, Стенька, к нему, Петрушке, чтоб он шол наскоро Муравским шляхом на твои великого государя украинные города войною, и Дорошенко послал де в Крым для татар Жуленка три недели». (Очаровательной припиской завершался этот документ: «А в Белегороде твоей великого государя денежной казны нет, в те посылки и начальным людям кормовых денег дать нечего. А рейтары и драгуны и салдаты без твоего великого государя жалованья на твою великого государя службу не пойдут, а которые и высланы будут, и оне збегут...»)

Похоже, прав Вернадский, и Разин с самого начала, быть может, уже много лет, думал о совместном русско-украинском казачьем государстве. Возможно, и делегация к Дорошенку была далеко не первой, а лишь первой столь представительной и потому обнаруженной шпионом. Величайшее несчастье для историков: ничего из переписки Разина с украинскими гетманами и атаманами не сохранилось — есть только указания на то, что она регулярно происходила. А ведь там, должно быть, излагалось самое-самое заветное, там мог находиться ответ на вопрос: что же Разин хотел сделать, к чему стремился? М. Инсаров, «Степан Тимофеевич Разин»^[44]:

«Однако домовитые, природные казаки не имели серьезных притязаний на независимость от Москвы. Они зависели от «государева жалованья», т. е. от привозного из московских земель хлеба, и не могли рисковать хорошими отношениями с Москвой. Поэтому идея независимого от Москвы казацкого государства казалась донским домовитым горячечным бредом». Ну, тут дело не столько в этой пресловутой «домовитости», а скорее в характерах и политических пристрастиях людей, — но что идея нового государства казалась Яковлеву и Самаренину именно бредом, это уж наверняка.

Правобережной Украиной называлась в 1660–1793 годах обширная территория к западу от Днепра. Левобережная Украина в 1667 году желала быть в подданстве русского царя, а в Правобережной казацкая старшина тяготела к соглашению с Речью Посполитой. В 1667 году Петр Дорошенко занимал антимосковскую позицию (и пользовался поддержкой турецкого султана), ему противостояли гетман Левобережной Украины и запорожский кошевой (то же, что и войсковой) атаман Иван Серко. К несчастью для Разина, гетманы были больше озабочены своими внутренними сварами — и все же он ждал от них слова... Покамест не дождался. Но отдельными хорошо вооруженными группами запорожцы и прочие «черкасы» в тот период прибывали к Разину постоянно — об этом упоминали все воеводские осведомители.

Яицкий городок был столицей «воровских» казаков девять месяцев. Когда море покрылось льдом, сотник Иван Логинов, посланный за Разиным, оказался отрезан от Яика. Сухим путем взять крепость тоже не получалось. Однако воеводы знали, что Яицкий городок скоро останется без хлеба: запас зерна был рассчитан только на местных жителей и стрельцов. Еще полгода — и должен наступить голод. Разин посылал разведчиков к казакам Верхнего Яицкого городка (Уральск) — им там ничего не дали и избili. (Почему так отнеслись к разницам яицкие казаки, вроде бы «родня», тогда как жители города Воронежа, к примеру, все время — когда пути позволяли — кормили разинцев, сказать трудно: может, им и так жилось хорошо, может, верхнеяицкая старшина была очень промосковской.) В Камышине разведчик Разина был схвачен стрельцами и отправлен в Москву. Зато донские казаки не подводили.

Воеводы слали шпионов, те брали «языков», «языки» докладывали (из сводки 1670 года): «В Яицком городке со Стенькою Разиным воровских казаков 1600 человек, а дума де у них зимовать до весны в Яицком городке, а на весну де дума у них будет иная. А с калмыцкими де людьми Мергеня тайши у тех воровских казаков торги безпрестанные... И на Дону де в войске и во всех низовых и верховых горотках воровские казаки збираютца

многим собраньем и хотят идти з Дона на Волгу к Царицину; а на атамана де на Корнила Яковлева и на иных старшин хвалятца воровские казаки, хотят побить». За что побить — он и так ничем «воровским» казакам в тот период не мешал? Но время покажет, что сие намерение «воровских» было очень даже дальновидным. С. П. Злобин: «Атаманы решились идти в шаховы земли «за зипуном», разжиться добычей и грянуть толпою на Дон, разгонять домовитую старшину». В действительности — если судить по развитию событий — плана «разгонять старшину» (не «домовитую», конечно, домовитость тут ни при чем, а промосковскую) не было, во всяком случае у Разина.

В январе 1668 года гетман Левобережной Украины Брюховецкий, ранее бывший сторонником Москвы, поднял мятеж. Города соглашались передать московскому воеводе деньги, собранные в качестве местных налогов и сборов. Но, когда Москва прислала собственных сборщиков налогов и начала перепись населения, народ восстал. Брюховецкий сперва сам согласился на то, чтобы из Москвы прислали сборщиков. Теперь он свалил вину на Москву и решил порвать с царем: в противном случае Левобережная могла его скинуть и призвать Дорошенко править всей Украиной. 8 февраля казаки Брюховецкого взяли верх над московским гарнизоном; гетман разослал приказы казацким атаманам левобережных городов бить «москалей». И наконец 14 февраля он направил письмо Донскому войску и «всем князьям Дона» (оно не сохранилось, увы, — есть лишь упоминания о нем) с призывом поддержать себя и «пана Стеньку» и подниматься против Москвы. Но масштабных совместных действий и тут не вышло: Яицкий городок был уж очень далеко от Украины, зимний путь труден, ограничивались перепиской; периодически то отдельные «черкасы» прибывали к Разину, то донцы — к Брюховецкому и Серко. В самой Украине Брюховецкий и Дорошенко так ненавидели друг друга, что не сумели объединиться против царя; турецкий султан сделал было попытку их помирить, да ничего не вышло. А ведь сил у них было в десятки раз больше, чем у Разина.

К началу весны с Дона в Яицкий городок приплыли более трехсот отлично экипированных донцов со своими стругами, ждали еще атамана Беспалого с отрядом. В верхах сильно испугались — нет, не того, конечно, что казаки пойдут на Москву, такое и в голову никому не могло прийти, а того, что они нападут на Азов и испортят с трудом налаженные отношения с крымским ханом и турецким султаном, которые и так-то русских едва терпели. «Распросные речи» подьячего И. Обрютина и толмача И. Кучумова, жителей Азова (Крестьянская война. Т. 1. Док. 67. 22 января

1668 года): «Да они ж слышали от многих русских полоняников, что азовцы от вора Стеньки Разина имеют опасенье большое и чают, что он, Стенька, по-шел збирать войска и приходить под Азов, а не на Волгу воровать...»

Эти слухи опроверг донской войсковой дьяк Аврам Иванов, человек весьма осведомленный (Крестьянская война. Т. 1. Док. 68. Январь 1668 года): «...ныне многие в войске русские казаки и хохлачи говорят, что им на Волгу будет итти воровать, а на Дону де жить им не с чего: великого де государя жалованья в дуване осталось по кусу на человека, а иным и двум кус, денег по 30-ти алтын, сукна по 2 аршина человеку, а иным и по аршину, и тем де прокормитца нечем. А потому еще: на море путь заперт, и зипуна достать стало негде». Он же доносил, что воронежские купцы (называл поименно; неизвестно, пострадали ли эти купцы впоследствии) продают Разину порох и свинец. «Да и от многих иных воронежцов воровство: порох и свинец привозят и вора́м продают, а они у воров рухлядь покупают. Да и не воровать воронежцам нельзе, потому что у многих на Дону сродичи. Если великого государя заказ будет, чтоб воронежцам пороху и свинцу донским не продавать и на Дон не возить, воровства, чаять, будет меныпи».

Новый астраханский воевода Иван Прозоровский в январе — феврале посылал к Разину двух человек уговаривать сдаться — один вернулся ни с чем, второго убили. Предположительно к тому же периоду относится первая (задокументированная) попытка Разина связаться с низложенным патриархом Никоном, содержащимся в Ферапонтовом монастыре.

На свет эта история вышла лишь в 1676 году. 16 мая архимандриту Чудова монастыря Павлу изготовили наказ (Крестьянская война. Т. 3. Док. 288): он должен объявить Никону о переводе его в Кирилло-Белозерский монастырь. В этом тексте приведены записи из разных документов. В начале наказа говорится, что князь Самойла Шайсупов писал царю Алексею (в 1676 году уже покойному) о том, «что он, Никон, про воровство Стеньки Разина князь Самойлу говорил». По этому сигналу Шайсупова приказ Тайных дел послал к Никону московского стрелецкого полковника Лариона Лопухина, «и то де писано у него, Лариона, в статьях, а в них о том деле, против князь Самойловы скаски, приписано», что Никон поведал Шайсупову, как приезжал к нему «с милостынею» от царя окольников Родион Стрешнев, «и он де, Никон, тому окольничему... о смятении и о разорении от воров и изменников и крестопреступников казаков, чему впредь быти, назначил», то есть как бы предсказал бунт казаков.

Это скорее всего чепуха: в 1667 году никто не мог помыслить о

масштабном казачьем бунте. Но далее «[Никон] говорил ему, князь Самойлу, что в 1667 году при Степане Наумове (приставе, следившем за Никоном. — М. Ч.) в Ферапонтов монастырь приходили 3 человека казаков, Федька да Евтюшка, а третьему имя пропаятовал, а звали де ево, Никона, с собою, чтобы с ними шол к Кирилову монастырю». Никон также якобы сказал, что к нему пришли три казака, а где-то неподалеку было еще 700 человек, «чтоб Степана Наумова убить до смерти и Кирилов монастырь разорить, и с тою б казною и с пушки, и с запасы итти на Волгу». (В монастырях тех времен было полно оружия и разного добра.)

При этом Никон не сказал конкретно, «кто в Белозерских странах о том советовали и какие люди к воровству собирались, и где двесте человек донских Козаков стояли, и каких чинов 500 человек у них было приготовлено, и в которых местах, и кто у них х такому воровству были имяны завогчики». Кроме того, в «Деле патриарха Никона»^[45] говорится, что архимандрит Ново-Спасского монастыря Иосиф доложил царю, что видел приход казаков к Никону, а Никон признался ему, что казаки предложили его освободить. Иосиф также доложил, что, по словам Никона, это был не первый визит казаков. Многие беллетристы не удержались от соблазна описать личную встречу Никона с Разиным. В. А. Гиляровский, поэма «Стенька Разин»:

*Тебе я каюсь: кровь пролью
Широкими реками,
Народа недругов побью,
Расправлюсь я с царями. —
Не след бы мне. Не тот мой сан...
И ложь мне не годится...
Что мне сказать?..
...Ты прав, Степан,
Иди за волю биться.*

Не исключено, что идею связаться с Никоном Разину подал гетман Брюховецкий: как было впоследствии установлено, он писал в Войско Донское, предлагая казакам присоединиться к его выступлению против царя, и обосновывал надобность в этом именно смещением Никона и якобы переходом Москвы в религиозную ересь.

Если действительно уже в 1667 году Разин засылал людей к Никону, — а уж в сношениях с украинскими гетманами сомнений нет, — значит, не

позднее чем той зимой в Яике у него как минимум был план основания казацкого государства, которое стало бы выше Войска Донского, а может, был и план-максимум: взять всю Россию и Украину (украинские земли или украинские города, как тогда было принято говорить)... Не подлежит сомнению (исходя из его дальнейших поступков) то, что он хотел установить казачий образ правления и, возможно, отменить крепостное право, поскольку его не было у казаков. Хотел ли он «освободить народ», если хотел, то до какой степени, любил ли он «народ» — никто никогда этого не узнает. Он не был авантюристом местечкового толка. Он был политиком, причем всегда играл только по-крупному и, вероятно, считал, как все политики, что под ним населению, то есть преданному ему населению, будет жить лучше. На практике зачастую даже преданному народу становится гораздо хуже. Но никто специально не идет во власть с мыслью «дай-ка я сделаю своему населению плохо».

Прибегнуть к помощи чужого государства для создания собственного не являлось и не является каким-то необычным делом. Разин попытался завязать отношения с заклятым врагом и русских подданных, и казаков — крымским ханом Адиль-Гиреем (Крестьянская война. Т. 4. Док. 11); он выбрал в посредники высокопоставленного ногайца Исоп-мурзу, и тот, заинтересовавшись делом, приехал в Бахчисарай, но «хан де тому мурзе в прошение вовсе не поверил, а говорил, что они изменники и верить им не можно». В другом документе перекопский бей говорил возвращавшемуся из Крыма в Москву донцу И. Суздальцеву, что Разин присылал в Крым «просить людей, чтоб ему зимою итти на Дон и весь Дон разорить»; по версии бея, в Крыму даже почти решились согласиться с предложением атамана, во всяком случае обсуждали это всерьез. Напомним, что Разин русским подданным не являлся, и «измена» царю с его недругами была в общем-то моральной, а не юридической.

Наконец правительство решилось на штурм Яицкого городка. В феврале 1668 года из Астрахани вышло войско под командованием воеводы Я. Безобразова: 500 солдат, 1000 конных и 700 пеших стрельцов, 400 конных служивых татар, 11 больших пушек, гранаты, иностранные специалисты по взрывным работам во главе с Томасом Бели: они должны были разрушить крепость. Несколько раз Безобразов атаковал и был отброшен, да еще и вынужден сообщать царю, что на сторону повстанцев из его войска перебежало примерно столько же народу (44 человека), сколько было убито при попытках штурма. Москва обратилась к дружественным калмыкам — но их-то Разин мог не бояться, у него там всегда была агентура, кроме того, калмыцких тайшей раздирали

междоусобицы. Калмыки обступили город десятитысячным войском, но вместо того, чтобы атаковать, оно развело с осажденными торговлю. Не установлено точно, которые из тайшей были в разное время «за» или «против» Разина. Помогали они ему не особо (в 1668-м пензенский воевода Пашков получил сведения о том, что тайша Мончак обещал дать Разину лошадей, но дал ли, никто не знает), но и не мешали. Переписка Разина с тайшами не сохранилась: надо думать, он и им обещал теплое место в своем будущем государстве. Посылали к Разину и переговорщиков, но с весьма плачевным итогом. Из сводки 1670 года: «И воровские те казаки голов стрелецких, которые к ним посылаемы для зговору, Семена Янова да Микифора Нелюбова, повесили...»

В марте, едва вскрылся Яик, разинцы решили идти в Каспийское море к берегам Персии. Очевидно, Разин понял, что массивной поддержки от Украины и Крыма скоро не получит, либо что его люди думают не о казацком государстве, а исключительно о «зипунах». Наживин: «В его глазах зипуны эти большой роли не играли, но в этом направлении открывалась возможность, за неимением лучшего, сыграть роль южного Ермака» — то есть Разин хотел, покорив персидские берега, придать своей фигуре больше политического веса. Кстати о Ермаке (начинавшем свою карьеру обычным разбойником): в фольклоре он и Разин часто ходят рука об руку, а с ними еще — Ванька Каин, Гришка Отрепьев да Иван Мазепа^[46]

...

А может, все совсем просто: сидеть дальше в Яицком городке было невозможно из-за надвигающегося голода и блокады со стороны войск Безобразова — а ведь с открытием навигации из Астрахани должны были подойти новые войска: Прозоровский с четырьмя полками (четыре тысячи человек). Крепость превращалась в ловушку — надо бежать. Почему бежать именно в Персию? Ну так туда первоначально и собирались — там «зипуны». Нельзя исключить и того, что Разин давно намеревался вступить с персидским шахом в союз — а почему нет? Союзы заключались самые разные. Как раз только что гетман Брюховецкий, чтобы усилиться против Дорошенко, присягнул на верность турецкому султану.

С. П. Злобин пишет (уже зная, что будет дальше): «Сукнин и Наумов сговаривали Степана увести казаков к новым пределам за море, смелым ударом напасть на крепости шаха и, показав свою удаль, поставить казачий город в чужой земле, обусловив заранее свою казацкую вольность». Есть и еще не лишняя смысла версия, что Разин хотел отбить как можно больше русских, находившихся в плену у персов, и тем как бы «подлизаться» к царю, чтобы до времени не портить отношений.

В ночь на 23 марта (по другой версии, 12 марта) 1000–1500 казаков на двадцати четырех стругах вырвались из окружения. Легкие пушки поставили на струги, тяжелые утопили, чтобы не достались неприятелю. Надо полагать, оставили и татарских женщин, которые еще не были выкуплены сородичами или сильно полюбились кому-то из казаков: вряд ли их брали с собой в морской поход, хотя полностью исключить этого тоже нельзя. Мятежных горожан — будем называть вещи своими именами — просто бросили. А. Н. Сахаров: «...в сумлении стояли стрельцы и казаки, кто не мог уйти в поход вместе с Разиным. Что их ждет после казацкого ухода? Не простит великий государь расправы с Яцыным и боя с Безобразовым. Но Степан не оглядывался назад. Всех, кто мог идти, он брал с собой, а женок да малых детей воеводы не тронут. Остальным же сказал: «Говорите, что насильством вас служить себе заставил, авось милуют». Сразу скажем (подробности в свое время), что Яицкий городок не пал духом и не утихомирился, но больших репрессий со стороны правительства не последовало.

В Москве не скоро узнали об уходе Разина: 1 апреля из приказа Казанского дворца пришла грамота Хилкову (Крестьянская война. Т. 1. Док. 69) для передачи воеводе Безобразову, чтобы он «над Яицком городком промышлял всякими мерами, опричь приступов» и всячески привлекал на свою сторону татар и калмыков. Прозоровский послал в оставленную казаками крепость стрелецкого голову Богдана Сакмышева. Разина искали все — и воеводы, и желавшие присоединиться к нему казаки. Но он как сгинул.

Глава третья

ПЕРСИЯ

В. Голованов, статья «Персидский поход Разина»^[47]: «Морская экспедиция Разина — несомненно, самый большой, со времен викингов, пиратский налет на каспийские берега». Это некоторое преувеличение, но поход был знатный. Пока, однако (у нас все еще весна 1668 года), никто о нем ничего не слышал. В апреле в Яицкий городок, надеясь застать Разина, прибыли 13 казаков из Верхнего Яицкого — пришлось им остаться в крепости. Даже и намерений Разина толком никто не знал.

Слухи были самые разные. Тамбовский воевода Яков Хитрово докладывал в приказ Казанского дворца 16–24 мая, что слышал от пензенского воеводы Еремея Пашкова:

«Хочет де он, Стенька, итить к тебе, великому государю, к Москве с повинною со всем своим войском, а итить де, государь, тому Стеньке Разину к Москве мимо Тамбова. А ему де, государь, Еремею Пашкову, на Пензе сказывали утеклецы от тово Стеньки Разина, которых он, Стенька, на Волге побрал: а Стенька ныне де на Волге и прошол де Астарахань, идет к Чороному Яру, а быть де, государь, тому вору Стеньке Разину прежде на Дону. А Мончак тайша де ему, Стеньке Разину, лошади хочет дать, на чом ему суды переволочь с Волги на Дон. И буде, государь, тот вор Стенька Разин с своим с войском придут к танбовским крепостям и учнет говорить, что он идет к тебе, великому государю, к Москве с повинною, — и ево, Стеньку, в танбовские крепости мима Танбова пропускать ли, и многих ли людей с ним пропускать? И буде, государь, он, вор Стенька, учнет силою проходить, и с тем Стенькою битца или нет? Или он, Стенька, пойдет Доном на Воронеж, и мне, холопу твоему, на него, Стеньку, к Воронежу итить ли?» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 74).

Что-то все же подозревали — на основании старых донесений; 3 мая царь направил грамоту персидскому шаху (Крестьянская война. Т. 1. Док. 71), сообщая, что он посылает для поимки Разина «полковника Пальмара с войском» и предупреждает об опасности: «...таким воровским людям пристани бы никто не давал и с ними не дружился, а побивали б их везде и смертью уморяли без пощады». И клянется, что сделает в свою очередь все, чтобы ничто не мешало их с шахом «братствен-ной любви».

«Воровских» казаков все прибывало. Унковский в мае сообщал (из

сводки 1670 года), что отряд казака Сергея Кривого с шестьюстами донскими и запорожскими казаками пошел из Качалинского городка вниз по Дону, у Красного Яра перебил посланных ему навстречу царицынских стрельцов во главе с Григорием Аксентьевым и движется к морю, надо полагать, — для соединения с Разиным; в июле новый астраханский воевода Прозоровский писал Унковскому, что снова собирает на Дону отряд конных казаков Василий Ус. В Яицкий городок Прозоровский послал нового стрелецкого голову Б. Болтина и с ним 400 стрельцов — тот уже не застал своего предшественника Сакмышева живым: за день до прибытия Болтина случился мятеж, стрельцы и казаки утопили Сакмышева и во главе со старым казаком Рудаковым, который пиратствовал еще в 1640-х, в количестве 100–200 человек на десяти стругах пошли на Каспий, построили укрепления на Кулалинском острове, а разведчиков отправили искать Разина. (В сентябре правительственные войска их отыскивали, половину казнили, половину сослали в Холмогоры.) А переписка между воеводами все та же — где, где разинские казаки? Нету! Формировались специальные группы разведчиков — никто ничего не узнал и казаков не видел. Но в основном ждали их на Волге — под Астраханью.

Первое известие о Разине датировано 18 июня: сводка 1670 года ссылается на утраченное донесение воеводы городка Терки (ныне несуществующего; предположительно он находился на берегу Терека или Тюменки) Петра Прозоровского, брата астраханского воеводы Ивана Прозоровского, якобы Разин еще в апреле пришел на западный берег Каспийского моря на двадцати четырех стругах, с ним около тысячи человек (житель Яицкого городка, правда, называет — в той же сводке — количество всего лишь в 600 человек).

На Тереке, кроме кавказских горцев, жили казаки — терские и гребенские. Разинцы остановились на Чеченье-острове и отправили в Терки письмо кабардинскому князю Касбулату Черкасскому (он по специальному царскому указу управлял кавказским населением Терков) с просьбой прислать пороха, продовольствия и вина, а казакам — с предложением присоединиться. Но больше об эпизоде в Терках ничего не известно: как долго там разинцы были, что делали... Поскольку прибыло их около тысячи человек, а в каспийском походе участвовало гораздо больше (это если верить слухам, конечно, — может, и ненамного больше), видимо, сколько-то терцов и гребенцов пошли с ними. (Впоследствии часть разгромленных разинцев нашла укрытие на Тереке.) Однако в другом документе — письме Петра Прозоровского брату от 20 июля (Крестьянская война. Т. 1. Док. 86) — визит Разина под Терки почему-то не упоминается.

Загадка, так и не разрешенная историками. (В 1674–1675 годах в Москву приезжала станица гребенских казаков с атаманом Данилой Губиным, и, естественно, гребенцы категорически отрицали свое участие в разинских делах.)

В том же письме брату Петр Прозоровский говорит — это первое упоминание о Разине в Персии: «...июля, господа, в 19 день приехал из Шамахи на Терек астраханской сын боярской Ондрей Третьяков, и в расспросе нам сказал. — Слышал де он про воровских казаков в Шамахе [Шемахе], что де они были в шахове области (в Персии. — М. Ч.), в Низовой и в Баке [Баку] и в Гиляни, и ясырю [пленных] и живота [имущества] поймали много. А живут де те воровские казаки в Куре реке и по морю розъезжают врознь для добычи, а сказывают, что де их, казаков, многие струги. Да при нем же, Ондрее, привезли в Шамаху из Низовые языка, русского человека, астараканского стрельца прозвище Ярославца. А тот де стрелец сказывал, что он де от воровских казаков, Стеньки Разина со товарищи, ушел на лес, и де ево тезики в лесу поймали и привезли в Шамаху. А думы де воровских казаков, куды им для воровства идти, не ведает. А где ныне воровские казаки, Стенька Разин и Серешка Кривой с товарищи, и сошлись ли они вместе, про то нам не ведомо».

Когда сошлись Разин и Кривой, неведомо и нам: одни источники говорят, что сие произошло под Терками, другие — под Тарками, что совсем не одно и то же. Романисты описывают дружбу двух атаманов, причем Кривого, как правило, без всяких на то оснований изображают гораздо более решительным и умным человеком, чем Разина. На самом деле о их отношениях не известно абсолютно ничего. Почему-то думается, что они были очень далеки от дружбы — два хозяина, два медведя в одной берлоге... А. Н. Сахаров:

«Кривой много пил, но не хмелел, молча слушал Разина. Зол и скрытен был Кривой, страшный был казак в бою, суетных слов не любил. На Разина он сейчас смотрел как на малого ребенка. <...> С удивлением видел Кривой наутро после встречи совсем другого Разина. От его смутных тщеславных речей, пустых угроз не осталось и следа. Строгий, молчаливый, глазищами зыркает, распоряжается, бегом бегут казаки по первому его слову; где нужно отругает, где нужно подбодрит, сам поможет, покажет, а руки у Степана сильные, золотые, голова светлая, ясная, речь четкая, едкая. «Да, это атаман, слов нет», — думал про себя Кривой, и он невольно подчинялся этому общему порядку, в котором главным были слово Степана, его мысль, его дело».

В действительности никто не знает, подчинялся ли Кривой Разину, или

Разин Кривому, или у них не было единого командования.

Опять пошел слух про Азов; где-то между 7 и 14 августа (Крестьянская война. Т. 1. Док. 87) Унковский писал Ивану Прозоровскому в Астрахань:

«В нынешнем во 176-м году августа в 7 день пришел з Дону на Царицын полоняник терской стрелец Андрюшка Дербышев, и в роспросе мне, господа, тот стрелец сказывал. — Был он де, Андрюшка, в полону в турках, в Царегороде, и ис Царягорода пришел в Азов, а из Азова вышел на Дон в войско, в Черкасской городок нынешнем летом. И при нем де, Андрюшке, приезжали в Азов ис Кабарды и ис Тарков и из Малова Натаю черкасы и кумыки и татаровя торговые люди, и сказывали про воровских казаков, Стеньку Разина со товарищи, что они, воровские казаки, кизылбашской Дербень город да у Тарковского Суркай шавкала [шамхала] город [Тарки] же взяли. И азовцы де, слыша про то, воровских казаков боятца и город крепят и по караулом стоят з большим опасением».

Если разинцы и брали Тарки, об этом опять-таки ничего не известно, во всяком случае торговля тамошних купцов никак не пострадала. Впрочем, деятельность купцов Разин, как правило, поощрял — казаки сами обожали торговать (и в большинстве случаев проторговывались, швыряя деньги и свой товар без счету).

Далее в письме Унковского говорилось:

«А на Дону де в Черкасском городке атаман Корнило Яковлев атаманство здал и в новом Черкасском городке Ивану Хвостову и служилым людям на казаков являл, что де у них, казаков, непостоянство стало большое и великого государя указу чинятца непослушны, а за то де от великого государя гнев на него, Корнила. И они де, казаки, выбрали в атаманы Михайла Самаренина. (Очередная «рокировочка». — М. Ч.) А ныне пошли де из войска 400 человек казаков на Куму реку, а атаман де у тех казаков запорожский казак, Бобою зовут, а с Кумы де тем казаком будет идти на Терек...»

А по сведениям Ивана Прозоровского, на Терек еще пришли с Дона 100 конных казаков с атаманом «Алешкой Протокиным», а на реке Куме стояли 400 конных казаков, ожидая с Дона отряд «Алешки Каторжного» еще с двумя тысячами конных казаков. Алексей Каторжный — известный атаман, Алексей Протокин и Боба — малоизвестные; соединились ли они с Разиным в Персии — не выяснено. (Названное количество «две тысячи» конных казаков выглядит явным преувеличением: если бы действительно было такое большое «воровское» войско (больше, чем у самого Разина), об этом сохранились бы какие-то упоминания.)

Разин и с персидских берегов не забывал писать украинцам, но им было не до него: 7 июня 1668 года Дорошенко и Брюховецкий сошлись в бою на Сербовом поле близ Диканьки, но казаки Брюховецкого сами выдали его Дорошенко; Брюховецкий был убит. Кошевой же атаман Запорожья Серко был человек отчаянной храбрости и военного таланта, но ничего не смысливший в политике и чуть не каждую неделю менявший свои пристрастия...

Итак, разинские казаки, если верить стрельцу Дербышеву, начали персидский вояж с Дербента. Их маршрут так толком и не выяснен, источники один другому противоречат, но предположительно он выглядел так: Дербент — Тарки — Баку — Решт — Гилян — Фарабад — Астрабад — Баку (точнее, остров близ Баку). Пограбить там было что. (Но не забывайте, пожалуйста, что когда мы говорим о грабеже со стороны казаков, то в него входило и освобождение русских пленных — впрочем, вряд ли совсем уж бескорыстное.)

Персия с 1502 года управлялась династией Сефевидов и особенного расцвета достигла при шахе Аббасе I Великом (правил в 1587–1629 годах): он развил торговлю, строительство, столицу — Исфахан — сделал жемчужиной Востока; он же разгромил Османскую империю, и теперь Персия включала территорию не только нынешнего Ирана, но и Азербайджана, Армении, Грузии, Туркменистана, Афганистана, Ирака, Восточной Турции, Кувейта, Бахрейна, часть Пакистана, юг Узбекистана, восток Сирии и даже крайний юг России (Дербент). Однако после смерти Аббаса Великого империя пришла в упадок. С 1642-го до начала 1667 года правил Аббас II, человек не воинственный; его сменил Сулейман II, совсем бестолковый правитель.

В Дербенте был огромный невольничий рынок; там казаки то ли выкупили, то ли выкрали, то ли отбили силой много российских подданных и казаков, а местных пленили. У С. П. Злобина Разин, вечно заступающийся за женщин, так же милостив оказывается к евреям — такой он передовой человек:

«— Тут, Степан Тимофеевич, в трюме воет ученый жид, иман у Дербени, скручен, а по-нашему говорит; сказывал, что лекарь ен...

— Кто же неумной ученых забижает? Царь твердит московскую силу учеными немчинами да фряжами. У меня они будут в яме сидеть? То не дело!

— Жидов, батько, не терплю! Я велел собаку скрутить, — ответил Сережка.

— Открутите еврея, ведите сюда: за род никого не забижаю, за веру

тоже! <...> Жидовины — смысленный народ... За то царь и попы гонят их. Они научили турчина лить пушки...»

Нет ни единого сведения о том, как Разин относился к евреям, да и как вообще тогдашние донские казаки к ним относились — неясно. Запорожские казаки сперва были к евреям безразличны, причем среди них даже было немало казаков-евреев; лишь в эпоху гетмана Наливайко (конец XVI века) запорожцы стали евреев массово убивать, отождествляя их с поляками («Лях, жид, собака — вера однака»). Среди донских казаков евреи тоже встречались (исследователи вычисляют это по фамилиям), какого-либо угнетения со стороны евреев донцы не испытывали, антисемитской идеологии, как в XIX веке, у тогдашних казаков не существовало, так что никакой особой вражды к евреям они вроде бы не должны были испытывать. С другой стороны, они и русских-то за людей не считали (вспомните слова М. Харузина: «...обзывают «русскими», «русью» и всячески притесняют») — что уж там говорить о евреях... Но сам Разин, как будет видно далее, массу разных национальностей привечал — наверняка и еврея бы стерпел, если бы от него была польза.

Персия была большая, управлялась и оборонялась в те годы не слишком хорошо, никто из-за какого-то Дербента (если разинцы там действительно были, что не факт) шуму не поднимал. В сводке 1670 года говорится: Иван Прозоровский в сентябре докладывал в Москву, что в августе в Астрахань приехали горожане из Шемахи и сказали: «Как де были они в Шемахе, и в апреле де месяце воровские казаки Стенька Разин со товарищи, пришел в персицкую землю безвестно, разорили меж Дербени и Шемахи деревню Мордову, людей и животину поймали... а под шаховым городком Бакою разорили деревню и взяли ясырю мужска и женска полу со 100 и с 50 человек да с 7000 баранов и отвезли на Жилой остров, от города Баки во днище, и хотели де они, воровские казаки, приступать к шахову городу Баке, чтоб его взять». Еще из сводки: Петру Прозоровскому рассказал житель Терков, что под Терками Разин соединился с Кривым и «стояв дни с три, пошли под Дербень и под Шевран и Шевран погромили, взяли ясырю... И их, казаков, тут убили 13 человек. Да те ж казаки в Баке посады погромили, взяли ясырь и животной...»

Н. И. Костомаров:

«Весь берег от Дербента до Баку был страшно опустошен. Козаки сожигали села и деревни, замучивали жителей, дуванили их имущества. Жители не предвидели этой беды и разбегались; козакам легко доставалась добыча: погромив город Шабран, они со стороны жителей встретили такой

ничтожный отпор, что сами потеряли только тринадцать человек. Плавая вдоль берега, налетом они на скакивали на поселения, делали свое дело и опять бросались на суда. Так достигли они до Баку, и здесь им удалось разорить посад, перебить много жителей, разграбить имущества, набрать пленных и потерять не более семи человек убитыми и двух ранеными».

А. Г. Маньков, «Иностранные известия о восстании Степана Разина»:

«Можно сказать, что Разин был вблизи Баку и, возможно, даже «погромил» его посады; взятие же им такой первоклассной крепости, как Баку, — факт, явно неправдоподобный». В «Трех путешествиях» Стрейс, ссылаясь на показания самих казаков, пишет, что они захватили много «приморских городов в Персии», таких как «Низабад (Низовая), Шаберан, Мордов, Такуз, расположенных неподалеку от высокой и всемирно известной горы Бармаи»; «отсюда они пошли на Астрабад и Баку, в котором на них, пьяных, напало персидское войско». О нападении на Баку ходило много слухов: Петр Прозоровский слышал еще 19 июня от молодого боярина А. Третьякова, что в Шемахе говорили, будто казаки были в Низовой и в Баку, «а живут в Куре-реке и по морю разъезжают». Саму Шемаху, однако, не тронули.

Чем дальше в Персию — тем меньше сведений и больше путаницы. Русских источников почти никаких, кроме братьев Прозоровских да «расспросных речей» подьячего Наума Колесникова, находившегося в составе посольства в Персии британца Томаса Брейна (Крестьянская война. Т. 1. Док. 183); отныне основные поставщики информации — иностранцы: Стрейс, Жан Шарден (известный французский путешественник, с 1665 года живший в Исфахане), Энгельберт Кемпфер, путешественник по странам Востока, оставивший многочисленные сочинения и путевые записки^[48], персидские купцы. При этом ни один из них прямым очевидцем событий не был, однако все они могли вращаться в хорошо осведомленных кругах при персидском дворе и получать сведения (естественно, в интерпретации персов). Все, что пишут Костомаров и поздние биографы и романисты, основано лишь на этих источниках; нам с вами новых тоже взять неоткуда, но есть простор для осмысления событий.

Итак, в июле разинцы достигли Гилянского залива (у южных берегов Каспия) и подплыли к городу Решт (Реш, Рящ, Раш). Сообщение из Астраханской приказной палаты от 16 августа яицкому стрелецкому голове Б. Болтину: «А воров изменников воровских казаков, Стеньку Разина со товарищи, сыскать негде, потому: в листу Тарковского Чопан шевкала августа 9 числа в Астарахань писано, что воровские казаки Стенька Разин со товарищи [зачеркнуто: «били челом персицкому шаху»] в холопство

задержаны в персидском городе Ряше и пушки и ружье со всякими пушечными запасы и струги у них отобраны» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 91).

Насчет задержания в холопство и разоружения — это никакими иными источниками не подтверждается, видимо, Колесников хотел написать так, как будет приятнее читать в Москве. А вот челом били — это упоминается в ряде документов. Маньков: «Вопрос о предложении разницами своего подданства персидскому шаху сложен и не выяснен до конца, хотя самый факт, видимо, несомненен». Шарден, например, объясняет это военной хитростью:

«Чтобы лучше скрыть свои намерения, они послали ко двору четырех из своих как депутатов с аккредитивными грамотами, как будто бы это было посольство. Люди губернатора Шемахи их проводили в Исфакан, куда они прибыли немного времени спустя после того, как туда пришло известие об их вторжении. С ними обошлись довольно хорошо, предоставили им жилище, освободили от пошлин, как обычно поступали с другими посланниками. Они попросили аудиенции короля, но им отказали под предлогом, что по характеру их посольства они не могли претендовать на эту честь и что они казались даже врагами. Им предложили аудиенцию первого министра, на что они согласились. Тогда же они заявляли, что они депутаты от 6000 казаков (откуда это количество взялось? Была тысяча, в отряде Кривого человек 600, и даже если предположить, что там был еще Алексей Каторжный с двумя тысячами (хотя и в эти две тысячи, как уже отмечалось, совершенно невозможно поверить), все равно больше 3500–4000 человек никак не выходит; по нашему же убеждению, больше 1500–2000 человек у Разина не могло быть, а послы нарочно преувеличивали, чтобы казаться страшнее. — М. Ч.), что они действительно были подданными империи московитов, но, утомленные дурным обращением, которое они там претерпевали, они решили бежать из своей страны с детьми и женами и с имуществом, которое они могли увезти; после обсуждения места их убежища Персия им показалась наиболее справедливой, где лучше других обращались с подданными, вот почему они приняли решение предложить себя в неволю персидского шаха; из любви к королю они станут шахсевен, и теперь они надеются на великодушие этого великого монарха, что он выслушает их мольбы и предоставит им убежище и землю для поселения».

А. Н. Попов в «Материалах для истории возмущения Стеньки Разина» придерживается того же мнения: «Под Рязью Разин начал переговоры с персидским шахом... атаман Стенька Разин с товарищи говорили шаховым

служилым людям, что они хотят быть у шаха в вечном холопстве... и послали они о том с шаховыми служилыми людьми в Испогань [Исфахан — столица], к шаху, трех человек казаков, чтобы им шах велел дать место на реке Ленкуре, где им жить...» — а на самом деле хотели выиграть время и получить сведения о том, какие приморские города охраняются хорошо, какие — плохо.

Нам, однако, представляется, что намерения Разина были иные. Никак нельзя исключить того, что он просил о поселении абсолютно искренне. Казаки были вольными людьми, имеющими моральное право присягнуть на верность любому господину в обмен на его покровительство. В. Я. Голованов: «Если бы Стенька нашел — как искал — землю, куда он мог бы «уйти от мира» и стать во главе своего казачества — бунта не было бы». (И сколько жизней бы сбереглось — не счесть.) И до Разина, и после казакам случалось основывать в чужих землях небольшие колонии. Самый известный пример: после поражения казацкого восстания во главе с атаманом Булавиным в 1708 году часть донцов с атаманом Некрасовым ушли жить на Кубань — тогда территорию Крымского ханства (было их, по различным данным, от двух до восьми тысяч, включая женщин и детей) — и, приняв подданство Крыма, получили свободу, защиту и широкие привилегии. Да и в той же Персии жилали и казаки, и русские. Но Разин? Понятно, что он не мог рассчитывать сделать из Персии казацкое государство. Но, возможно, видя, что его силы недостаточны, и не получая внятного ответа от украинцев, он решил основать свое Войско в безопасном месте и устроить там хорошую жизнь, чтобы казаки из других мест шли к нему. А мог иметь и еще далее идущие намерения: убедить шаха на разрыв с Москвой и военный союз с собою. Во всяком случае, Кемпфер такого варианта не исключает. Мы не знаем, что именно казачьи послы говорили в Исфахане. Возможно, предлагали слишком радикальные планы — это шаха и отпугнуло.

Как отреагировали персы? Костомаров: «Вероятно, предложение Козаков приятно защекотало чванное самолюбие восточной политики, которая всегда славилась и тешилась тем, что чужие народы, слышав о премудрости правителя, отдаются ему добровольно в рабство. Козаки взяли от рашского хана Будара заложников и сами послали трех (по другим сведениям, пять) молодцов в Испагань предлагать подданство. Будар-хан позволил им пристать к берегу, входить в город (какой? — видимо, Решт. — М. Ч.) и давал им содержание в день — по одним известиям, сто пятьдесят рублей, по другим — двести».

Факт денежного содержания подтверждается разными источниками.

Из сводки 1670 года, ссылка на сообщение из Тар-ков: «И послали де они, воровские казаки, о том с шаховыми служилыми людьми в Ыспогань к шаху трех человек казаков, чтоб им шах велел дать место на реке Ленкуре, чтоб им жить. И шах де их, воровских казаков, велел призывать в Ыспогань, а места на реке Ленкуре им дать не велел, а в Ряш город к Буданхану писал, веле воровским казакам давать корм до указа. А до шахова до указа живут они в Ряше городе, и ряшской де хан Будар-хан дает им корм по 100-у и по 50 рублей на день». Это по тем временам гигантские, сумасшедшие деньги — шах, конечно, богат и может прокормить лишних две — две с половиной тысячи человек, но людям свойственно преувеличивать чужие доходы. Надо думать, источники просто сочинили эти суммы. Или, может быть, столь богатое содержание получали только «послы», а не все казаки?

Дальше начинается совершеннейшая неразбериха. Источники сходятся в одном: где-то, в какое-то время, по какой-то причине и по чьей-то инициативе произошел вооруженный конфликт между казаками и персами. Версия Кемпфера: «...при дворе этим людям не доверяли, на них смотрели как на разбойников, в чем еще раньше убедились по опыту, и хотя не дали прямого отказа, но держали их в ожидании, медля с ответом. Казаки, потеряв терпение, отправились на своих кораблях вдоль побережья Гиляни и подошли очень близко к Решту — главному городу этой провинции, где высадили несколько человек на берег и хотели купить провизии, но наместник отказал им в очень неучливой форме, и это так раздражило их, что они ночью бесшумно высадились на берег и, неожиданно пройдя к Решту, ограбили рынок и базар, причем некоторые были убиты в схватке».

Из сводки 1670 года: «А толмач Ивашко сказал. — Слышал де он от испоганцов да от иных иноземцов. — И приходили они на Ряш и на Баку город изгоном, и в то время взяли кизилбашских людей в полон с 500 человек, и на тот полон выменивали русских людей, имали за одного кизылбашенина по 2 и по 3 и 4 человека русских. Да к ним же пристали для воровства иноземцы, скудные многие люди...» То есть получается, что казаки сразу напали на жителей Решта, однако тот же «толмач Ивашко» говорит, что им позволили жить в Реште и давали денежное содержание... Какие именно «скудные (бедные) иноземцы» (или имелось в виду «иноземцы и скудные люди») пристали к казакам — весьма любопытно, но никаких сведений об этом нет. Скорее уж приставали к казакам русские. Костомаров: «Многие освобожденные христиане вступали в ряды Козаков, и тогда козаки могли величаться, что они вовсе не разбойники, а рыцари и сражаются за веру и свободу своих братьев по вере и племени».

С. В. Логинов расставляет события более логично: сперва мир, потом война: «В Ряш-городе никто не ожидал нападения, за полгода гилянцы привыкли, что неподалеку живут русские беженцы, привыкли к виду казаков и звукам русской речи. В державе шаха Аббаса немало народов, и на всякого чужака не надивуешься, особенно если живет он смиренно и исполняет шахскую службу. А тут вдруг в одно мгновение привеченные властями русичи обратились в убийц и хищников. Тысячное войско обрушилось на город, который обещалось беречь. Грабили всех без разбора, лишь бы было что грабить. Не щадили ни мечетей, ни медресе, ни гаремов знатных горожан». (Конкретно о разрушении мечетей сведений нет, а о гаремах речь еще впереди.)

Иная версия: персы напали первыми, казаки были побеждены и уже после этого попросились в подданство. Сводка 1670 года ссылается на сентябрьское донесение в Москву от Ивана Прозоровского, который в свою очередь ссылается на своих горожан, а те — на приезжих: «А от шемахинских де жильцов слышали те астараканцы, что те воровские казаки приехали под шахов же город Ряш и стали стругами у берега. И ряшской хан выслал против их шаховых служилых людей з боем, и те де шаховы люди их, воровских казаков, побили с 400 человек. А атаман де Стенька Разин со товарищи говорили шаховым служилым людям, что они хотят быть у шаха в вечном холопстве, и они б с ними не бились». Тоже как-то нелогично выходит: вряд ли разинцы после убийства четырехсот своих людей захотели и осмелились о чем-то шаха просить.

По Кемпферу тоже получается, что сперва был бой, потом — мир: после разграбления Решта казаки «вернулись снова на свои корабли, изрядно запасшись продовольствием, за которое незадолго до этого предлагали деньги, и, таким образом, почувствовали себя увереннее. Наместник, не будучи в состоянии оказать противодействие, а тем более прогнать их и опасаясь могущих последовать еще более крупных опустошений, скрыл свое негодование их действиями и позволил им получать в дальнейшем провизию за деньги. Они со своей стороны извиняли свое поведение крайней нуждой и отказом им в самом необходимом. Затем они вели себя тихо и, наконец, дали наместнику заложников в качестве гарантии своего хорошего поведения. Они послали к шаху четырех послов, чтобы принести извинения за свои действия, к чему их побудил наместник; они повторили свою первую просьбу о земле для поселения на побережье Каспийского моря с самыми решительными заверениями в своей честной службе и верности. Шах повелел хорошо принять [послов], оставить их на свободе и послать одного из них обратно

с добрым напутствием, внушив им некоторые надежды и отдав приказ правителю Решта обеспечить их всем необходимым». Как было на самом деле — уже никто не разберет. Что казаки привезли из персидского похода тьму-тьмущую дорогих вещей (ковры, шелка, шерсть, медную и серебряную чеканку, золотые украшения с драгоценными камнями, опиный мак) — это абсолютно достоверный факт. Но взяли ли они что-то из этих богатств в Реште или нет — сие неведомо.

Логинов: «В такую великую удачу (разрешение жить в городе и денежное содержание. — М. Ч.) никто поверить не мог, в стане упорно говорили, что просто Будан-хан побоялся нового боя и теперь всего лишь усыпляет бдительность казаков сладкими обещаниями, а сам намерен подтянуть войска и перерезать ненадежных союзников. Всякий, кто знает нравы Востока, согласится с таким мнением. Тем не менее на следующий день к Будан-хану отправился уже сам Разин в сопровождении войсковой старшины и людей, умеющих разбирать персидскую речь». Соблазнительно, конечно, вообразить и изобразить личное свидание Разина хоть с каким-нибудь ханом, но источники о таком не сообщают. Кстати, по словам Кемпфера, Разин свободно говорил по-персидски (и еще на семи языках — увы, Кемпфер не называет, каких именно). Кто его знает, этого Разина, человек он способный, с нерусскими общался много, может, и выучил несколько языков.

По версии Костомарова, несчастье случилось из-за пьянства казаков (увы, многие источники признают, что этот порок за ними водился): «Казаки напали на большой запас хорошего вина, которого пить не привыкли; они так натянулись, что падали без чувств. Жители увидели это, и так как вино наверно было не куплено козаками, то и напали на козаков. Застигнутые врасплох, удалцы бросились бежать к своим стругам; но четыреста человек из них были убиты и захвачены в плен. Самого атамана чуть было не убили; подчиненные закрыли его своими грудьми и вынесли из беды». Это все домыслы, основанные на версии Стрейса, впоследствии общавшегося с казаками в Астрахани: «В Баку они нашли много хорошего вина, которое поделили между собой и начали весело пить, отчего большая часть их, непривычных к вину, опьянела». Любопытно: что значит «непривычных к вину»? Привычных только к водке или как? Костомаров, видно, тоже задался этим вопросом, потому и написал о непривычных только к хорошему вину — но почему бы они были к нему непривычны, издавна ведя большую торговлю и бывая в разных городах, и как можно, не пьянея от водки, опьянеть от вина? В общем, все тут неясно.

Костомаров продолжает: «В то время у них было от 5000 до 6000

человек (опять это неправдоподобное число! — М. Ч.), способных носить оружие. Тем временем персы поспешно собрали войско и напали на пьяных и неосторожных с такой храбростью и силой, что перебили почти всех, кроме 400–500 человек, которые спаслись бегством на стругах. Стенька сам находился в крайней опасности и без сомнения попал бы живым в плен, если бы его телохранители не защитили его вовремя и не нашли бы средств и пути, чтобы скрыться». Правда, Стрейс утверждает, что сие было вовсе не в Реште, а задолго до этого, в Баку...

В любом случае пребывание полчища вооруженных казаков в Персии могло спровоцировать международный конфликт. Шарден, повторяя официальную версию персов, пишет:

«Великий князь [царь Алексей Михайлович] был рассержен оскорблением (имеется в виду стародавний конфликт, когда персы как-то не так приняли русское посольство. — М. Ч.), но в ту минуту он свою злобу скрыл, боясь столкновения с Аббасом; но, узнав в начале 1667 г., что тот умер и что власть в Персии попала в руки молодого правителя, он решил мстить. (Неясно, когда царь узнал о смерти Аббаса и когда точно случилась эта смерть; грамоты царя начала 1667 года адресованы Аббасу. — М. Ч.) Он желал, однако, избежать открытой войны, и вот почему, чтобы нанести коварный удар, как будто без своего участия он возмутил казаков, живших у Черного моря... Им было дано предостережение воздерживаться называть его и не признаваться, что они были в сношениях с ним, они должны были притворяться, что самостоятельно пошли на это предприятие. Вот что об этом рассказывали и чему верили при персидском дворе».

То же самое впоследствии утверждали персидский посол в России Исуфбек Юзбаши, представитель армянской торговой компании Георгий Лусиков и персидские купцы во время переговоров о возмещении убытков посольства и купцов, пострадавших в период разинщины^[49].

Алексей Михайлович, или кто-то из его умных советников, похоже, предвидел такую реакцию персов, очень беспокоился, воевать с шахом не хотел. Опять-таки без указания точного времени и последовательности событий (было ли это до или после изгнания казаков из Решты) прибывший к шаху посланник Пальмар привез царскую грамоту, где сообщалось (скорее всего, очень запоздало) о выходе Разина в море. Царь клялся в братской любви к шаху и предлагал «побивать их [казаков] везде и смертью уморят без пощады». Переговоры с казаками — если были переговоры и если грамота пришла во время переговоров — были прерваны. Кемпфер: «В то время как они [казаки] себя так вели (то есть грабительствовали. —

М. Ч.) в Шелковой стране, их послам плохо пришлось при дворе: их выволокли с публичной аудиенции, которую шах давал в Тале-ар Али-Капи (название дворца. — М. Ч.) и с ними вместе еще трех человек, которые состояли при них и приехали с ними (переводчиков, наверное. — М. Ч.), в общем всего шесть человек. Их шеи и руки были закованы в деревянные колодки... их вывели одного за другим на майдан; двое из них были заживо брошены на растерзание собакам; остальные были прощены, но принуждены подвергнуться обрезанию и принять магометанство». Если этот эпизод и правдив, то судьба оставшихся в живых казаков неизвестна.

Если читатель еще не совсем запутался, что было после чего и было ли вообще, вот очередная версия развития событий, принадлежащая самим казакам, впоследствии рассказывавшим в Астрахани (сводка 1670 года): «...а в шахову де область пришли они в прошлом во 176 году после Петрова дня (29 июня. — М. Ч.) и пристали у моря в гирле и хотели идти к посаду в Ряши. И кизылбашской де визирь, который был в том посаде, присылал к ним говорить, чтоб в шахову область не ходили, а хлеб и платье, что им надобно, хотели им давать. И в том де они уверились, и в аманаты дали трех человек казаков; и тех де аманатов визирь отослал к шаху, а шах велел их задержать в городе Ашрефе. А которые де у них были кизылбашские аманаты, и тех аманат они отпустили к кизылбашем с письмом, чтоб их казачьих аманат отдали и были б с ними в миру. И после де того за миром приходили на них многие шаховы люди, и с ними был бой, и их казаков побили и в полон поймали. (Все как-то темно: шаховы люди «приходили за миром» и «с ними был бой»... Почему? Нет объяснения. — М. Ч.) И после де того бою ходили под город Фарабат и тот город взяли и людей побили и в полон поймали...»

Большинство изыскателей придерживаются мнения, что город «Фарабат» (Ферабад), где находились красивые дворцы и «потешный двор» шаха, казаки разрушили в отместку то ли за то, что их побили (не забудьте, что безобидное слово «побили» тогда означало «убили») в Реште, то ли за казнь послов. Но по Кемпферу — все наоборот, казнь послов не причина, а следствие:

«Тем временем персы надеялись собрать достаточное число людей, чтобы окружить казаков. Но казаки, видя, что положительного ответа все еще нет, а есть только обещания, предвидя ловушку и замечая, что собирается целая армия, не стали высказывать свои претензии персам, а сами позаботились о собственной безопасности и отправились под парусами к Фарабату в Мазендеране, делая вид, будто намереваются ожидать ответа и возвращения своих послов там, потому что это было

более дешевое и более плодородное место. Жители Фарабата не имели ничего против того, чтобы принять казаков, потому что они вели себя так хорошо в Реште и, казалось, не имели никакого злого умысла, пока их послы находились при дворе. Карманы их были полны дукатов, что привлекало народ из соседних районов в надежде поживиться, так что на базаре и во всем городе было больше народа, чем обычно. Казаки, подозревая персов в предательстве из-за столь долгой задержки послов, решили упредить их, для чего избрали удобный случай в еженедельный базарный день. На базаре в городе было очень много покупателей и торговцев, а также и других людей, которые пришли, чтобы развлечься или из любопытства и в надежде на прибыль от торговли с казаками. В самый разгар ярмарки казаки напали на народ, грабили и захватывали все, что было выставлено и разложено для продажи, избивали одних и уводили других с собой на корабли».

Вот за это, по Кемпферу, и казнили казацких послов. Странное развитие событий: сам Кемпфер пишет, что казаки «вели себя так хорошо в Реште» — зачем тогда им в Ферабаде грабеж и побоище учинять?

А у Шардена вообще никто никаких послов не казнил:

«В то время как в Испагани спорили, считать ли их [казаков] друзьями или врагами, и их депутаты возвратились, они продолжали грабить все приморские местности Персии со стороны Востока, говоря персам для их большего обмана прекрасные слова и уверяя их, что их уполномочили дать им очень выгодные условия. Для этого они покинули Саве и, направляясь все время к самым восточным провинциям по Каспийскому морю, достигли Фарабата, столицы Мазендерана. Там они высадились под видом купцов, пришли на рынки, входили в лавки как люди, мало понимающие в торговле, но имеющие в то же время нечто для продажи и покупки; они давали золотые дукаты за пять «шаги», что составляет 25 су на наши деньги, продавали английское сукно за четыре «абаза», равных стольким же франкам, за «гресс» — персидский аршин. Персы за пять дней, когда это происходило, оказали казакам тысячу ласк, потому что с ними удивительно удачно можно было сводить счета, и считали их простофилями, которых привело к ним их счастье; но на шестой день эти плуты, продолжая свои проделки до условленного ими между собою часа, чтобы не навлекать подозрений, пока их соберется в городе достаточное количество, расходятся по разным частям города, затем берутся за оружие, убивают всех, кто им встречается, грабят все дома, и, после того как они убили более 500 человек, нагруженные добычей, возвращаются на свои корабли и, как и в первый раз, отплывают на середину моря, где их не

видно с земли».

И опять какая-то ерунда выходит. Как так: «продолжали грабить все приморские местности» и при этом говорили персам «прекрасные слова»? Какие люди, будь они персы или не персы, не поймут при грабеже, что их ограбили, какими бы «прекрасными словами» это ни сопровождалось? Или Шарден имеет в виду более тонкую форму отъема чужой собственности — мошенничество? Брали добро якобы в кредит, уверяя, что останутся тут жить, разбогатеют и вернут? С хитрых казаков бы случилось.

Стрейс также описывает разграбление казаками некоего города — историки относят это к Фарабаду:

«Жители одного персидского городка, услышав о его [Разина] появлении, переселились из своих домов на находившуюся поблизости гору, где считали себя в безопасности. Но он велел передать им, чтобы они его не боялись и без робости вернулись обратно, что он пришел не с тем, чтобы причинить насилие и быть им в тягость, но только для того, чтобы купить за деньги все необходимое. Горожане поверили его словам и спустились с горы в город, и каждый открыл свою лавку или мелочную торговлю. Стенька со своими казаками покупал всевозможные товары и хорошо расплачивался; но дал своим приверженцам указание, что когда он пройдет по рынку, надев на новый лад шапку, они могут напасть на бедных людей. Так и случилось, и все жители самым плачевным образом были лишены жизни».

В. М. Шукшин: «В Фарабате, у персов, договорились между собой распотрошить город: сперва казаки начнут торговать с персами, потом, в подходящий момент, Степан повернет на голове шапку... Торговлишка шла, казаки посматривали на атамана... Подходящий момент давно наступил — персы успокоились, перестали бояться. Степан медлил. Он с болью не хотел резни, знал, что они потом сами содрогнутся от вида крови, которая прольется... Но ждали, что он повернет шапку. Он повернул».

И все-таки непонятно, зачем казакам надо было перебить жителей Фарабада, да еще и «всех», как утверждает Стрейс. Ограбить их можно было и без этого. Кстати, в приговоре Разину и в серьезных русских источниках вообще не упоминаются массовые убийства в Персии — конечно, персы не свои и убивать их не преступление — но, с другой стороны, сохранились документы, где персидские купцы просят возмещения убытков, а о массовой резне ни слова. Очень странно также, что после таких ужасных деяний казаки не поехали быстро домой с награбленным добром, а еще несколько месяцев болтались близ берегов Персии — не могли же они думать, что им сойдет с рук столько убийств?

Стрейсу веры вообще не очень много, он, например, пишет, что Разин «таким образом и способом хозяйничал во многих других местах, а также на индийской границе». Больше об индийской границе не упоминает ни один источник. Хотя теоретически нельзя исключить и этого. Логинов в романе придумал, что казаки разграбили даже столицу, Исфахан, чего никак не могло быть: он находился далеко и был защищен многочисленной и закаленной в боях гвардией шахсевенов — «преданных шаху».

Костомаров о событиях в Ферабаде: «В городе были христиане, поселенные там из пленников шахом Аббасом. Они кричали козакам: Христос! Христос! И козаки щадили их, не трогали их имущества». А. Н. Сахаров: «К вечеру город был разгромлен и разграблен до основания. Но бедноту Разин строго-настрого наказал не трогать, не грабить и в ясырь не волочь». Ну как же, он же такой сознательный...

Далее последовало разграбление Астрабада (современный Горган) — тут сходятся все русские и иностранные источники. Из сводки 1670 года, ссылаясь на показания астраханского жителя: «Слышал он от кизилбаш, что воровские казаки Стенька Разин со товарищи многие шаховы города и уезды и потешные его дворы, которые блиско моря, пограбили и жгли, и Фарабат и Астрабат города вырубил и выжгли, и многих людей мужеска и женска полу в полон поймали».

Весьма любопытный источник (не фактов, а скорее мифов) — показания некоего безымянного казака, данные им Кемпферу спустя девять лет после персидского похода Разина, — казак этот был взят в Персии в плен и, видимо, там и остался жить. Его рассказ производит в некоторых местах впечатление горячечного бреда, но надо быть снисходительными — спустя столько лет расхвастался человек, наверняка добрый иностранец угощал вином, слушая... Да и недаром говорят: «врет как очевидец». Что-то казак мог просто забыть и перепутать. С другой стороны, точно опровергнуть его слова тоже невозможно — так мало у нас надежных сведений, а официальных документов нет вовсе. Жаль только, Кемпфер записал рассказ не от первого лица, а в своем изложении.

Итак, казак «перепрыгивает» Решт и Ферабад и начинает с Баку:

«Там они предложили хану дать им место, чтобы жить в качестве подданных и помогать шаху против узбеков^[50]. Две недели прошло, и на третью они начали торговать; они успокоили всех местных жителей, притворяясь простаками (продавая некоторые товары за безделицу). Хан отправил посланца к шаху, и три недели спустя они [казаки] также послали своих представителей и взяли от хана 500 (! — М. Ч.) человек всякого рода в качестве заложников. Они (видимо, казацкие послы. — М. Ч.) оставались

там в общем шесть недель. Посланцы за посланцами прибывали от шаха с благосклонными обещаниями. Хан задерживал их с дружественными словами, забавляя и увеселяя их до тех пор, пока могла быть собрана достаточная армия. Никто из казаков не понимал языка страны, кроме Стеньки, который бродил каждый день, переодетый в старое платье, чтобы послушать, о чем рассуждают, так как он говорил на 8 языках. Он беспокоился, что посланцы не были отосланы назад с ответом. Хан старался в соответствии с персидскими обычаями учтиво развлекать его, обещая ему от шаха почести и халат (церемониальное одеяние). Стенька был слишком хитер, чтобы быть обманутым, но отвечал притворством на притворство. Хан, собравший уже со всех частей страны 7000 человек, пригласил Стеньку Разина на следующий день пообедать с ним, и за это в знак почести он возвратил ему обратно его 500 заложников (так кого было 500 — казацких послов, или ханских заложников, или тех и других поровну? — М. Ч.).

Для большей безопасности обеими сторонами было решено, что никто не должен приносить с собой ножи или какое-либо другое оружие. На следующий день Стенька Разин приказал 500 своим людям привязать сабли на спины, спрятать их под одеждой и присутствовать на празднике, стоя в шеренгу, чтобы по данному сигналу каждый мог взять саблю со спины соседа и воспользоваться ею. Говорят, что Стенька, выходя на разведку, получил сведения о приказании персов своим собственным людям присутствовать на церемонии тайно вооруженными таким же способом. Это было хорошим оправданием для него, что не он первым начал враждебные действия. Поэтому он пошел с 500 своими людьми на праздник. Хан поставил свой шатер в поле, примерно в 2 верстах от Астрабада, его сопровождали 700 человек, которые спрятали сабли и оставили огнестрельное оружие поблизости в потайном месте. Стенька оставил в резерве свыше 500 человек, которые должны были наблюдать движение персов и, когда представится удобный момент, выступить против них со своей пушкой. Стенька и с ним 11 человек уселись, остальные остались стоять в шеренге. После того как они немного насытились и, согласно обычаю страны, принялись за сладости, хан выпил за здоровье Стеньки и пожелал, чтобы тот выпил за здоровье персидского государя, что тот и сделал. При этом они начали непринужденный разговор. Стенька восхищался одеждой хана и его прекрасной саблей, а хан восхищался Стенькиной одеждой, которая была из соболей самого лучшего сорта, а также его саблей, которую Стенька вынул и подал хану посмотреть. Хан, оглядев ее, возвращает ее Стеньке и также вынимает свою и подает ее

Стеньке. Стенька восхищается прекрасным оружием персов, которое делает честь их шаху, чьими слугами они являются. Разговаривая подобным образом, он играет саблей и подает условный сигнал старшине, который был русским священником и был одет в священническую одежду, с железным посохом в руке. Последний дает своим людям благословение, после чего Стенька начинает избиение и собственной саблей хана отрубает ему голову и еще пятерым другим людям. В это время 500 его людей выхватили свои сабли и напали на кызылбашей, некоторые из которых убежали и подняли тревогу в войске. Те не могли быстро вскочить на лошадей, потому что резервный отряд Стеньки начал стрелять в них из своей пушки, которую они тайно спрятали в удобном месте, чтобы задержать приближение войска. Все бывшие здесь были убиты, за исключением очень немногих, которым посчастливилось убежать».

Сюжет развивается красиво и динамично, как сказка. Числа тоже все сказочные: «пятьсот», «двенадцать» («Стенька и с ним 11 человек уселись» — прямо как 12 апостолов). Об убийстве казаками какого-либо хана больше упоминаний нет. Русский священник благословляет на убийство «железным посохом» — это все тоже из каких-то былин.

После этого побоища казаки «атаковали Астрабад, предали мечу всех мужчин, ограбили город и увезли 800 женщин вместе с добычей с собой на остров, где стояли их суда, в 48 часах пути оттуда. Там они держали этих женщин три недели. Но так как многие казаки умерли в результате излишеств и оргий, которым они предавались с женщинами, и так как море сделалось очень бурным, что они сочли наказанием за их дебоши; поскольку они намеревались покинуть остров и не могли ни взять женщин с собой, ни оставить их без провизии, они решили их всех прикончить и этой жертвой умиловить море».

Опять-таки звучит безумной выдумкой и ни один источник этого не подтверждает, хотя такое дело, наверное, должно было бы как-то где-то отозваться... (Мы подробнее остановимся на этом гипотетическом массовом убийстве в главе об «утоплении княжны».)

В сводке 1670 года астраханский житель сообщал: «Слышал он от кизилбаш, что воровские казаки Стенька Разин со товарищи пограбили многие шаховы города». Какие именно «города», кроме упомянутых, — неизвестно. И в какой-то момент грабежи почему-то прекратились. Интересно, что почти никто не пытался ни толком высчитать, когда же казаки ушли в море, ни обосновать причину ухода. У Логинова есть на этот счет версия: «...разъезды принесли вести: от Назвина подходит шахское войско, а в Новошехре мастера под началом голландских корабелов

мастерят галеры. Видать, крепко допекло шаха казацкое самоуправство. Связываться с шах-севенами никому не хотелось, атаманы приказали завтра быть готовым в море уходить». Весьма правдоподобно. Возможно также, что на стругах уже не было места для «дувана» — пленники, коровы, козы, горы «живота»: шелк, парча, кружева, бархат, мех, одежда, обувь, серебро, золото, драгоценные камни, янтарь, кораллы, оружие, хрустальная и серебряная посуда, вазы, чаши из полудрагоценных камней, дорогие книги, резные шахматы и нарды, настенные и настольные украшения, сушеные и свежие фрукты, мясо, табак, вино... (Разин и себя не обидел, в частности, повсюду возил за собой довольно громоздкую красивую игрушку — миниатюрную копию «Царьграда» (Константинополя); очень ею дорожил, наверное, хотелось когда-нибудь в Турции побывать, он еще молодой...)

Но почему-то на Дон с добром не поехали. Жадность обуяла? Из сводки (показания некоего астраханца): «И зимовали де они от Фарабата в ближних местах и окола Фарабата разоряли деревни». Оттуда же: «...и меж Гиляни и Фарабата на острову зделали деревянной городок и землю осыпали». А вот письмо англичанина Томаса Брейна своему товарищу по бизнесу из Шемахи от февраля 1669 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 98): «А казаки ныне на острову в Хвалынском [Каспийском] море окрепилися, а чаю, вскоре на море выйдут, желаю, чтобы полковник с караблями своими приехал и их разорил». Может, они просто опоздали, было уже холодно и водный путь закрылся? (Та часть Каспия, где они находились, зимой не замерзает. Но замерзает устье Волги.) Тогда выходит, что они таки очень долго просидели в Реште — а это значит, что шах какое-то время действительно не знал, что с ними делать.

Что тем временем происходило дома: войсковому атаману Самаренину удалось не отпустить (силой, как он сообщал в Москву) Василия Уса с отрядом на Волгу — от царя пришла за это похвала. Но недолго длился покой. В марте 1669 года Унковский сообщал (из сводки 1670 года): «Приехали де з Дону на Царицын черноморские стрельцы Мишка Титов да Васька Поляк со товарищи и сказывали. — Слышали де они на Дону у казаков, хотят де на Дону в верховых городках казаки збиратца на Волгу на воровство многими людьми, а ждут они из войска к себе промышленников, войсковых казаков Ивашка Жопина да Исайки Рота. А говорят де те казаки, которые хотят идти на воровство — Стенька де Разин и Серешка Кривой с товарищи на Волгу мимо Царицына прошли смело, а они де и лутче того учинят». Интересно, дошли ли до Дона слухи о том, сколько «зипунов» добыли разинцы? Почти наверняка дошли — любая информация тогда распространялась на диво широко, хоть и не споро.

К Самаренину полетела очередная грамота из Посольского приказа (Крестьянская война. Т 1. Док. 97): не пускать казаков никуда; в ней же сообщалось, что «да на Царицын же приехав з Дону, стрельцы Артюшка Минин с товарищи сказывали. — Ездили де они Доном и Хопром в Тамбов для покупки хлебных запасов, и говорили им на Хопре в Изотове городские казаки Минька Кривой да Пашка: ходили де они, Артюшка с товарищи, для поиску за Серешкою Кривым с товарищи, а они де, Минька с товарищи, не так учинят, как Стенька Разин с товарищи: на Волгу прошли мимо Царицына смело, а пойдут прямо на Царицын; и хотели тех царицынских стрельцов побить. Да на Дону ж де и на Хопре во многих городах похваляютьца казаки, что они нынешнею весною однолично пойдут на Волгу многими людьми». Веселый у казаков был год; будет и еще один веселый...

Зимовать разинцы обосновались на полуострове Миян-Кале: он тянется с востока на запад на 55 километров, образуя естественную бухту — Горганский залив. Минимальная ширина полуострова — 800 метров, максимальная — 3700 метров. Часть его, прилегающего к суше, была, по некоторым данным, охотничьими угодьями шаха, то есть там должны были быть деревья, плоды, звери и птицы. Шарден: «Он изобилует оленями, кабанами, газелями из породы ланей... пресной водой и всем, что нужно для жизни, поселение на нем очень удобно». (Там сейчас птичий заповедник.) Если так, казаки сделали хороший выбор. Но как персы им это позволили — после ужасов Ферабада и Астрабада, после съеденных собаками послов? Есть версия, что шах таки выделил казакам эту землю. Она не подтверждена документами, более того, впоследствии персидский посол официально заявил царю, что никакой земли казакам не давал. Но политики могут сказать и неправду, а надежных документов о персидском походе нет вообще никаких. Может, теперь шах хотел выиграть время, собирая войско, и потому разрешил казакам жить на полуострове? Или все еще раздумывал: стоит ли их прогонять, не принять ли их к себе на службу?

Казаки — рабочей силой у них были пленные, свои и чужие — вырыли громадный ров, возвели земляной вал, на него установили пушки, внутри возвели деревянный городок — об этом упоминал в сводке 1670 года «толмач Ивашко». Далее опять все друг другу противоречат. Шарден: «Это было как раз то, что требовалось персам: как только они узнали, что казаки укрепились в этом месте, в конце этого года... они отправились в поход против них и, так как они были сильнее, разбили их, взяли обратно почти всех своих пленных, принудили их погрузиться в барки, которые

обогнули весь полуостров и достигли на самом отдаленном краю полуострова более выгодного пункта, защищенного болотом». По Кемпферу же, казаки просто провели зиму без всяких сражений.

А. Попов: «Казаки, разгромив Ферабат и Астрабат, укрепились близ Ферабата на узкой косе, глубоко вдающейся в море. Ближайшая к берегу часть этой косы покрыта лесом, где казаки и начали строить городок... Персы, проведав про их намерение, напали на них в значительных силах, разбили и отняли почти всех пленных. Казаки сели в свои суда и отошли далее в море, к песчаной оконечности той же косы, отделенной от лесной ее части болотом. Здесь они провели зиму. Голод и болезни значительно уменьшили число казаков во время зимы на безводном острове, окруженном морем и болотом. У них не было наконец хлеба и они ели лошадей...» А. Н. Сахаров: «Многие казаки больны, лежат в лихорадке, харкают кровью: от дурной воды, гнилой есты и грязи немало людей маются животами, по телу идут чирьи. Мука заплесневела, сухари, крупы, толокно, взятые еще из Яицкого городка, отсырели и покрылись гнилью; помыться негде, от казаков идет тяжелый дух, прорывается сквозь дорогие кафтаны».

Пришла весна — пора двигаться. А они все сидят. Чего ждут? Писатели предлагают версии. С. П. Злобин: «Они стояли на этом проклятом острове десять недель. Сухая, толченая или свежая рыба, кишмиш, курага, сушеная алыча — и ни крошки хлеба. Зной. Солнце в полдень стоит почти отвесно над головой. Сотни верст соленой воды вокруг, а по ночам — комары... Разинцев мучили жажда и лихорадка. Месяц назад три десятка казаков, не выдержав, бежали в челнах. Каждую ночь стало умирать человека по два. Казалось бы, надо покинуть этот гнилой остров и, сберегая людей, уходить подобру от беды. Но Разин упорно держал ватагу на острове... Несмотря на общие мучения всей ватаги, со злобным упорством он ждал, когда астаринский хан предложит размен пленных».

А. Н. Сахаров: «Идти домой — нет, об этом он не мог даже подумать... Разве мог он, победитель московских воевод, гроза боярских и воеводских прислужников, освободитель всех людей, забытых богом и судьбой, вернуться в Астрахань, а главное — в свои верховые донские городки в таком облики? А сейчас что может показать он с этими отощавшими, измученными людьми, которые и в глаза-то не могут взглянуть. Кто потом пойдет за ним, если приведет он с собой такое войско?»

Изобретательный Чапыгин на сей раз никакой версии не предложил. А нам что думать? Может, казаки не теряли надежды на переговоры с шахом? Может, никак не могли прийти к единому мнению, что делать дальше?

Может, хотели еще пограбить побережье? А может, Кемпфер не прав и никакого нападения персов на казаков на Миян-Кале не было, и казаки там вовсе не умирали от голода и болезней (в русские земли они вернутся страшно истощенными, но до этого побывают еще в одном месте, гораздо хуже Миян-Кале), а просто жили в свое удовольствие, строя планы?

Но, похоже, им все-таки жилось неважно. Молока не было. Хлеба тоже. Болезни наверняка были. (Хоронили умерших по обычаю в море, не снимая с тела золотых и серебряных украшений.) Разин (а может, Сергей Кривой или еще кто-то) пред-дожил идти на восточный берег Каспийского моря — в «Трухменскую» (туркменскую) землю. А. Н. Сахаров: «...отъедемся, оденемся в теплое и снова ударим по Мазандерану» (так называлась прибрежная область Персии, к которой относился Миян-Кале).

Когда именно этот набег состоялся — неизвестно. Разграбили туркменские кочевья, взяли, надо полагать, в основном лошадей, овец и коз. А. Н. Сахаров: «Врывались в кибитки и шатры, вырезали воинов, хватали женщин, волокли с собой шерсть, войлок, кожи, теплые малахаи, отгоняли прочь скот, забирали вяленое мясо; в шатрах тамошних князей мели подчистую — богатую рухлядь, золотые изделия, сдирали с коней дорогую конскую сбрую...» Одна из самых неприглядных страниц в разинстве; чтобы героя оправдать, Злобин, к примеру, придумал, что на туркмен напал по собственной инициативе Иван Черноярец.

Михаил Гаврилов, астраханский стрелец, бывший в отряде Разина, ушел от него и потом давал показания (сводка 1670 года), в частности: «...да и товарищ де Стеньки Разина Сергушка Кривой убит же в Трухменях». А. Н. Сахаров: «Совестью его был Сергей и любил его, и перечил, но не к худу перечил, а к добру». Насчет совести очень сомнительно, а что перечил — правдоподобно. Версию о том, что Кривого «убрал» Разин, никогда в жизни не выдвигал никто из его самых лютых врагов — а меж тем нам кажется, что полностью исключить и ее нельзя...

Затем, по рассказу того же Гаврилова, казаки на Миян-Кале не вернулись, а обосновались южнее Баку, недалеко от реки Куры, на Свином острове (по другой версии, на соседнем — Дуванном, а может, на обоих, а скорее всего это два названия одного и того же островка и Дуванном он стал именно после Разина), совсем крошечном: длина — 0,9 километра, ширина — 0,4 километра. Леса тут не было, почва каменистая, можно было не возводить вал — никто не подойдет незамеченным. Был вроде бы ручеек, дававший пресную воду. Опять непонятно, почему казаки там засели. А. Н. Сахаров: «...разбухали новыми зипунами, готовились идти на Астрахань». (Хотя в таких условиях «готовиться» означало еще половину

войска, пленных и лошадей уморить.) Наживин: «...расстаться с разбоем не хотелось все же».

А. Н. Сахаров признает, что казаки опять принялись грабить пригороды Баку, но делали они это исключительно потому, что Разин переживал из-за смерти Кривого. Это излюбленный прием авторов «разинианы»: как переживает атаман из-за гибели друга — так непременно кого-нибудь и зарежет.

Костомаров, Савельев, Соловьев, иностранцы, Чапыгин и Злобин вообще никак это сидение на острове не объясняют, Шукшин тоже. Костомаров: «Благоразумно было бы воротиться заранее на Тихий Дон с большою добычею и богатством, чем все это потерять, если, засидевшись на море, дождутся они новых против себя ополчений. У Стеньки были свои планы: ему нужно было обогатиться, чтоб потом привлекать к себе корыстью новые толпы; ему нужна была слава в отечестве. Теперь он все приобрел; но одно поражение могло его погубить». Разумно. Но из этого следует, что надо не торчать на острове, дожидаясь смерти от болезней и очередной вооруженной стычки с персами, которые — теперь-то уже ясно — ни в какое подданство казаков не примут, а бежать. Можно предположить, что Разин и после смерти Кривого не был в тот период таким уж единоличным главой предприятия, и были разные точки зрения, и ни к какому решению не могли прийти... А шел уже июнь — сколько можно выжидать и «готовиться»? Или, может (хотя об этом нигде не упоминается), казаки как-то умудрились испортить и погубить все награбленное (включая часть пленных) до Миян-Кале и всю весну восстанавливали понесенный ущерб?

В июне персы наконец напали на казаков. Состоялся один из первых в истории морских боев с участием русских людей. Об этом бое рассказал все тот же Михаил Гаврилов: «И в июне месяце приходили к тому острову на них боем Мамеды хан, а с ним шаховых и наемных людей, кумычан и черкас горских, в 50 сандалех [судах] с 3700 человек». Мамеды-хан (Менеды-хан) был наместником Астрабада. По сведениям Кемпфера, судов у Менеды-хана было от пятидесяти до семидесяти, по 30 орудий на каждом, все они были более крупными и высокобортными, чем казачьи струги. На них разместились отряды лучников. Но персы воевать на море не умели. Они соединили свои суда железными цепями, чтобы захватить струги как сеть, но это лишало их собственный флот маневренности, а в случае гибели одного-двух судов тонула бы вся флотилия. У казаков же было (по Гаврилову) 29 или 30 низкобортных речных стругов, на каждом из которых находилось по две-три пушки, что, видимо, является

преувеличением. По другим сведениям, стругов у казаков было 23, из них 15 морских — с более высокими бортами и более крупных, и на каждом одна большая и одна маленькая пушки.

Дальнейший рассказ безымянного казака, записанный Кемпфером, безумно любопытен и за исключением некоторых «сверхъестественных» деталей похож на правду:

«Ночью Стенька Разин разбудил всех своих людей, приказал им собраться в круг и рассказал им, что ему приснился сон, что враг находится на острове (считалось, что он владел искусством магии до такой степени, что сделал всех своих людей неуязвимыми для пуль, хотя другие, которые видели так много его людей убитыми, знали об этом лучше). Затем он предложил держать совет (хотя он и был полностью убежден, что дух ему уже подсказал), стоит ли им решиться на битву с врагом или возвратиться в море. Главари, которые уже раньше были в достатке или разбогатели в результате ограбления той страны, отговаривали от этого, говоря: довольно уже было пролито крови и можно с честью отступить. Но более бедная часть, поддерживаемая надеждой на добычу, говорила: было бы стыдно отступить, не решившись на бой. Стенька придерживался мнения первых, но все же, не желая противоречить последним, предложил, чтобы командование приняло на себя другое лицо. Войско предложило это старику, который также имел репутацию человека, умевшего предохранять людей от выстрелов; он принял предложение и пообещал им принести в жертву собственного сына, чтобы сделать их всех неуязвимыми для пуль. Но пока это предложение обсуждалось, сын спасся бегством, дезертировав к врагу, и пропал без следа. Он [старик] сам был охвачен приступом боли и судорог, который продолжался три часа; когда это кончилось, он сказал: ну, дело сделано, вы спасены, и казаки сели на корабли и вышли в море».

Интересно тут главным образом то, как гибко изворачивался Разин, и то, что он не боялся делегировать полномочия другим людям...

Казаки — искуснейшие мореходы — сделали вид, будто в панике уплывают и вот-вот чуть не потонут; наивные персы кинулись за ними. Рассказ кемпферовского казака:

«Хан лично был с ними и поднял большой флаг на своей бусе («бусаами» тогда называли любое иностранное судно. — М. Ч.). Они также соединили свои бусы цепями в надежде захватить их [казаков] всех как бы в сеть, чтобы никто не мог ускользнуть. Но это оказалось большим преимуществом для казаков. Как только персы начали стрелять в них и когда они были достаточно далеко от берега, новый военачальник казаков, решив, что теперь уже пришла пора, приказал своему пушкарю, который

был очень опытным, стрелять в большое судно с флагом, что он соответственно и сделал, направив свою пушку в то место под водой, где находился порох; пули были полыми и наполнены нефтью и хлопком, и выстрел произвел желаемый эффект, т. е. взорвал часть бусы и поджег остальную, так что хан ретировался на другое судно. В этой суматохе, поскольку судно начало не только само тонуть, но и топить вместе с собой следующее, казаки подкрались сзади и прицепляли свои суда к персидским, а так как те имели высокие палубы, они убивали персов жердями или шестами, к которым были привязаны пушечные ядра. Некоторые предпочитали лучше броситься в море, чем попасть в руки врага. Остальные были убиты казаками, которые ничего не смогли взять с бус, кроме пушек...»

Взяли 33 пушки, много оружия и несколько пленных, в том числе юного сына Менеды-хана — Шабын-Дебея (Шаболду). Как рассказывает Михаил Гаврилов, сам хан спасся, спаслись и три его судна.

При шахском дворе поняли, что враг силен, и стали снаряжать новую эскадру, укомплектовав ее опытными моряками из Бахрейна. Но разинцы ушли. По словам стрельца Гаврилова, умерших и убитых было около пятисот человек, то есть остаться должно было не менее четырех тысяч, если верить Кемпферу, и около тысячи — если смотреть более реалистично. Сообщения из сводки 1670 года можно истолковать и так, что в конце июля, убегая, казаки еще успели под Баку разорить какой-то населенный пункт, пленить 150 человек и угнать семь тысяч баранов. Непонятно только, чем бы они кормили этих баранов. С. П. Злобин: «Казалось, спасение только одно: во что бы то ни стало прорваться на русский берег, скорее сойти с кораблей, наесться простого хлеба, напиться простой ключевой воды. Они не хотели и думать о том, как их встретит Русь».

Для возвращения было два пути: по Волге и по мелководной (и потому мало подходящей для морских стругов), зато безопасной Куме. Вероятно, обсуждались оба варианта. Выбрали Волгу, из каких соображений — неизвестно. В. М. Шукшин:

«Степан терпеливо, но опять не до конца и неопределенно говорил, и злился, что много говорит. Он ничего не таил, он не знал, что делать.

— С царем ругаться нам не с руки, — говорил он, стараясь не глядеть на есаулов. — Несдобруем. Куда!.. Вы подумайте своей головой!

— Как же пройдем-то? Кого ждать будем? Пока воеводы придут?

— Их обмануть надо. Ходил раньше Ванька Кондырев к шаху за зипунами, пропустили. И мы так же: был грех, теперь смиренные, домой

хочем — вот и все.

— Не оказались бы они хитрей нас — пропустят, а в Астрахани побьют, — заметил осторожный, опытный Фрол Минаев (лицо историческое, но в тот период Минаев еще не был соратником Разина. — М. Ч.).

— Не посмеют — Дон подымет. И с гетманом у царя неладно. Нет, не побьют. Только самим на рожон теперь негоже лезть. Приспичит — станицу к царю пошлем: повинную голову меч не сечет. Будем торчать как бельмо на глазу, силу, какая есть, сбережем. А сунемся — побьют. — Степан посмотрел на есаулов. — Понятно говорю? Я сам не знаю, чего делать. Надо подождать».

Из показаний стрельца Гаврилова: «И они де, воровские казаки, с того острова погребли к волскому устью, и бежали до устья парусы 10 дней, а с устья де хотели выйти на Волгу и учюги и, разоря учюги, идти мимо Астарахани вверх Волгою на Дон». (Часть казаков, особенно яицких, все-таки ушла Кумой; неизвестно, вернулись ли они потом к Разину.) С. П. Злобин, как всегда, приписывает Разину свою идею (правильную, кстати говоря) — нельзя оставлять врагов в тылу: «Только бы на Дон пустили. Нынче придем с понизовыми спорить — кто сильнее. Весь Дон растрясу и Корнилу согну в дугу». Но у реального Разина этого, кажется, пока еще в мыслях не было.

Ночью в конце июля казаки напали на учуг (перегородку реки, задерживающую рыбу), принадлежавший астраханскому митрополиту Иосифу. Взяли, как митрополит сообщал в челобитной от 12 августа 1669 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 99), рыбу, икру, другую еду, снасти. Не тронули попа и дьячка, вообще никого. А также «...оставили втайке заверчено всякую церковную утварь и всякую рухледь, и ясырь, и, поехав с учюга, той всякой рухледи росписи не оставили». (Иосиф спрашивает в челобитной разрешение доставить это нежданно свалившееся богатство в Астраханскую приказную палату.) Зачем подарили митрополиту такое богатство? Костомаров: «Быть может, эта утварь была когда-нибудь ограблена мусульманами, и теперь козаки, отняв у мусульман, возвращали ее церкви как бы в заплату за то, что взяли для себя на учуге». Шукшин: «Работные люди с учуга все почти разбежались, а те, что остались, не думали сопротивляться. И атаман не велел никого трогать. Он еще оставил на учуге разную церковную утварь, иконы в дорогих окладах — чтоб в Астрахани наперед знали его доброту и склонность к миру. Надо было как-то пройти домой, на Дон. А перед своим походом в Персию разинцы крепко насолили астраханцам. Не столько астраханцам, сколько астраханским

воеводам». Шукшинская версия куда более правдоподобна. Ведь Астрахани казакам, если идти Волгой, было не миновать.

Напоследок казаки ограбили на выходе из Каспия два персидских судна: на одном были богатые купеческие товары для торговли в Астрахани, на другом — подарок шаха царю: дорогие лошади. (Пишут обычно «аргамаки» — вообще-то это нынешние ахалтекинцы, но в старину так называли любую лошадь восточной породы.) Похитили товары, лошадей и сына персидского купца. Нет, что-то не очень они старались прослыть «хорошими» перед приходом в Астрахань. Правда, не убили и не покалечили никого. Вскоре Астрахань узнала о их последних подвигах: весть принесли люди с учуга и с ограбленных судов. Было начало августа...

Итак, персидский поход окончен, могущая стать самой яркой, а ставшая самой трудночитаемой страница перевернута. Многие читатели, вероятно, сами попытаются распутать этот клубок противоречивых сведений, кто-то вообще не станет вникать в детали, но, может быть, найдутся и такие, что захотят узнать: а что по этому поводу думает автор?

Пожалуйста: он думает, что казаков было не более полутора-двух тысяч человек; что они пытались в Баку добыть «зипунов», но у них мало что вышло, зацепили разве что посадки; что в подданство шаху Разин просился искренне, но с далеко идущими планами (и что он попросился бы в подданство и государству Израиль, ежели б оно тогда существовало); что казаки долго жили в Реште и могли получать какое-то пособие, вряд ли значительное; что в Реште они своим поведением постепенно разозлили горожан и те первыми напали на них (и их легко извинить — они ведь знали, как казаки «ураганили» в пригородах Баку); что казацких послов казнили — если казнили — после получения шахом письма от царя; что Ферабат и Астрабад были разгромлены и дочиста ограблены, но никаких массовых убийств там не было; что жить на Миян-Кале казакам было официально позволено и многие из них хотели там осесть; что, как пишет Шарден, на Миян-Кале персы на них напали (иначе зачем уходить с хорошего места) и отобрали часть «ясыря» и «живота»; что на Свином острове казаки долго торчали, чтобы вновь набрать «ясыря» и «живота» и что было это против желания Разина; что назад пошли опасной Волгой, потому что... но об этом в следующей главе. А каждый читатель волен выстроить свою логическую цепочку событий и интерпретировать их как ему заблагорассудится.

Глава четвертая

АСТРАХАНЬ-1

Астрахань, старинный ордынский порт Хаджи-Тархан, была завоевана Иваном Грозным в 1556 году. По первой переписи 1720 года в Астрахани числились 1660 посадских жителей — без учета населения слобод, иностранцев и холопов. В 1669-м их должно было быть еще меньше. Тем не менее Астрахань считалась большим городом. (В Москве жили около 100 тысяч человек, но все другие русские города были на порядок малонаселеннее.) Это был важный стратегический пункт на окраине тогдашнего государства, правительство ежегодно отправляло туда людей, продовольствие, вооружение и лес; город старались защитить — от Турции и Крыма — как можно лучше. У Астрахани была естественная защита — вода, кроме того, к двадцатым годам XVII века было закончено строительство каменного кремля. Стены кремля имели семь башен, из которых три были проезжие (то есть с воротами), четыре — глухие; по данным «Росписного списка» Астрахани 1709 года, общая протяженность кремлевских стен по периметру составляла 1504 метра, высота стен почти 10 метров, толщина — почти два метра, на них стояли двухъярусные башни с колоколами (бить тревогу), 450 пушек и приспособления для метания камней; на случай, если город осадят, были наготове чаны, которые наполняли варом или кипятком. В XVI–XVIII веках в кремле было сосредоточено большинство административных учреждений, здесь же находились артиллерийские склады, пороховые погреба, монастырь с хозяйственными постройками, церкви, два собора, митрополичьи палаты, жилые дворы некоторых бояр. В 1630-х годах, когда построилось много дворов к востоку от кремля, новый район — по площади он был вдвое больше кремля — обнесли каменными зубчатыми стенами с башнями и назвали Белым городом; ко второй половине XVII века за пределами Белого города образовались слободы — их защитили деревянно-земляными укреплениями: это стал Земляной город.

Неприступная Астрахань, однако, лишь казалась таковой. Во-первых, из-за труднодоступности путей ее связь с Москвой и другими городами, кроме соседних Царицына, Саратова и Самары, была затруднительна. Во-вторых, это было место ссылки провинившихся стрельцов: естественно, они были всем на свете недовольны, вдобавок в конце 1660-х годов им

нерегулярно платили, а начальство, простите за выражение, обжиралось, и стрельцы это видели.

Через Астрахань Москва вела важную торговлю с Персией и государствами Средней Азии, поэтому население там всегда было пестрое. С. П. Злобин: «Для Астрахани и ее обитателей Индия не была сказочной страной. Она представлялась скорее одним из ее очень дальних соседей. Индийские лавки бухарских и кизилбашских купцов, чья речь постоянно вплеталась в многоязыкие возгласы астраханских торгов. Шведы, голландцы, англичане, армяне, турки и итальянцы наезжали сюда, в этот город, вели торговлю и наживались. Государство с них брало торговые пошлины, сборы, воеводы от них получали подарки, пушкари и стрельцы караулили их товары». Одним из главных сооружений торгового Белого города был Индийский гостиный двор, рядом — Армянский; в Земляном городе соседствовали христиане и мусульмане, церкви мешались с минаретами. Овладеть Астраханью значило бы по своей воле управлять значительной частью торговли в государстве — или парализовать ее, если захочется. Но ни о каком насильственном овладении Астраханью Разин тогда думать не мог. Войско его — по разным оценкам, от тысячи до полутора тысяч человек (скорее всего 1200) на двадцати двух стругах на тот момент — было поголовно больно дизентерией, голодно, измучено, потеряло лошадей; пушек, правда, было много, но мало кто умел с ними управляться. Огромное количество «живота» и «ясыря» затрудняло маневренность. Как считают большинство историков, баснословно разбогатевшие, но слабые телом и духом разинцы хотели тогда лишь одного — пробраться на Дон и отдохнуть.

Но сам Разин, лелеявший поистине наполеоновские планы, не задумываться о будущем не мог, а историки и мифотворцы не могли не задумываться о его планах. С. П. Злобин все гнет свою линию — ему так хочется, чтобы Разин выбрал верную последовательность действий! — надо прежде всего укрепить тылы:

«— Только бы на Дон пустили. Нынче придем с понизовыми спорить — кто сильнее. Весь Дон растрясу и Корнилу согну в дугу.

— Он сам, чай, тебя во старшинство попросит, в Черкасск призовет селиться...

— Сам попросит?! А я того не хочу. Я силой хочу его скovyрнуть, по брата Ивана завету. С Дорошенком, с Сирком сговорюсь...

— Казацку державу, чай, строить?

— А что ж — и державу!..»

В. М. Шукшин:

«Последнее время... неотступно гвоздила его одна мысль: не начать ли большую войну с боярами. Мысль эту засадил ему Серега Кривой... Ведь это просто, и это — верно; разок тряхануть, втемяшить всем: был вольный Дон, есть вольный Дон и будет вольный — во веки веков... И чем больше проникался Степан этой мыслью, тем больше и больше охватывало его — то смятение, то нетерпение, нетерпение до боли, до муки. Вдруг ему казалось, что он уже упустил момент, когда надо было начать... Понял: нет, рано. Это еще не сила, что у него, сила — на Дону, это правда, голод согнал туда большие толпы, вот сила. Он знал, что Корней Яковлев, войсковой атаман, и верхушка с ним тяготятся беглыми, готовы позабыть святой завет — с Дона выдачи нет, — готовы уж и выдавать, чтобы не кормить лишних и не гневить бояр. И пусть, и хорошо: пусть и дальше, и больше кажут себя с этой стороны, пусть все казаки поймут это — тем скорей прильнет к ним эта мысль — о войне».

Никакой Кривой — мы в этом убеждены, хотя в отсутствие информации, конечно, каждый волен иметь свою точку зрения — ничего подобного Разину не внушал, у того была своя голова, и мысль о казачьем государстве он вынашивал давно; «война с боярами» могла быть для него лишь средством, а не целью, и он бы отлично обошелся без этой войны, если бы правительство (какой-нибудь державы, не так уж это важно) вздумало подарить ему значительную территорию, чтобы на ней построить свою страну, — а другие пусть живут как хотят. Надеяться на такой подарок, конечно, не приходилось. Или он все же надеялся? Посмотрим...

Казаки остановились около Четырех Бугров — высокого скалистого острова неподалеку от устья Волги, удобной естественной крепости. Костомаров: «Они ожидали астраханцев и готовились поступить, как покажут обстоятельства. Будет возможно, решили они в круге, бой дадим, а если увидим, что не сладим, — уберемся и пройдем по Куме домой да еще отгоним лошадей у черкес по дороге». О третьем варианте — что казаков спокойно пропустят на Дон — Разин, по мнению Костомарова и других историков, думать не мог. Но тогда зачем он сразу не пошел по Куме домой?

Иван Прозоровский, уже зная о приближении казачьей флотилии, выслал навстречу своего товарища (заместителя) князя Семена Ивановича Львова и с ним три тысячи солдат и стрельцов (частью астраханских, а частью московских — более умелых и более надежных). Перед выходом флота митрополит Иосиф совершил торжественный молебен; оружие окропили святой водой. (Разин ведь колдун, может отводить выстрелы, а святая вода авось пересилит.) Судя по таким серьезным приготовлениям,

астраханское начальство тоже не знало, чего ждать от противника.

1 августа Львов докладывал (из сводки 1670 года), что «пошел на них [казаков] боем»; «И воровские де казаки, увидя ратных людей ополчение и стройство и над собою промысл, вметався в струги, побежали на море в дальние места». (Точно как в случае с персидским флотом.) А. Н. Сахаров пишет, что разинцы не ожидали ничего подобного и в страхе убежали: «... опомнились лишь тогда, когда струги Львова остались далеко позади. В великом смущении сидел Разин в каком-то чужом, не своем, атаманском, струге. Он даже не помнил, как и оказался в нем. Все вдруг смешалось, не казацкое войско, а какая-то слепая, охваченная страхом толпа. Как бежали в одиночку из помещичьих усадеб, так и спасались кто во что горазд, как бог на душу положит. Все накопленное двумя годами его трудов и стараний рассыпалось прахом в какие-то несколько минут». Нам представляется маловероятным, что они были такие наивные дурачки и не могли предположить, что их встретят военной силой.

Далее, по словам Львова: «И он де, князь Семен, шол за ними морем от Четырех Бугров з 20 верст и, видя, что их не угнать и поиску над ними учинить не мочно, послал к ним грамоту великого государя с Никитой Скрипицыным». Грамота была трехлетней давности. Кроме того, Скрипицын сказал казакам, что они могут войти в Астрахань, если будут вести себя тихо и не бузить; от них также требовали бесплатно отдать пленников, в первую очередь сына Менеды-хана, так как жалоба от персов уже пришла, отдать награбленное добро, принадлежащее купцам, сдать пушки и морские струги (а в Царицыне отдать и речные); вернуть свободу всем стрельцам и посадским, которых взяли в войско насильно; наконец, раскаяться — поцеловать грамоту и в знак повинования сдать атаманский бунчук.

Был ли Разин удивлен всем этим? Стрейс: «Этот хитрый и продувной казак не рассчитывал на такой хороший исход, принял предложение с охотой и радостью, ибо испытывал крайнюю нужду от голода и других недостатков, и он был бы вынужден сдаться без боя, положившись на гнев или милость, чтобы не умереть со своими приверженцами от голода или извести и погубить друг друга; ибо они испытывали такую нужду и недостаток, что ограбили персидскую барку, в которой посланник вез в дар его величеству несколько лошадей; лошадей зарезали и весьма бережливо поедали. В таком тяжком положении находились казаки, когда царская милость, прощение и благоволение спасли их из пасти смерти». Ну если уж речь про «пасть смерти» — так ушли бы по Куме да и всё... А. Н. Сахаров: «Ко всему был готов Разин, но только не к милостивой царской грамоте».

С. П. Злобин: «Караваны грабили, казнили стрельцов, воеводу стегали плетью, город взяли... — напряженно думал Степан. — Неужто за то даровал государь прощение, что шаха персидского войско побили? Неужто мы в том заслужили царю? Али пущего забоялись нас бояре? Может, того и страшатся, что станет расти казацкая держава от Буга до Яика, затем и хотят привести нас к миру?! В Москву заглянуть бы единым глазом да помыслы их проведать!.. Обманом ли взять хотят?.. Ты, мол, крест поцелуй, отдай пушки, а там тебя и в борщ... С них и станется, право!..»

А вот в прелестном дореволюционном романе Д. Л. Мордовцева «За чьи грехи?» «...это страшилище, переродившееся под ласками обожаемой девушки (об этом чуть позже. — М. Ч.), смиренно склонило перед князем Львовым свою гордую голову: Разин присягнул на кресте и евангелии, что навсегда бросает ненавистные ему разбои». Поди докажи, что это чепуха! В голову к Разину никто не заглядывал. И все же попытаться можно.

Почему, собственно, он должен был удивляться такому исходу? Ему уже дважды посылали грамоты и предлагали мир. Причем грамоты слали еще когда он грабил русских (и даже царское судно), а теперь он ограбил всего-навсего персов. Он сам пошел через Астрахань, это же не случайно как-то получилось, а ведь для боя он был очень слаб. Стало быть, именно на то и надеялся — что в очередной раз велят «исправиться» и пропустят. И все-таки — почему не Кумой на Дон ушел? Зачем-то надо было именно в Астрахань? Зачем? Приходит в голову весьма прозаичное объяснение: на Дону, где в последнее время большинство казаков жили бедновато, разницам некому было быстро продать свои бесчисленные трофеи. А Астрахань — город богатых купцов. И Разин был уверен, что в город его пустят.

Но почему же Прозоровский пропустил, более того, впустил казаков в город — Львов ведь, наверное, мог их если не уничтожить, то потрепать основательно? Шукшин резонно предполагает, что Москва боялась ссориться с Доном, тем более в период украинского мятежа, когда Брюховецкий посылал на Дон своих гонцов, а Дорошенко пытался сговориться то с Речью Посполитой, то с Крымом: «Мы с царем пока не цапались — зачем ему? И говорю вам: с Украиной у их плохие дела. Иван Серко всегда придет на подмогу нам. А сойдись мы с Серком, хитрый Дорошенко к нам качнется. Он всегда себе дружков искал кто посильней. Царь повыше нас сидит — на престоле, должен это видеть. Он и видит — не дурак, правда что...» А с военной силой у Москвы было далеко не всё в порядке: и солдаты, и стрельцы, и служилые казаки по полугоду не получали жалованья, вовремя платили только московским стрельцам да

иностранным наемникам; недоставало еще лишиться поддержки свободных казаков.

Эта версия, выглядящая чрезвычайно убедительно, однако, разбивается о факты: вскоре Прозоровский получил из приказа Казанского дворца строгий нагоняй за мягкое отношение к «воровским казакам». И в таком подходе правительства тоже есть логика: если казаки — одна из главных военных сил, то не дай бог они все, глядя на разинцев, будут действовать против интересов Москвы; попытка Разина принять подданство Персии наверняка напугала Казанский дворец не только ссорой с шахом, но и самим фактом: а ежели все казаки пойдут в подданство какой-нибудь иностранной державы?

Можно, конечно, предположить, что Прозоровский размышлял не так, как московское правительство, а так, как Шукшин, и дружески принял казаков именно из-за страха обидеть Дон во время украинской смуты. Но возможны и иные версии, более локальные. У Чапыгина Прозоровский отвечает своему брату и заместителю Михаилу, который предлагает:

«— Надо бы этих воровских казаков взять за караул да на пытке от них дознаться, какие у разбойников замыслы и сколько у вора-атамана пушек и людей?.. Хитры они, добром не доведут правду!

— Сколь пушек, людей — глазом увидим. Млад ты, Михаиле! Тебе бы рукам ход дать, а надо дать ход голове: голова ближе опознает правду. Вишь, Сенька Львов забежал, грамоту государеву забрал и ею приручил их. Поди, они на радостях сколь ему добра сунули!.. Ты думаешь, вечно служить стрельцам не в обиду? Скажешь, глядячи на казаков, они не блазнятся? Половина, коли затеять шум, сойдет к ворам. Нет, тут надо тихо... Узорочье лишне побрать посулами да поминками, сговаривать их да придерживать, а там молчком атамана словить, заковать — и в Москву: без атамана шарпальникам нече делать станет под Астраханью...» Тут сразу два соображения, абсолютно разнородных, но в жизни нередко сочетающихся у политиков всех рангов: 1) «они на радостях сколь ему добра сунули!» — авось и нам «сунут»; 2) «половина (стрельцов), коли затеять шум, сойдет к ворам».

Костомаров считает, что странное на первый взгляд поведение астраханского начальства объяснялось одновременно всем вышеназванным и еще иными причинами:

«Во-первых, поход Стеньки произвел сочувствие на Дону: слишком суровое обращение с козаками могло раздражить донцов; во-вторых, астраханские воеводы не могли положиться на свои силы; переход на сторону воровских Козаков, стрельцов и черного люда заставлял

побаиваться, чтоб и в Астрахани не повторилось то же в большем размере; в-третьих, поход Стеньки приносил пользу воеводам: воеводы знали, что порядочная часть добычи перейдет им на поминки. Что же касается до разорения персидских берегов, то ведь и русские терпели тоже от своевольтва персидских подданных: почему же и персидским не потерпеть от русских? Козацкий поход был в некотором смысле возмездием; козаки доказывали это, приводя с собой освобожденных пленников. Только что перед возвратом Стеньки астраханские воеводы получили известие, что антиохийский патриарх, возвращаясь из Москвы через персидские владения, был ограблен в Шемахе тамошним ханом; хан отобрал у него разные драгоценности и выплатил по той цене, какую сам ему назначил. В Дербенте другой хан ругался над русским гонцом и приказал ему отвести для помещения скотской загон; наконец, в Персии убили, в ссоре, родственника русского посланника, который умер с тоски от дурного с ним обращения. Некоторым образом Стенька отплачивал за оскорбления, нанесенные России, а Россия не нарушала согласия с Персиею, сваливая разорение берегов ее на своевольных Козаков».

Эта последняя версия красива и тоже убедительна: мы уже упоминали, что русские цари подобным образом, бывало, сваливали вину за причиненный иностранным государствам ущерб на самовольство казаков. Но опять-таки: если царю в глубине души понравилось поведение казаков — зачем потом Прозоровского разбранил? Или так, из политического лицемерия? Нет, на дворе была уже вторая половина XVII века и к международным договорам относились серьезнее, чем при Михаиле Федоровиче; разругаться с могущественной Персией было хуже, чем стерпеть частные обиды.

В романе Логинова — Разин у него весь «черный», а раз так, астраханское начальство должно быть хоть немножко «белым» — Прозоровский отчасти наивен, отчасти руководствовался благородными мотивами: «Что было потом — достойно удивления. Поверил князь ложному целованию, словно и не вешал Стенька его посланцев за ребра, не сажал в воду, будто не предал тем же манером персидских воевод. Сказано: «Еди-ножны солжешь — кто тебе поверит?» — а вот надо же, верят завзятому лжецу раз за разом. Привыкли люди верить обманщику, когда клянется он на Библии или Коране, призывает каабу или целует крест. Хорошо от того обманщику живется.

— Сдурел князь! — вслух удивлялся кузнец Онфирий, слушая милостивые слова и речи о прощении. — Бить нас надо смертным боем, а он икону подносит...

— Эх вы, недотепы! — Есаул Чернояров, бывший старшим на струге, повернулся к разговору — Подумайте сами, ну, побьют они нас, так ведь все добро, что на стругах собрано, — потонет. А тут несметные богатства собраны. И еще подумайте: нас четыре тыщи, но половина народа — полоняники, перед государем ни в чем не виноватые. Их тоже ружьем бить? Вот и мирится князь, не хочет свары».

Но мы все же пока остаемся при таком мнении: Прозоровский боялся мятежа своих стрельцов и хотел получить от казаков солидную взятку.

Разин же был настолько уверен в себе, что сразу целовать грамоту не стал, взял время подумать; казачья флотилия вернулась к Четырем Буграм. Флотилия Львова заступила казакам путь к морю — то есть Прозоровский не хотел и такого варианта развития событий, когда казаки просто убежали бы (царь велел их непременно задержать в Астрахани — так что же не задержал?) и не ставили его в затруднительное положение: получается, что даже возможное «шатание» стрельцов его не останавливало — одной лишь личной выгоды ради готов был рискнуть? Наговариваем, скажете, на астраханское начальство, клеветаем? Что же, в свой черед будут и документальные доказательства...

Из сводки 1670 года: Львов, «став всеми стругами на якорях, и их, воровских казаков, на Четыре Бугра пропустил... И казаки де, прочте великого государя грамоту и видя то, что от Четырех Бугров морской путь ратными людьми заступлен, прислали к нему, князю Семену, дву человек выборных казаков. И те де казаки били челом великому государю, а ему говорили от всего войска, чтоб великий государь пожаловал, велел вины им их отдать и против великого государя грамоты на Дон их отпустить с пожитками их, а они де за те свои вины рады великому государю служить и головами своими платить, где великий государь укажет». Как же высоко Разин себя ставил — не сразу сам пошел к Львову, а сперва послал «дву человек»...

Через пару дней, как пишет Людвиг Фабрициус (он на год раньше Стрейса и Бутлера прибыл в Астрахань, сам состоял в войске Львова и стал очевидцем многих разинских дел в Астрахани), Разин в присутствии Львова грамоту публично поцеловал, положил за пазуху и сказал, что условия Прозоровского принимает. Советскому писателю это — что «нож вострый». А. Н. Сахаров: «Разин действительно стих, строго наказал казакам не надирать служилых людей; сам он высказывал названому отцу всяческое почтение. И не мог видеть князь, как, идя следом за воеводскими стругами, Степан с казаками посмеивался над ним, с ухмылкой разглядывал государеву грамоту, ругал ее». Вряд ли так было: простые

казаки к царским грамотам все-таки относились с уважением, да и Разину было что обдумать, чем заняться, кроме как глупо хихикать над грамотой.

Фабрициус: «Затем обе стороны палили из пушек». Стрейс, публикуя свои «Три путешествия», присовокупил к ним два письма с царского корабля «Орел» (первого или одного из первых русских парусных судов западноевропейского типа, построенного, конечно, иностранцами), приплывшего в Астрахань месяцем ранее Разина; автором второго письма, к которому мы обратимся значительно позднее, считается капитан «Орла» Дэвид Бутлер, первое Стрейс опубликовал как «анонимное». Если бы в нем не было слов «наш капитан», то не было бы и причин считать, что оно тоже не принадлежит перу Бутлера, — стиль обоих писем очень схож. Но, видимо, это был помощник капитана. (Кстати, он единственный, кто дал историкам указание на возраст Разина, — 40 лет.)

«Человек с «Орла» писал: «Мы уже давно слышали, что на реке Волге должны показаться казаки, но здесь узнали, что три тысячи русских более чем на 50 гребных судах под командой третьего правителя в Астрахани, князя Семена Ивановича Львова, преследуют их и что все время ждут известия об их успехе. Эти разбойные казаки уже в течение трех лет чинили большой вред и насилие на Каспийском море и год тому назад отняли у его царского величества город Яик, убили больше 8000 русских, многих повесили за ноги, в том числе и немецкого капитана, а также чинили другие злодеяния и жестокости. В Персии опустошили они три города и несколько тысяч людей умертвили...»^[51] И «8000 русских», и несколько тысяч персов — в этом же письме еще будет названо количество убитых персов «40 000» — это, конечно, полный вздор, но автор письма ссылается на то, что так говорили русские. «17-го пришло известие (как раз в то время, когда воевода был на наших судах и их осматривал), что разбойные казаки предают себя во власть его царского величества. По приказу воеводы мы выстрелили из пушек, что, как кажется, ему весьма понравилось».

Фабрициус: «Русского дворянина, который привез Стеньке грамоту, он щедро одарил прекрасными золотыми вещами, шубами на собольем меху и разными дорогими персидскими тканями. Что получил генерал [Львов], неизвестно, но точно известно, что была привезена куча ценных вещей, в особенности жемчугов, прекрасных конских сбруй, усыпанных жемчугом и бирюзой, а также куча серебра и золота. Дешево достали, дешево и отдали». Это описание совпадает с народными сказаниями, авторы которых хотя и принадлежали скорее XIX веку, чем XVII, естественно, никакого Фабрициуса не читали. Из записей, сделанных Якушкиным:

«— Много он [Разин] боялся того начальства! — отвечал разскащик: — его и само-то начальство боялось: вот онъ былъ каков!

— Что ж начальство смотрело?

— А вот что: как повоевал Стенька Персию, приехалъ в Астрахань. Пошел к воеводе... тогда губернатор прозывался воеводой... «Пришел я, говорит, к тебе, воевода, с повинной». — «А кто ты есть за человек такой?» — спрашивает воевода. «Я, говорит, Стенька Разин». — «Это ты, разбойник! который царскую казну ограбил?... Столько народу загубил?» — «Я, говорит, тот самый». — «Какже тебя помиловать можно?» — «Был, говорит Разин, я на море, ходил в Персию, вот столько-то городов покорил; кланяюсь этими городами его императорскому величеству (анахронизм; цари тогда императорами не назывались. — М. Ч.), а его царская воля: хочет казнить — хочет милует! А вот я вашему превосходительству (тоже анахронизм: обращения на «вы» и «превосходительств» еще не было. — М. Ч.), говорит Разин, подарочки от меня». Стенька приказал принести подарочки, что припас воеводе. Принесли, у воеводы и глаза разбежались: сколько серебра, сколько золота, сколько камней дорогих! Хошь пудами вешай, хошь мерами меряй!.. «Примите, говорит Стенька Разин, ваше превосходительство, мои дороги подарки, да похлопочите, чтобы царь меня помиловал». — «Хорошо, говорит воевода, я отпишу об тебе царю, буду на тебя хлопотать; а ты ступай на свои струги и дожидайся на Волге царской отписки». — «Слушаю, говорит Разин, а вы, ваше превосходительство, мною не побрезгуйте, пожалуйте на мой стружокъ ко мне в гости». — «Хорошо, говорит воевода, твои гости — приду». Стенька раскланялся с воеводой (как забавно выглядит это «раскланялся»! — М. Ч.) и пошелъ к себе на стружок, стал поджидать гостей. На другой день [воевода] пожаловал к Степану Тимофеичу... Тимофеичем стал, как подарочки воеводе снес... пожаловал к Степану Тимофеичу сам воевода! Воевода какой-то князь былъ... одно слово все равно, что теперь губернатор... сам воевода пожаловал в гости к простому козаку, к Стеньке Разину! Как пошел у Стеньки на стругахъ пирь, просто дым коромыслом стоять! А кушанья, вины так разныя подают не на простых тарелках, или в рюмках, а все подают на золоте, как есть на чистом золоте! А воевода: «Ах какая тарелка прекрасная!» Стенька сейчас тарелку завернет, да воеводе поднесет: «Прими, скажеть, в подарочек». Воевода посмотреть на стакан: «Ах какой стаканъ прекрасный!» Стенька опять: «Прими в подарочек!».

За подарки Львов отплатил. Фабрициус: «Затем генерал принял Стеньку в названные сыновья и по русскому обычаю подарил ему образ Девы Марии в прекрасном золотом окладе... Подобные подарки очень

ценятся у русских. Тот, кто делает такой подарок, считается отцом, принявший подарок — сыном». Вот интересно, зачем Львову это было надо? Не мог же он Разина полюбить — уж за один-то день точно не мог... Если долг приличия — ну, подарил бы в ответ тоже тарелку какую-нибудь... Неужели князь заглядывал так далеко, что не исключал превращения «Стеньки» в уважаемую в Русском государстве персону?

В. М. Шукшин: «Князю хотелось первым увидиться с Разиным, с тем он и напросился в поход: если удастся, то накрыть ослабевших казаков, отнять у них добро и под конвоем проводить в Астрахань, не удастся, то припереть где-нибудь, вступить самому с Разиным в переговоры, слупить с него побольше и без боя — что лучше — доставить в Астрахань же. Но — в том и другом случае — хорошо попользоваться от казачьего добра. В прошлый раз, под видом глупой своей доверчивости, он пропустил Разина на Яик «торговать» и славно поживился от него. Теперь же так складывалось, что не взять с Разина — грех и глупость». Абсолютно неясен при таком толковании событий факт «усыновления».

Один из виднейших бояр при дворе царя Алексея Михайловича, Артамон Матвеев, дипломат, возглавлявший в разные периоды Аптекарский, Малороссийский и Посольский приказы, попав в опалу, написал «Историю о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева», где упоминал, в частности, о том, как предупреждал царя об опасности снисходительного отношения к Разину и предлагал его в Астрахани арестовать, а также о недопустимости поведения Львова. Князь Львов и сам был не то чтобы опальным, но недостаточно почитаемым вельможей, назначение в товарищи к Прозоровскому мог рассматривать как ссылку, был, возможно, жизнью недоволен, оттого вел себя странно, — но не мог же он не понимать, что «усыновление» Разина вызовет скандал! Нет, тут одно из двух: или уж очень умен и дальновиден был князь Семен Иванович, или, извините, очень глуп...

Фабрициус: «В надлежащем месте, однако, к этому («усыновлению» и дружбе. — М. Ч.) отнеслись весьма неодобрительно». Неясно, какое «надлежащее место» голландец имеет в виду: администрацию царя или администрацию Прозоровского? Высказываются ведь и такие версии, что Львов самовольничал и Прозоровский на него был сердит, но уже не мог ничего изменить. Это, конечно, маловероятно.

Было решено, что переговоры продолжатся в Астрахани. Письмо с «Орла»: «19-го явились послами три знатных казака в драгоценных одеждах в город Астрахань; самый молодой из них говорил в моем присутствии. Воевода обещал им царское расположение и милость. Они

пожелали, чтобы их предводитель был принят с почестями, на это воевода ответил, что он сам боярин, но куда бы ни прибывал на воеводское место, и то его никогда не встречали с почестями. Он пригласил их в свой дом, куда они и явились, но так как им, по их мнению, не скоро подали водку, то они начали ворчать. Они были прекрасно одеты, и шапки их были вышиты жемчугом». (Если автор письма присутствовал при переговорах, он должен был занимать высокое положение на корабле.)

21 августа струги Львова торжественно, строем входили в город, разинцы таким же щегольским строем, с развернутыми знаменами следовали за ним. Человек с «Орла» пишет, что у казаков было 23 судна и что их было около тысячи человек. Встречали их так, словно прибыла иностранная делегация (в определенном смысле так и было — разинцы, напоминая, формально подданными царя не являлись). На «Орле», похоже, этому весьма дивились: «Русский флот, подойдя к городу, дал салют из всех пушек, после чего мушкетники, которых было до 3000, дали залп. Вскоре казаки ответили из своих пушек и мушкетов, немного спустя русские второй раз дали салют, на что казаки также не остались в долгу. После салюта в городе был выкинут белый флаг, что было нам знаком, и мы выстрелили из 13 пушек и в то же время дали залп из 200 мушкетов; между тем наш шкипер упал за борт, но его тотчас же выловили. После нашего салюта русские выстрелили в третий раз и проплыли мимо нас, на что наш корабль в последний раз ответил своими 13 пушками и 200 мушкетами...»

Народу, конечно, сбежалось смотреть — вся Астрахань со слободами. С. П. Злобин:

«На атаманском, передовом струге распахнулись тяжелые ковровые полы шатра и вышли главные казаки. Впереди всех был атаман. Черная борода его пышно лежала на голубой парче зипуна, украшенного алмазными пуговицами. Острые карие глаза с пронзительной зоркостью посматривали из-под парчовой чалмы с золотыми кистями, сияющей самоцветами. Тяжелая рука Разина лежала на рукояти сабли, которая висела на кованой золотой цепи, перекинутой через правое плечо... Толпа загляделась, как заколдованная, на все это пышное зрелище.

— А ты сказывал — вор-шарпальщина! Глянь-ко — князь! — говорили в толпе астраханцев, сбежавшейся к берегу».

Письмо с «Орла»:

«22-го рано утром казаки поднялись по реке, так что мы потеряли их из виду, и было объявлено, чтобы никто с ними не торговал и не сходился. В тот же день пришли несколько казаков в приказ (Perkaas) с множеством драгоценных камней и вещей. 23-го пришел в приказ их предводитель

Стенька Разин, которого весьма приветствовали, и скоро после того направился к воеводе в дом, но отказывался от вина. Наш капитан в тот день был у воеводы в гостях; в разговоре наш капитан заметил, что было бы весьма желательно и разумно, чтобы Разин сдал свое оружие и знамя в город, с чем воевода согласился. Немного спустя пришло известие, что Стенька напился, на что воевода повелел с добрым словом выпроводить его из города; Стенька, когда бывает пьян, большой тиран и за короткий срок в таком виде лишил жизни трех или четырех человек...»

Что Разин бывал во хмелю буен, отмечали многие, и, вероятно, он прекрасно знал это за собой, раз отказался пить в доме Прозоровского.

Стрейс:

«После того все они отправились в Астрахань и расположились на острове, на расстоянии примерно получаса от города. Они приезжали оттуда отрядами в город, и простые казаки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом. Некоторые носили на шапках короны (ну уж и короны! — М. Ч.) из жемчуга и драгоценных камней, и Стеньку нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделялся по чести, которую ему оказывали, когда все во время беседы с ним становились на колени и склонялись головою до земли, называя его не иначе как батька (Batske) или отец, и конечно он был отцом многих безбожных детей. (У Разина и законных-то детей вроде бы не было; не исключено, что он не мог их иметь. — М. Ч.) Я его несколько раз видел в городе и на струге. Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью».

Казаки производили в городе фурор — богатые, нарядные, вольные. С. М. Соловьев: «Понятно, какое впечатление производило это на людей, которым более других хотелось погулять, которым их собственная жизнь представлялась непрерывною тяжелою, печальною работою». Инсаров: «Для замордованного начальством посадского или стрельца не подвластный начальственной плети казак вообще был идеалом свободной и счастливой жизни, но если этот казак приходил в ореоле победы, славы и добычи и с ним не мог ничего сделать никакой воевода, престиж казака возрастал во много раз. Разин и его сподвижники, готовясь на будущее, делали со своей стороны все, чтобы престиж казака стоял на высоком уровне, завязывали в Астрахани полезные контакты и делали недвусмысленные призывы».

Вот попробуйте-ка сделать усилие и представить нечто подобное у себя в городе: приехала с пальбой из пушек из иностранного похода

преобладающая толпа каких-то новых людей, то ли бандитов, то ли воинов, то ли путешественников, и каждый из них на «Ламборджини» и с головы до пят увешан золотыми айфонами. Скажете, таких людей и так полно? Нет — на самом деле их капля в море, а вы представьте, что их приехало — как минимум в половину населения вашего города, так что вы шагу не можете ступить, чтобы на них не наткнуться; они двери к губернатору и мэру ногой открывают, но и с простым человеком всегда готовы пойти выпить; они за бесценок продают вам все свои самые дорогие тряпки и гаджеты, за свой счет угощают вас в ресторанах, ходят к вам в гости и рассказывают о своем чудном городе, где все так живут, и приглашают с собой «пошалить» в чужих краях... Скажете, и нынче найдется полно людей, готовых ради наживы или адреналина поехать повоевать, и вербовщики их именно так и заманивают? Да, но это тоже — капля в море; а этих приехало аж миллион, и с собой они миллион намерены увести... Никак не представляется подобная картина, правда? Уж очень всё с тех веков изменилось. Хорошо, представьте тогда, что приехала компания оппозиционных политиков — но их никто не гонит, а все обласкивают, и они могущественны, и богаты, и справедливы, и предлагают реформы — от вас требуется лишь проголосовать... (Фабрициус пишет, что Разин «сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему простолюдины охотно прислушивались, заверяя его, что все они не пожалеют сил, чтобы прийти к нему на помощь, только бы он начал».) Еще труднее представить, да? Ну тогда уж и не знаем, как описать первую разинскую Астрахань, — вообразите на худой конец просто нескончаемую ярмарку.

В. М. Шукшин: «По всему побережью развернулась нешуточная торговля. Скорые люди уже успели сюда из Астрахани — с посада, из Белого города, даже из Кремля. Много было иностранных купцов, послов и всякого рода «жонок». В треть цены, а то и меньше переходили из щедрых казачьих рук в торопливые, ловкие руки покупателей саженой ширины дороги, зендень, сафьян, зуфь, дорогие персидские ковры, от коих глаза разбегались, куски миткаля, кумача, курпех бухарский (каракуль); узорочный золотой товар: кольца, серьги, бусы, цепи, сулеи, чаши...» Костомаров: «Открылась деятельная торговля между ними [разницами] и астраханцами; она была выгодна для последних, и многие русские, армяне, персияне, живущие в Астрахани, в несколько дней составили себе состояние». Фабрициус: «Стенька вместе с нами прибыл в Астрахань, где ему и его воровским людям была дана воля открыто торговать захваченными в Гиляне вещами и людьми, так что персидские купцы выкупили тут всех людей. Одного знатного дворянина вор велел повесить

за ребра». Это последнее не подтверждено иными документами, но если мы доверяем Фабрициусу в остальном, то надо бы, по идее, поверить и в этом. Однако как мог Прозоровский такой факт стерпеть — совершенно непонятно. Хотя почему непонятно? Не его же вешали; за взятку и не такое стерпишь.

Выкуп пленных продолжался полтора месяца. А ведь поначалу Прозоровский ставил условие выдать их бесплатно. Долю он имел, что ли, от персидских купцов? Может и так. Костомаров: «Воеводы не осмелились взять у Козаков и даров, которые персияне везли к царю, не взяли даже аргамаков, которые уже впоследствии найдены у Стеньки». Это опровергается другими источниками: автор письма с «Орла» утверждает, что кони были отданы сразу же (или проданы — тут не разобрать в хаосе подношений и взяток).

Разумеется, сам Разин стал в Астрахани весьма популярной личностью. Из народных сказаний, записанных Якушкиным: «Вся Астрахань за Стеньку Разина встала, всю он Астрахань прельстил. Астраханцы, кому что надо, шли к Стеньке Разину: судиться ли, обижает ли кто, милости ли какой просить — все к Стеньке. Приходят астраханцы к Разину «Что надо?» — спрашивает Разин. «К твоей милости». — «Хорошо, что надо?» — «Да мы пришли насчет комара: сделай такую твою милость, заклани у нас комара, у нас просто житья нет!» — «Не заклану у вас комара, — объявил Стенька, — заклану у вас комара, у вас рыбы не будет». Так и не заклал». Прелесть неподражаемая.

Напомним, что подругой версии («Песни и сказания о Разине и Пугачеве») Разин комара все-таки заклал, как и блох, клопов, вшей и «всяку гадость, которая кусает человека». С чем сравнить это? Наверное, с гастролями какого-нибудь знаменитого целителя или экстрасенса — тут в людских головах до наших дней абсолютно ничего не переменялось...

Но это еще не всё. Соберем в кучу бандитов, военных вербовщиков и экстрасенсов — все они вместе не смогут сделать того, что делал Разин в Астрахани. Он делал то, что делают одни лишь политики перед выборами. Он раздавал деньги. Сводка 1670 года это подтверждает.

С. П. Злобин: «Разин останавливался на пути, расспрашивая астраханцев об их нуждах, а его есаулы, по щедрости и от сердца, раздавали деньги тем из толпы, кто был больше оборван и изможден». Чапыгин: «Разин идет впереди с есаулами в голубом зипуне, на зипуне блещут алмазные пуговицы, шапка перевита полосой парчи с кистями, на концах кистей драгоценные камни. Сверкает при движении его спины и плеч золотая цепь с саблей. Если атаман не подойдет сам, то к нему не

подпускают. Есаулы раздают тому, кто победней, деньги.

— Дай бог атаману втрое чести, богатства! — принимая, крестятся.

Нищие кричат:

— Атаман светлой! Дай убогим божедомам бога деля-а...

— Помоги-и!..

— Дайте им, есаулы!

Нищих все больше и больше, как будто в богатом городе, заваленном товарами, широко застроенном, кроме нищих и нет никого».

А. Н. Сахаров: «Разин останавливался, говорил с бедными людьми, щедро одаривал их золотой и серебряной монетой. Особую милость оказывал он совсем нищим и убогим». Горький написал о Разине киносценарий — он читается совершенно как пародия, особенно страницы о первой разинской Астрахани. «К Разину подводят казака, уличенного в обиде чужой жены. Тут же и эта женщина в разорванном платье. Разин, нахмурясь, выслушивает жалобу горожан. Обнажил саблю и убивает казака. Горожане, восхищенные его справедливостью, кланяются ему, шумно благодарят. Он оделяет их деньгами и, толкнув ногою убитого, идет дальше. Немцы, стоя в стороне, совещаются о чем-то. Горожане братаются с казаками и вместе с ними грабят лавку». Потрясающая картина, правда? А вот еще: «На лужайке, у городской стены, сидит Разин, его окружают дети, он, смеясь, раздает им сласти из полы своего кафтана. Разин показывает детям саблю свою, не обнажая ее. Надевает на голову одного из них свою шапку, хохочет. Дети не боятся его, щупают шитье кафтана, пояс. Видно, что Разину все это приятно. Свистит, подбегают казаки, он приказывает им плясать. Пляшут, дети в восторге, Разин хлопает ладонями». «Дети не боятся Ленина, щупают пиджак, бородку. Видно, что Ленину все это приятно. Свистит, подбегают Каменев и Зиновьев, он приказывает им плясать. Пляшут, дети в восторге, Ленин хлопает ладонями...» Читатель, не сердись, пожалуйста. Впереди столько мрачного, серьезного — давайте хоть напоследок похулиганим...

Казимир Валишевский полагает, что не остались равнодушными к обаянию Разина и сами городские верхи: «Воеводы, получившие позже выговор за то, что они не удержали казаков и не смешали их со стрелецкими полками, на деле не могли тогда и думать о подобной попытке. Стенька с товарищами импонирует им: все в шелку, с руками, полными золота, они вызывали у них воспоминания об Олеге и его дружине, наводнившими Киев богатствами, добытыми на греческой земле. Так же как и ладьи этого легендарного героя, лодки Стеньки были разукрашены шелковыми веревками и парусами». Что уж говорить о

стрельцах: «Сами еще наполовину казаки и живя в городе, где все дышало еще духом дикой независимости, стрельцы, единственная сила, которой располагал Прозоровский со своим помощником, не были безусловно испытанными людьми. Искушение было слишком велико для них, чтобы не слиться с этими удивительными гостями, которые бегали по кабакам в бархатных кафтанах и, чтобы заплатить, небрежно срывали со своих шапок ценный алмаз. И при этом держа в своих сильных руках этих диких пленителей рек и морей, Стенька казался таким добрым, великодушным и щедрым!» С. М. Соловьев: «Искушение было действительно страшное: казаки расхаживали по городу в шелковых, бархатных кафтанах, на шапках жемчуг, дорогие камни; они завели торговлю с жителями, отдавали добычу ничем: фунт шелку шел за 18 денег. А он-то, богатырь, чародей, державший в руках всех этих удальцов, казацкий батюшка, Степан Тимофеевич! <...> Могучее обаяние производил человек, которому все было ничем».

Большинство историков, не считая конечно же советских, находят весьма прозаичное объяснение раздаче денег и вещей. Да-да, мы уже говорили: политик накануне выборов. Марций: «А поскольку Разин еще раньше заметил, что очень многие готовы отвернуться от него из-за его жестокости, он решил расположить их к себе и привлекать на свою сторону более мягким обращением, которое в цене и у варваров. Ради этого он стал осыпать деньгами простой люд, считая, что это будет выгодно ему, поскольку может вызвать недоброжелательство к царю, подогреет внутренние раздоры и настроит царское войско против начальников». Стрейс: «Когда он проходил по улицам Астрахани и видел следовавшую за ним большую толпу, то разбрасывал дукаты и другие золотые монеты, и такая щедрость или, вернее, хитрый обман привлекали к нему многих необузданных и глупых людей. Некоторые из них были даже на службе у его величества». Логинов: «Сам Разин ежеутренне выходил в город, гулял по майдану, швыряя в толпу золотые кругляши из тугой мошны. По этому поводу давка вокруг атамана была и сущее смертоубийство. Задолго до атаманского выхода городская гольтьба начинала табуниться у крыльца. Кое-кто из казаков качал головой при виде такой щедрости, но ближние люди объясняли вполголоса, что ежели не привадить рыбку, то и лова не видать. Не глупое фордыбаченье тут причиной, а тонкий расчет».

А. Н. Сахаров, старающийся, как надлежит биографу, быть объективным, тут не выдерживает и совсем превращается в романиста: «Особую милость оказывал он [Разин] совсем нищим и убогим, а богатых купчин, дворян, приказных словно и не замечал». А ведь он конечно же

читал Фабрициуса: «...господа правители города неоднократно звали Стеньку к себе в гости, что не проходило без богатых подарков». Любопытный документ (Крестьянская война. Т. 3. Док. 251) — жалоба персидского купца Магмета Юсупа в Посольский приказ от 3 мая 1673 года о возвращении ему имущества, утраченного в Астрахани: «И боярин князь Иван Семенович [Прозоровский] хотел нас отпустить к Москве и взял у меня 300 рублей... и манил день ото дни. А говорил мне: когда великого государя указ будет, и я ж тебя отпущу. И после того приехал в Астарахань вор Стенька Разин из Персицкия земли, и боярин князь Иван Семенович веле ево, вора, встречать. И принял ево в Астарахань, и между себя 3 месяца с товарищи со своими с тем вором пили, ели и прохлажались вместе...» Аналогичная жалоба в Посольский приказ персидского посланника Эханбека (Крестьянская война. Т. 3. Док. 252. 3 мая 1673 года): «А астараханские воеводы тех воров принимали с честью и пили и ели, денно и ночью с ними вместе тешились и воровство их не переимали. А нам жестокие ответы чинили, вам было переимать, потому что в руках у вас был... И астараханские воеводы тех воров привезли в Астарахань и учинили радость и с ворами прохлажались и товарами нашими торговали». Артамон Матвеев: «Как воевал и ходил на море впервые вор Стенька Разин и разорение учинил Персидскому царству, и пришел в Астрахань и познался с князем Семеном Львовым, назвались меж себя братьями, и не исходил из дому его и пил, и ел, и спал в доме его...»

Игнорировать все это А. Н. Сахаров, конечно, не может и несколькими строками ниже слов «богатых купчин, дворян, приказных словно и не замечал» пишет: «Разин вел себя спокойно, будто все шло как надо. С утра он отправлялся в гости по воеводским дворам, и в каждом был стол, вино. Степан приходил не с пустыми руками, нес воеводам богатые поминки. Звали его к себе и богатые купцы, здешние видные иноземцы. Воевода Прозоровский и Львов, в свою очередь, приходили к нему в гости на струг. Там на виду у всего города Степан принимал больших людей, потчевал их, одаривал» — но прибавляет: «А потом, когда бояре уходили, казаки честили их при всем честном народе, а Разин грозил, что доберется он еще до животов этих богатин, пошарпает их». Это вполне вероятно. И, наконец, Костомаров: «Необыкновенная сила воли, все преклонявшая перед Стенькою и даровавшая ему звание волшебника, казалось, покорила ему и воевод. Они подружились с Стенькой и каждый день то звали его к себе, то отправлялись к нему, ели, пили, прохлаждались вместе». Это волшебство все мы знаем. Оно называется «коррупция».

Известнейшая история с шубой: тот же Костомаров, словно и не он

только что говорил о некоем «волшебстве», привязавшем воевод к Разину, пишет, ссылаясь на некое «современное сказание», что один из воевод (неизвестно кто, Прозоровский или Львов) пришел к Разину на судно. «Атаман вел веселую беседу с товарищами. На плечах его блистала великолепная соболья шуба, покрытая драгоценным персидским златоглавом. У воеводы разбежались на нее глаза, и он стал просить себе шубу. Разин отказал ему и укорил его в жадности. Воевода сказал:

— Атаман, знаешь ли, не надобно нами пренебрегать: ведь мы в Москве можем для тебя и доброе и злое устроить.

Разин грозно взглянул на воеводу, скинул шубу и, отдав ему, сказал:

— Возьми, братец, шубу; только б не было в ней шуму!

Воевода (говорит это сказание) не побоялся шуму и ушел в город; а казаки, смотря на него, зубами скрежетали». (Совершенно непонятно, почему казаки скрежетали зубами — у них у всех были богатые одежды.)

Документ касательно шубы: Крестьянская война. Т. 3. Док. 310. 5 мая 1668 года, из «расспросных речей» в Посольском приказе переводчика И. Никитина, ссылавшегося на рассказ казака Матвеева, сообщившего о высказывании другого казака, Кирея, произнесенном на кругу: «Пришед из полков, роздавано государское жалованье сукна, и Кирею сукна не дано. И он де, Кирей, выступал в круг и говорил. — Знаю де я, хто то ворует: бояри. Шол Стенька с Хвалынского моря, и отнял де боярин Прозоровской шубу, и та де шуба зашумела по Волге...»

*Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин*

*Думати думу:
«Добро, воевода.
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».*

При жизни Пушкина это стихотворение напечатано не было. «Песни о Стеньке Разине» были впервые опубликованы лишь в 1881 году. В письме от 20 июля 1827 года Пушкин представлял «Песни» на цензуру Николаю I, а 22 августа Бенкендорф отписался: «Песни о Стеньке Разине при всем поэтическом своем достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева». А вот интересно: тулупчик заячий, что Пугачев пожаловал Гриневу, — не из этой ли шубы родился? Наверняка из нее.

Как обычно, наипрелестнейшую версию «дела о шубе» записал Якушкин. «Вот и воевода, этот князь, глаза-то бестыжие, и давай лупить: сталъ часто к Стеньке в гости понавевываться; а как придет — и то хорошо, и то прекрасно; а Стенька знай завертывай, да воеводе: «Примите, ваше превосходительство, подарочек». Только хорошо. Брал воевода у Разина, брал, да и брать-то уж не знал что. Раз приехал воевода-князь на стружок к Стеньке в гости. Сели обедать. А на Стеньке Разине была шуба, дорогая шуба; а Стеньке-то шуба еще тем была дорога, что шуба была заветная. «Славная шуба у тебя, Степан Тимофеич», говорил воевода. — «Нет, ваше превосходительство, плохинькая!» — «Нетъ, знатная шуба!» — «Плохинькая, ваше превосходительство», говорит Разинь: ему с шубой-то больно жаль было разстаться. — «Так тебе шубы жаль?» закричал воевода. — «Жаль, ваше превосходительство: шуба у меня заветная!» — «Погодижь ты, шельмец этакой, я объ тебе отпишу еще царю!» — «Пожалуй, воевода! Бери что хочешь; оставь только одну мне эту шубу». — «Шубу хочу!» кричал воевода: — ничего не хочу, хочу шубу!» Привстал Стенька, снял с плеч шубу, подал воеводе, да и говорит: «На тебе, воевода, шубу, да не наделала бы шуба шума!». (Продолжение этого рассказа — о расплате за шубу — вы прочтете много позднее.) Господи, мало нам коррупции, так еще и шантаж...

Разумеется, все романисты как-то историю с шубой обыграли. Приведем шукшинскую версию:

«Ближе к вечеру того же дня, часу этак в пятом, в астраханском посаде появилось странное шествие. Сотни три казаков, слегка хмельные,

направлялись к Кремлю; впереди на высоком кресте несли дорогую шубу Разина, которую выклянчил воевода. Во главе шествия шел гибкий человек с большим утиным носом и с грустными глазами и запевал пронзительным тонким голосом:

*У ворот трава росла,
У ворот шелковая!*
<...>

Казаки молча шли по двору Кремля. Увидав воеводу, остановились. Стырь и дед Любим, в окружении шести казаков с саблями наголо, вынесли на руках дорогую шубу.

— Атаман наш Степан Тимофеич жалует тебе, боярин, шубу со своо плеча. — Положили шубу на перила крыльца. — На».

Надо ли говорить, что ничего подобного быть не могло? Взятки даются не на сцене.

Как известно от Стрейса и Фабрициуса, 25 августа Разин с несколькими есаулами и казаками явился к Приказной избе и в знак повиновения отдал Прозоровскому бунчук. Это унижение тоже все как-нибудь да обыграли. С. П. Злобин: «Разин заранее сам приготовил хитрый чин и порядок прихода в Приказную палату. Он собирался торжественно поднести свой бунчук воеводам в знак покорности и смирения. И вдруг сам же все спутал.

— Здоров, воевода! Иван Семеныч, кажись? — с порога удало и вызывающе выкрикнул он. Он знал хорошо, как зовут воеводу, и дерзкое, развязное слово само сорвалось с языка».

Ах, куда больше прелести в наивном романе Д. Л. Мордовцева:

«В приказной избе, где его ждали князь Прозоровский и князь Львов с другими властями города, Разин смиренно положил на стол свой бунчук — «насеку», знак атаманской власти: этим он изъявлял полную покорность.

— Повинную голову не секут, — сказал он кротко со вздохом.

Князь Прозоровский и все бывшие в избе глазам не верили, чтоб это был тот ужасный человек, перед которым все трепетали. Даже во взоре его было что-то мягкое и задумчивое. «Дивны дела твои, Господи!» — шептал князь Прозоровский, всматриваясь в этого непостижимого человека».

У Шукшина Разин бунчук сдает, как и шубу, разыгрывая дерзкий спектакль:

«Князь Львов мигнул приказным; один скоро куда-то ушел и принес и подставил атаману табурет. Степан сильно пнул его ногой. Табурет далеко отлетел.

— Спаси бог! — воскликнул атаман. — Нам надо на коленках стоять перед такими знатными господарями, а ты табурет приволок, дура. Постою, ноги не отвалются. Слухаю вас, бояре!»

Читатели, ругайтесь как хотите, но при всей горячей любви к громадному таланту Шукшина за эту его книгу как-то даже стыдно... (Зачем, в таком случае, мы ее так часто поминаем? Но так нужно для дела, ведь мы с вами сразу договорились, что будем анализировать мифы и пытаться их подтвердить или развенчать, а шукшинский миф — один из самых популярных.)

Пока шли все эти дела, у Разина созрел план — а может, был и раньше — отправить в Москву (через Саратов и Нижний Новгород) своих послов. Прозоровский дал на это согласие. Как говорится в сводке 1670 года, разинская станица состояла из шести человек, за старших — станичный атаман Лазарь Тимофеев и есаул Михаил Ярославов. В столице казаки сказали, что их в войске 1200 человек, и объяснили свое «плохое поведение» тем, что «на Дону де им учала быть скудость большая, на Черное море проходить им немочно, учинены от турецких людей крепости», и предлагали русскому правительству захватить Азов, Крым или Персию, выражая готовность разинского войска все это осуществить — при условии солидной материальной и людской помощи, конечно. Это всерьез или издевательство? Разумеется, всерьез: Разин не мальчик. И историки, и романисты этот эпизод обходят либо упоминают парой строк, — а ведь это страшно интересно. Полная, абсолютная беспринципность: только что предлагал себя персидскому шаху и крымскому хану, а теперь готов рука об руку с Москвой идти на них боем — лишь бы платили... Нет, в каком-то особенном, сверх меры, личном стяжательстве Разин замечен не был, но для такого человека плата — это слава, власть, авторитет, как у Ермака, например.

Можно, конечно, допустить и иной вариант: хотел заполучить людей, суда, оружие, боеприпасы, корм и деньги — и после этого продолжать гнуть свою линию и сговариваться с Дорошенко против царя — строить казачью республику. Тут коварство сохраняется, но сохраняются и принципы. Или смешанный вариант: сперва с помощью правительства войной захватить, допустим, Азов или Крым, а после этого — расширив таким образом территорию будущего государства — воевать с Москвой или, что гораздо вероятнее, просто от нее отгородиться. Не исключаем,

кстати, что свой план — или его видимую верхушку — Разин мог обсуждать с Львовым и Прозоровским и те его поддержали. (Забегая вперед скажем, что разинское предложение рассматривалось, но Боярская дума его в конце концов отклонила: Москва, ослабленная борьбой с Польшей и Швецией, опасалась ввязываться в новую войну.)

С Дорошенко связаться Разину в очередной раз не удалось, зато пришел (предположительно, в этот период) с Украины известный запорожский (бывший служилый) казак Алексей Григорьев — Леско Черкашенин, он же Леско Хромой и Леско Кривой — был ранен в ногу и потерял глаз, — недавно вернувшийся из удачного пиратского вояжа по Азовскому морю. Он мгновенно выдвинулся в первые ряды, и они с Разиным обменялись нательными крестами и поклялись на крови, став, таким образом, братьями. Свои, донские, есаулы, вероятно, ревновали атамана к украинцу сильнее, чем к персидской княжне. Сам же Разин между донцами и «черкасами» никакой разницы никогда не делал.

Разин в любом случае все-таки намеревался попасть к себе домой, на Дон, — что его задерживало в Астрахани? Казаки уже вот-вот всё с себя продадут или пропьют. Видимо, шел нелегкий торг с Прозоровским. Воевода особо настаивал на том, чтобы Разин отдал морские струги — даже обещал взамен дать речные сколько понадобится. Это было условие, спущенное из Москвы, и оно косвенно свидетельствует о том, что правительство не опасалось со стороны разинцев нападения на русские города, а лишь не хотело неприятностей с заграницей. Разин клялся, что вот-вот отдаст и морские струги, и тяжелые пушки, но отдавать не спешил. Постепенно освобождал иностранных пленников — самых важных, как сын Менеды-хана и еще несколько персидских военных чинов — даром, иных за выкупы. Костомаров: «Родственники и знакомые взятых козаками в плен персиян обратились к воеводам для возвращения своих земляков, родных и пограбленных имуществ. Они полагали, что так как козаки уже в руках начальства, то последнее, по возможности, постарается вознаградить потери, которые они наделали своими разбоями. Воеводы сказали им в приказной избе: — Неволею мы не смеем против государевой грамоты брать у Козаков без окупа полоняников и товаров, которые они пограбили, чтоб они вновь воровства не учинили и к ним бы не пристали другие люди, и от того и вам была б беда; поэтому вы можете выкупать у них полоняников; а все, что мы можем для вас сделать, это то, что вы будете их выкупать беспошлинно». В. Голованов забавно комментирует: «Вообще он [Разин] очень быстро сумел подчинить своей воле воевод, и уж вскоре те защищали его права...»

Сколько было пленников, сколько из них выкуплено в Астрахани, сколько осталось у казаков — никто так и не знает. Казачьи послы в Москве упоминали число 93, но неясно, к какому моменту это число относилось. Они также отказались отдать хоть что-то из трофеев (кроме аргамаков) и жалостно приbedнялись (из сводки 1670 года):

«Товары де, которые взяли они на взморье з бусы, у их роз-дуванены и после дувану у иных проданы и в платье переделаны, отдать им нечего и собрать некоторыми делы не мочно; за то де все идут они к великому государю и будут платить головами своими, против кого государское повеленье будет. Так же де и полон в шаховое области иман у них з саблюю, многие их братья за тот полон в шахове области на боях побиты и в полон пойманы. И ныне у них тот полон в розделе, доставалось и пяти и десяти, а иным и дватцати человеком один полоняник. А переписки де казаком на Дону и на Яике и нигде по их казачьим правом не повелось. А в грамоте великого государя милостивой, какова прислана к ним, что идти им на Дону, а того что пушки и рухледь, что они будучи в воровстве добыли, в Астарахани у них имать и казаков переписать, не написано. А пушек они, казаки, в Астарахани отдали 5 медных да 16 железных да 13 стругов морских, а 4 медных пушечек меньших да штинадцати железных не отдали, и били челом великому государю — те пушки им надобны на степи от Царицына до донского казачья Паншина городка для проходу от крымских и от азовских и от всякия воинских людей, а ис Паншина де те пушечки пришлют на Царицын тотчас же...»

Здесь упомянута перепись — самое вроде бы безобидное, но самое невозможное для казаков требование правительства. Донские казаки сроду не соглашались, чтобы их сосчитали. Евграф Савельев:

*Помрет казак, души на помин
Запишет поп, как звать его...
Покаместь жив, — к чему бумагу
Марать для вольных казаков.*

В. М. Шукшин:

«Степан вскочил, заходил по малому пространству шатра — как если бы ему сказали, что его, чтоб воеводам спокойней было, хотят оскопить. И всех казаков тоже сгуртовать и опозорить калеными клеймами. Это взбесило атамана, но он еще крепился.

— Пушки — я сказал: пришлем. Ясырь у нас — на трех казаков один

человек. Мы отдадим, когда шах отдаст наших братьев, какие у его в полону. Товар волжский мы давно поду ванили — не собрать. Списывать нас — что это за чудеса? Ни на Яике, ни на Дону такого обычая не велось». Конечно, тут дело отчасти в традиции и предрассудке (перепись — унижение), но больше, конечно, в том, что пока людей не сочтешь и не запишешь, как их звать, с них невозможно, к примеру, собрать налоги и вообще заставить что-либо делать — как заставишь то, у чего нет ни имени, ни номера? Кроме того, после переписи казаков вновь прибывшие на Дон люди уже не считались бы казаками и правительство могло бы истребовать их выдачи. Разин так на это и не согласился.

О поведении казаков и самого Разина в быту, о дисциплине, пьянстве и трезвости существуют довольно противоречивые показания. Француз де Боплан, в 1630–1648 годах состоявший на польской службе и составивший описание запорожцев, писал, что они строжайше соблюдают сухой закон во время походов. Неясно, однако, имел ли он в виду только период пребывания на море или походы вообще. Насчет донцов тоже неясно. Разинцы, по всей видимости, пили и в походах: в документах постоянно упоминается, как они, придя в какой-либо город, требовали вина. (Фабрициус о взятии разницами города Черный Яр: «...захотели... и водки, и пива, объявили царские погреба своей собственностью и выпили все начисто».) Хотя во время плавания, возможно, и не пили. По окончании похода, конечно, «отрывались».

Из романистов один Шукшин взялся оправдать пристрастие разинцев к вину некими высшими соображениями: «Где есть одна крайность — немислимое терпение, стойкость, смертельная готовность к подвигу и к жертве, там обязательно есть другая — прямо противоположная. Ведь и Разин не был бы Разин, если бы почему-то — по каким-то там важным военачальным соображениям — не благословил казаков на широкую гульбу».

Какие такие жертвы приносили казаки и какие у их начальника могли быть соображения в том, чтобы его люди пропивали и за бесценок продавали свое добро? Он ведь их и в Персию водил, чтобы стали они состоятельными людьми... Более того, Фабрициус утверждал, что ни на какую гульбу Разин казаков не поощрял: «Как бы неслыханно этот разбойник ни тиранствовал, все же среди своих казаков он хотел установить полный порядок. Проклятия, грубые ругательства, бранные слова — все это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить. Ибо если кто-либо уворовывал у другого что-либо хоть не дорожке булавки, ему завязывали над головой рубаху и насыпали туда песку и так бросали его в воду». Правда, голландец писал это о втором

пребывании Разина в Астрахани, а не о том, которое у нас сейчас происходит. Возможно, в первый раз он не так сильно требовал порядка. И все же крайне маловероятно, чтобы он поощрял пьянство среди своих людей. Но и запретить при всем своем авторитете (если у него действительно уже был летом 1669 года непререкаемый авторитет) вряд ли мог. А сам?

Стрейс: «Однажды наш капитан Бутлер велел мне и остальным матросам приготовить шлюпку и отвезти в лагерь Стеньки Разина. Он взял с собой две бутылки русской водки, которую по прибытии поднес Стеньке Разину и его тайному советнику, называемому обычно Чертов Ус (Василий Ус. — М. Ч.), которые приняли ее охотно и с большой благодарностью, так как они и их приверженцы не видели и не пробовали водки с тех пор, как стояли на воде. Стенька сидел с Чертовым Усом и некоторыми другими в палатке и велел спросить, что мы за народ. Мы ответили ему, что мы немцы, состоящие на службе на корабле его царского величества, чтобы объехать Каспийское море, и прибыли приветствовать его светлость и милость и поднести две бутылки водки. После чего он сказал нам сесть и выпил за здоровье его царского величества. Каким лживым языком и с какой хитростью в сердце было это сказано, довольно известно из опыта. В один из последующих дней, когда мы второй раз посетили казацкий лагерь, Разин пребывал на судне с тем, чтобы повеселиться, пил, бражничал и неистовствовал со своими старшинами». Но тот же Стрейс писал, что Разин «держался скромно, с большой строгостью...».

У Шукшина сам Разин «даже когда бывал пьян, он и тогда мог вдруг как бы вовсе отрезветь и так вскинуть глаза, так посмотреть, что многим не по себе становилось. Знающие есаулы, когда случался вселенский загул, старались упоить его до сшибачки, чтобы никаких неожиданностей не было. Но такому-то ему, как видно, больше и верили: знали, что он — ни в удаче, ни в погибели — не забудется, не ослабнет, не занесется так, что никого не видать... Какую, однако, надо нечеловеческую силу, чтобы вот так — ни на миг — не выпускать никого из-под своей воли и внимания, чтобы разом и думать и делать, и на ходу выпрямиться, и еще не показать смятения душевного...».

Зачастую иные «порядки» страшнее всяких беспорядков. Стрейс: «В некоторых других вещах он [Разин] придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд. Случилось, что казак имел дело с чужой женой. Стенька, услышав про это, велел взять обоих под стражу и вскоре бросил мужчину в реку; но женщина должна была перенести иное: он велел вбить столб у воды и повесить ее на нем за ноги. Она прожила еще 24

часа, и голова ее стала вдвое толще. Не было заметно, чтобы она испытывала сильные мучения, ибо не слышали от нее крика, и она даже говорила разумные слова». Это было для тех времен обычное (как нам ни трудно это осознать) наказание, даже не слишком суровое, так как чаще женщин живыми закапывали в землю. Зато их не четвертовали...

Однако история, рассказанная Стрейсом, кажется немного странной. Казачьих жен в Астрахани не было. Какое Разину могло быть дело до интрижки казака с женой какого-нибудь горожанина, который сам мог просто поколотить неверную жену? Впрочем, мы опять не в силах понять людей тех времен. Может, Разин таким образом демонстрировал астраханцам «высокий моральный кодекс» казака. Или женщина все-таки была не астраханкой, а чьей-то любовницей, привезенной из Персии? Не эта ли безобразная, ужасная история, претерпев сказочную метаморфозу, вылилась в поэтические истории об утопленной княжне? (У Чапыгина, конечно же читавшего Стрейса, Разин в Москве спасает закопанную в землю женщину — так сказать, уравнивает одну другой. Что до утопления княжны — ожидаем следующую главу.)

По рассказам голландцев получается, что Разин в первой своей астраханской эпопее велел казнить одну женщину и одного или нескольких своих же казаков. В русских документах об этом не упоминается, хотя все русские документы исключительно «антиразинские». Ну, может, были упоминания, да не сохранились. Оставим вопрос открытым. Может, кого-то из горожан какие-нибудь казаки убили в какой-нибудь драке или сами были убиты — неизвестно. Но никаких серьезных вооруженных конфликтов точно не было — рассказов о Разине в Астрахани тем летом много, если бы какой-то подобный конфликт был, не могли все рассказчики пройти мимо него. Шукшин, однако, вводит боевую схватку: за грубую шутку с приношением шубы посланных Разиным шутов подвергли пытке, атаман послал отряд — отомстить.

«— Фрол!.. Руби их там, в гробину их! — кричал атаман. — Кроши подряд!.. — Его начало трясти. — Лизоблюды, твари поганые! Невинных-то людей?!

С ним бывало: жгучее чувство ненависти враз одолевало, на глазах закипали слезы; он выкрикивал бессвязные проклятия, рвал одежду. Не владея собой в такие минуты, сам боялся себя. Обычно сразу куда-нибудь уходил. <...>

— А ведь это болезнь у его, — вздохнул пожилой казак. — Вишь, всего выворачивает. Маленько ишо — и припадок шибанет. Моего кума — так же вот: как начнет подкидывать...

— Он после Ивана так, после брата, — сказал Стырь. — Раньше с им не было. А после Ивана ослабнул: шибко горевал. Болесть не болесть, а сердце надорванное...

— Никакая не болесть, — заспорили со стариками. — С горя так не бывает... Горе проходит.

— С чего же он так?

— Жалосливый».

В начале сентября «жалосливый» наконец отдал тяжелые пушки, морские струги, знамена, отпустил еще нескольких пленных туркмен и собрался на Дон. Из сводки (ссылка на донесения астраханских воевод): «И отпустили их, казаков, из Астарахани к Царицыну 4 сентября в 4 день нынешняго 178-го году в их казачих в 9 стругах. А проводить их послали, чтоб они, идучи Волгою, никакова дурна не учинили, до Царицына жильца Левонтья Плохово, а с Царицына до казачья Паншина городка сотника астраханских стрельцов, да с ним человек 50 стрельцов. А на отпуске казаком Стеньке Разину говорили с великим подкрепленьем, чтоб они, из Астарахани и Волгою идучи, нигде никаких людей с собою на Дон не подговаривали... А на Черной Яр и на Царицын к воеводам писали, чтоб они казаков Стеньку Разина со товарищи в города не пускали и вина им продавать не велели, чтоб у тех городов со служилыми людьми ссоры и никакова дурна не было». (Видимо, не очень-то удавалось Разину строго держать дисциплину.) Сообщалось также, что 37 астраханцев, бывших ранее с казаками, от них отстали (они отделались устным выговором). С Разиным ушли 15 служилых людей, двое подьячих и еще несколько горожан. Всего ничего — зря боялся Прозоровский.

Разумеется, обещаниям казаков хорошо себя вести никто не верил ни на грош, но что можно было сделать? Уже на пути к Царицыну — во всяком случае, так считается — ограбили несколько купеческих стругов. Шукшин об этом:

«— Кто с нами пойдет?! — вдруг громко спросил Степан. — Служить верой, добывать волю у бояр-кровопивцев!

Это впервые так объявил атаман. Он сам не ждал, что так — в лоб прямо и скажет. А сказалось, и легче стало — просто и легко стало... Видел Степан, как ошарашил всех своим открытым призывом: кого нехорошо удивил, кого испугал, кого обрадовал... Он все это схватил разом, в короткий миг, точно ему удалось вскинуться вверх и все увидеть.

— Кто с нами?! — повторил Степан. — Мы поднялись дать всем волю!..

Знал ли он в эту минуту, что теперь ему удержу нет и не будет. Он знал, что пятиться теперь некуда.

Разинцы засмеялись: оцепенение, охватившее их, проходило. Задвигались, загалдели... Обсуждали новость, какую вывалил атаман: оказывается, они войной идут! На бояр!.. Вот это новость так новость!»

Хотелось оставить сие без комментария, но все-таки напомним, что разинские послы еще только уехали в Москву — с предложением мира и совместного взятия Азова либо Крыма — и Разин, надо думать, надеялся на положительный ответ.

Теперь документы относительно ограбления стругов. Вот наказ из Посольского приказа служилому человеку Евдокимову (спецпосланнику правительства), отправленному на Дон, от декабря 1669 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 104): «И сентября в 4 день нынешняго ж 178-го году боярин и воеводы князь Иван Семенович Прозоровский со стоварыщи из Астарахани ево, Стеньку с товарищи, отпустили на Царицын, а с Царицына на Дон и послали с ним для береженья в провожатых до Царицын жильца Левонтия Плохово для того, чтоб, едучи до Царицына Волгою рекою, людей не грабили и с собой на Дон не подговаривали. Он же де, Стенька, едучи рекою, струги с хлебными запасы, которые шли на низ, задерживал, и людей к себе подговаривал, и струги и запасы отнимал, и голов московских стрельцов бранил матерны, и хотел на них казаков послать з боем».

Далее документ ссылается на доклад стрелецкого головы (москвича, который с отрядом сопровождал Разина): «Казаков же Стеньку Разина со товарищи встретили они ниже Черного Яру в 20-ти верстах, сентября в 17 числе. И Стенька де Разин присылал к ним не по одно время двух ясаулов з большим невежеством и останавливал их и приказывал им быть к себе неведомо для чего. А пятидесятника де да пятисотного, которых они, стрельцы, посылали к нему, Стеньке, с отповедью, у себя задерживал и при них бранил и их голов, матерны, и хотел посылать за ними казаков в стругах с боем. Да он же де, Стенька, имал к себе сотника Степана Кривцовского насильством...» А представитель казанских стрельцов, который провожал из Казани в Астрахань хлебные запасы, сказал, что его струги казаки остановили «и казанских стрельцов перезвали к себе 11 человек, а у него де взяли насильством ясаульной струг да бочку вина в шести ведр...».

Правда, по показаниям самого стрелецкого сотника Кривцовского, «Стенька останавливал же, а ничего не грабил, только де сотник привез к нему бочечку вина ведра в 3, и Стенька де того сотника подарил дорогами

да киндяком да сафьяном. Так же де и казанских стрельцов голову Степана Воропанова он, Стенька, не грабил же, а только де Степан Воропанов прислал к нему, Стеньке, бочку вина в 6 ведр да по ево ж, Стенькина, запросу дал ему струг, а Сенька де тово Степана подарил...». Вот и разбери тут — силой грабил или сами взятки давали. Есть сильное подозрение, что второе верно — ведь за взятку, как выясняется, взяткой же отдаривали... Но как признаться в этом начальству? Лучше сказать, что тебя силой вынудили, ограбили...

Далее: зачем Разину было грабить струги, если он только что отправил в Москву «посланников мира», бунчук сдал, знамена, унизился? Зачем же сейчас опять нарываться на неприятности? Все в той же сводке 1670 года упоминается, что Разин в Черном Яру и Царицыне говорил о своих послах, говорил, что ждет ответа. Тут, конечно, как и во всех действиях Разина, возможны разные объяснения. Допустим, он уже поразмышлял и понял, что посылал станицу напрасно и никакого добра от правительства ждать нечего, так нечего и стараться. Очень возможно, просто обнаглел после пышного приема, что оказали ему астраханские воеводы, зарвался, не подумал о последствиях. Может — и это был бы самый интересный вариант — он получил какие-то важные вести от Дорошенко и потому уже не придавал значения посланной станице. А может, никаких стругов он и не грабил вовсе — «только де сотник привез к нему бочечку вина ведра в 3, и Стенька де того сотника подарил дорогами да киндяком да сафьяном...».

И все-таки, как бы логично и естественно ни было для Разина притихнуть в ожидании московского ответа, документы этой версии не подтверждают. Струги, может, он и не грабил, но людей с них уводил. 25 сентября астраханское начальство послало депешу Леонтию Плохово, чтобы тот увещевал казаков, но это не помогло, как указано в сводке: «... сентября в 27 день из Кузьмина приказу Хомутова ушли к воровским казаком, к Стеньке Разину со стоварыщи, 3 человека колодников, кулалинских казаков, которые из Астарахани были посланы...» Костомаров: «Узнав об этом, Леонтий Плохово заметил ему:

— Побойся Бога, атаман! Ты скоро забываешь великую к тебе милость государя! Отпусти беглых, вороти служилых, которые к тебе перебежали.

— Этого у нас, у козаков, никогда не водилось, чтоб беглых выдавать; а кто к нам придет, тот волен; мы никого не силуем: хочет — пусть прочь идет».

У Шукшина Разин обозлился на Леонтия Плохово и приказал протянуть под стругом, это не подтверждается источниками, но требуется для развития романного противостояния с Фролом Минаевым,

«скосоротившимся» из-за этого разинского поступка. Увы, о реальных отношениях между Разиным и Минаевым (весьма незаурядной личностью) не известно вообще ничего. На сей раз Шукшин опирался на информацию о более позднем периоде разинщины — когда Минаев перешел на другую сторону; с этой точки зрения постепенное развитие конфликта выглядит логично. Но Шукшин здесь опять пишет о «войне с боярами» как о некоем решенном деле. Минаев в нужности этого дела сомневается:

«— А зачем тебе? Зачем, скажи на милость?

— Гадов повывесть на Руси, все ихные гумаги подрать, приказы погромить — люди отдохнут. Что, рази плохое дело?

Фрол молчал.

— Подумать только, — продолжал Степан, — сидят псы на Москве, а кусают — аж вон где! Нигде спасу нет! Теперь на Дон руки протянули, отдавай беглецов...

— На царя, что ли, руку подымешь? Гумаги-то от кого?

— Да мне мать его в душу — кто он! Если у его, змея ползучего, только на уме, как захомутать людей да сесть им на загривок, какой он мне к дьяволу царь?! Знать я его не хочу, такого доброго. И бояр его вонючих... тоже не хочу! Нет силы терпеть! Кровососы... Ты гляди, какой они верх на Руси забирают! Какую силу взяли!.. Стон же стоит кругом, грабют хуже нашего. Одними судами да волокитой вконец изведут людей. Да поборами. Хуже татар стали! А то ты не знаешь...»

О ненависти Разина к «гумагам» Шукшин упоминает не единожды. «Бумаги он ненавидел люто». Однако из того, что разинцы уничтожали долговые и кабальные документы (как уничтожали уже в XX и XXI веках документы внутренних разведок в освободившихся от авторитарных режимов странах), отнюдь не следует, что он «ненавидел бумаги». Переписку он вел огромную. То, что он всюду старался привлечь к себе грамотных людей — попов, дьяков и подьячих (и весьма в этом преуспел: вероятно, этим людям выплачивалось повышенное жалованье), свидетельствует как раз о ясном понимании необходимости и силы «гумаг».

Однако мы немного увлеклись, пытаясь представить себе Разина хитрым политиком — и только. Многие его поступки с этой точки зрения объяснить невозможно. Например, его совершенно «безбашенное» поведение в Царицыне. Но еще до Царицына Прозоровский послал вдогонку разницам немецкого полковника Видероса, чтобы, как пишет Стрейс, «передать и приказать немедля отослать в Астрахань слуг его величества, в случае же отказа он, Разин, снова впадет в немилость у царя и

ему от того придется тяжелее и труднее, чем в прошлый раз, и может быть, ему придется расплатиться за старые грехи ради новых».

Оцените стиль, каким разговаривает Разин у Стрейса (вероятно, пересказывавшего услышанное им от Видероса): «...гнев и ярость его вылились в кощунствах, проклятиях и неистовстве, и он говорил: «Как смеют приносить мне такие нечестные требования? Должен я предать своих друзей и тех, кто последовал за мной из любви и преданности? Меня еще понуждают к тому немилостью? Добро же, передай твоему начальнику Прозоровскому, что я не считаюсь ни с ним, ни с царем, что в скором времени явлюсь к ним предъявить свои требования, чтобы этот малодушный и трусливый человек, который теперь кичится и хвастается своей двойной властью, не смел так разговаривать и повелевать и делать мне предписания, как своему крепостному, когда я рожден свободным и у меня больше силы, чем у него. Пусть стыд выест ему глаза за то, что он меня встретил без малейших почестей, как ничтожного человека» и т. д. и еще много других упреков. Стоявший перед ним полковник все время боялся, что его зарубят». Если содержание разинского спича передано более или менее верно, он, похоже, уже совсем не надеялся на успех своей станицы в Москве. А может, и так: пьян и зол был и просто сболтнул лишнее...

Казачи пришли в Царицын 1 октября 1669 года. Их беспрепятственно впустили, они помолились в Троицком и Иоанно-Предтеченском монастырях, жители окраин сдали им комнаты для житья. Но дальше все пошло вразнос. Унковский не решился запретить продажу вина, как советовал ему Прозоровский, но поступил совсем неумно: вдвое поднял на вино цены, рассчитывая хорошо поживиться. Это взбесило Разина. Потом он встретился с донцами, приезжавшими в Царицын за покупками, — те пожаловались, что Унковский вымогает взятки. Как сообщил Плохово (из сводки): «И с Ондреем Унковским Стенька Разин бранился за то: как де оне, казаки, из Астарахани пришли на Царицын, и Ондрей де велел с кружечного двора вино им продавать перед прежнею ценой вдвое. Да Стенька ж де, бранясь с Ондреем, выговаривал ему. — Которые де казаки приезжают с Дону, и он де, Ондрей, емлет с них з дуги по алтыну, да у донских же казаков отнял у одного 2 лошади с саньми и хомуты, а у другога пицаль». Ну, Унковский, берегись: скупой платит дважды. Из цитированного выше наказа спецпосланнику Евдокимову:

«А приехав на Царицын, он, Стенька, забыв бога и великого государя милость, воеводу Андрея Унковского бранил и за бороду драл, и в приказной избе хотел дверь высечь и ево, Андрея, зарезать...»

Сам Унковский отчитывался в Москву 17 декабря: «Октября де в 1-й день, приехав на Царицын, воровские казаки Стенька Разин со товарищи, ведая на Царицыне малолюдство, всякое озорничество чинили. Приходил он, Стенька, со многими казаками с ружьем на государев двор к нему, Ондрею, двожды и дверь у горницы выбил бревном и ево, Ондreja, хотел зарезать. И он де, Ондрей, убоясь смертного убивства, выкинулся из горницы в окно и ногу у себя вышиб и от него, Стеньки, ухоронился. И он де Стенька хотел ево убить до смерти, искал во всех хоромех и в соборной церкви в олтаре... Да он же, Стенька, у тюрьмы замок збил и сидельцов выпустил. Да пришел в приказную избу к нему, Ондрею, их казачей старшина, запорожской черкашанин Леско, пьян со многими казаками, и бранить всякою неподобной бранью, и за бороду ево, Ондreja, драл. Да после того Стенька де Разин приходил и дверь у приказной избы хотел выбить и ево де, Ондreja, убить до смерти. И он, Ондрей, от него ухоронился в приказной избе в задней. И говорили, они, казаки, всякие воровские слова и всяким дурном на город и на него, Ондreja...»

В итоге вино, которое воевода надеялся продать дорого, казаки забрали бесплатно и учинили в городе бог знает что. Из сводки: «И Ондрей Унковской по ево, Стеньки, выговором тем казаком за лошади и за пищали деньги платил...» Как тут не обнаглеть, не зарваться, когда воеводы по твоим «выговором» делают все, что велишь? Тут и человек XXI века может про всякую политику позабыть... Умница Плохово молчал и ни во что не вмешивался...

Из сводки: «Да под Царицыным пограбили Михаила Куроедова да синбиренина посадского человека, отняли 2 стружка, да у сотника астраханского у Федора Сницына взяли великого государя грамоты (адресованные Прозоровскому. — М. Ч.) и в воду пометали». Унковский ничего не мог бы сделать, если бы и был смелее и решительнее: в городе не было московских стрельцов и солдат, а на своих стрельцов он, регулярно задерживавший им жалованье, не надеялся. Показания Плохово (из сводки): «Стенька же де Разин говорил на Царицыне ему, Левонтью. — Головы де московских стрельцов с приказы на Царицын для чего долго время нейдут? На котором де месте он, Стенька, к ним доезжал, на том месте они и городок земляной зделали, а знатно де, что они боятца ево, Стеньки... (знатно, ах знатно, какая уж тут политика. — М. Ч.). А у нево де, Стеньки, того в мысле не было, чтоб на них боем приходить, говорил он, устрачивая их. И впредь Стенька воровством хвалится на Ондreja Унковского, а говорил. — Будет он, Ондрей, донским казакам, которые учнут з Дону приезжать для соли и всяких покупок, учнет какие налоги

чинить, лошади и ружье отнимать и с подвод иметь деньги пуще прежнева, и ему де, Ондрею, от него, Стеньки, за то живу не быть».

Разин обещал Прозоровскому, что в Царицыне оставит все пушки и струги; по одним сведениям, часть оставил, по другим — заявил, что не отдаст ничего. Более того, как сообщали посланные его конвоировать стрельцы, он отнял у них лодки (Крестьянская война. Т. 1. Док. 100. 9 октября 1669 года), и они в одной лодке были вынуждены бежать. Сам он нанял подводы и 5 октября отправился на Дон. Струги перетасили, как обычно, волоком. Было с ним около тысячи или полутора тысяч человек.

А вскоре после его ухода из Царицына Унковский сообщал в Москву (из сводки), что к Разину собирается «голытьба многие» с Дона и Хопра. В. М. Шукшин: «Опять закипела душа, охватило нетерпение, он даже встал и оглядел своих — на стругах и конных. Хоть впору теперь начинай, нет больше терпения, нет сил держать себя. Понимал: нельзя, рано еще, надо собраться с силой, надо подкараулить случай, если уж дать, то дать смертельно... Но душа-то, душа-то, что с ней делать, с этой душой!.. — мучился Степан». Какими-то размышлениями он, конечно, мучился. Не мог не понимать, что после выходки в Царицыне положительный ответ Москвы на предложение казачьих послов стал совсем уже маловероятен. Может, и сожалел уже о царицынских «шалостях». Но, возможно, как раз после безнаказанности в Царицыне вознесся в собственных глазах до небес.

Глава пятая

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

*Но каждый, кто на свете жил,
любимых убивал,
Один — жестокостью, другой —
Отравою похвал,
Трус — поцелуем, тот, кто смел, —
Кинжалом наповал.*

Оскар Уайльд.

Баллада Редингской тюрьмы^[52]

Астраханский писатель-краевед Г. А. Гладченко, «Кремль — сердце Астрахани» (2012): «Ему, пьяному, и женщину выбросить в море — пустяк, после того как натешился. А народ поет: «И за борт ее бросает в набежавшую волну». Поэтично, романтично... Коллективный сдвиг, психоз. Пьяный деспот обрекает на смерть женщину у всех на глазах... хорошо. Нет, здравый рассудок такое не приемлет. Что, трудно представить... это ваша жена, дочь, сестра. Разбойник отнял ее у вас, надругался и выбросил в море, как ненужный хлам. А Кобзон все поет: «... и за борт ее бросает в набежавшую волну». Пора кончать петь осанну грабителю, маньяку, с головы до пят забрызганному людской кровью». Другой астраханский писатель-краевед — А. С. Марков^[53]: «...в фабуле положенного в основу песни предания людей прежде всего привлекает власть Разина над собой, способность атамана во имя единства казачьего братства поступиться своей любовью. Не зверем, не разбойником-душегубом предстает в песне Разин в сознании народа, а человеком горячим, мятущимся, трогательно привязанным к своей пленнице».

А вот — взгляд женщины, Марины Цветаевой (написано в 1917 году):

*А над Волгой — ночь,
А над Волгой — сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной*

Персиянкою — Брови Черные.

*И не видно звезд, и не слышно волн,
Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов челн
Персиянскую душу грешную.*

*И услышала
Ночь — такую речь:
— Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!*

*А она — брови насупила,
Брови длинные.
А она — очи потупила
Персиянские.
И из уст ее —
Только вздох один.
— Джаль-Эддин!*

*А над Волгой — заря румяная,
А над Волгой — рай.
И грохочет ватага пьяная:
— Атаман, вставай!*

*Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!*

*А она — что смерть,
Рот закушен в кровь. —
Так и ходит атаманова крутая бровь.*

— Не поладила ты с нашею постелью,

Так поладь, собака, с нашею купелью!

*В небе-то — ясно,
Темно — на дне.
Красный один
Башмачок на корме.*

*И стоит Степан — ровно грозный дуб,
Побелел Степан — аж до самых губ.
Закачался, зашатался. — Ох, томно!
Поддержите, нехристи, — в очах темно!*

*Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.*

Об отношении Разина к женщинам и отношениях с женщинами известно очень мало. К жене он, как будет видно из дальнейшего, похоже, был привязан. Все же странно было бы, если бы он всю жизнь хранил ей верность. Из «расспросных речей» в Разрядном приказе московских стрельцов Д. Иванова «со товарищи» от 5 сентября 1670 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 39): «А будучи де в войску, он, вор Стенька, пьет безобразно и жонок татарок у себя держит». Это единственное упоминание в русских официальных источниках о частной жизни Разина. Стрейса мы уже цитировали: «...конечно он был отцом многих безбожных детей».

Из фольклора (записи Якушкина): «Ему, Стеньке, все равно было: султанская ли дочка, простая ли казачка, — спуску не было никому, он на это был небрезглив...»

«— А ведь и теперь еще остались внуки, аль правнуки Стеньки Разина?»

— А как же? На Дону и теперь много Разиных, все они пошли от Стеньки Разина.

— У Стеньки один только сын и был! — утвердительно объявил козак-зеленая-шуба.

— Он холостой был, — возразил другой козак, вероятно, помнивший старину.

— Любовниц было много.

— Может, от любовницы и сын был, — пояснил козак-зеленая-шуба.

— От любовницы, — может быть».
«— Небось, на какую девку кинет глазом, та и его?
— Знамо!
— Что ни есть красавиц выбирал?
— Роду не спрашивал!
— Какого так роду спрашивать?! какая ему показалась — ту и тащат к нему!., побалуется-побалуется, да и бросит ее... Другую возьмет!
— И без обиды пустит?
— Наградит!»

Пока, как видите, ничего похожего на убийство — всего лишь донжуанство. Но само по себе донжуанство малоинтересно, привлекает не статистика, а трагедия — когда одна, с одной, об одной. Разумеется, ни один писатель, занимавшийся Разиным, тему «утопления княжны» не обошел — и почти всякий, даже если к Разину относился плохо, писал ее романтическими красками. Любопытно, что у Пугачева была весьма похожая история, но ее не романтизируют. Цветаева в «Пушкине и Пугачеве» четко объясняет почему, цитируя пушкинскую «Историю пугачевского бунта»:

«Молодая Харлова имела несчастье привязать к себе Самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ — похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстреляны. Раненые, они сползли друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, долго оставались в том же положении».

Собственно говоря, после этой душераздирающей цитаты ни о какой романтике применительно к Пугачеву и Харловой говорить просто невозможно. Но если кому-то что-то еще непонятно, Цветаева комментирует:

«Пугачев и Разин — какая разница! Над Разиным товарищи — смеются, Разина бабой — дразнят, задевая его мужскую атаманову гордость. Пугачеву товарищи — грозят, задевая в нем простой страх за жизнь. И какие разные жертвы! (Вся разница между поступком и проступком.) Разин сам бросает любимую в Волгу, в дар реке — как самое любимое, подняв, значит — обняв; Пугачев свою любимую дает убить своей сволочи, чужими руками убивает: отводит руки. И дает замучить не только ее, но и ее невинного брата, к которому, не сомневаюсь, уже привык, которого уже немножко — усыновил. В разинском случае — беда, в

пугачевском — низость. В разинском случае — слабость воина перед мнением, выливающаяся в удаль, в пугачевском — низкое цепляние за жизнь. К Разину у нас — за его персияночку — жалость, к Пугачеву — за Харло-ву — содрогание и презрение. Нам в эту минуту жаль, что его четвертовали уже мертвым. И — народ лучший судия — о Разине с его персияночкой — поют, о Пугачеве с его Харловой — молчат».

Как замечает Цветаева, Пушкин написал двух совершенно разных Пугачевых в «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочке»: в первом тексте — документ, во втором — миф, причем миф создавался уже после документа. Но даже и в мифе, где Пугачев — носитель мрачного обаяния, Пушкин совсем умолчать о Харловой не мог, намекнул в письме Маши Гриневу: «Он [Швабрин] обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой». И никакой романтической любви и романтизированного убийства Пугачеву Пушкин приписывать не стал, потому что уже работал прежде с документами и знал и чувствовал: не было и не могло быть такого. А вот Цветаева тут как раз слукавила. Она сравнивает две несравнимые вещи: пушкинский документ о Пугачеве с мифом о Разине — песней Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень» — и, прекрасно зная историю реального Разина (она всегда очень серьезно работала с источниками), все же выбирает миф и на его основе творит миф собственный...

Русские официальные источники не содержат абсолютно никаких сведений об утопленной возлюбленной Разина или хоть о какой-нибудь конкретной убитой им или его товарищами по личным мотивам или в качестве жертвоприношения женщине. Только Стрейс, как мы уже упоминали, пишет о повешенной по разинскому приговору чьей-то жене. В приговоре Разину содержится длинейший перечень убитых им или по его приказу людей, в том числе во время персидского похода, упоминаются и купцы, и горожане — только о персидской княжне ничего нет. Что удивительно, в фольклоре об утоплении княжны тоже не так много информации: этой истории нет, например, ни в собрании донских песен под редакцией А. М. Листопадова^[54], ни в «Преданиях русского народа» под редакцией И. Н. Кузнецова. (Это не значит, что информации нет вообще — но о ней далее.) Обычно в фольклоре любимая у Разина есть, но она не называется персидской княжной и никто ее не топит:

*Посреди лодки — золота казна,
На золотой казне лежит цветно платье,*

*На цветном платье сидит красна девица,
Есаулушки она — сестра родная,
Атаманушке — любовница.
Как сидит она, слезно плачет.*

Но атаман и не думает убивать девицу, а, напротив, нежно ее утешает:

*Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Мы поедем с тобой в твою землюшку,
В твою землюшку, к отцу, к матери.*

Почему-то фольклорная возлюбленная Разина сидит обычно на золоте, на «общаке», как сейчас бы сказали: любопытная деталь, демонстрирующая доверие атамана к своей подруге и почему-то не включенная Садовниковым в песню.

*Ай, на носу сидит есаул, есаул с веслом,
Ай, на корме стоит атаман, атаман с копьем,
Ай, атаманушка Степан Тимофе... Тимофеевич.
Ай, посеред лодки золота казна, золота казна,
Ай, на казне сидит девка кра... девка красная... [\[55\]](#)*

Есть, напротив, совершенно прозаичный фольклор на тему женщин Разина, уютный такой... Из записей Садовникова: «Стенька стал выезжать на Волгу разбивать суда и вздумал раз съездить в Саратов-город. Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасную дочь, под названием Марья Федоровна, и так ему захотелось ее к себе забрать в супружество. Дождался он, когда она на разгулку или на балкон выйдет. Через несколько времени выходят на балкон и выносят большой самовар; купец с купчихой садятся чай кушать, и дочь их выходит. Стенька напустил воды, раскинул кошму и подъехал к балкону; взял купеческую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жегулинские горы». Или так: «Стенька выехал на охоту и увидел первую встречу: красна девица, от роду семнадцать лет, зовут Афросиньей, а отца Егором, из богатого дома. Размыслился Степан: хотел девицу погубить. «Да что я ее напрасно погублю, лучше с собой возьму, пусть мне женой она будет». Взял ее с

собой; пожил несколько время, написал письмо, послал к ее отцу, матери: «Дочери своей больше не ищите». <...> Степан остался с Афросиньей жить. Прожил он год, и забрюхатела она; родился у них сын. Дал Стенька ему имя Афанасий» (тут даже имя ребенка указано верно, только в жизни Афанасий Степанович Разин был пасынком Степана Тимофеевича).

Садовников приводит легенду, в которой фигурирует все та же летучая кошма, но уже в Персии: «...стало ему скучно. «Дай поеду на Каспицкое море!» Расправил свою толстую кошму, сел на нее и поехал к Каспицкому морю. Ехал не больше трех часов, приехал к столичному городу в Персии; видит: гуляет на балконе прекрасная королева Елена; вздумал: «Как я ущельем к городу проеду?» Дорога тесная. Напустил воды, подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров».

Есть истории, где возлюбленная Разина умирает, но он к этому совершенно не причастен: «Есть еще на Волге Настина гора. Не клад в ней схоронен, а Стенькина любовница; сам он в одно время жил здесь, а Настасья при нем жила. Берег атаман Настасью пуще глаза, да не уберег от смерти. Умерла девица. Зарыл ее Стенька на бугре и закручинился: не знает, чем место заметить, чем помянуть. А с бугра все видно: и обозы, и степи, и суда на реке. Вот видит Стенька три воза со стеклами. «Стой, опрастывай! Тащи наверх!» В степи взять больше было нечего; на Волге, как на грех, тоже не видать ничего. Высыпал на бугор кучу битого стекла, чем место и заметил, а возчикам в память отвалил не одну меру серебра да по разным дорогам их отпустил. Вот какой был Стенька! Битого стекла и сейчас там много находят»^[56].

Костомаров приводит народную песню, в которой любовница Разина предательски заманила его в ловушку:

*По бережку Маша ходит,
Шелковым платком машет,
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала;
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом, медом угостила
И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.*

(Сама Маша, видимо, осталась цела и невредима.)

Но в конце концов находятся упоминания об убийстве Разиным женщины. Одно, из записей Садовникова, об отрубленной (причем абсолютно немотивированно) голове девушки мы читали в первой главе: «Ходил я на охоту, убил птичку небольшую. Извольте посмотреть».

Об огрублении головы существует еще одно, совсем необычное предание: из другого сборника под редакцией Садовникова — «Сказки и предания Самарского края. Сказки, легенды и предания Жигулей» (СПб., 1884):

«Из Персии привез с собою на Волгу Разин много всякого добра: тканей золоченых и бархатных, сукон заморских, одежды всякой, оружия огнестрельного, и особенно он много привез золота-серебра. Не хотел Степан Разин взять себе добычу — золото и серебро, а думал разделить между бедными людьми, своими товарищами. Степан Разин громко говорил:

— Кому нужно золото? Кто будет золотом владеть?

Но все молчали, как вдруг сын Степана Разина, здесь стоящий, сказал:

— Мне нужно золото! Я хочу золотом владеть!

Не думал Разин услышать от своего сына такие дерзкие речи. Только покосился в его сторону Разин и недолго думая взял из ножен саблю и отрубил ею голову своему сыну за эти слова его.

— Вот тебе золото! Возьми его и ступай с ним на самое дно Волги-матушки.

И приказал Степан Разин лодку с золотом затопить и погрузить на самое дно, а туда на золото положить отрубленную голову своего сына».

Расправиться с женщиной фольклорный Разин мог разными способами: так, Л. С Шептаев^[57] упоминает легенду о том, как он обучался колдовству у цыганки и затем повесил ее на осине. С утоплением женщины в «Песнях и сказаниях о Разине и Пугачеве» истории тоже есть:

«И задумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхинско черное море, на зеленый Сиверский остров; и думает Стенька про свою молодую жену, княгиню: «Куда ж я ее возьму с собой? Неужели мне, удальцу, там жены не будет?» <...> Плыли они путину, молода его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?» — «А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой!» Словом, ее огорошил — княгиня полетела в плоть до дна».

Тут все смешалось — княжна, княгиня, жена... А мотив-то вполне убедительный, жизненный: надоела!

И вот наконец появляется дочь высокопоставленного иностранца, хотя

и не персидского шаха (шах, султан — люди и до сих пор такие вещи путают, чего уж ждать от рассказчиков XIX века), сюжет полностью совпадает с общепринятым представлением. Из записей Якушкина:

«Облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил!.. стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!.. Казаки с первого начала один по одному, а после и круг собрали, стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все со своей полюбовницей-султанкой возится... Кликнуть атамана!.. Кликнули атамана. Стал атаман в кругу, снял шапку, на все четыре стороны, как закон велить, поклонился, да и спрашивает: «Что вам надо, атаманы?» — «А вот что нам надо: хочешь нам атаманом быть, — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди!.. А мы себе атамана выберем настоящего... атаману под юбкой у девки сидеть не придется!» — «Стойте, атаманы! — сказал Стенька. — Пойдите маленько!..» Да и вышел сам из круга. Мало погодя, идет Стенька Разинь опять в круг, за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жем-чугахь вся и золоте, а собой-то раскрасавица!.. «Хороша моя раскрасавица?» — спросил Разин. «Хороша-то хороша», — на то ему отвечали казаки. — «Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. — говорит Разин. — Много я тебе дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, камнями самоцветными, а теперь от души рву, да тебе дарю». Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу».

А вот и персиянка — о ней, ссылаясь на народное предание, пишет Костомаров: «Плыл Стенька по морю на своей чудесной кошке, играл в карты с казаками, и подле него сидела любовница, пленная персиянка. Вдруг сделалась ужасная буря. Товарищи говорят ему: «Это на нас море рассердилось. Брось ему полонянку». Нечего делать. Стенька бросил ее в море, и буря затихла».

Очень интересно то, что два приведенных выше сказания об утопленнице практически совпадают с рассказами Стрейса и Фабрициуса — единственными документальными источниками; это свидетельство (хотя и не явное) в пользу того, что дым был не без огня и женщину действительно убили. Не могли же народные сказители читать то, что написали в XVII веке два голландца, — разве что мы имеем дело с чьей-то грандиозной, идеально выполненной мистификацией...

Стрейс, чей рассказ о выпивке с Разиным мы уже читали, писал далее: «При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей... Придя в неистовство и запьянев, он совершил

следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришлась ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя».

В версии Фабрициуса нет персидской княжны, но суть примерно та же: он сообщает, что весной 1668 года, еще до похода в персидские земли, на Яике: «Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица». Был у вора сын от этой женщины, его он отослал в Астрахань к митрополиту с просьбой воспитать мальчика в христианской вере и послал при этом 1000 рублей».

Обе версии тщательно проанализировал В. Н. Королев в статье «Утопил ли Стенька Разин княжну? (Из истории казачьих нравов и обычаев)»^[58]:

«Согласно Стрейсу, дело было по окончании Каспийского похода разинцев, после прибытия их флотилии в Астрахань, а по Фабрициусу — еще во время этого похода, перед отправлением казаков из Яика в море.

— Соответственно в первом случае пленница была брошена в Волгу (по контексту сообщения, либо в Астрахани, либо где-то недалеко от нее), во втором — в Яик.

— У Стрейса это персидская княжна, а у Фабрициуса — знатная татарская дева.

— В первом варианте пленница попала в руки Разина на Каспии, во втором — неизвестно где.

— По Стрейсу, ее захватили совсем недавно, по Фабрициусу — за год до Каспийского похода.

— Первый автор утверждает, что пленницу взяли вместе с ее братом, а второй о брате вовсе не упоминает.

— Согласно Стрейсу, Разин принудил пленницу стать его любовницей, и та полюбила его из страха (довольно странное выражение: можно ли полюбить из страха?), а у Фабрициуса не говорится ни о каком принуждении и страхе.

— Поскольку, по Стрейсу, это была недавняя пленница, у нее не могло быть от «изверга» ребенка, почему первый автор о нем и не упоминает, тогда как второй мемуарист говорит об их общем сыне.

— В первом случае красавица была принесена в жертву реке (Волге), во втором — водяному богу Яика.

— Первый вариант рассказывает об импульсивном поступке Разина, а второй — об осознанном решении: атаман обещал жертву водяному богу задолго до утопления.

— Соответственно, по Стрейсу, у Разина не было никакого видения перед ужасным поступком, а согласно Фабрициусу — случилось явление упомянутого бога.

— В первом случае атаман был пьян, во втором случае о его опьянении не сказано ни слова, а поскольку дело происходило утром, можно предположить, что Стенька находился в трезвом состоянии.

— По контексту первого сообщения получается, что Разин бросил пленницу в воду с судна, во втором же известии нет намека, откуда именно красавицу швырнули в реку, может быть, и с берега».

Добавим еще, что Стрейс пишет как непосредственный очевидец (каковым он вряд ли мог быть), а Фабрициус рассказывает историю, не поясняя, откуда она ему известна. Полностью одинаковый в двух версиях только мотив — принесение женщины в жертву, правда, у Стрейса сделано это спьяну. А ведь эти два голландца в период жизни в России были прекрасно знакомы между собой. Текст Стрейса был опубликован раньше текста Фабрициуса, то есть Фабрициус историю Стрейса мог уже знать, но все же выдвинул совершенно иную версию. Это, конечно, несколько не доказывает, что Фабрициус ближе к истине: вероятно, он просто описал эпизод так, как ему рассказывали русские, а Стрейс — как рассказывали

ему. Вопрос в том, кому из них рассказывали правдивее или кто понял лучше. (Заметим, что водяной бог Яика «Горинович» — не выдумка Фабрициуса, а неоднократно упоминаемое в русском фольклоре существо: «Яик, ты наш Яик ли, сударь Горынович Яик», «Яик ты наш, Яикушка, Яик, сын Горыныч».)

Мы уже упоминали о том, как разинские казаки, зимую на Яике, напали на улус татарского мурзы и пленили детей и женщин; некоторые из этих женщин, вероятно, не были выкуплены и остались с казаками. Отсюда и утопление в Яике татарки. Но рассказ Стрейса по сей день намного более популярен, трудно сказать почему: возможно, он просто романтичнее, возможно, благодаря Пушкину и Садовникову, которые писали самые знаменитые песни о Разине на основе именно этой версии, возможно, потому, что жертвоприношение у Стрейса происходит как бы не всерьез, в пьяном раздражении, а русскому читателю жестокий поступок, совершенный спьяну, кажется как-то простительнее, нежели обдуманное действие.

Идет много споров о том, насколько среди казаков разинского периода — преимущественно православных христиан — были распространены старинные верования; большинство исследователей склоняются к тому, что, хотя многие проявления язычества в XVII веке на Руси еще существовали, причем отнюдь не только у казаков, а некоторые сохранились и поныне, человеческие жертвоприношения прекратились гораздо раньше — в X или XII столетии. Королев, однако, считает, что Стрейс и Фабрициус в возможность обрядовых жертвоприношений у казаков XVII века верили — и поэтому охотно подхватили (или выдумали) свои рассказы. Допустим, что Стрейс, бывавший на судне у Разина, действительно видел утопление пленницы своими глазами: Разин при этом что-то сказал, а голландец, недостаточно хорошо знавший русский язык, недопонял и придумал мотив жертвы. Но Фабрициус, правильно назвавший имя бога Яика, наверняка слышал свою историю именно в таком виде — с жертвой. Наконец, если в разинские времена уже давно не происходили человеческие жертвоприношения как обычная повседневная практика, это вовсе не значит, что в необычных обстоятельствах отдельные символические жертвоприношения не могли случаться: во время войн люди и поныне склонны скатываться в самую дикую архаику. Так что версия о принесении Разиным (или кем-то из его окружения) некоей пленницы в жертву не так уж неправдоподобна, а то обстоятельство, что оба голландца, расходясь в конкретных деталях, полностью сходятся в объяснении мотива поступка Разина (и оба ни словом не упоминают другой

мотив — стыд перед товарищами: такой миф возник уже позднее) и этот же мотив называется в народных преданиях, говорит в пользу версии о жертвоприношении.

Есть еще рассказ казака, которого интервьюировал Кемпфер, — мы его уже цитировали — как разинцы в Персии захватили аж 800 женщин и увезли с собой на остров: «...многие казаки умерли в результате излишеств и оргий, которым они предавались с женщинами, и море сделалось очень бурным, что они сочли наказанием за их дебоши; поскольку они намеревались покинуть остров и не могли ни взять женщин с собой, ни оставить их без провизии, они решили их всех прикончить и этой жертвой умиловить море». Тут сразу два мотива: жертва (но не Разина лично, а всей братии) и практическая невозможность забрать пленниц с собой. Вообще казаки женщин и детей в плен брали почем зря, что зафиксировано рядом изыскателей (так же поступали и западноевропейские пираты, несмотря на суеверие, что женщина на корабле к несчастью): в 1632 году с Черного моря вернулись с «девками и робятами-татарченками»^[59], сами разинцы взяли татарок на Емансуге. Число «800» на первый взгляд кажется явным перебором, но «ясырь женска полу» действительно набирали в огромных количествах: в 1634 году донцы похитили у татар в общей сложности около 2400 женщин и детей^[60], в 1659-м под предводительством Корнилы Яковлева «взяли ясырю турецкого и крымского мужского и женского полу в 2000 человек»^[61].

В основном женщин продавали или меняли (захватить женщину знатного рода или из богатой семьи было удачей: наверняка за нее заплатят выкуп), но понравившихся оставляли себе и брали в жены. Этих же несчастных решили убить. И. Пазий^[62]: «Но спрашивается, чего ради понадобилось бы разинцам чинить расправу над беззащитными женщинами? Столь жестокая акция противоречит всякому здравому смыслу». По мнению современного историка В. М. Соловьева, у донцов «был свой неписанный кодекс чести, в соответствии с которым они не обращали оружие против женщин и эту заповедь выполняли неукоснительно»^[63]. Насчет выполнения (да и существования) такой заповеди — это лишь предположение, и со «здравым смыслом» совершалось и совершается много массовых убийств. В. Н. Королев об этом эпизоде: «...мы имеем дело с разновидностью большой фантазии то ли самого вестфальца [Кемпфера], то ли его информатора».

Тем не менее Королев признает, что массовые убийства женщин случались: «Сообщения казаков о походах нередко включали характерную

фразу: «турских (или крымских) людей (то есть мужчин) побили, а их жен в полон поймали». Но война диктовала свои законы, и из самых строгих правил случались печальные исключения. Если не преувеличивает «сказочная» Азовская повесть, то в 1637 г. при взятии Азова казаки «женский пол — старых рубили, а молодых жен и девок к себе в полон взяли». А в 1625 г., если верить русским дипломатам, отмечено небывалое, единственное такого рода за 200 лет войны проявление казачьей жестокости: в Крыму под Гезлевым (ныне Евпатория) казаки «у иных... жонок брюха резали». Есть также документы о набеге донцов на Крым в 1657 году^[64]: русские посланники в Крыму записали, что казаки разоряют и жгут татарские деревни, а «татар, и жон их, и детей всех рубят». А Костомаров упоминает чье-то предание о том, что «бунтовщики начиняли женщин порохом, зажигали и тешились такими оригинальными минами». (Это уж совсем маловероятно и даже не из соображений гуманности — порох берегли пуще всего на свете, потому и было обычной казачьей казнью утопление.)

Конкретно о разинцах. Да, кроме рассказа кемпферовского казака ни в каких источниках нет и намёка на убийство восьмисот (и вообще скольких-либо) женщин — но ведь о персидском походе Разина вообще ничего толком не известно. А по версии безымянного казака его товарищи даже проявили к пленницам некоторую гуманность — не могли «оставить их без провизии»; чтобы не слишком поддаться жалости, они дополнительно оправдали себя предлогом жертвоприношения. (Почему, правда, они не могли их вернуть на берег Персии — непонятно.) Есть, однако, сильное соображение против версии Кемпфера: известно, что как минимум сотню пленных персиян разинцы привезли в Астрахань, чтобы получать за них выкуп, так почему же этих 800 женщин — вполне обыкновенное, как выясняется, количество — не взяли? Может, потому, что от пленных мужчин в походе есть польза — грести, копать, строить, а от женщин — нет? В общем, ни подтвердить, ни опровергнуть рассказ Кемпфера невозможно — как и все, что касается женщин Разина. Остается только сравнивать мифы.

Самый распространенный миф: Разиным была утоплена именно персидская княжна — дочь Менеды-хана, чью флотилию казаки разбили у Свиного острова. Однако в плену у Разина был сын хана, и это факт, установленный множеством документов, о дочери же ни единого упоминания нет. Память из Приказа Казанского дворца в Посольский приказ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 95. Февраль 1670 года): «Да в нынешнем во 178-м году генваря в 23 день писал к великому государю из

Астарахани боярин и воеводы князь Иван Семенович Прозоровской со товарищи, что бил челом великому государю кизилбашского шаха купчина Магметь Килибек и сын его, Магметь Килибеков, Сеханбет, да Мамед ханов сын шабын Дебей, которых взяли они, боярин и воеводы, у воровских казаков, у Стеньки Разина со товарищи, чтоб великий государь пожаловал, велел их из Астарахани отпустить — купчину и ево сына к Москве, а Мамед ханова сына со товарищи в шахову область». (Прелюбопытно: после того как Разин отпустил этих людей, Прозоровский-то их не отпустил, потребовались слезные челобития.)

Допустим, что дочь Менеды-хана была уже давно мертва и ее родственникам об этом было известно, потому они в челобитной и не стали писать о ней. Однако, как отмечает Королев, «в письме персидского посланника о возмещении убытков, понесенных от разинцев, назван этот сын (сказано, что он убит Разиным), но опять-таки не упоминается его сестра». И вообще, с какой стати дочь Менеды-хана оказалась бы на корабле во время сражения? Изыскатели XIX и XX веков пытались придумать этому какое-нибудь объяснение: например, хан взял дочь с собой, чтобы она полюбовалась морским боем. Но крайне сомнительно, чтобы он стал подвергать ее такой опасности. Ее захватили на берегу? Это суждение более правдоподобно, и оно приводится в сборнике «Воинские повести древней Руси» (М.; Л., 1949): дочь Менеды-хана казаки взяли при разгроме Фарабата. Существует также устная легенда: девушку похитили в городе Ашрефе. Из книги «Разрозненные страницы» Рины Зеленой (М., 1981): «Были в Ашрефе... Смотрела замок, из которого «шурави» Стенька Разин украл княжну («шурави» — значит советский, объяснил мне иранец)». Действительно, шурави — название советских военных во время войны в Афганистане. Ох и долго же жил Разин: война началась в 1979 году...

С. А. Мазуркевич, «Великие заблуждения человечества» (М., 1964): «Интересно, что в середине прошлого века этой историей заинтересовался в связи со служебной деятельностью член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Перед предстоящими переговорами с иранцами Громыко решил проверить, не помешают ли им некоторые «темные страницы» прошлого. Проведенные спецслужбами по приказу партии исторические разыскания показали: в зоне ответственности атамана каких-либо знатных персиянок казаки в полон не брали». Ну, установить, что точно было или не было в XVII веке, в отсутствие задокументированных свидетельств не могут даже самые могущественные спецслужбы — а слухи-то как раз существуют (про Фарабад и про Ашреф).

Все эти истории, однако, не выдерживают критики: Шарден, подробно рассказавший о разинских приключениях в Персии, не упоминает княжны. Кемпфер — тоже. Костомаров склоняется к версии Стрейса, но не исключает и татарки. Казимир Валишевский: «Реальность этого события кажется нам тем более сомнительной, что с ним мы встречаемся снова в сказочном эпосе о Садко. Стенька, очевидно, презирал все, включая сюда и человеческую жизнь, презрение, общее большинству авантюристов, ему подобных, и вся его жизнь представляла собой одну кровавую оргию. Можно, следовательно, предположить, что он убил дочь Менеды-хана, но, конечно, при менее мелодраматических обстоятельствах».

Королев, проделавший гигантскую работу по изучению источников, в конце концов делает вывод: «В общем, мы приходим к выводу, что принесение Стенькой девы в жертву реке — скорее всего вымысел»; «по всей вероятности, Стенька Разин княжну не утопил». Сомневается он и в том, что Разин утопил хоть какую-то свою любовницу: «Атаман в произведениях устного народного творчества постоянно что-то кидает с борта судна (удобно кидать?)... коль скоро есть судно, вода и несдержанный атаман с любовницей, то почему бы ему и ее не бросить в воду?» (Вообще-то утопление как раз было у казаков делом самым обыкновенным.) В. М. Соловьев: «И все-таки вопрос о том, была ли эта прекрасная дева, якобы принесенная Разиным в дар матушке Волге, реальным лицом или вымышленной фигурой, остается открытым».

Каков же наш итог? Увы, он близок к нулю. Документы достоверно убеждают нас, что с дочерью Менеды-хана (если у него вообще была дочь) Разин не имел ничего общего, но все остальное ни доказать, ни опровергнуть нельзя. Может, утопил, а может, зарезал; может, персиянку, а может, татарку, а может, и русскую, а может, ничего такого и не делал...

Если читателя интересует мнение автора, то автор склонен в основном доверять рассказу о татарке, утопленной в Яике. Вот только насчет ребенка, отправленного астраханскому митрополиту, автор сильно сомневается. Вряд ли могло это событие остаться совсем без упоминаний в русских источниках. Но даже если ребенок был отправлен анонимно, без упоминания, что это ребенок Разина, с митрополитом Иосифом атаман во время пребывания в Яицком городке еще не был знаком. Правда, один человек резонно спросил у автора, почему Разин не мог сперва утопить татарку в Яике, а потом персиянку в Волге. Что тут ответишь? В принципе мог (а потом, для полного счета, еще русскую в Дону...); это бы, по крайней мере, объясняло, почему у Фабрициуса и Стрейса разные версии...

Однако есть одно обстоятельство, которое путает вообще все карты.

Дело в том, что точно такая же легенда есть о Ермаке. Из записей В. И. Немировича-Данченко^[65]: «Ермак скрывался на реке Ик. Но только и ему поперек горла подошло... Устье-то воевода как-то занял и давай на него тучей надвигаться. Думал сначала Ермак бой принять, да силы у него не хватило. Выплыл он с лодкой своей посередь реки и взял с собой только одну любимую царевну татарскую Алмаз. Выплыл он и крикнул: «Ох ты гой еси, река Ик могучая, кланяюсь я тебе всем добром моим: серебром, золотом, камением самоцветным, товаром дорогим». И побросал в реку всю казну свою. Замутилась река, приняла Ермаково добро. Тогда он взял меч свой булатный, напоследок царевну Алмаз поцеловал в уста сахарны, да как полоснет — так насмерть прямо! взял он это ее, голубушку, и в воду! Бултых! Опосля он давай молить реку Ик, чтобы вызволила его из лихой беды, спасла от конца неминучаго. Ну, река Ик богатыря послушала...»

Получается, все вздор, нет у разинской княжны никакого прототипа, а есть только расхожий фольклорный «разбойничий» мотив, а наивные голландцы приняли байки русских за чистую монету?

Но Л. С. Шептаев^[66] и В. В. Блажес считают, что легенда о Ермаке и Алмаз более поздняя (хотя Ермак жил, как мы знаем, раньше) и основана именно на разинской персиянке; они приводят и другие примеры перекликающихся, путающихся мифов о Разине и Ермаке. Блажес: «Мотива о царевне Алмаз не было в ермаковских преданиях XVII–XVIII вв. Думается, что это слегка трансформированный мотив известного сюжета о Разине и персиянке». Надо и нам так думать. Должна была быть у Разина женщина. Иначе даже жить как-то неинтересно. А теперь займемся литературными мифами и начнем с самого начала: откуда взялась пленница.

Романисты могут придумывать какие угодно версии, но и им приходится хотя бы немного считаться с источниками и логикой. С. П. Злобин:

«Менеды, выходя в море, не решился оставить дома свою дочь. Он опасался, что Бехрам-хан со своими горцами снова устроит набег и силой похитит Зейнаб. Потому, нарушая обычаи, уверенный в легкой победе, хан Менеды взял в морской поход свою дочь... После победы над астаринским ханом Разин, осматривая добычу, заглянул мимоходом в шатер Менеды к молодой пленнице, брошенной в беду ханом. Омраченный утратой Черноярца, но радостный от удачи в морской битве, еще дышащий жаром победы, Степан отшвырнул от входа в шатер трупы двух евнухов, до

последнего издыхания сохранивших собачью верность своей службе, и откинул тяжелый шелковый полог... Тоненькая, закутанная в шелка персиянка жалобно пискнула и метнулась в дальний угол шатра».

Также на корабле дочь хана попадает в плен в романе Мордовцева. У Наживина дочь Менеды-хана казаки забрали не в море, а на суше. У Чапыгина — тоже. Евграф Савельев и Василий Шукшин просто констатируют: была пленная княжна, а как ее поймали и чья она дочь, бог знает. А. Н. Сахаров приводит версии Стрейса и Фабрициуса, дипломатично замечая, что об утоплении «сказывали астраханцы», а читатель волен верить или не верить, да и не так уж это все важно. А вот Каменскому было очень важно: его поэтический Разин забрать княжну силой никак не мог, а просто встретил ее в Персии и влюбился. Пушкин, принявший версию Стрейса и лишь убравший из нее алкогольное опьянение, умалчивает о том, откуда взялась девушка, и даже о том, была ли между ней и атаманом любовная связь:

*Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые,
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.*

Из воспоминаний П. Х. Граббе^[67], который встречался с Пушкиным в январе 1834 года:

«Он [Пушкин] занят был в то время историей Пугачева и Стеньки Разина, последним, казалось мне, более. Он принес даже с собою брошюрку на французском языке, переведенную с английского и изданную в те времена одним капитаном английской службы, который, по взятии Разиным Астрахани, представлялся к нему и потом был очевидцем казни его. Описание войска (ибо, по многочисленности его, шайкою назвать нельзя), обогащенного грабежом персидских северных областей, любопытно; также праздника, данного Разиным на Волге, где он, стоя на своей лодке, произнес к этой первой из русских рек благодарственное воззвание, приписывая ей главные свои успехи и обвиняя себя, что ничего достойного не принес ей в жертву. При этих словах к удивлению и ужасу

всех присутствовавших он схватил прекрасную пленную черкешенку, любовницу свою, покрытую драгоценными уборами, и сбросил в Волгу».

Или Граббе неточен в воспоминаниях, или Пушкин потом превратил черкешенку в персиянку.

Как дальше развивались отношения между атаманом и пленницей — тут уж полнейшее раздолье для мифов. Запись Якушкина мы уже цитировали: «Облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил!., стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!..» Костомаров:

«Возле Стеньки сидела его любовница, пленная персидская княжна... Уже замечали, что она начала приобретать силу над необузданным сердцем атамана». Романтический Мордовцев: «Когда юную полонянку привели к Степану Тимофеевичу, он, грубый и сильный, человек железной воли и стальных нервов, онемел от изумления: он даже не подозревал, чтобы на земле могла существовать такая поразительная красота! Это смещение чего-то нежного, как лилия, с огнем, с огненным темпераментом, сверкавшим в черных огромных глазах, это личико ребенка с пышной черною косою, гибкость и упругость юных членов, невыразимая грация в движениях — все это отуманило буйную голову атамана. Он полюбил ее всею силою своей огневой души: тигр по природе, он сделался кроток и робок с своею пленницей.

— Ребята! — сказал он своим молодцам. — Ежели кто дотронется до нее пальцем, хоть ненароком, не до нее, а хоть до края ее одежды, — того я зарежу. Знайте это! <...>

И сам Степан Тимофеевич стал другим человеком. Молодцы не узнавали его. По целым часам он сидел в горенке своей красавицы и выходил оттуда сначала мрачный и задумчивый, а потом все светлее, и радостнее, и ласковее ко всем. Кровь, которую он прежде проливал как воду, теперь стала для него противна. Он прекратил разбои. Сначала робкая и часто плакавшая, теперь Заира, по-видимому, свыклась с своим положением. Она любила своего кроткого и ласкового, подчас бурного в своих ласках, повелителя: он теперь заменил для нее весь мир».

Такой же белый и пушистый Разин у Каменского:

«А как встретил Степан принцессу персидскую — утонул в любви нахлынувшей, будто на дно морское опустился: такая Мейран приворожная, невиданной красоты чаровницей была. И сразу сердце свое девичье в сердце Степана вложила, будто ключ в замок. И тем ключом открыла сокровища несказанные, клад заповедный: душу, как море Хвалынское, сердце, как солнце утреннее, глаза, как два полумесяца, слова,

как гусли привезенные, и ласка — вина пьянее. В лунные ночи в саду апельсиновом бродил Степан с гусями и под окнами у резного балкона Мейран пел в истоме трепетной:

*Сад твой зеленый,
Сад апельсиновый.
Полюбил персиянку за тишь.
Я — парень ядреный,
Дубовый, осиновый,
А вот тоскую —
Поди ж.
Видно, песни царевны чаруйным огнем
Пришлись по нутру.
С сердцем, пьяным любовным вином,
Встаю поутру
И пою:
Сад твой зеленый,
Сад апельсиновый.
Ой, Мейран...»*

В знаменитом стихотворении Садовникова (оно было впервые опубликовано в журнале «Волжский вестник» в 1883 году под названием «Жертва Волге») любовь не взаимна:

*На переднем [челне] Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной.
А она, потупив очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные
Атамановы слова.*

У Злобина Разин такой правильный, «советский» — он даже не вступает в связь с пленницей, обращаясь с ней как с ребенком или кошкой, — и, кстати говоря, с точки зрения психологии все это описано довольно убедительно:

«Атаман указал своим ближним не чинить ханской дочери никаких обид и оставил в ее шатре все как было. Несколько раз он даже посылал ей маленькие подарки.

— Ишь набалованная какая! Видать, что утеха для батьки, — приговаривал Разин.

— Княжна! — сочувственно говорили о ней и казаки, которых занимало, что в их караване плывет невольница ханского рода. — Привыкла жить на подушках да сахара грызть... Дурак-то хан — потащил девчонку в битву!..

— Ничего, ты слезы не проливай, — уговаривал ее сам атаман, заходя не раз к ней в шатер. — Вот батька твой в выкуп пришлет казаков, тогда и ты к матке домой поплывешь... Ну, чего моргаешь? — Степан усмехался, качал головой. — Тоже тварь... Будто птица!.. Вот так-то и наши к ним во полон попадают — ничего разуместь не могут да плачут небось...

Чтобы хан Менеды не считал свою дочь погибшей и скорее привез в обмен на нее казаков, Степан, как только прибыл в Астрахань, призвал к ней находившихся в городе персидских купцов и наблюдал, как они оживленно говорили с маленькой плачущей пленницей. Купцы предложили ему тут же богатый денежный выкуп. Но Степан объяснил им, что хочет за ханскую дочь выручить только пленных соратников. Привыкшая к казакам Зейнаб в последние дни стала менее дикой: она словно бы поняла, что Степан ей не хочет зла. Брала из его рук гостинцы, а после того, как он допустил к ней персидских купцов, она даже доверчиво улыбалась ему... среди казаков по каравану пошел слух о том, что воевода совсем отказался от пушек и требовал только отдать царевну, но она завизжала, вцепилась сама в атамана и отказалась идти к старику, — так полюбился ей Степан Тимофеевич».

Также психологически достоверно и то, что, потерпев неудачу со зрелой женщиной, которую Разин любит (стрельчихой Машей), атаман вдруг увидел женщину и в пленной девчонке:

«— Зейнаб! — шепотом окликнул Степан. Ему нестерпимо вдруг захотелось ей рассказать, что поутру он отвезет ее к воеводе, а потом она поплывет через море к отцу... Как станет ей объяснять, он еще не знал, но был уверен, что она его тотчас поймет и обрадуется... «Вот будет рада так рада!» — подумал он.

Шепот его разбудил персиянку. Она молча в испуге вскочила и стояла теперь перед ним, светлея неясным пятном. Степан взял ее маленькую горячую, дрожащую руку. «Трепыхнется, будто птаха», — подумал Степан и вдруг неожиданно для самого себя притянул ее ближе с тем самым

внезапно нахлынувшим жаром, с каким час назад схватил в корчме Машу... Она была ему ниже чем по плечо. Он нагнулся, чтобы взглянуть ей в лицо... В висках у него зашумело, будто от хмеля, но персиянка рванулась, скользнула мимо него из шатра, и Степан только ловким и быстрым, откуда-то взявшимся юным прыжком успел настигнуть ее над самой водой...

В его руках, крепко сжавших ее, Зейнаб кусалась, рвала бороду и ногтями впивалась в лицо, уклоняясь от поцелуев... С девушкой на руках, не помня себя, Разин шагнул к шатру, как вдруг под ноги его с диким воплем метнулась старая жирная мамка и ухватилась за сапоги...

— Брысь, чертовка поганая, баба-яга! — зыкнул Степан на старуху, пинком отшвырнув ее прочь...

И от злости ли или от крика старухи внезапно он отрезвел, бережно поставил девчонку на палубу струга и усмехнулся...

— Иди спи, — сказал он, легонько подтолкнув ее внутрь шатра».

У Наживина Разин относится к девушке примерно так же, только чуть грубее: «...жаль расставаться с Гомартадж, — казаки в шутку звали ее под веселую руку Комартож, — он как будто уже стал привязываться к ней. Правда, в сердцах он мог иногда отбросить ее ногой, как собачонку... но все же без нее ему словно было иногда и скучно». У Чапыгина, как и у Злобина, атаман любит совсем другую женщину, но с пленницей все-таки сожительствует: «Разин, как дорогую игрушку, осторожно обнимал персиянку. Обнимая, загорался, тянул ее к себе сильной рукой, целовал пугливые глаза. Поцеловав в губы, вспыхнул румянцем на загорелом лице и снова поцеловал, бороздя на волосах ее голубую шапочку, запутался волосами усов в золотом кольце украшения тонкого носа персиянки». «Атаман редко навещал девушку и всегда принуждал ее к ласке. Жила она, окруженная ясырками-персиянками. Разин, видя, что она чахнет в неволе, приказывал потешать княжну, но отпустить не думал». И все ж иногда он ее жалеет: «Складки на лбу атамана разгладились, глаза ласково светили, минуту он глядел, пока не опустилась на грудь седеющими кудрями голова, тогда он мотнул головой, вскинулись концы чалмы, отвернул лицо, вздохнул: «Не верю крестам... Верил, то перекрестил бы безгласную по-нашему, будто птицу, в гае уловленную сетью... Жалобит иной раз... Поет тоже, а что поет? Как у птицы, неосмысленно моим умом...». (Чапыгинский Разин как ничей другой склонен заступаться за женщин, но порой автор об этом забывает: «Боярыню, жену Хабариху, изнабейте порохом в непоказуемое место, фитиль приладьте — пуцай на потеху народу из ее хорошо стрелит. Пыж забейте потуже, чтоб крепко

рвануло...»)

Шукшин, как и большинство авторов, пишет, что для Разина пленница — что-то маленькое и несерьезное, но милое:

«Персиянка притронулась к нему: она, видно, замерзла. Степан очнулся.

— Никак, озябла? Эх, котенок заморский, — ласково и с удивлением сказал он. Погладил княжну по голове. Развернул за плечо, подтолкнул: — Иди спать. А то и правда, свежо у воды-то.

Княжна радостно спросила что-то, показывая на свой струг.

— Иди, иди, — подтвердил Степан. — Иди.

Княжна всплеснула руками и побежала. Крикнула на бегу своей няньке; та откликнулась, тоже довольная.

Степан, глядя в ту сторону, куда убежала княжна, качнул головой.

— Вот и возьми с ее... В куклы тут играют, дуреха малая. — И подумал: «Отдам, хватит. А князька пусть выкупают: заломлю, как за полета жеребцов добрых».

Однако, когда Разин ночью видит, что кто-то пытается девушку изнасиловать, обнаруживается, что она для него не просто «котенок»:

«Степан, минуя зыбкую сходню, махнул из стружка в воду, вышел на берег и побежал. Он знал, кого прищучили, — его персиянку, он узнал ее голос.

— На дне морском найду, гада, — сказал Степан. — Живому ему не быть.

Черноярцу до смерти жалко было Фрола. (У Шукшина Минаев — тайный враг Разина, и атаман убежден, что это Фрол позарился на пленницу. — М. Ч.) В таком загуле, конечно, что-нибудь да должно случиться, но потерять такого есаула... Из-за кого! Было бы хоть из-за кого.

— Может, она его сама сблзнила, — сказал он. — Чего горячку-то пороть?

— Я видел, как он на ее смотрит.

— Прокидаемся так есаулами, — не отступал Иван.

— Срублю Фрола! — рявкнул Степан. — Сказал: срублю — срублю! Не встречай.

— Руби! — тоже повысил голос Иван. — А то у нас их шибко много, есаулов, девать некуда! Руби всех подряд, кто на ее глянет! И я глядел — у меня тоже глаза во лбу.

Степан устался на него... Помолчал несколько и сказал просительно, но глубоко неукротимо:

— Не наводи на грех, Иван. Добром говорю...»

М. Горький в этом эпизоде сентиментален, почти как Мордовцев: «Красота персиянки усыпляет волю Разина, улыбаясь, он мечтает о тихой, спокойной жизни с нею, он гладит волосы ее, грустно и ласково улыбаясь; она жметя к нему, целует его руки и, неотрывно глядя в глаза его высасывающим взглядом, что-то говорит, отвечая на его слова». А вот Логинов взял версию не Стрейса, а Фабрициуса: «Разин в богатом охабне и собольей шапке возвышался на головном струге. Рядом, потупив глаза, стояла татарская девка, дочь князя Алея, отнятая во время прошлогоднего набега на едисанских татар. На девке было красное свадебное платье, смарагдовый венец и монисты чуть не в пуд весом. Разин неукоснительно требовал, чтобы любовница ежедневно одевалась невестой, хотя весь Яицк знал, что недавно татарка родила от Разина байстрюченка, которого атаман, отняв от материнской груди, отправил с посылными в Астрахань к архиепископу, прося воспитать младенца в христианской вере и приложив для того ровным счетом тысячу рублей».

Теперь о том, почему Разин убил пленницу. Исторических мотивов три: жертва, как у Стрейса и Фабрициуса; пьяное сумасбродство, как у Стрейса; недовольство казаков, как у Якушкина («А мы себе атамана выберем настоящего... атаману под юбкой у девки сидеть не приходится!»). У Пушкина — жертвоприношение в чистом виде:

*Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.*

(Любопытно, что Александр Сергеевич убивает девицу в первом стихотворении цикла, а в третьем как будто бы воскрешает ее:

*Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буйан,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».)*

Евграф Савельев берет первый и третий мотивы:

*На красавицу иную,
Что досталась в ясак,
Променял он мать родную
И обабился, казак.*

Казак кричат, что не время «возиться с бабой». Степан хватает княжну на руки и несет к борту, та бьется и кричит:

— Степан!., ты любишь...
Ведь я твоя... ханым... твоя...

Разин отвечает («с испуганием»):

— Бери, мать Волга! На, родная,
Как дар донского казака. За честь, за славу, за богатство.
(Бросает княжну в воду.)
За все... за все...
(Хватается за голову.)

То же самое у Садовникова:

*Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провожжался,
Сам наутро бабой стал».
Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман
И могучею рукою
Обнял персиянки стан.
Брови черные сошлись,
Надвигается гроза.
Буйной кровью налилися
Атамановы глаза.
«Ничего не пожалею,
Буйну голову отдам!» —
Раздается голос властный
По окрестным берегам.
«Волга, Волга, мать родная,
Волга, русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака!
Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!»*

У других авторов мотивы убийства еще усложняются. Костомаров, помимо трех вышеназванных, приводит четвертый мотив, весьма убедительно объясняющий поведение мужчин всех веков — Разин хочет освободиться от собственной привязанности:

«Вдруг, упившись до ярости, Стенька вскакивает со своего места, неистово подходит к окраине струга и, обращаясь к Волге, говорит:

— Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата, и серебра, и всего доброго; как отец и мать, славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил; на ж тебе, возьми!

Он схватил княжну одной рукою за горло, другою за ноги и бросил в волны... Стенька, как видно, завел у себя запорожский обычай: считать

непозволительное обращение козака с женщиною поступком, достойным смерти. Увлечшись сам на время красотой пленницы, атаман, разумеется, должен был возбудить укоры и негодование в тех, которым не позволял того, что дозволил себе, и, быть может, чтоб показать другим, как мало он может привязаться к женщине, пожертвовал бедною персиянкою своему влиянию на козацкую братию».

Валишевский, В. М. Соловьев и Королев предполагают, что мотив убийства мог быть чисто бытовым. Соловьев: «Персиянка скорее всего в чем-то провинилась перед атаманом, и он со свойственной ему непреклонностью предал ее смерти, как однажды приказал повесить женщину, виновную в прелюбодеянии, и утопить ее дружка». Королев: «Иными словами, можно думать об измене разинской подруги либо, по крайней мере, ее откровенном кокетничанье с другим казаком или казаками. Можно предположить вариант, при котором атаман не поделил пленницу с соратниками, и еще лучше — такую ситуацию, когда Разин и его товарищи оказались перед дилеммой: или пленница будет принадлежать всем (как женщины на корабле Рэкхэма), или никому (как водилось с пленницами во время их перевозки на казачьих судах)». А в протоколах показаний Пугачева есть информация о казни женщины, которая украла у него серебряный подсвечник, — может, и пленница Разина стащила что-нибудь?

Мордовцев развивает тему ревности: есть у него толмач Хабибулла, который уверял пленницу, что атаман ее не любит, и побуждал к побегу, а Разин узнал:

«Он стал перед нею на колени и с глубокой нежностью и тоскою долго смотрел на милое личико ребенка. Отказаться от нее, от этой милой девочки, от своего счастья, чтоб это милое дитя досталось какому-нибудь презренному холопу Хабибулле, а не ему — так другому! Он чувствовал, что это выше его сил. Он так любил ее! Для нее он решился пожертвовать славой, для нее он позорно преклонил свой бунчук перед воеводой, которого он мог когда угодно повесить; он все для нее бросил. Когда он держал ее в своих объятиях, а она, ласкаясь к нему, шептала самые нежные слова, он искренно решился всем пожертвовать для нее. И теперь уступить ее другому! Нет, пусть лучше она никому не достанется: та, которую он ласкал, не должна знать ласк другого мужчины. Он стал наблюдать за нею, обдумывать ее поведение. Он видел, что она таится от него. В своей грубой совести он так и решил, что она виновата: молчит — значит боится».

Это в чистом виде история Отелло (есть и наушник Яго), но убивает Разин не только из ревности, но и принося жертву реке:

«— Дай Бог тебе, Степан Тимофеевич, счастья и здоровья на многия лета, — сказал князь Прозоровский и встал, — и великий государь не оставит тебя своими милостями.

— Спасибо, князь, — отвечал Разин. — Я много счастлив, так много, как тот эллинский царь, о котором сказывал мне один святой муж. Счастье того эллинского царя было так велико, что оракул сказал ему: «Дабы тебе не лишиться твоего счастья, пожертвуй Богу то, что есть у тебя самого дорогого». И царь тот зарезал любимую дочь свою — лучшее свое сокровище. (Очарователен мордовцевский Разин — знает греческие изречения, должно быть, и латыни не чужд... — М. Ч.)

Разин взглянул на Заиру. Он был бледен. А она сидела рядом с ним, все такая же прекрасная и смущенная.

— Вот мое сокровище! — сказал он, обнимая девушку. Потом он встал, шатаясь, и остановился у борта струга, лицом к Волге. Он был страшен.

— Ах, ты, Волга-матушка, река великая! много ты дала мне золота и серебра, и всего доброго. Как отец и мать славою и честью меня наделила, а я тебя еще ничем не поблагодарил.

Сказав это, он быстро повернулся, схватил Заиру одной рукой за горло, другою за ноги — и бросил за борт, как сорванный цветочек».

Зато Злобин придумал версию, в которой нет ничего личного, а лишь патриотичное: Разин в Астрахани хотел за освобождение девушки получить от персов каких-то своих пленных (об этом в источниках ничего нет), а ему отказывают: «Ей уже объяснили, что ее отправят к отцу, и она доверчиво и благодарно подчинялась всем приказаниям Разина... Разин обнял ее одною рукой. Ему было приятно чувствовать рядом с собой это маленькое покорное и доверчивое существо...» Но тут ему сообщают, что персы истязали русских в плену, и:

«...Разин встал. Лицо его сделалось черным от бешенства.

— В воду! В воду! Топи всех к чертя-ам! — не крикнул, а прямо-таки взревел атаман. И весь шум над Волгой мгновенно затих. — Атаманы! Топи персиянский ясырь, к черту, в Волге! Топи-и, не жалеи! — продолжал выкрикивать Разин, охваченный яростью.

Но никто не двинулся на челнах. Внезапная перемена решения Разина была казакам непонятна...

— Ты вперед, атаман, свою кралю топи, а уж мы не отстанем! — в общем молчанье задорно выкрикнул из широкой ладьи немолодой казак, брат Черноярца...

— А ну, батька, батька! Кажи, как топить! — загудели веселые голоса.

Степан удивленно окинул всех взглядом, перевел глаза на Зейнаб, словно не понимая, чего от него потребовали казаки, и встретился взором с Дроном, который тоже смотрел на него, как показалось Степану, с вызовом и ожиданием... Разин скрипнул зубами, налитые кровью глаза его помутнели. Он нагнулся, схватил персиянку и поднял над головой...

— Примай, Волга-мать...

Пронзительный визг Зейнаб оборвался в волжской волне. Вода всплеснула вокруг голубой парчи и сомкнулась над ней... И в тот же миг раздирающий вопль вырвался из груди царевниной мамки. Хохот, поднятый выкриком Гурки, словно запнувшись, оборвался. Сам веселый и дерзкий Гурка в страхе прятался за спины казаков... По волне, слегка вздутая ветром, как пена, билась о борт атаманской ладьи фата ханской дочери...

— Ждете? Ждете чего еще, чертово семя?! Топи! Всех топи! — заорал в неистовстве Разин и в наступившей тиши с лязгом выдернул саблю, будто готовый ринуться по челнам, чтобы искрошить на куски своих казаков...»

В романе Наживина, вообще не очень склонного Разина романтизировать, герой убивает любовницу и как жертву, и спьяну, и еще потому, что любит, но не знает, куда ее девать, и разрубает сердечный узел: «Но казаки шли на Дон, домой, а там жена, дети. Куда денет он там персиянку? В глазах самостоятельных казаков ему, атаману, не подобало очень уж скандалиться по пустякам: пошел за большим делом, так девок за собою таскать нечего... И не мог он уже теперь отдать ее другому: сердце не позволяло...» Он сидит и пьет — и вот:

«Дикая, черная сила неумемной волной поднялась в широкой груди пьяного Степана и ударила в голову. Да, надо развязывать себя, надо найти сразу выходы, все привести в ясность и всех удивить.

— Эх, Волга... — точно рыданием вырвалось из его взбаламученной груди. — Много дала ты мне и злата, и серебра, и славой покрыла меня, а я ничем еще не отблагодарил тебя!..

Не зная, что он еще сделает, он огляделся красными, воспаленными глазами. И вдруг схватил он железной рукой удивленную и перепуганную Гомартадж за горло, а другой за ноги и — швырнул ее в пылающую огнями заката Волгу. Золотом и кровью взбрызнули волны, раздался жалкий крик девушки, и вздох удивления и ужаса пронесся по стругам».

В сценарии Горького мотив — свобода от помехи:

«Разин около княжны, сидит, схватив голову руками, она смотрит в лицо ему, положив локти на колени.

— Куда ты меня зовешь, девушка? К тихой жизни? Это — не для меня. Я затеял большое дело, я хочу освободить людей от Москвы, от царя, а

ты...

Женщина, победно улыбаясь, обнимает его, Разин вскакивает на ноги, безумно оглядывается и, схватив княжну на руки, жадно целует ее.

«Не-ет! Прощай!»

Разин бросает княжну за борт и, с ужасом на лице, смотрит на реку, провожая взглядом уплывающее тело».

Горькому так нравится этот мотив (да, вполне себе убедительный), что он по тем же основаниям убивает еще одну женщину, хотя и не разинской рукой. В Паншине была у Разина любовница — чужая жена, пришел муж:

«Казак, выскочив из кустов, бьет женщину ножом в спину, она, взмахнув руками, падает. Казак бросается на Разина, тот, отскочив, подставил ему ногу, казак упал, Разин верхом на нем.

— За что убил?

— Жена моя.

«Встань!»

Вырвав нож из рук казака, Разин отбросил его в сторону, встал и толкнул убийцу ногою. Казак встал. Смотрят друг на друга.

— Надо бы убить тебя, да — не хочу. Может, это на мою удачу сделал ты. Мила она сердцу, а — мешала мне».

Даже Логинов, совсем уж не романтичный и Разина терпеть не могущий, не написал, что атаман убил ее по какой-нибудь изменной причине, — он тоже жаждет свободы и приносит личную жертву:

«— Кто за мной идти вздумал, у того ни дома, ни семьи, ни нажитков быть не должно. Совсем ничего, кроме сабли в руке и креста на груди. В этом я, ваш атаман, буду вам первым примером... — Разин повернулся к нарядной татарке, положил широченные ладони ей на плечи, — вот, дивитесь, люди, нет мне ничего любезней этой девки. Красавица, невеста! Век бы с ней вековал. Повязала ты молодца по рукам и ногам... Да только я не таковский, чтобы повязанным быть. <...> Э-эх! — громко выдохнул Разин и швырнул женщину в темную воду».

Самый поэтичный из авторов, Каменский, все же не пренебрег психологией: у него Разин, как и у других, хочет обрести свободу и не потерять престиж. Простите за длинную цитату, но из такой красоты ни слова нельзя потерять:

«А пристало ли атаману приставать к берегам любви? Воистину, слаб ветхий человек, ежели не может совладать с кровью сердца своего, любовью плененного, любовью заколдованного. Эх, не думать бы о любви бабской, не знать бы этих женских чар, не ведать бы белых шелковых рук на шее своей... Да вот поди ж. Мало было Алены — с княжной персидской

связался. Удержу нет на меня, узды нет, отказу нет. И вот замотался, задурманился зельем любовным, в берлогу тоски залез. Чую: вольница осуждает за слабости ветхие, за княжну персидскую, за любовь заморскую. Все осуждают, и сам себя мученским судом сужу, да, видно, нелегко одолеть кровь свою, нелегко из плена двух берегов уйти. И что сказать Мейран я могу, когда краше солнца она светила мне и верила любви моей, правде моей.

В раскаленной тоске припала знойным телом к Степану Мейран. Она не сводила с него бархатных глаз, будто жадно допивала до дна кубок своих последних минут. Задыхаясь от грядущей неизбежности, она отрывисто шептала Степану:

— Пойми и сделай так. Прошу, повелитель, исполни. Скорей. Пока еще темно. Много вина выпила с тобой. Много счастья. Спасибо, родимый, единственный. Начало мое и конец мой. Песня из сада дней моих. Любовь неземная. Возьми. Подыми на своих сильных руках высоко. К небу. И брось в Волгу. Так хочу. Подари меня Волге. Мне не страшно. Нет. Я тебе буду петь. Слышишь. Буду петь о любви. Скорей. Звезды, что лежат на дне Волги, возьмут меня. Возьмут к себе звезды. Сделай так, повелитель, любимый мой. Волга унесет меня в Персию.

На вытянутых руках гордо вынес Степан из палатки полуобнаженную принцессу.

Вынес и стал с ней посреди палубы в круге пира.

Все смолкли, как перед чудом.

Принцесса змеино обвила голыми руками могучую шею Степана и несводно смотрела с огненной любовью-скорбью в небомудрые детские глаза возлюбленного.

Степан крикнул неграм (! — М. Ч.):

— Жбра-маю-харра-оу!

Негры запели грустную, расставальную песню, медленно ударяя в ладоши:

— Юйн-део-смайн-хэй Уск-арну-бэлн-хэй. Штуаш-мэи-юз-хэй.

Степан сквозь песню негров, будто сквозь сон, с кубком вина, поднесенным Васькой Усом, отрывно говорил:

— Пришел час разлучный, тяжкий, назначенный. Улетает от нас заморская лебедь-принцесса персидская. Догорает любовь моя безбрежная. Кончается песня любинная. Волга, Волга, и прими, и храни, и неси, неси бережно с любовью до берегов персидских. Приюти сердешный, последний завет мой. Как принял я, как хранил я, как любил я. Неси и передай там крыльям утренним, покою небесному, садам цветущим. А ты,

принцесса, прости меня, удальца отпетого, прости и благослови на вечную тоску по тебе, возлюбленная, прости. Я исполняю мудрую волю твою. Прощай, красота. Прощай!»

Чапыгинский Разин ревнует девушку к Усу, сам не любит и другому не дает:

«Васька Ус сел, сказал, берясь за чару:

— Много скорбит, батько, девка по родине... Спустить ее надо, увезти, — не приручить к клетке вольную птицу... Как брату, батько, думал я, ты дашь девку: она и я смыслим друг друга... Мне с ней путь один! Тебя она — прости — не любит...

— Княжну не жаль! Любви к ней нет... Удалого же человека потерять горько. Горько еще то, что ты, как Сергей, ничего не боишься, какой хошь бой примешь и удал: когда я шатнусь, атаманить можешь, не уронишь дела...

— Отдай мне персидку, батько! Люблю я ее... Полюбил, вот хошь убей. <...>

«Эх, к черту, да!.. Ваську жаль, жаль и ее, чужую... Вот коли вырвешь, что жалобит, то много легче...» <...>

Княжна горбилась под тяжестью руки господина. Разин, склонясь, заглядывал красавице в глаза. Она потупила глаза, спрятала в густые ресницы. Зная, что персиянка понимает татарское, спрашивал:

— Ярата-син, Зейнеб?^[68]

— Ни яратам, ни лубит... — Мотнула красивой головой в цветных шелках, а что тяжело ее тонкой шее под богатырской рукой, сказать не умеет и боится снять руку — горбится все ниже».

Тут Разин вдобавок вспоминает одного из казаков, которых посылал к персидскому шаху и которых, по слухам, затравили собаками (у Чапыгина — гепардами), и как бы искупают одну смерть другой:

«Атаман поднялся во весь рост, незаметно в его руках ребенком вскинулась княжна.

— Ярата-син, Зейнеб?

— Ни...

В воздухе, в брызгах мелькнули золотые одежды, голубым парусом надулся шелк, и светлое распласталось в бесконечных оскаленных глотках волн, синих с белыми зубами гребней. На скамью паузка покатился зеленый башмак с золоченым каблуком».

У Шукшина казаки не просто потешаются над атаманом, а всерьез возненавидели пленницу, потому что из-за нее Разин поссорился с Минаевым и прогнал его:

«— Извести ее, что ли, гадину? — размышлял вслух есаул. — Насыпать ей чего-нибудь?..

— Не, Иван, то грех. Что ты! — чуть не в один голос сказали старики.

— С ей хуже грех! «Грех»... Мы из-за ее есаула вон потеряли — вот грех-то!

— Нет — грех страшный: травить человека, — стояли на своем старики; особенно расстрига взволновался. — Грех это великий. Лучше так убить.

— Убей так-то! — воскликнул есаул. — На словах-то вы все храбрые...

— Посмотрим. Домой он ее, что ли, повезет? Там Алена без нас ей голову открутит...

Есаулы приняли близко к сердцу несчастье своего товарища. Жалко было Фрола. Люто возненавидели красавицу княжну. Только двое из них оставались спокойными, не принимали участия в пустом разговоре: Ларька Тимофеев и Федор Сукнин. Эти двое придумали, как избавиться от княжны. Придумал Ларька. Этот казак с голубыми ласковыми глазами любил Степана особой любовью и предан атаману совсем не так, как преданы все, кто идет за ним, за его удачей... Он не боялся, он любил, и если бы он когда-нибудь понял, что атаман совсем сбился с пути истинного, он лучше убил бы его ножом в спину, чем своими глазами видеть, как обожаемый идол поклонился и скоро упадет. Сегодня утром Ларька открылся Федору: он придумал, как умертвить княжну. План был варварски прост и жесток: к княжне разрешалось входить ее брату, молодому гордому князьку, и он иногда — редко — заходил. Пусть он войдет к сестре в шатер и задушит ее подушкой. За это Ларька — клятвенное слово! — сам возьмется освободить его из неволи. Здесь — Астрахань, здесь легко спрятать князьку, а уйдут казаки, воеводы переправят его к отцу. Объяснение простое: князек отомстил атаману за обиду. У косоглазых так бывает.

Федор изумился такой простоте.

— Да задушит ли? Сестра ведь...

— Задушит, я говорил с им. Ночью через толмача говорил... Только боится, что обману, не выручу.

— А выручишь?

— Не знаю. Можя, выручу. Это — потом, надо сперва эту чернявочку задавить. Как думаешь? Надо ведь!..

— Давай, — после некоторого раздумья сказал Федор».

Но тут Разин впадает в истерику: «Жалко Фрола? А я вам кто?!. Я

атаман или затычка?! Мной помыкать можно?! Собаки!.. Шепчетесь тут?!..» — и сам избавляется от девушки:

«Он сел, опять привалился боком к борту... Коротко глянул на воду, куда без крика ушла молодая княжна... В глазах на миг вскинулась боль и тоска, он отвернулся. Есаулы подошли; кто присел, кто остался стоять. На атамана боялись смотреть. Теперь уж — только боялись: кому-то да эта княжна отольется слезами. Но кто знал, что он так ее маханет? Знай есаулы, чего он задумал, может, и воспротивились бы... Хотя вряд ли. Может, хоть ушли бы на это время. Как-то не так надо было, не на глазах же у всех... Было ли это обдуманно заранее у Степана — вот так, на глазах у всех, кинуть княжну в воду? Нет, не было, он ночью решил, что княжну отдаст в Астрахани. Но после стычки с есаулами, где он вовсе не пугал, а мог по-настоящему хватить кого-нибудь, окажись перед ним не такие же ловкие, как он сам, после этой стычки разум его замутился, это был миг, он проходил мимо княжны, его точно обожгло всего — он наклонился, взял ее и бросил».

В 1908 году был снят первый игровой фильм в истории российского кинематографа — «Понизовая вольница» («Стенька Разин») режиссера Владимира Ромашкова. Разин ведет свое войско на Дон, но, влюбленный в княжну, постоянно задерживается для «гулянок»; есаулы, отчаявшись вразумить атамана, подбрасывают ему письмо о том, что княжна обманывает его с «принцем Хасаном»; Разин топит девушку из ревности. Сценарий фильма «Стенька Разин» писал даже Е. И. Замятин в 1933 году для студии «Вандор-филмз»; предполагалось, что играть главную роль будет Шаляпин, но, увы, проект не был реализован. Там княжна и Разин обожают друг друга, но на пленницу положил глаз коварный Василий Ус и подбил казаков возмутиться поведением атамана; конец все тот же.

Встречаются, напротив, очень грубые версии, как, например, у А. И. Слаповского в рассказе «Разбойная любовь»^[69]:

«Стенька Разин, досыта натешившись с запуганной измученной персиянкой, хмуρο глядел в ее напрочь непонятные глаза и говорил:

— Чего молчишь, дура? Учись по-нашему! Дескать, дроля мой! Коханий, любый, ненаглядный. Мы ж не собаки, чтобы молчаком-то? Ай?

Персиянка молчала.

— Учись, говорю! — велел Степан. — Дроля! Ну? Скажи: дроля! Дроля, харя твоя бусурманская!

Персиянка молчала.

Степан схватил ее за руку и поволок из шатра, шагая через тела сотоварищей — пьющих или спящих или неутомимо, с конским ржаньем,

бесчещущих персидских девок (некоторых до полусмерти уже доконали).

Степан подвел персиянку к борту.

— Последний раз прошу! — закричал чуть не со слезой Степан, разогревая в себе истошную кровавую жалость к человеческой жизни, над которой он хозяин. — Скажи: дроля!

Дрожащие губы персиянки произнесли:

— Дьдь... дьдь... ля...

— Не можешь по-нашему — не берись! — рассудил Степан и урезал персиянку по морде — как он привык, как русский мужик всегда бабу бьет, не балуясь иноземно пощечинкой, а полновесным кулаком — не бабу, в общем-то, бья, а человеческого друга, спутника или врага жизни.

Персиянка кувыркнулась за борт».

Хоть и нелепо — а, по большому счету, и подобное исключить нельзя. А В. М. Соловьев высказывает предположение, что «как бы ни был Разин груб, нужно полагать, что только в припадке сумасшествия он мог совершить подобную жестокость: до этого случая он казался более справедливым, нежели бесчеловечным». Сумасшествие — это вряд ли; достаточно сильного опьянения, которое может быть вообще единственной причиной для убийства — алкоголь может делать жуткие вещи. Известны случаи, к примеру, когда любящая в общем-то мать, напившись, абсолютно немотивированно зарезала своих детей и потом, естественно, пришла в дикий ужас и объяснить своего поступка ничем не могла. С мужчинами подобное тоже случается.

Иногда княжна остается жить, как в романе В. И. Уланова «Бунт»: Разин отдал ее (одну из многих своих любовниц) за выкуп персидским купцам, потом «клял себя за горячность, проклинал». А в статье П. Белова «Степан Разин и персидская княжна»^[70] пленницу убил вовсе не атаман:

«Много лет назад, будучи в историческом музее одного восточно-русского городка, я заинтересовался экспонатом — восковой фигурой восточной девушки, протягивающей зрителю в вытянутых руках маленький кинжал. Старенькая служительница музея рассказала мне, что это и есть та самая Зейнаб и что на самом деле перед тем, как бросить красавицу за борт, Степан Тимофеевич якобы подговорил близких соратников о ее спасении (для отвлечения внимания даже инсценировали переворот одной из лодок и спасали не умевших плавать пьяных казаков). Княжну выловили и тайно отправили к отцу, но он приказал ее умертвить как падшую женщину — по канонам шариата (была усыплена опиумом). Кстати, кинжал, который она держит в руках, в те времена был предназначен для того, чтобы женщина покончила собой в случае «осквернения», так предписывал обычай, но

Зейнаб этого не сделала».

Как потом Разин переживал совершенное убийство? Вот разухабистая фантазия журналиста (С. Макеев «Призрак атамана»^[71]): «Атаман сидел на скамье, устланной персидским ковром, красиво избоченясь. Он уже позабыл об утопленнице. В голове прояснилось, он думал о новом походе, который потрясет всю Россию». Горький: «На корме Разин, хмуро смотрит на берег, потом, с досадой сорвав шапку, бросает ее в воду». У Мордовцева Разин, «смирившийся было перед властью, положивший свой бунчук к ногам этой власти, подружившийся с воеводою и водивший с ним хлеб-соль, вдруг опять превращается в зверя, еще более лютого, чем он был прежде... В его душе вдруг встал другой милый образ, так бесчеловечно погубленный им. За что? за чью вину? И уже никогда, никогда этот милый образ не явится ему наяву, как он часто является ему во сне и терзает его душу поздним, напрасным раскаяньем. И его разом охватила такая тоска, такая душевная мука, что он сам, кажется, охотно бы пошел в этот куль и в воду...» Почему бы и нет? А потом он подобрал ребенка, маленькую калмычку, и как бы удочерил... У Злобина герой вспоминает девушку в разговоре с женой:

«— Сказывали — ясыркою взял княжну басурманскую, молодую, как нежный цвет ее бережешь, любишь ее, на ней женишься, царю кизилбашскому зятем станешь... — дрожащим голосом продолжала Алена.

— Была и княжна, — сказал атаман, помрачнев.

— Была? — тихо переспросила Алена, выронив на пол тонкую голубую чашку, привезенную Степаном еще из Польши в подарок.

— Была, да упала из рук. Так и разбилась, как чашка, нече и молвить...»

(И тут же заводит себе другую — стрельчиху Марью — и опять его ругают казаки...)

У Чапыгина — в разговоре с Усом:

«— Не тронь меня, Стенько!

— Да что ты, с глузда сшел? Есть о ком — о бабе тужить!

Ус упал лицом в шапку и тем же придушенным голосом продолжал:

— Брат ты или чужой мне? Не ведаю — ум мутится... Утопил пошто?

Тебе не надобна — мне не дал...

— За то утопил, чтоб ты не сшел, кинь!.. Волга ее да Хвалын-море укачает к Дербени... Родная земля, кою она почитала больше нас, чужих, станет постелью ей... Чего скорбеть? Хрыпучая была, иной раз кровью блевала, и век ей едино был недолог... Горесть с тебя и с себя снял! Худче было к ей прилепиться крепко, она же покойник явно.

— Стенько! Уйду от тебя... Сердце ты мне окровавил... Не уйду, може, то еще худче будет...

— Печаль минет, Василий! Минет! Век я о жонках не тосковал, и тебе не надо — баб много будет!»

Слаповский: «Степан стал плакать и пинать ногами сотоварищей, чтобы бросились и спасли любу его дорогую персиянскую, ненаглядную, сулил злато и серебро. Сотоварищи посылали его ленивым матом». Гиляровский:

*Как вора Разина везут,
И перед ним встает бывшее,
Картины прошлого бегут:
<...>
И персиянка молодая.
Она пред ним. Ее глаза
Полны слезой, полны любовью,
Полны восторженной мечты.
Вот — руки, облитые кровью,
И нет на свете красоты.*

Шукшин:

«— Ну, рады теперь ваши душеньки? — вдруг зло спросил атаман. И зло и обиженно поглядел снизу на есаулов. — Довольные?.. Живодеры. <...>

И приснился ему отчетливый красный сон.

Стоит будто он на высокой-высокой горе, на макушке, а снизу к нему хочет идти молодая персидская княжна, но никак не может взобраться, скользит и падает. И плачет. Степану слышно. Ему жалко княжну, так жалко, что впору самому заплакать. А потом княжна — ни с того ни с сего — стала плясать под музыку. Да так легко, неистово... как бабочка в цветах затрепыхалась, аж в глазах зарябило. «Что она? — удивился Степан. — Также запалиться можно». Хотел крикнуть, чтоб унялась, а — не может крикнуть. И не может сдвинуться с места... И тут увидел, что к княжне сбоку крадется Фрол Минаев, хитрый, сторожкий Фрол, — хочет зарубить княжну. А княжна зашла в пляске, ничего не видит и не слышит — пляшет. У Степана от боли и от жалости заломило сердце. «Фрол!» — закричал он. Но крик не вышел из горла — вышел стон. Степана охватило отчаяние... «Срубит, срубит он ее. Фро-ол!..» Фрол махнул саблей, и

трепыхание прекратилось. Княжна исчезла. И земля в том месте вспотела кровью. Степан закрыл лицо и тихо закричал от горя, заплакал... И проснулся».

Ах, была бы вся шукшинская книга так написана...

Наживин: «Степан, вдруг схватившись обеими руками за волосы, зарычал, как тяжело раненный зверь, и по жесткому пьяному лицу его покатались слезы жгучей, беспредельной тоски...»

Каменский прекрасен, как всегда: «Степан впился осиротевшими глазами в синее место, куда упала принцесса. Слезы жгучим источником струились на грудь. Руки остались протянутыми.

Негры смолкли.

Все смолкли.

Смолк весь мир вокруг.

Степан будто вдруг очнулся. Взглянул на струг, на удалцов, на негров, взглянул на звезды, захватил голову руками и зарыдал; видно, не стерпел нестерпимой боли.

Васька Ус налил кубок вина, протянул его Степану:

— На, Степан, выпей за помин. Не тужи. Будем жить. — Нет.

— Ой, да что ты, Степан.

— Нет.

— Опомнись.

— Не хочу.

И Степан, разом выпив до дна кубок, нежданно бросился в Волгу, вниз головой.

За Степаном бросились в Волгу спасать и Васька Ус, и Фрол, и все друг за другом.

И когда спасли и вытащили Степана, негры запели веселую песню, заплясали, ударяя быстро в ладоши.

Смайн-цам, бой-цам, Боди-бай — Умбай-Умбай.

Степан крепко обнялся с друзьями за пьяным столом.

Много он пил вина, жадно запивал свое горе-тоску, много пел, заглушая сердце, много и слезно рыдал, вспоминая принцессу, и много смеялся, прославляя прощанье:

*Не живать мне в саду,
Не бывать в апельсиновом.*

— Эй! За помин! Хорошая баба была!

Васька Ус ревел в песне, приплясывая с горя-радости:

*Катись ее имячко
На высоких облаках.
Вспоминайте ее имячко
За брагой в кабаках.*

Степан взметнулся, вскочил, за грудь схватился, будто сердце захотел вырвать, на предрассветную зарю устремился:

— А я заодно и другую любовь в Волге утоплю...»

А теперь, если вам жаль княжну, обратите внимание на следующую очаровательную легенду, возникшую то ли как продолжение истории с утоплением, то ли как антитеза к ней. Н. Степной^[72], «Сказки степи» (М., 1924):

«Под Сызранью возле острова-холма стоял главный дворец княжны Волги, жены Разина. Во дворце много складов с драгоценностями, которые бросал Разин в Волгу в подарок княжне. Все добро с утонувших пароходов и барж попадало во дворец. Из дворца княжна Волга никогда не выходила. К ней входить имела право только щука-нянька. Когда товарищей Степана Разина проклинали, все они превратились в камни у Молодецкого кургана. А Разин не захотел и остался мучиться. Когда по воскресеньям проклинали его в церквах — княжна Волга стонала и плакала, потому что слышала, как, прикованный цепями, мучился и проклинал своих врагов Степан. В это время ни одна рыба не выходила — они жалели и стерегли княжну.

Однажды не услышали рыбы стонов княжны. Перестали бить в колокола, прекратились проклятия Степана. Старая щука-нянька приказала чехони узнать, почему звона нет. Отправилась глупая чехонь гурьбой на разведку. Принесла чехонь весть, что в городах толпятся люди и что-то кричат и никто не ловит рыбу. Княжна, узнав об этом от щуки-няньки, приказала послать рыбу поумнее. Послала щука наверх умную красную рыбу — севрюгу. Узнала севрюга, что камни — Степановы товарищи — ожили и пошли расковырять цепи Степана. Княжне они приказали идти навстречу мужу. Надела княжна шелковый наряд и с щукой-нянькой и красной рыбой ушла из дворца. С тех пор чехонь охраняет дворец и ждет, когда его богатства понадобятся».

Так как же было, что же было? Что выглядит наиболее убедительным? Опять-таки, если вас интересует мнение автора, то он полагает, что было

так: пленную женщину — татарку, как пишет Фабрициус, но, возможно, знатного рода, — Разин любил, раз жил с нею, если верить информаторам Фабрициуса, целый год; некоторые из есаулов действительно обижались и ревновали, но это не было мотивом для убийства; убил он ее сильно пьяным в приступе ревности или в ссоре, какие-то красивые слова о жертве Яику действительно произнес — сам в это веря, сам себя оправдывая, как бы пытаясь умиловить не только божество, но и саму жертву; потом горевал, но вряд ли долго. Если все-таки был ребенок, то отправили его не в Астрахань, а скорее уж на Дон. Но все это, конечно, при условии, что легенда о Ермаке и Алмаз действительно возникла уже позже разинской. Если докажут, что предание о Ермаке имеет более раннее происхождение, — тогда станет ясно, что разинское просто с него «списали».

А теперь замкнем кольцо — опять Цветаевой — «Сном Разина»:

*И снится Разину — сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину — звон:
Ровно капельки серебряные каплют.
И снится Разину дно:
Цветами — что плат ковровый.
И снится лицо одно —
Забывшее, чернобровое.
Сидит, ровно Божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...
Сдавило дыханье — аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный — меж ними — полог.
.....
Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?
Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!*

*И звенят — звенят, звенят — звенят запястья:
— Затонуло ты, Степаново счастье!*

О других возлюбленных Разина в документах — только жена и «много жонок татарок», у Стрейса — астраханские жительницы. У Чапыгина он любит москвичку Ирину, которую спас от смерти, и жену Олену; у Злобина — Марью, чья ненависть превращается в любовь, и жену тоже. У Шукшина он всю жизнь влюблен в жену. Наживин сам не очень-то любит Разина, и его Разин никого не любит, хотя и тоскует какое-то время по пленнице; его жена Мотря — «ловкая баба», у которой «было теперь много и шелков, и бархата, и парчи, и камней самоцветных, и золота, — любой боярыне очень даже просто нос утереть можно было бы, — на окне стоял костяной город Царьград, что муж из Персии прислал, с церквами, и башнями, и домами всякими, в кладовке в скрынях лежали меха дорогие». У Логинова и Слаповского грубый и мерзкий Разин, естественно, не любит никого. У Савельева он любит только народ и с женой Марьей, политически подкованной женщиной, ведет разговоры о политике:

*«— Степан, останься, ради Бога!
Плохое время выбрал ты:
Москва дружит с султаном турецким, —
Не пощадят они тебя.
Корнила силу взял большую,
И казаки за мир стоят;
С тобою ж пьяная голутва...
Надежды мало на нее:
Продаст она тебя за деньги,
И мы погибнем ни за что...
Степан, Степан, что ты задумал?
Зачем противишься Москве?
Сильна она, силен Корнила...»*

Теперь дети. В документах: пасынок Афанасий (чья дальнейшая жизнь сложилась вполне благополучно, хотя и довелось ему побывать в плену). Савельев: «...а на руле 10-летний его сын Тимка». У Наживина — сын Иванко и дочь Параска. Шукшин здесь ближе всех к фактам: есть только пасынок, и отец к нему сильно привязан. В романе Логинова — сын от

татарки. У Злобина — сын и дочка:

«Степан глядел в суровую, сосредоточенную мордочку сына, который, слегка насытившись, отдыхал, выпятив мокрые от молока губы, и словно в задумчивости уставился в осеннюю густую голубизну высокого сентябрьского неба и вдруг снова нетерпеливо и жадно схватил грудь. Алена нежно взглянула на сына, перевела взгляд на мужа и засмеялась.

— Весь в батьку, — сказала она.

— Казак! — ответил довольный Степан, поднимаясь с бревна и опуская в готовую яму лохматые корни молоденькой яблоньки...

Разин совсем не замечал, что во время войны у Алены родилась еще дочка, как будто ее и не было».

Но он не замечал дочку не потому, что плохой человек, а потому, что как раз тогда его гипотетического брата Ивана казнили. У Чапыгина Ирина родила Разину сына Васеньку, который лишь после казни отца узнает, чей он сын; Ирина похитила голову любимого (господи, чего только не приходится читать: гепарды, негры, теперь еще вот это!), и сын беседует с головой:

«— Прости, родитель, что, не знаячи, лаял тебя!

— Так, так, робятко.

— От сей день буду я думать о воле вольной и другим сказывать ее...»

В фольклоре о детях атамана нет ничего такого, что совпадало бы с фактами. Часто упоминается «сынок» Разина, но имеется в виду его эмиссар, разведчик, помощник, порученец; задокументирован факт, что одного из таких парней в Астрахани арестовали, подвергли пыткам и казнили. Вот один из наиболее красивых вариантов самой распространенной песни о «сынке» (записано в конце XIX века):

*Как во городе Страхане
Проявляется детинушка,
Незнамой человек.
Незнамой, незнакомый
И не знаю, чей, откуль.
Поутру рано детинушка,
Ранешенько встает,
На босу ногу сафьян сапог
Натягивает,
Свой матерьевый халат —
Да на могучи на плеча,
Свою черную фуражку —*

На правое на ухо.
Отправляется детинушка
Вдоль по городу гулять.
Вдруг навстречу губернатор
И начал спрашивать его:
«Ты откудава, детинушка,
Незнамой человек,
Ты, незнамой, незнакомой,
И не знаю, чей, откуль?
Ты — не сам ли казак,
Да не казачий ли сынок?»
«Я — со матушки со Волги
Стеньки Разина сынок».
Закричал тут губернатор
Важным голосом своим:
«Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги верные мои!
Вы возьмите, посадите
Во страханскую тюрьму!»

(«Видно, отец его идет выручать», — замечает сказительница.)

Вниз по матушке по Волге
Легка лодочка плывет.
Что во этой легкой лодочке
Сам Степанушка сидит.
Сам Степанушка сидит
Да речи важны говорит:
«Вы не знаете, ребята,
Отчего же грудь болит:
Будто мой-от сын, Ванюша,
Во неволюшке сидит.
Приворачивай, ребята
Ко страханским берегам!
Я страханскую тюрьму
Да по кирпичью разложу,
И страхана-губернатора
В полон себе возьму,

*Его милую жену
За себя замуж возьму»^[73].*

Законных детей у Разина, похоже, все-таки не было, иначе хоть какое-нибудь упоминание о них всплыло бы в документах. Незаконные — может, и были, может, он знал о ком-то из них, может, не знал. А поскольку гипотетической матерью гипотетического ребенка мог быть кто угодно, то и потомком Разина может оказаться кто угодно. Да хоть мы с вами!

Глава шестая

КАГАЛЬНИК

Итак, Боярская дума предложение Разина захватить Азов, Крым, Персию или что-нибудь еще, не желая ввязываться в войны, отклонила. (Разин еще не знал об этом, но, похоже, догадывался.) Приказ Казанского дворца строго выговорил астраханскому начальству. Костомаров:

«В грамоте от имени царя в Астрахани было замечено, что воеводы не поняли смысла милостивой грамоты, посланной для вручения козакам. Там было сказано, чтоб отпустить Козаков с моря на Дон, а не из Астрахани Волгою. «Вы пропустили воровских Козаков мимо города Астрахани и поставили их на Болдинском Устье выше города (писано было теперь в Астрахань); вы их не расспрашивали, не привели к вере, не взяли товаров, принадлежащих шаху и купцу, которые они ограбили на бусе, не учинили разделки с шаховым купцом. Не следовало так отпускать воровских Козаков из Астрахани; и если они еще не пропущены, то вы должны призвать Стеньку Разина с товарищами в приказную избу, выговорить им вины их против великого государя и привести их к вере в церкви по чиновной книге, чтоб вперед им не воровать, а потом раздать их всех по московским стрелецким приказам и велеть беречь, а воли им не давать, но выдавать на содержание, чтоб они были сыты, и до указа великого государя не пускать их ни вверх, ни вниз; все струги их взять на государев деловой двор, всех пленников и награбленные на бусах товары отдать шахову купцу, а если они не захотят воротить их добровольно, то отнять и неволею».

Из этого видно, что правительство давало милостивую грамоту для возвращения на Дон только в том случае, когда Козаков нельзя будет поймать в руки, а в противном случае оно хотя и даровало им жизнь и избавляло от казни, но пресекало им средства к возобновлению своего удальства... Воеводы, получив такое замечание, отговаривались старыми примерами, что подобная козацкая шайка, под начальством Ивашки Кондырева, состоявшая из двухсот человек, также была некогда пропущена и поставлена на Болдинском Устье; что их не отдавали за приставы (под стражу) и не приводили к вере; что теперь воеводы требовали несколько раз от Стеньки возвращения пленников и отдачи награбленного на бусах, но не смели отнять у них насильно, потому что тогда к ним пристали бы многие люди и произошло бы кровопролитие. Воеводы оправдывались еще

тем, что так поступили с совета митрополита Иосифа».

Интересно, конечно, чем же руководствовался митрополит Иосиф. Может быть, Разин и вправду прислал ему ребенка и тысячу рублей? Нет, поверить в это невозможно: такая история не могла бы не выплыть на свет... Однако прислать-то митрополиту кое-что прислали: «ясырь» и «рухледь» оставили на учуге...

Было пока неясно, что собирается делать Разин. Жить в Черкасске он не собирался и войско распускать тоже. К чему-то готовился, хотел спокойно и с пользой перезимовать зиму, набрать людей, узнать обстановку в городках Дона. В документах того времени упоминается, что его столицей стал Кагальницкий городок (Кагальник). Но до сих пор науке неизвестно достоверное местонахождение этого городка; изыскатели сходятся на том, что был он где-то вблизи Раздорской и Константиновской станиц. Острова на речке Кагальник обыскивали экспедиция за экспедицией — ничего не нашли, но все же высказывается предположение, что искомый остров — Жилой или Прорва. Вообще-то село Кагальник существует в Ростовской области (не на острове), но основано оно лишь в XVIII веке, хотя его обитатели, конечно, с удовольствием присваивают себе атаманскую славу.

Где бы ни находился таинственный Кагальник, а, как доносили в Москву лазутчики, обосновались на нем разинцы всерьез: выкопали землянки с трубами и отдушинами наверху, обнесли земляной городок высоким валом в один земляной и два бревенчатых ряда (бревна скрепляли железными скобами), прорубили в стенах бойницы, поставили около двадцати пушек, которые, видимо, не сдали ни в Астрахани, ни в Царицыне. Оружейники ковали оружие — впрочем, по качеству оно не могло сравниться ни с трофейным, ни с тем, что поставляли большие города; пушек делать и вовсе не могли. Есть даже не лишнее резона мнение, что разинцы в конечном счете проиграли из-за отсутствия оружейной промышленности — как южане в американской гражданской войне.

Новые люди пока не прибывали, но старые все остались в Кагальнике. Из сводки 1670 года — донесение посланного шпионом к Разину татарина Юмана Келимбетова:

«Съехал де он [Келимбетов] Стеньку Разина со товарищи на Царицыне и жил с ним с неделю, а с Царицына де ехал он с ним, Стенькою, вместе до Пятиизбского казачья городка. И Стенька де со товарищи из Пятиизбского городка поехал вниз Доном рекою стругами и пришел де в Когольницкой городок и жил там 6 дней. И обыскал он, Стенька, ниже того

городка с версту остров длиною версты с 3, и на том острове зделали земляные избы, и хотели де они, казаки, делать земляной городок. А он де, Юмашка, на том острове жил у него, Стеньки, ден с 6, и при нем де к нему, Стеньке, прибылых людей ис казачьих городков и ниоткуды никто не прихаживали. А ево де, Стенькины, казаки живут все вместе, и никово де он, Стенька, товарищей своих от себя не отпускает, держит их у себя в крепии».

Удержать «товарищей» от побегов домой к семьям было, наверное, непросто; по некоторым данным, Разин давал им краткие отпуска, но каким-то образом добивался их возвращения в Кагальник. То ли авторитет его был уже так велик и его боялись, то ли чем-то уж очень заманчивым он своих казаков соблазнял.

Потом шпион Келимбетов поехал в Черкасск, и там ему по пьянке проболтался казак Иван Волдырь: «Послал де его Стенька Разин к жене и брату своему в Черкасской городок и велел ему жене и брату сказать тайным обычаем, чтоб они приехали к нему, Стеньке, со всем ево пожитком и детьми». (Тут упоминаются «дети» во множественном числе, но неясно, чьи «дети» имеются в виду — только Степана или Степана и Фрола вместе.) Выходит, что запрет жить с семьями на братьев Разиных не распространялся? Но тогда другие казаки должны были страшно возмущаться — куда больше, чем из-за какой-то княжны. Может быть, Разин не пускал их по домам, но разрешал привозить семьи? Это выглядело бы логично. Или его войско было в основном молодым и холостым?

Жил шпион в Черкасске четыре дня, и при нем приезжали из Азова татарские «присыльщики для перемирья», а казаки «миритца с ним не смели, а сказали им. — Приехал де блиско Черкасского городка Стенька Разин со товарищи, и буде де он учинит с азовцы мимо их, казаков, какое дурно, и им де, казаком, впредь ни в чем верить не учнут. А принять де ево, Стеньку со товарищи, в войско или в промысл они, казаки, не смеют, а хотят они, казаки, о том послать великому государю нарочную станицу, что великого государя повеленье и указ об нем, Стеньке Разине со товарищи, будет. А в Черкасском городке атаман Корнило Яковлев (то ли у них с Самарениным только что произошла очередная «рокировка»), то ли был на сей раз дуумвират, то ли уже никто не различал этих двоих — в документах того периода часто упоминаются «войсковые старшины Корнила да Михайло», а Москва пишет, обращаясь то к одному, то к другому. — М. Ч.) и иные старшины и нарочитые казаки его Стенькино воровство не хвалят и к себе его не желают».

Шпион опять поехал к Разину, и тот ему заявил: «Послал де он к

великому государю бить челом товарищей своих 7 человек. И они де к нему, Стеньке, не бывали, и он де, Стенька, опасен великого государя гневу. А как де ево товарищи с государевой милостивой грамотой к нему приедут, и он де Стенька служить великому государю рад с товарищи своими и пойдет на Крым или Азов, или где великого государя повеление будет, и покроет он вину свою великому государю службою своею. А буде де станичники ево с Москвы не будут, и он де, Стенька, чая от великого государя на себя опалы и казни, пошлет в Запороги, и хотят соединитца з запорожскими черкасы вместе». Это была весьма серьезная в тот период угроза. Надо полагать, Разину было понятно, что Келимбетов передаст ее куда следует.

С. М. Соловьев писал о разницах: «Им все равно, идти ли громить «басурманские» берега и гулять по Каспию или подстрекать низшие слои населения бунтовать против высших внутри России»; то и другое делалось, по мнению историка, лишь с целью грабежа; будущий мятеж — случайность, возникшая из-за того, что казаков не пускали обратно в Персию. «Лишенная таким образом надежды гулять по Каспийскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства...» Очень вероятно, что для подавляющего большинства рядовых казаков так и было. Но не для верхушки и уж во всяком случае не для Разина, который завязал отношения с украинскими гетманами еще задолго до похода на Каспий. Да и кто мог помешать разницам идти к берегам Персии снова? В общем-то никто, и, возможно, многие казаки именно этого и хотели — от первой-то экспедиции те, кто ее финансировал, наверняка получили долю.

Ситуация на Украине была сложная и неприятная ни царю, ни Разину. Дорошенко, после того как уничтожил своего конкурента Брюховецкого (человека относительно порядочного, чего нельзя сказать о самом Дорошенко, хотя положение у него, конечно, было трудное), в декабре 1668 года начал переговоры с Алексеем Михайловичем о переходе Заднепровья под власть России, требуя, однако, очень широкой автономии; при этом он подвергся жестокой опале за «измену» со стороны Речи Посполитой и обрел нового конкурента — запорожского кошевого гетмана Петра Суховиенка, бывшего писаря, который составил с крымским ханом проект договора о переходе всей Украины в подчинение Крыма.

В марте 1669 года Дорошенко, находясь в отчаянном положении, созвал Раду, на которой правобережное казачество решило уйти в подданство турецкого султана Мехмеда IV. Условия союза были во много раз выгоднее, чем те, что предлагала Москва. В обмен на военную помощь Османская империя предоставляла Правобережной Украине полную

автономию, свободу от налогов и право голоса во внешней политике — это то самое, чего Разин хотел от Персии, и даже гораздо более. (Вот только казаки были не в большом восторге от подчинения туркам.) Суховиенко с татарами напал на Дорошенко, тот пожаловался султану, султан приказал крымцам — своим вассалам — прекратить помощь Суховиенко, место которого вскоре занял уманский полковник Ханенко — ставленник Польши.

Несмотря на поддержку султана, дела у Дорошенко шли неважно. С точки зрения как Речи Посполитой, так и Москвы он являлся самозванным гетманом, марионеткой Турции и прав ни на какую часть Украины не имел. В том же марте 1669 года на Раде в городе Глухове гетманом Левобережной Украины был избран войсковой есаул Демьян Многогрешный, лидер промосковской партии, но себе на уме; воспользовавшись сложным внутривосточным положением России, он заключил с царем договор, существенно ограничивавший возможность влияния Москвы на внутренние дела Запорожья, и считал, что отстаивает независимость Украины. В этих условиях Разин не мог рассчитывать на массированную военную поддержку запорожцев. Многогрешный отказался даже обсуждать с посланцем Разина возможность совместного похода на Москву.

Что касается Запорожья, поддержкой которого ранее пользовался Дорошенко, оно раскололось на два лагеря: одна его часть отказалась признавать Дорошенко своим гетманом, другая — во главе со знаменитым кошевым атаманом Иваном Сирко (Серко) — поддержала. Сирко был непобедим в военном отношении; его так же, как Разина, считали колдуном и чародеем. Но в политике он был даже не то чтобы беспринципный, а скорее бестолковый человек и постоянно менял свои пристрастия: то был на стороне московского царя, то на стороне польского короля, то поддерживал Дорошенко, то становился на сторону его врагов, Суховия и Ханенко, то выступал против последних двух и снова защищал Дорошенко, то помогал русскому царю против турецкого султана и крымского хана, то шел против царя заодно с султаном и крымским ханом. Пока что Дорошенко и Сирко своих соперников разбили, но был еще могущественный Многогрешный, друг Москвы. В такой запутанной ситуации украинские казаки не могли и не хотели всей своей силой идти на помощь Разину — «уж лучше вы к нам».

Разин, надо думать, колебался, и «война против бояр» никак не могла быть у него в приоритетах. Либо война на стороне царя против Крыма (на Османскую империю, конечно, никто помыслить замахнуться не мог), либо на стороне Дорошенко и Османской империи против царя. Что

предпочтительнее? Военной славой он мог покрыть себя в любом случае, но среди многочисленных украинских гетманов и атаманов вряд ли мог стать первым и даже равным. «Может, лучше все-таки вы к нам?» И многие украинские казаки стали приезжать с отрядами, как было еще до персидского похода; не исключено, что «черкас» к какому-то моменту в войске стало едва ли не больше, чем донцов. Осенью 1669 года прибыл с отрядом Леско Черкашенин (он уезжал на некоторое время к себе «в украины»).

Странно: шпионы один за другим доносили, что при них из донских городков и откуда бы то ни было к Разину «ниоткуда никто не прихаживали» — а меж тем к ноябрю войско увеличилось с 1500 до 2700 человек. Этим сведениям можно верить, так как они исходили от разведчика, посланного Унковским, а у Унковского, как мы уже отмечали, разведка была поставлена хорошо. Ему рассказывали (из сводки 1670 года) царицынцы, которые слышали от знакомых донцов, что Степан и Фрол Разины живут в Кагальнике со своими семьями и Разин «казаков де своих, которых тутошних прежних жильцов, отпускает в казачьи городки для свиданья родителей своих на срочные дни за крепкими поруками». Какими же такими «поруками»? Денежными залогами, что ли? Или угрозами наказания для поручителей? И опять непонятно про жен казаков: если отпускали для свидания с «родителями», то жены все-таки были с казаками вместе? Не могло же в отряде Разина не быть ни одного женатого...

«А из Запорожских де городов, — продолжал осведомитель Унковского, — черкасы многия и из донских городов казаки, которые голутвенные люди, к нему, Стеньке с товарищи, идут безпрестанно и он де, Стенька, их ссужает и уговаривает всячески. А всех казаков ныне у него 2700 человек, и буде больши, и приказывал он казаком безпрестанно, чтоб они были готовы. И говорят казаки, что на весну однолично (не единолично, а однозначно. — М. Ч.) Стенька пойдет на воровство, и они де, хоперские и донские казаки, с ним пойдут многие. А которые де сторожилые домовные казаки, и те де о том гораздо тужат». Неизвестно, начал ли Разин в тот период рассылать по стране свои знаменитые «прелесные письма». Похоже, что нет — тогда бы к нему шли больше. Пока он ограничивался своими и запорожскими казаками. Мы полагаем, что он и надеялся ограничиться ими, прибавив к ним беглых стрельцов. Безоружный «народ» ему не был полезен.

Шла тихая жизнь: казаки наняли работников рубить лес и пасти овец и птицу, чинили струги, заготавливали рыбу, торговали со всеми близлежащими городками. Войсковая касса была полна денег, вырученных

от продажи персидских товаров и выкупа за пленников. К финансам Разин всегда относился серьезно, и никакому «дувану» они, в отличие от тряпок, не подлежали. Он, кажется, тоже понимал, что без оружейной промышленности в большой войне — с кем бы то ни было — делать нечего, и скупал по городам оружие, нанял задорого тульских и даже московских мастеров. Расположение острова Кагальника было, по-видимому, так удобно, что отрезало Черкасск от прочего мира; купцов, плывших в Черкасск и другие верховые городки, разинские дозоры вынуждали приставать к своему острову и торговать там. Расплачивались с купцами щедро и были приветливы — в другой раз купцы уже сами шли в Кагальник. Прослышав об этом, часть купцов и разного рода специалистов из Черкаска ушла в Кагальник, раскинув за валом слободы и торги: стал почти настоящий город. Хлеба у Разина в ту зиму было больше, чем в Черкасске. Дьяки и подьячие всё записывали и учитывали; создалась и Приказная изба, как же без нее. (О, как хотелось бы увидеть хоть кусочек разинской бюрократии!)

Тихость казаков мало кого обманывала. Неугомонный Унковский (из сводки) доносил, что 5 октября «сказывал ему, Ондрею, тонбовец сын боярской Макар Чекунов. — Был де он на Дону у Пяти Изб, и донские де казаки Стеньке Разину со товарищи, что они пришли на Дон, рады и называют де ево, Стеньку, отцом. И изо всех донских и хоперских городков казаки, которые голутвенные люди, и с Волги гулящие люди идут к нему, Стеньке, многие. И многие же де донские ж казаки, ссужая воровских казаков, голутвенных людей, ружьем и платьем, как они пошли з Дону на Волгу с Стенькою Разиным, отпускали для добычь исполу, и при нем де, Макаре, те донские казаки с теми посыльщики своими добычь их делили». Так что «домовитые» не только не имели ничего против разинцев, как лицемерно сообщали шпионам и отписывались царю, но и вновь финансировали экспедицию, рассчитывая на прибыль. «Да сказывали ему, Макару, знакомцы, что на весну от казаков без воровства конечно не будет. Потому что на Дону стало гораздо много, а кормитца им нечем, никаких добычь не стало. И он, Ондрей, живет с великим опасеньем... И приказывает Стенька своим козакам беспрестанно, чтоб они были готовы, а какая у него мысль, про то и козаки не много сведают, и ни которыми мерами у них, воровских Козаков, мысли доведаться немочно».

Что за люди все-таки приходили к Разину? Если опираться на донесения, то это «голутвенные, которые из донских и хоперских казаков»; «черкасы», они же «запороги»; «гулящие люди с Волги» — то есть разные беглые отчаянные люди, что-то среднее между бандитами и люмпенами. О

крестьянах пока и речи нет. Советским писателям, конечно, хотелось, чтобы войско народного героя пополняли крестьяне. Шукшинский Разин крестьян не особо жаловал (в этом, по мнению Шукшина, заключалась главная ошибка атамана) и предпочитал, что естественно, людей воинских:

«— Подходят людишки? — Степан — и спросил это, и не спросил — сказал, чтоб взвеселить лишний раз себя и других.

— За четыре дня полтора человека. Но — голь несусветная. Прокормим ли всех? Может, поумериться до весны...

— Казаки есть сегодня? — Степан ревниво следил, сколько подходит казаков, своих, с Дона, и с Сечи.

— Мало. Больше с Руси. Если так пойдут, то... Прокормить же всех надо. — Так повелось, что Федор Сукнин ведал кормежкой войска, и у него об своем и болела душа.

— Всех одевать, оружать, поить и кормить. За караулом смотреть. Прокормим, всех прокормим. Делайте, как велю».

У Злобина, напротив, приходящее крестьянство Разину очень нравилось и он за него заступался перед есаулами:

«— Ты послушь-ко, Степан Тимофеич, чего донские толкуют, — не богатеи, спаси бог, батька, золотко, — голытьба верховая: «Либо мы казаки со Степаном, а либо — московские беглецы. Он праведный атаман, он хочет по всей земле устроить казацкое царство, да мужиков к нему сошлось много, а мужики тебя так повернут, что и сам, прости боже, за соху возьмешься!» И как теперь быть, Тимофеич?!

— Старшинская брехня! — резко сказал Степан. — Рознь между нами посеять хотят и страшат казаков сохою. А я доподлинно знаю, что сам Корнила пашет в степи да сеет. Только степь-то просторна, ты как его уследишь! А старшина такую брехней хочет поднять на нас казаков. Скажут, что мы тут за пашню стоим, сохи-бороны к пашне ладим...»

Костомаров — напомним, считающий Разина чудовищем — о том периоде:

«Он был для всех щедр и приветлив, разделял с пришельцами свою добычу, оделял бедных и голодных, которые, не зная куда деться, искали у него и приюта, и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодеем, верили в его ум, в его силу, в его счастье. Старый домовитый козак, если ему удавалось обогатиться, старался зажить хорошенько, не заботился о голи, становился высокомерен с нею. Стенька был не таков: не отличался он от прочих братьев Козаков ни пышностью, ни роскошью; жил он, как все другие, в земляной избе; одевался хотя богато, но не лучше других; все, что собрал в Персидской земле, раздавал неимущим».

А. Н. Сахаров: «Степан поселился на острове в одной из землянок, весь свой дуван роздал бедным людям в Кагальнике и Паншине, снял с себя дорогую одежду, в которой щеголял в Астрахани и Царицыне».

Шукшин, думается, тут ближе к истине:

«Землянка Разина повыше других, пошире... Внутри стены увешаны персидскими коврами, на полу тоже ковры. По стенам — оружие: сабли, пистолы, ножи. Большой стол, скамьи вдоль стен, широкая кровать, печь. Свет падает сверху через отдушины и в узкие оконца, забранные слюдяными решетками. У хозяина гости. У хозяина пир. За хозяйку Матрена Говоруха, тетка Степана по матери, его крестная мать.

— Как там, в Черкасском, Матрена Ивановна? — поинтересовался Федор Сукнин. — Ждут нас аль нет? Чего Корней, кум твой, подумывает?

— Корней, он чего?.. Он притих. Его не враз поймешь: посапливает да на ус мотает.

— Хитришь и ты, Ивановна. Он, знамо, хитер, да не на тебя. Ты-то все знаешь. Али от нас таисся?

Повернулись к Матрене, ждали... Стало вовсе тихо. Конечно, охота знать, как думают и как говорят в Черкасском войсковой атаман и старшина. Может, старуха чего и знает...

— Не таюсь, чего мне от вас таиться. Корней вам теперь не друг и не товарищ: вы царя нагневили, а он с им ругаться не будет. Он ждет, чего вам выйдет за Волгу да за Яик... За все. А то вы Корнея не знаете! Он за это время не изменился.

Степан слушал умную старуху, понимал, что она говорит правду: с Корнеем их еще столкнет злая судьба, и, наверное, скоро.

— Ну а как нам худо будет, неуж на нас поперет? — пытал Федор, большой любитель поговорить со стариками.

— Поперет, — ясно сказала прямая старуха».

(Приезжала Матрена или нет — неизвестно, но, как покажет будущее, старуха была боевая.)

Логинов: «Атаман зиму безвыездно провел в Кагальнике. Отсюда писал грамоты гетману Дорошенке и запорожскому полковнику Ивану Серко, звал вместе постоять за дело казацкое. Здесь сбивал в гурты людей, готовя их к новому походу. А чаще просто пил, не пьянея, а лишь наливаясь тяжелой оловянной злобой». Непонятно, с чего бы он в этот период сильно пил, да еще со злобы: во время больших приготовлений администраторам обычно не до пьянства и они превращаются в трудоголиков. Хорошо, конечно, беллетристам в сравнении с историками — все пытаются за Разина вести идеологические и философские разговоры, хотят угадать, чего

он хотел той спокойно-деловитой зимой 1669/70 года... Логинов:

«— Ты скажи, — допытывался Разин, ударяя в плахи стола опустевшей чаркой, — для чего ты на свете живешь? Все вы для чего живете? А?..

— Родился, вот и живу.

— Вот то-то и оно, не знаешь... — Разин наполнил чарку из пузатой бутылки, плеснул и Семену (Семен — это умный мужик из приставших к Разину: все писатели придумывали Разину такого мужика. — М. Ё.), выпил одним глотком, словно воду, не морщась и не закусывая. Нагнулся через стол, приблизив безумные глаза к лицу Семена, произнес, дыхнув водкой и имбирем: — А вы и не живете вовсе. Вы, как овощ на грядке, прозябаете. А придет время, вас из земли повыдергают и в щи покрошат.

— Все мы трава в вертограде господнем, — уклончиво произнес Семен.

— Трава — да разная! Один мирно растет, а другой — что репейный куст расширился, всех округ себя глушит, чужой кусок заедает. А я средь вас — один огородник. Дай срок, я дурную траву повыполю! Князей, бояр, приказных, помещиков, попов — всех изведу! По всей России казацкий порядок начнется!

— Если все казаками станут, кто хлеб будет растить? — не сдержался Семен.

— Не бойсь, найдутся пахари! Вспомни-ка, даже в Персии кой-кто в земле рылся. Никак, и ты тоже.

— Это от безделья, руки занять.

— То-то и оно: от скуки на все руки. Трудящий себе дело найдет, а захребетников я к ногтю прижму. На земле — один царь, на небе — один бог, и все, посредников им не надо».

У Шукшина разинский антагонист Минаев (уже прощенный за историю с княжной) все пытается образумить атамана:

«— Ты же умный, Степан, как ты башкой своей не можешь понять: не одолеть тебе целый народ, Русь...

— Народ со мной пойдет: не сладко ему на Руси-то.

— Да не пойдет он с тобой! — Фрол искренне взволновался. — Дура ты сырая!.. Ты оглянись — кто за тобой идет-то! Рванина — пограбить да погулять, и вся радость. Куда ты с имя? Под Танбовом завязнешь... Худо-бедно им с царем да с помещником — все же они на земле там сидят... Ты им — непонятно кто, атаман, а там — царь. Они с материнным молоком всосали: царя надо слушаться. Кто им, когда это им говорили, что надо слушаться — атамана? Это казаки про то знают, а мужик, он знает — царя.

<...>

— Я других с собой подбиваю — вольных людей. Ты думаешь, их нету на Руси, а я думаю — есть. Вот тут наша с тобой развилка. <...> А мне, если ты меня спросишь, всего на свете воля дороже. — Степан прямо посмотрел в глаза Фролу. — Веришь, нет: мне за людей совестно, что они измывательство над собой терпят. То жалко их, а то — прямо избил бы всех в кровь, дураков». Идейный разговор состоялся и с Яковлевым, к которому Разин ездил в Черкасск, — и аргументация войскового атамана весьма убедительна:

«— Ты знаешь, на што ты идешь?

— Знаю.

— Знаешь. Не маленький. Только не знаешь ты, что сгубишь все наши вольности донские... Не тобой тоже они добывались, не твоими голодранцами. Ты же, в угоду этим голодранцам, все прахомпустишь, за что отцы наши, и твой отец, головы свои клали. Подумай сперва. Крепко подумай! Бежит с Руси мужик — ему хоть есть куда бежать, на Дон. Еслив он не душегубец прирожденный, не пропойца, мы завсегда его приветим, ты знаешь. Ты же сделаешь так, что мужику некуда будет голову приклонить. Лишат нас вольностей...

— То-то, я гляжу, приветили вы тут голодранцев-то! То-то приветили, приласкали — рожи воротите. На отцов наших не кивай — не тебе равняться с ими. Они-то как раз привечали. А вы — прихвостни царские стали. Мужика у тебя скоро из-под носа брать будут, вертать помещнику... Ты не увидишь. Ты пальцем не пошевелишь. А то и сам свяжешь да отвезешь».

Лучше всего, пожалуй, вышло у Евграфа Савельева: обычно склонный к романтизации, тут он неожиданно трезв:

«Старец. (*Обратившись.*) Как любишь ты народ! Любить его — святое дело.

Разин. (*Задумчиво.*) Люблю-ль его? Да, я люблю... И в то же время презираю... За раболепство перед ним, тираном, деспотом московским!

Старец. (*Строго.*)

Молчи, молчи, не презирай, —

Забит он, загнан и унижен.

Века, для выгоды ханжей,

Во тьме кромешной он коснеет.

Разин.

Народ я знаю хорошо, —

Давно к нему я пригляделся:

Где сила есть, успех, подачки,
Подарки, деньги, обещанья,
Туда он прется, как шальной»...

Что касается Фрола Минаева — он только теперь выходит на сцену (правда, некоторые изыскатели считают, что он мог участвовать в персидском походе): когда в ноябре до Черкаска дошел слух, будто Разин намеревается напасть на промосковскую партию, Яковлев сообщил об этом в Москву, а Минаева отправил к Разину, причем встретил его мятежный атаман не очень-то вежливо: «...всякие поносные слова говорил, и хотел его посадить в воду, и отпустил к Войску в Черкасский городок».

14 декабря атаман Иван Аверкиев докладывал в Посольском приказе (Крестьянская война. Т. 1. Док. 103):

«А как де они были на Дону в Черкасском городке, и до их поезду за неделю пришел с Царицына Стенька Разин на Дон в городок Кагальник, а с ним казаков с полторы тысячи человек. И сказывают, что ему в том городке зимовать, а тот де городок от Черкаского казачья городка 2 дни ходу, а от Воронежа далече. А которые торговые люди в судех с товары и всякими запасы ехали с верховых городов на Дон, и он их с теми запасы на Дон не пропустил, а держит у себя, чтоб тот торг для всякой живности у него был. Да и зимовых де казаков, которые поехали було к ним на Дон зимовать, он, Стенька, не пропустил, а сказал — буде де какие азовские люди на войско пойдут, и он де к войску на помощь и сам пойдет. А ссылки де у него, Стеньки, с войсковым атаманом и с войском ни об чем не бывало. А слух де от казаков, которые при Стеньке Разине, носитца, что он, Стенька, на войсковых атаманов, на Михайла Самаренина и на Корнила Яковлева и на иных, которые в войску постарее, похваляетца, чтоб их извести, за то: для чего они на море его не отпускали и от того ево унимали... А стоит де он, Стенька, в городку Кагальнику смирно, задоров от него ни с кем нет, и казаков от себя в верховые города не посылает...»

В том же документе — показания московского кречетника (было такое сословие, очень привилегированное — ловцы охотничьих птиц) Данилы Григорова: «И такой де у них (в Черкаске. — М. Ч.) слух есть, что он хочет их, атаманов и казаков лутчих людей побить, а сам, собрався, иттить в Запороги рекой Донцом...»

В ответ Посольский приказ 23 декабря 1669 года направил Войску наказную память (Крестьянская война. Т. 1. Док. 104): «А хочет де он, Стенька, идти в Запороги, а над вами, старшинами, учинить всякое дурно...» (как будто в Посольском приказе это не от самих же казаков

узнали) и надо бы «над тем вором Стенькою Разиным со товарищи за ево многие грубости и к великому государю за ево непослышание учинити промысл». У Злобина атаманы уже тогда хотели захватить Разина:

«Если заранее отогнать гольтьбу, скопившуюся в Зимовейской станице, да выслать войсковую засаду, то можно легко схватить Разина дома и тут же, не мешкав, отправить его не в Черкасск, а сразу в Москву. Самаренин и Семенов заспорили: со Стенькой самим казакам не справиться, надо просить государя прислать на Стеньку стрельцов. Другие не соглашались, говорили, что нужно собрать в Черкасск казаков из верховых станиц, словно бы по вестям с Азовского или с Крымского рубежа, будто турки или ногайцы хотят напасть на Черкасск, и с теми казаками пойти на Разина в Зимовейскую станицу, чтобы разбить его своими силами».

Но ничего из их коварных планов не вышло, и не только потому, что никакой Зимовейской станицы не существовало, а потому, что многие их товарищи — если не они сами — исподтишка занимались инвестициями в будущий разинский поход.

Предположительно к этому периоду мог относиться упоминаемый в ряде документов эпизод: Разин не дал черкасскому попу денег на строительство церкви. Шукшин:

«— Дай на храмы.

— Шиш! — резко сказал Степан. — Кто Москве на казаков наушничает?! Кто перед боярами стелится?! Вы, кабаны жирные! Вы рожи наедаете на царевых подачках! Сгинь с глаз, жеребец! Лучше свиньям бросить, чем вам отдать! Первые доносить на меня поползете... Небось уж послали, змеи склизкие. Знаю вас, попов... У царя просите. А то — на меня же ему жалитесь и у меня же на храмы просите. Прочь с глаз долой!

Поп не ждал такого.

— Охальник! Курвин сын! Я по-христиански к тебе...

— Лизоблюд царский, у меня вспоможенья просишь, а выйди неудача у нас — первый проклинать кинешься. Тоже по-христиански?

Вперед вышел пожилой казак из домовитых:

— Степан... вот я не поп, а тоже прошу: помоги церкви воз-весть. Как же православным без их?

— А для чего церкви? Венчать, что ли? Да не все ли равно: пусть станут парой возле ракитова куста, попляшут — вот и повенчались. Я так венчался, а живу же — громом не убило».

Венчание у куста тоже постоянно упоминается применительно к Разину. Анонимное «Сообщение...»: «Вот пример великолепной

церемонии, установленной Стенькой, сим казацким папой. Вместо обычного свадебного обряда, совершавшегося в России священником, заставлял он венчающихся, приплясывая, обойти несколько раз вокруг дерева, после чего считались они обвенчанными на Стенькин лад».

Такой обряд у казаков и вообще у славян действительно существовал, и долго. Королев: «В отличие от России, на Дону бракосочетание не по церковному уставу, а в кругу долго являлось общепринятым; похоже, случались и венчания вокруг дерева или, по крайней мере, казаки помнили о них. Обряд же бракосочетания по уставу стал заметен только со второй половины XVII в. и превратился во всеобщий лишь в первой половине следующего столетия (бракосочетание в кругу бытовало в некоторых станицах даже в первой половине XIX в.)». Зачастую церковное венчание сочеталось с «круговым». Многие беллетристы, как мы уже отмечали, додумали, что и сам Разин с женой венчался не в церкви. Но вообще-то довольно странно предполагать, чтобы Разин, чья паства была преимущественно православная, всерьез пытался бы ввести старый обычай — скорее всего просто сказал в раздражении. Денег на церковь он, конечно, давать не хотел: они нужны были на другое. «Сообщение...»: «И еще выкрикивал он разные богохульные слова против спасителя». Все это написано уже после того, как стали доступны официальные документы, в которых венчание у вербы ставится в один ряд с убийствами. Источников «снизу» о том, что Разин в Кагальнике требовал кого-то как-то венчать, не существует.

У Шукшина именно тогда Разину приходит в голову использовать опального Никона:

«Степан вперился в попа:

— Сгинь с глаз, сказал! А то счас у меня хлебнешь водицы!.. Захребетник вонючий. По-христиански он... Ну-ка, скажи мне по-христиански: за что Никона на Москве свалили? Не за то ли, что хотел укорот навести боярству? А?» (Никакого укорта боярству Никон навести не хотел — впрочем, и шукшинский Разин об этом наверняка знает, просто использует козырную карту. — М. Ч.) <...>

— Прибери трех казаков побашковитей — пошлем к Никону, патриарху. Он в Ферапонтовом монастыре сидит: их с царем мир не берет. Не качнется ли в нашу сторону... Будет с нами, к нам народишко легче пойдет. А ему, думаю, где-нибудь тоже заручка нужна. Может, качнется — он злой на царя. Пускай скажут: мы его истинно за патриарха чтить будем».

Нет сведений, что в описываемый период разинцы ходили к Никону — это было намного раньше; впрочем, нельзя исключить, что Разин и вновь

отправил в монастырь послов. Он, кажется, от мыслей о Никоне не отказывался до самой смерти.

Тем временем станица во главе с Л. Тимофеевым и М. Ерославлевым, отправленная разнищами в Москву, провела переговоры; царь в воинском походе отказал, но в остальном был с послами довольно мил. Конфликт с Разиным считали, очевидно, улаженным, так как 10 сентября 1669 года вышел царский указ передислоцировать из Астрахани четыре полка московских стрельцов обратно. Разинской же станице было велено возвращаться туда, откуда она прибыла, — в Астрахань. Казаки из Москвы выехали 21 сентября, но в Астрахань не пошли, узнав, что Разина там уже нет, и, силой отбившись от данных им провожатых, направились обходными путями в Кагальник. Теперь, когда они вернулись, Разину стало окончательно ясно, что с Москвой он каши не сварит и новым Ермаком (если и была у него такая идея) не станет. Вся надежда теперь была на украинцев, переписку с которыми он никогда не прекращал. То, что воевать придется под эгидой Османской империи, его, видимо, ничуть не смущало. Шукшин:

«— Ишо пошлем в Запороги — к Ивану Серику. Туда с письмом надо, пускай на кругу вычтут, всем.

— Тада уж и к Петру Дорошенке...

— К Дорошенке? Подумать надо... Хитрый он, крутится, как уж на огне... Посмотрим, у меня на его надежи нет. Если надо свою выгоду справить — справит, не задумается. Серко, тот надежный...»

Атаман запорожцев Иван Сирко, как мы уже отмечали, был совсем ненадежный: свои политические взгляды менял как перчатки. Из Кагальника Разин послал большую станицу к Сирко, другую к Дорошенко, принимали донцов знатно, но толкового ответа не дали. Почему? Во-первых, как уже много раз говорилось, они там все насмерть грызлись меж собой. Во-вторых, держава «от Буга до Яика» им, возможно, вовсе не была нужна и они бы вполне удовольствовались автономной украинской казачьей республикой в ее тогдашних границах. Могли подозревать Разина в двойной игре. Могли опасаться его авторитета, ревновать. Всё могло быть. Люди от них приходившие продолжали, толковые, отлично экипированные, но — в частном порядке.

Что же делать? Наживин: «Отведавши богатства, славы, власти, он не мог уже сидеть спокойно в каком-то там поганом и смешном Кагальнике». Злобин продолжает гнуть свое: надо сперва расправиться с промосковской партией в Черкасске, самому стать атаманом Войска Донского и уже с этого начинать большую политическую карьеру. Но как бы разумно это ни

выглядело, Разин на такой шаг не отваживался. У Шукшина тут все просто: «Степан поднялся на бугре. Помолчал... Оглядел всех.

— Дума моя: пора нам повидаться с бояры! — сказал он крепко и просто. Помолчал, оглядел всех и еще сказал: — А?

— Любо!! — ухнул круг. Ждали этого.

— Постоять бы нам теперь всем и изменников на Руси повывести, и черным людям дать волю!»

Но пока нет подтверждений, что он о таком думал. А слухи распространялись самые разные: то ли он идет Азов завоевывать, то ли волжские города грабить, то ли вообще на Москву двинется. Мог ли он рассчитывать создать собственное государство без помощи Украины? А бывали ли вообще в истории подобные случаи? Учредить на какой-то отдельной территории республику путем приведшего к успеху мятежа?

Самый классический пример нам дают голландцы. Революция 1566–1609 годов сочетала национально-освободительную войну против Испании с антифеодальной борьбой внутри страны, в результате чего на севере (территория современных Нидерландов) образовалась первая в Европе республика. Как это было: в 1566 году по стране прокатилось народное восстание против католической церкви и, в частности, инквизиции и было полностью подавлено лишь через 14 лет. Но уже через два года повстанцы (дворяне, горожане, военные) неожиданно захватили слабо защищенный город Брилле на севере и обрели свою мятежную столицу, после чего население восстало снова. В конце концов лишь часть провинций (территория нынешней Бельгии) осталась под властью испанцев. Правда, признали республику европейские государства еще в 1648 году. Но у голландцев «рулил» граф Вильгельм I Оранский, влиятельный человек, объединивший под своими знаменами и знать, и простонародье. (Нидерланды замечательны тем, что больше никогда у них ни революций, ни контрреволюций не было, а в конце концов они взяли да и посадили себе короля — для красоты.) В Англии незадолго до разинщины победил мятежный Кромвель, у которого сперва было всего 60 человек, — в общем-то простой сквайр, которого можно было бы приравнять к зажиточному казаку, если бы он не был членом парламента; впрочем, после смерти Кромвеля монархия вернулась на круги своя: время для революции в Англии еще не пришло. Да и сам Кромвель — при формальной республике — был жестоким диктатором.

Задолго до этого, в 1381 году, в той же Англии чуть не победило крестьянское восстание Уота Тайлера. В Норвегии еще в 1184 году самозванец Сверрив Сигурдссон во главе восставших крестьян сверг

короля — и сам стал королем. В Китае крестьянам несколько раз удавалось взять власть: в 1368 году крестьянский вождь Чжу Юаньчжан стал императором и основал новую династию Мин. В середине XIX века восстание крестьян-тайпинов во главе с Хун Сюцюанем завершилось созданием «Небесного государства благоденствия» с центром в Нанкине. (Это тоже не республика — Сюцюань стал монархом.)

В Афганистане уже в XX веке крестьянское восстание во главе с Бачаи Сакао завершилось провозглашением его падишахом. В Украине в XVII столетии крестьяне и казаки стали главной силой освободительного восстания Богдана Хмельницкого против Польши — правда, он тут же лег под Москву. В России в феврале 1917 года восставшие провозгласили республику, формально она сохранилась и после октябрьского переворота. Немало примеров, вот только редко это заканчивалось чем-либо хорошим и еще реже приводило к созданию настоящей республики — лишь в Голландии сошлось то и другое. В. М. Соловьев тоже приводит некоторые из этих примеров и задается вопросом: что могло бы быть в случае победы Разина? — но, по его мнению, ответить мешает «отсутствие четких определенных целей и установок борьбы у повстанцев и вообще крайняя противоречивость их целей». Но на самом деле вполне достаточно, чтобы цель была у руководства.

Соловьев: «Какие-то конкретные справедливые цели, добрые порывы, благородные мотивы, благие намерения и т. п. очень быстро вымывались и отодвигались на третий-четвертый план, уступая место грабежу, насилию, террору, пьяной гульбе и богохульству. Ни Робин Гуд, ни Гильом Каль не жгли и не крушили без всякой нужды и без всякого разбора все «дворянское», не проливали кровь ради куража, не измывались над людьми на забаву себе и озверевшей черни... Собственно, и сами-то бунты — какая-то патология, что-то из ряда вон, нечто устрашающе сумасшедшее, оголтелое, вурдалакское, оцепеняющее сердце и леденящее кровь». (Гильом Каль, один из руководителей Жакерии, крестьянского восстания во Франции в 1358 году, на самом деле пролил куда больше крови, чем Разин, и призывал уничтожить дворян во всем мире, а уж мифический Робин Гуд тут абсолютно ни при чем.) Так что же думает автор? Мог Разин без украинской поддержки победить Москву и основать по всей Руси казачью республику? Нет, думаю, не мог, и с поддержкой бы не смог. А вот, не покушаясь на Москву, основать независимое от нее государство, думаю, с поддержкой «черкас» вполне мог бы. Как и «черкасы» с его поддержкой. Но две эти силы тянули в разные стороны.

Наступил 1670 год; Посольский приказ спрашивал у Самаренина, как доставить на Дон царское жалованье и хлеб, чтобы Разин его не перехватил; не получил ответа. Из приказа Казанского дворца писали воронежскому воеводе Василию Уварову, чтобы задерживал воронежцев, бегущих в Кагальник. В царской же грамоте Донскому войску (Крестьянская война. Т. 1. Док. 107) писалось: «Когда такие воровские ссоры на Дону престанут и казаки в послушании будут, то по нашему указу из Воронежа все запасы вам без задержки будут отпущены». То есть присылка жалованья и запасов ставилась в прямую зависимость от того, управятся ли дуумвиры Самаренин и Яковлев с Разиным. Разделяй и властвуй. Это Разин должен был понимать, и с этого момента ему действительно прежде всего надо было разобраться со своими казаками. Людей у него к весне набралось порядка четырех-пяти тысяч человек. Вооружения масса, хотя и мало артиллерии. Деньги есть. Струги чинены. (Неизвестно насчет лошадей: было ли их хоть сколько-нибудь в Кагальнике.)

В начале марта правительство наконец отправило на Дон спецпосланника Герасима Евдокимова в сопровождении четырех казаков — с царской грамотой, но без жалованья. В грамоте содержались обычная благодарность за работу и обещание скоро выслать деньги, в наказе же послу (Крестьянская война. Т. 1. Док. 104) было велено «проведати всякими мерами, где Разин и с ним ли атаманы и казаки с Михаилом Самарениным с товарищи в совете ли или не в совете и ссылка между ними есть ли?.. И им бы, атаману Михаилу и всей старшине, видя к себе великого государя милость и жалованье, ему, великому государю, послужити, над тем вором Стенькою Разиным с товарищи за ево многие грубости и к великому государю за ево непослушание учинить промысл... А великий государь, его царское величество, их, атаманов и казаков, за тое их верную службу и раденье пожалует своим государским милостивым жалованьем».

Посланник прибыл в казачью столицу 10 апреля. Самаренина не было — он уехал в Москву, его замещал Яковлев. Как стало известно из донесения в Посольский приказ валуйского воеводы Гаврилы Пасынкова (Крестьянская война. Т. 1. Док. 112), сославшегося на валуйского станичного голову Карпа Богуславского (одного из сопровождавших Евдокимова), все поначалу было нормально, Яковлев собрал круг, зачитали грамоту, обещали отправить с Евдокимовым станицу в Москву. На следующий день в Черкасск явился Разин с несколькими десятками казаков и 12 апреля на круге, где предполагалось сформировать казацкое

посольство в Москву, высказал ряд соображений о том, что Евдокимов — не посол, а шпион, и все было сделано не по установленному порядку. И посольство из Москвы прибыло в неурочное время. И маршрут Евдокимова был странен: почему-то не проехал Воронеж, как всегда делалось. Наконец, по приезде он сам явился на круг, хотя обычно царские послы требовали, чтобы казаки пришли туда, где они остановились. На самом деле все это была чепуха, не стоящая выеденного яйца, а суть дела заключалась в том, что Разин догадался — или ему донесли, — что Евдокимов передал старшине требование учинить над мятежным атаманом «промысл». Лучшая защита — нападение; лучший прием — назвать царского посланника боярским (бояр никто не любил).

Из донесения Пасынкова: «И Стенька в де тот круг со своими казаки вошел же и учал в кругу говорить, что они отпускают з жильцом з Гарасимом к великому государю станицу. И ево де, Гарасима, позвал он, Стенька, в круг, и того ж часу ево, Гарасима, казаки в круг взяли. И Стенька де Разин ево, Гарасима, спрашивал, а говорил: от кого он поехал, от великого государя или от бояр? И Гарасим де ему сказал, что он послан от великого государя с его великого государя милостивою грамотою. И он, Стенька, ему говорил, что де приехал он не з грамотою, а приехал де к ним лазутчиком, и учал он ево, Гарасима, бранить и бить, и, бив до полусмерти, посадил в воду в Дон реку».

В другом абзаце того же документа говорится, что Разин не сам убил Евдокимова, а приказал сделать это своим людям. Вообще вопрос интересный: убивал ли Разин собственноручно (не считая военных действий) кого-нибудь, кроме гипотетической княжны? Каждый раз при описании какой-либо казни сперва говорится, что «Стенька побил», потом выясняется, что он лишь отдавал приказания. По идее, он и не должен был сам казнить, как не казнил Корнила Яковлев или кто-либо из воевод. У большого начальника для этого всегда найдутся исполнители.

Пасынков продолжает: «И Корнило ему учал говорить, что он так учинил непригоже; и он де, Стенька, учал ему, Корнилу, грозить таким же смертным убийством, и говорил ему: ты де владей своим войском, а я де владею своим войском. И с того де времени жил он, Стенька, в Черкасском городке две недели...» Свиту Евдокимова семь недель держали в тюрьме, откуда она была выпущена Яковлевым. Предположительно в тот же период Разин убил или приказал убить воеводу Ивана Хвостова (об этом сказано в его смертном приговоре): непонятно, ни что делал Хвостов в Черкасске, ни за что был убит.

Но дело до конца Разин не довел — это была его серьезнейшая

ошибка. М. Инсаров: «...можно досадовать, почему Разин не укрепил свою победу на Дону короткой, но энергичной кампанией революционного террора, почему остались на плечах головы Корнилы Яковлева, Михайлы Самаренина и других лидеров домовитого казачества. Однако иллюзия общеказацкого братства была еще очень сильна, крестник Яковлева не хотел без веских на то причин проливать кровь своего крестного, а на какие подлости способны богатые и властные, лишь только возникает угроза их власти и собственности, пошедшие за Разиным бедные и обездоленные знали, но забыли, поскольку гнев бедняка, в отличие от продуманной жестокости богача, грозен, но отходчив». Все это сплошная лирика, конечно, и необязательно было физически устранять Яковлева, чтобы отстранить его от власти, — в тот момент Разин и так был на Дону королем. Г. В. Вернадский: «Несколько дней Разин правил в Черкасске единовластно, но не рассчитывал делать это долго. Все, к чему он стремился, — это дезорганизовать и парализовать официальное правительство Войска Донского настолько, чтобы оно не могло помешать ему в реализации его дальнейших планов». Вот это похоже на правду. Но почему Разин так поступил? Может быть, переоценил свои силы, считал, что сможет так же победоносно совершить набег на Черкасск в любой момент. Однако не исключено также, что они с Яковлевым заключили тайный пакт о ненападении.

Разин вернулся в Кагальник, Яковлев жаловался в Москву, что нет жалованья и хлеба, ему ставилось условие: поймать Разина и прекратить «воровство». Но по-прежнему ни одной попытки подобного рода Яковлев не сделал. Интересные показания дал 6 июля 1671 года в Посольском приказе донской есаул С. Игумнов (Крестьянская война. Т. 3. Док. 112) — о том, что после убийства Евдокимова «они, атаманы и казаки, об том к великому государю не писали и станиц не присылали. А после того по его ж великого государя указу присылай с его ж великого государя грамотою воронежец Семен Берескин, и они того присыльного отпустили ни с чем, и к великому государю ни о чем не писали и станицы не присылали ж». Дальше — больше: оказывается, из Москвы были посланы есаул Артемий Кривой и казак Василий Шепел, и этого казака Разин тоже приказал убить, а атаманы опять ничего царю не написали. Причина очевидна: черкасская старшина ничем абсолютно не могла объяснить Москве свое бездействие. Мы же можем объяснить его лишь наличием какой-то договоренности между Разиным и его крестным отцом.

Кагальник между тем наверняка бурлил: никто не понимал замыслов атамана. Ясно было, что к лету куда-то пойдут, но куда? Наверняка

проводилось множество кругов и еще больше совещаний в узком кругу. Логинов: «Ждали, какое слово скажет Разин, но тот молчал, а спрошенный впрямую, немедля беленился, швырял на землю саблю и кричал, что не хочет больше быть старшим и пусть казаки выбирают себе другого атамана». Возможно, он сам не мог ни на что решиться. В середине мая — так получается по показаниям подьячего Данилы Михайлова (Крестьянская война. Т. 1. Док. 110), сославшегося на казака Косого, — Разин с четырехтысячным войском отправился недалеко, в Паншин, и там некоторое время продолжал собирать донцов, «черкас» и всяческих беглых, которые, по словам подьячего Михайлова, шли «безпрестани». Предположительно тогда он встретился с отрядом Василия Уса, давно сбежавшего с Дону и находившегося уже год неведомо где. Ус был тотчас назначен есаулом.

Ус был такой же донской казак, как и Разин, быть может, и в более давнем поколении. Но беллетристы почему-то определили его в мужицкие вожди (за что?!), и вот он уже поучает политически безграмотного атамана (надо сказать, в беллетристике Разину все беспрестанно, как малому дитю, выговаривают за что-нибудь). С. П. Злобин:

«— Пришел тебя звать в кумовья, крещати бояр, да хотел прежде кума поближе видеть. Ты — казак, я — казак. Нам едина дорога, Василий!

— Мы не казаки, а мужики, Степан Тимофеич! — ответил Василий. — Мужик за правду мужичью встает, а вы для корысти да озорством. Нам волю свою добыть, чтобы землю взять, хлеб пахать в поте лица, по божью велению, а казаки... тьфу! Земли у вас — море без края; поглядеть — то черным-черна, от жиру аж лоснится вся на солнце, в горсти помять — то как пух... А нет чтоб пахать!.. Ты казакам норовишь, не народу! Князем стать хочешь, казацкий уряд в Понизовье устроить... Ну, скажем, стрельцы к тебе набегут, ну, станет, наместо Черкаска, Астрахань город казацкий... Ныне ты Волгу и Яик возьмешь — еще того более дармоедов станет. Бояре посмотрят: страшна казацкая сила! — и скажут тебе: «Давай мирно жить, Степан Тимофеич, служи государю добром, а мы тебе хлебное жалованье, и денежное жалованье, и пороховую казну будем слать, и меха, и сукна». Держава казацкая станет! <...>

— А худо кому?

— Мужики — землеробу! Ему еще дармоедов на шею прибудет... А станет народу тошно, и всею Русью подымется он побивать бояр, да дворян, да вас, казаков...

— За что же казаков? — удивился Степан.

— За то, что работать не хочешь, а ложку тянешь!.. Не то ты надумал,

Степан, — сказал Ус. — Не державу казацкую надо народу.

— А что?

— А всю Русь воевать у бояр! — прямо сказал Василий и поглядел на Разина.

— Всю Русь?! — повторил Степан. — Эко слово великое молвил, Василий!.. Куцы занесет! Ру-у-усь! — будто прислушиваясь к самому звуку, задумчиво повторил Разин.

— Бояр побивать на Руси, Степан, чтоб нигде не осталось им места, а жизнь по-казацкому ладить, как у Черкасов: те пахотны казаки — казаки, те торговые казаки — и они казаки, тот бочар, тот кузнец — и те казаки... Живут, сами себе обируют старшину, а время пришло воевать — за сабли берутся да в Запорожье!..

Но Разин почти не слушал Василия. Величие замысла поразило его. Он мыслил сложить воедино казацьи земли, собрать их под одного атамана, а этот покрытый бесчисленными язвами (Ус был болен какой-то кожной болезнью. — М. Ч.) богатырь вон что надумал!..

— Русь воевать! Ведь эко великое слово-то молвил! Другого такого-то слова на свете не сыщешь!.. — задумчиво глядя в угли костра, повторил Степан. — Мечтанье! — вдруг оборвал он, словно опомнившись».

Даже у лирика Каменского Ус — мужик, а не казак: «Не любил Степан расставаться с такими орлами, не понимал, как это можно; больно-нестерпимо чуял всю тоску разлуки и, расставшись, страдал до отчаяния, метался, выл, стонал: так сразу Ваську почуял. Места нигде не находил. Все о Ваське думал — откуда этикие самоцветы берутся, и понимал: из коренной, черноземной толщи, жирной и плодородной, из густых лесов, девственных и звереберложных, из полей и лугов широкооченных, из крестьянских изб, бедных и темных, из крепостной подворотни крепкой боярской, да из вольных донских казацких степей, да на дорогах беглых-сиротских, — вот откуда родились».

Еще раз напомним, что Ус крестьянином никогда не был и крестьянские интересы вряд ли защищал, но, думается, расхождения у него с Разиным были: опять два медведя в одной берлоге... Как считает Злобин, единственной причиной того, что Ус согласился подчиниться Разину, была тяжелая болезнь Уса. Может и так. Но Ус ли, сам ли Разин, еще ли кто-то в тот период (никак не раньше) действительно стал заговаривать о «войне против бояр» — как об одном из вариантов действий. Отписка в Москву тамбовского воеводы Я. Хитрово, которому сказал подьячий Михайлов, которому сказал казак Костя Косой (Крестьянская война. Т. 1. Док. 110. 19 мая 1670 года): «...при нем, Костьке, у Стеньки Разина в Черкасском круг

был, и ясоулы де докладывали в кругу, что под Озов ли иттить, и козаки в кругу все про то умолчали. А в другой де докладывали — на Русь ли им на бояр иттить, и он де «любо» молвили небольшие люди. А в третьей де докладывали, что иттить на Волгу, и они де про Волгу завопили...» То есть гулять по Волге для большинства было предпочтительнее.

Другой документ, от сентября 1670 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 184), — «расспросные речи» украинского казака Н. Самбуленко в Малороссийском приказе: «В кругу де он, Стенька, всем вслух говорил. — Атаманы де молотцы, куды мы пойдём отсюда, по море ли по Волге или иному царю служить? И в кругу старшина сказали ему, Стеньке, и всем казакам, что они иному царю служить не хотят, а пойдём де мы все на Волгу против бояр и воевод. И Стенька де, взяв саблю наголо, говорил им всем, что он на великого государя руки поднять не хочет, лутче де ево тою саблею голову отсеките... И казаки, что были в кругу, говорили ему. — Мы де готовы за великаго государя умереть и головы свои положить, а что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от того мы стали наги и голодны...»

А вот третий, самый любопытный рассказ о кругах того периода — показания попа Никифора Иванова (август 1670 года), служившего в отряде Уса (Крестьянская война. Т. 1. Док. 171): Разин «сказал всем вслух. — Любо ль де им всем идти з Дону на Волгу, а с Волги идти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей? Да он же, Стенька, в кругу говорил. — Когда то бывало, что на Москве блаженныя памяти великие государыни и царицы и великие княгини Марьи Ильиничны и государей благоверных царевичей великого князя Алексея Алексеевича и великого князя Симеона Алексеевича не стало вскоре? И им бы де всем постоять и изменников из Московского царства вывести и чорным людям дать свободу. Да он же, Стенька, и казаки все в кругу говорили. Не добры де, к ним, донским казакам, бояря князь Юрья Алексеевич Долгоруков, князь Микита Иванович Одоевской да думной дьяк Дементей Башмаков да голова стрелецкой Артамон Матвеев. И про иных многих бояр и думных людей говорили. А добры де к ним, донским казаком, бояря князь Иван Алексеевич Воротынской, князь Григорий Сунчалеевич Черкаской: как де они бывают на Москве в станицах, и их де они кормят и поят».

Кто бы ни был автором этой новой концепции — Ус, Разин, Черкашенин, все вместе, — она была гениальна. Со своими сепаратистско-республиканскими идеями Разин бы далеко не уехал — никто бы его не

поддержал. Наказать государевых изменников — совсем другое дело; при этом гнев казаков и беглых направлялся не на овеянную божественной аурой фигуру царя, а на конкретных чиновников — мздоимцев и «врагов народа»; более того, намекалось, что бедненький царь нуждается в помощи и защите от «врагов народа». А заодно, может, надеялись и на «раскол элит» — не зря же все эти дворянские имена вслух назывались, и Разин знал, что куда надо — донесут... (М. Инсаров: «Сам Разин в цари не метил, отношение его к реальному царю было сложным, и каким оно было на самом деле, определить сейчас трудно (грозил же он «передрать бумаги на самом верху»!). Скорее всего, никаких иллюзий в отношении Алексея Михайловича он лично не имел, но не хотел отталкивать тех, кто разделял подобные иллюзии. Вообще Разин был не разгульным атаманом, каким его обычно считают, а замечательным политическим стратегом и хотел привлечь к борьбе с Московским царством не только его внешнеполитических противников, но и все недовольные слои населения — до московских стрельцов и оппозиционных дворян включительно».)

Верил ли сам Степан Тимофеевич хоть на секунду, что Алексей Михайлович встретит его с распростертыми объятиями? Нет, конечно: не мог он одновременно плести с Дорошенко интригу против царя и верить, что этого самого царя надобно «спасать», — он же не был идиотом. Но и свергать царя, думается, он пока что совсем не хотел — понимал, что без Дорошенко на это не способен. Вероятно, он рассчитывал, захватив ряд важных стратегических пунктов и обзаведясь сторонниками из числа дворянства и духовенства, шантажировать царя и добиться пакта о ненападении и разделе сфер влияния.

Итак, официальным лозунгом новой экспедиции стал призыв «порадеть за дом пресвятой Богородицы, и за великого государя, и за батюшку за Степана Тимофеевича, и за всю православную христианскую веру». Обычно все пишут, что целью похода была сразу объявлена Москва (не факт, вовсе не факт), оставалось выбрать маршрут: либо Волгой с захватом волжских городов до Симбирска или Нижнего Новгорода включительно, либо через Воронеж, Тамбов и сельские местности. Шукшин:

«— Волгой! — кричали донцы. — Дорога знамая!

— Доном! Прямиком, мимо Танбова!

— Доном ийтить надо, Степан Тимофеич. Через Воронеж, Танбов, Тулу, Серпухов... Там мужика да посадских, черного люда, — густо. Вы под Москву-то пока дойдете — ба-альшое войско подведете. А Волгой — пошли с полтыщи с есаулами да с грамотками, — пускай подымаются да

подваливают с той стороны. А там, глядишь, Новгород, да Ярославль, да Пошехонь с Вологдой из лесу вылезут».

Мужики, «народ», были против Волги (во всяком случае, в романах). С. П. Злобин: «И черт нас несет на низовья! — раздумывал он (Ус, за что-то произведенный писателями в крестьянские вожди. — М. Ч.). — Прельстил меня Стенька, собака. От народа уходим! Нам бы к народу ближе». Городской народ Ус (в романах) за народ не считал, хотя на самом деле по опыту знал, что этот народ весьма свободолюбив и смышлен и что в городах есть потенциальная союзная сила — стрельцы. Разин по своему опыту тем более знал все это. Поэтому, думается, и выбрал Волгу. Возможно, он уже мыслил Астрахань своей временной столицей, а Прозоровского, Львова и митрополита Иосифа — своими первыми союзниками из высшей знати.

Но в Москве понятия не имели, куда пойдет Разин, и беспокоились повсеместно. Прошел слух, что поскольку Разин хочет идти «в Запороги», то основной удар будет нанесен через Слободскую Украину — Коротояк — Воронеж; укрепляли города, слали солдат, стрельцов, боеприпасы. В Тамбов тоже направили московских стрельцов. Турки между тем ждали Разина на Черном море; султан сообщал царю, что укрепляет свои берега. Возможно, вся эта болтовня на кругах (где не могло не быть шпионов) про Турцию, Азов, Тамбов, Коротояк, «Запороги» была военной хитростью, и она сработала: волжские города никакой дополнительной защиты не получили.

В конце мая — так выходит по показаниям купцов из Козлова, изложенным в донесении Козловского воеводы Хрущева в Разрядный приказ от 27 июня (Крестьянская война. Т. 1. Док. 127), — разинцы то ли похитили, то ли (вероятнее) купили у калмыков лошадей и другой скот и совершили очередное нападение на татар — еще лошади, вдобавок «живот» и «ясырь», тут же обращенные в деньги для экспедиции. 30 мая из Разрядного приказа пришла грамота воеводе Белгородского полка Г. Ромодановскому (Крестьянская война. Т. 1. Док. 111), в которой сообщалось о новом походе Разина на Волгу и — отныне — полной экономической блокаде Дона (вот это со стороны правительства было очень своевременным и умным).

В грамоте подробно перечислялись вины и преступления Разина («с братом нашим, шаховым величеством, многую ссору учинил» и т. д.) и — под конец — самое ужасное: «А ныне ведомо нам, великому государю, учинилось подлинно, прислал к нам, великому государю, ото всех прямых донских казаков атаман Михайло Самаренин, а сказал, что вор Стенька

Разин, забыв страх божий, отступил от святыне соборные и апостольские церкви и про спасителя нашего Иисуса Христа говорит всякие хульные слова. И нам, великому государю и всему Московскому государству изменил. И церковей божиих на Дону ставить и никакова пения петь не велит и священников з Дону збивает и велит венчатца около вербы».

На Руси (да и вообще в те века) традиционно самым страшным из преступлений было — мыслепреступление. Сказать, что кому-то надо венчаться около вербы, — куда хуже, чем ограбить или убить. Эту вербу Разину теперь будут припоминать при каждом удобном случае. Так говорил он вообще про вербу или нет? Наверняка говорил пару раз, спровоцированный попами, потом и думать забыл; у него было чересчур много всяких дел, чтобы еще учить, кому как венчаться. В наше время ему, вероятно, было бы наплевать, у кого там какая сексуальная ориентация. Вздор и пустяки его мало занимали.

Глава седьмая

ЦАРИЦЫН

Однако мы ошиблись, полагая, что Разин собрался осуществлять свой новый план без поддержки украинских казаков. 29 мая 1670 года валуйский воевода Пасынков сообщал в Москву (Крестьянская война. Т. 1. Док. 112): «И, убив, государь, Гарасима, Стенька Разин ис Черкаскова пошел со своим войском вверх по Дону судами, а иныя коньми. А как де, государь, он пошел на Волгу из городка Чира, и тому де 4-ая неделя. И после де ево, государь, присланы на Дон в войска листы, а сказывали де им, вожу и провожатым, донские казаки — пишут де Дорошенка и Серки к Стеньки — где б де им со Стенькою в каторам урочище сойтитца вместе. (Иван Сирко, атаман Запорожской Сечи, в описываемый период был в союзе с Дорошенко. — М. Ч.) И с теми де, государь, листами, послан к нему, Стеньке, з войска донской казак Фрол Минаев, а велено де ему, Фролу, гнать до нево, чтоб он, Стенька, поворотился назад».

Интересно и не очень-то понятно. Разину на Дон пришли письма, надо так понимать, что старшина их видела, письма, конечно же, преступные (поскольку преступником и изменником был Дорошенко) — и вместо того, чтобы передать эти письма куда следует, Войско услужливо отправляет к адресату гонца и одновременно при этом хочет, чтобы Разин «поворотился назад». Может быть, они были столь деликатны, что даже не прочли чужих писем? Во всяком случае, на содержание этих писем мы ссылки не находим... Забавнее всего то, что Фрол Минаев (сын зажиточного казака, сам уже немолодой человек) не только не «поворотил» Разина назад, но остался в его армии...

Уже читанная нами грамота из Разрядного приказа от 30 мая воеводе Белгородского полка Ромодановскому (Крестьянская война. Т. 1. Док. 111): велено никого к Разину не пускать и никому с ним — нет, со всем Доном! — не торговать: «И тех людей, хто ково поймают или по чьему извету их изымут, — и ты бы, боярин наш и воевода, велел тех воров казнить смертью безо всякие пощады и служилых людей поместья и вотчины роздать челобитчиком, хто их поймает или по извету их они пойманы будут». Доносы, естественно, не заставили себя ждать, и многое имущество сменило хозяина. (Воеводы доносили и друг на друга: был обвинен в незаконной торговле коротоякский воевода Ф. Вындомский.) Но отчаянные

воронежцы, например, торговлю прекращать и не подумали. Один за другим отписывались в Москву воеводы, что запретили своим горожанам что-либо продавать казакам. А это — громадная упущенная прибыль, если не прямой убыток, не только торговым людям, но и самим воеводам. Нечего удивляться, что горожане будут нарушать указ и настроятся против своих властей.

Из Разрядного приказа полетели грамоты об организации «тайных станов для разведки»; послали стрельцов и оружие в Воронеж, Тамбов и Коротояк. Поздно и не туда: почти семитысячное войско Разина давно ушло на Царицын. Шли, однако, не обычным водным путем через Иловлю и Камышинку, а кратчайшим, посуху; «струи и лотки с собой волокли сами и лошаадьми», как рассказывал мятежный (потом, разумеется, «исправившийся») поп Никифор, которого мы уже цитировали.

Стрейс: «10 апреля... был послан под команду господина начальника Леонтия Богданова отряд из восьмисот человек — из них четыреста русских всадников и четыреста ногайских татар — в город Царицын... с тем, чтобы доставить туда боевое снаряжение и съестные припасы и дать подкрепление людьми городу... 28 апреля через пленного казака было получено от помянутого Богданова достоверное известие о том, что город Царицын взят казаками и что там убито и брошено в реку 1200 московских солдат. (Ни в сводке, ни в приговоре, ни в чьих-либо показаниях это дикое число не фигурирует. — М. Ч.) Эти погибшие незадолго до того были присланы в означенный город для его охраны. Тогда же узнали, что в татарских войсках возникли раздоры, и они стали убивать друг друга, после чего господин Леонтий Богданов отступил и отошел на Чернойр — город, лежащий в пятидесяти милях от Астрахани. Взятого в плен казака мучили таким ужасным образом, что самый жестокий и яростный русский сожалел о его муках».

Вызывают недоумение даты, названные Стрейсом: по показаниям русских, Разин в мае еще только выходил на Волгу, как он мог в апреле взять Царицын? Разница в датах между Россией и Европой была десять дней — такого сильного расхождения с другими данными это не объясняет.

Но точно то же показывает Дэвид Бутлер (и называет то же неправдоподобное количество убитых): «10 апреля по приказу господина губернатора было собрано под командой господина гофмейстера Леонтия Богданова 800 человек, из них 400 русских всадников и 400 ногайских татар, и они выступили по направлению к городу Царицыну, лежащему приблизительно в 80 милях от Астрахани... С 27-го по 28-е мы получили с пленным казаком известие от упомянутого Богданова, что бунтовщики

заняли город Царицын и 1200 московских солдат большей частью перебито или утоплено. Слишком долго рассказывать, каким путем и какой хитростью был взят врасплох этот город. Означенные 1200 человек незадолго до этого были присланы из Москвы в гарнизон этого города. Вместе с тем мы узнали также, что среди луговых татар начались раздоры, и они убивали друг друга, как благородных, так и простых. Получив это известие, Богданов отступил и отошел в город Чернояр, лежащий приблизительно в пятидесяти милях от Астрахани. Пленного казака подвергли пыткам и до того замучили, что он у всех вызывал сострадание». То ли Бутлер и Стрейс правы в том, что касается дат, а русские источники ошибались, то ли один из них попросту все списал у другого.

Вообще, как ни странно, ни один документ не дает точного представления о том, когда же Царицын был взят. Первое упоминание о бое с московскими стрельцами близ Царицына относится к 17 июня (Крестьянская война. Т. 1. Док. 120. Грамота из приказа Казанского дворца темниковскому воеводе Чели-щеву); бой этот состоялся несколькими днями позже, чем взятие Царицына. За это время еще ведь до Москвы должно было добраться какое-то известие (этот гипотетический документ утрачен), так что Царицын должен был пасть не позднее первых чисел июня. Но, может быть, и еще раньше. Может быть, прав Стрейс, а русские источники что-то напутали.

Итак, в конце апреля, или мая, или даже в начале июня, ночью (тут источники единодушны), разинское войско вышло к Волге по реке Мечетной севернее Царицына. Перебежчик из Царицына Дружинкин должен был спустить струги с частью казаков на воду, с ним был Василий Ус, остальные — конница и пехота — окружили город. От перебежчиков и шпионов было известно, что горожане не настроены против Разина; известно также, что добродушного взяточника Унковского сменил воевода Т. В. Тургенев, грубый и жестокий, особенно плохо относившийся к казакам и стрельцам. Унковского с его отличной разведкой, наверное, не удалось бы застать врасплох; Тургенев был самоуверен. Воевода скомандовал гарнизону занять места и быть готовыми к отражению нападения, когда разинцы уже полностью взяли город в кольцо и приблизились.

Посадским и слободским жителям Тургенев запретил выводить скот на выпас — это была одна из его ошибок. Теперь уже многие надеялись на приход Разина. Из города, несмотря на все принятые Тургеновым меры, сбежали пятеро посадских и доложили Разину о настроении стрельцов, о наиболее уязвимых местах в крепостных сооружениях, о количестве

продовольствия в городе. Разин отправил их обратно с есаулом Черноярцем — распространять слухи: будто бы на Царицын идут московские стрельцы, чтобы наказать горожан за незаконную торговлю и вообще всячески ущучить, а то и перебить до смерти, а он, батюшка Степан Тимофеевич, способен всех взять под защиту. (Неизвестно, была ли уже тогда у Разина налажена рассылка «прелесных писем» или слухи распространялись только устно.)

Казачьи не спешили брать город. Разведка донесла, что недалеко, против острова Шмили, стоят отряды лояльных Москве татар. С ними нужно было разделаться в первую очередь, чтобы избежать удара с тыла и заодно обеспечить войско и город — разинцы не сомневались, что город будет их, — молочным скотом и в первую очередь лошадьми. А. Н. Сахаров: «Пешая крестьянская масса могла замедлить движение по Волге или отстать». Была ли уже тогда в отряде крестьянская масса — не факт. Неоткуда ей было взяться на воде-то. Но многие казаки и посадские были пешими.

Разин сам возглавил рейд против татар. Почему ушел от Царицына, ведь Ус был известен как командир кавалерии? Ладно, Ус теперь старый и больной, но был здоровый Черкашенин, другие есаулы. Ни одной версии ни один историк не придумал, а ведь это довольно странно: уйти, рискуя, что в осаде что-то пойдет не так. В итоге город взяли без него. Так что либо Разин не ожидал, что Царицын сдастся так скоро, либо умел делегировать полномочия и был уверен в есаулах, либо попросту проявил легкомыслие. У Злобина такая версия: «Наумов (казак. — М. Ч.) злился на Разина, что, отъехав из табора, он оставил Усу свое атаманство. «Мужику в есаулы отдал ближних своих товарищей и природных донцов!» — ворчал он про себя. (В очередной раз напоминаем, что Ус — казак, а не «мужик». — М. Ч.) <...> Василий Ус уверял, что если пойти в верховья, то сами крестьяне дадут им хлеба и мяса. Степан хотел ему доказать, что в низовьях Волги войско не пропадет. Тысячи три коней были нужны сейчас же. Разин хотел показать Василию Усу свое умение воевать, свою пригодность к тому, чтобы стать первым среди атаманов».

Из показаний попа Никифора: «А от Царицын он, Стенька, на тех татар пошел во вторник и, разбив едисанских татар улусы, пришел под Царицын в четверг на третей день, и привели всякой полон и пригнал лошади и животину». Из показаний украинского казака Самбуленко (его мы тоже уже цитировали), непосредственного участника событий: «И около города облегли и стояли до полудни. И из Царицына де 3 или 4 человека, поп и грацкие люди, вышли к ним за город и говорили с казаками, что им

дратца с ними, казаками, не за что; и из города приносили казаком пить и вино и пиво. А Стеньки Разина в то время не было: как де казаки Царицын облегли, а он де, Стенька, услыша, что от Царицына в 5 верстах стоят татары ногайские, и пошел на них с конными со всеми казаками, чтоб тех татар розвоевать и стада, лошади и скотину, отогнать».

Поп Никифор: «А как пришел к городу, и того ж дни из городу пришли к Ваське Усу в табор царицынские жители и говорили ему, Ваське, чтоб велел им из города выходить и воду имать и животину пуцать. И он де, Васька, им сказал, чтоб они о том говорили воеводе, чтоб он город отпер, а буде де воевода не отопрет, и он, Васька, велел им збить городской замок. И того ж дни царицынские жители у города замок збили и город отварили. И почали царицынские ходить к Стеньке Разину в табор, а Стенькины казаки в город...»

Царицынцы открыли Московские ворота города, а потом, с боем прорвавшись к охраняемым стрельцами Предтеченским воротам, отперли их и впустили Уса с войском. Костомаров: «...из царицынцев три человека остались верны (воеводе. — М. Ч.)». Интересно, был ли Разин так уж рад, что Ус взял город без него. Как человек не мелочный — наверное, и рад. И сам привел отличный улов. 23 июня сообщал в Москву коротоякский воевода Ф. Вындомский (Крестьянская война. Т. 1. Док. 125), что некий посадский житель Семенов слышал от казаков в Паншине, «как де он, Стенька, был в Царицыне, убил воеводу, а убив, посадил своих Козаков, а город крепил. Да он жа, Стенька, пограбив етисанских татар улусы, а слышно де то на низу ото многих старых казаков, что он ясырю взял много, тысяч с 6».

На следующий день Разин торжественно въехал в Царицын: горожане наперебой его угощали, почти половина духовных лиц оказала почести. Что же воевода? Поп Никифор: «В городе заперся было воевода в башне, и он де, Стенька, ту башню взял взатьем, воеводу посадил в воду, а людей, которые с ним сидели, побил; а которые грацкие люди сидели в городе, тех он не бил, а в городе засел». «Распросные речи» московских стрельцов от 2 июля 1670 года в Белгородской приказной избе (Крестьянская война. Т. 1. Док. 130): «А как де Стенька пришел к Царицыну, и в Царицыне де воевода Тимофей Васильев сын Тургенев в городе заперся, и царицынские де жители с ним, Стеньком, битца не стали, и ему здались и с войском пустили в город. И воевода де Тимофей Тургенев заперся было с московскими стрельцами в башне, и Стенька де ево в той башне достал...» Историки удостоверяют факт, что воевода, его племянник и еще некоторые бывшие с ним стрельцы и чиновники были утоплены. Почему Разин с ними

так поступил — гадают беллетристы.

С. П. Злобин, как всегда, сваливает решение на «народ»:

«Царицынские жители сами сумели взять башню, в которой заперся воевода с ближними. Воеводу, приказных и московских стрельцов, захваченных в башне, привели на расправу к Разину.

— Мне на что воевода, царицынски люди?! Вы сами с ним что хотите творите...

— Они, батька, сколько людей побили — из башни стреляли! Мы в воду его.

— А мне что! Сам замесил — сам и выхлебал! — сказал Разин, махнув рукой».

Шукшин:

«Воеводу с племянником, приказных, жильцов и верных стрельцов вывели из башни. Подвели всех к Степану.

— Ты кричал «вор»? — спросил Степан.

Тимофей Тургенев гордо и зло приосанился.

— Я с тобой, разбойником, говорить не желаю! А вы изменники!.. — крикнул он, обращаясь к стрельцам и горожанам. — Куда смотрите?! К вору склонились!.. Он дурачит вас, этот ваш батюшка. Вот ему, в мерзкую его рожу! — Тимофей плюнул в атамана. Плевком угодил на полу атаманова кафтана. Воеводу сшибли с ног и принялись бить. Степан подошел к нему, подставил полу с плевком. Он был бледный и говорил тихо:

— Слизывай языком.

Воевода еще плюнул.

Степан пнул его в лицо. Но бить другим не дал. Постоял, жуткий, над поверженным воеводой... Наступил сапогом ему на лицо — больше не знал, как унять гнев. Вынул саблю... но раздумал. Сказал осевшим голосом:

— В воду. Всех!

Воеводу подняли... Он плохо держался на ногах. Его поддержали.

Накинули каждому петлю на шею и потянули к Волге.

— Бегом! — крикнул Степан. Чуть пробежал вслед понурому шествию и остановился. Саблю еще держал в руке. — Бе-го-ом!

Приговоренных стали подкалывать сзади пиками. Они побежали. И так скрылись в улице за народом. Народ молча смотрел на все. Да, видно, Тимофей Тургенев за свое короткое воеводство успел насолить царицынцам. Вообще поняли люди: отныне будет так — бить будут бояр. Знать, это царю так угодно. Иначе даже и сам Стенька Разин не решился бы на такое.

Только один нашелся из всех — с жалостью и смелостью: отец Авраам.

— Батька-атаман, — сказал отец Авраам, — не велел бы мальчонку-то топить. Малой.

— Не твое дело, поп. Молчи, — сказал Степан.

Подошел Матвей Иванов. Тоже:

— А правда, Степан Тимофеич... Парнишку-то не надо бы...

— Молчи, — и ему велел Степан».

Но, оказывается, так жестоко Разин себя ведет, ибо только что в битве потерял соратника. Мы уже замечали: как потеря соратника — все берегись! Заметим еще, что племянник воеводы не был ребенком. Это был взрослый мужчина. А вот поп Никифор утверждает, что этот племянник остался жив:

«И Стенька Разин, напившись пьян у царицынских жителей, к той башне приступал многае время, и был бой, и воеводу и тех людей, которые с ним сидели, порубил, а воеводу с племянником ево и людьми, повезав, привел в табор и на другой день воеводу велел вкинуть в воду. И, приветчи к воде на веревке, наругались, кололи копьем и утопили, а племяннику ево и людям велел быть при себе. А воровских де казаков с Стенькою Разиным конных и пеших в зборе тысяч с 7».

Кто стал в Царицыне начальствовать? Из допроса Федора Шелудяка, одного из приближенных Разина (Крестьянская война. Т 3. Док. 187. Июль 1672 года), известно, что это были донской казак Прокофий Иванов (он же Прон Шумливый) и горожанин, боярский сын Иван Кузьмин. По другой версии (Крестьянская война. Т 1. Док. 150. 13 июля 1670 года. Расспросные речи людей, которые жили в Царицыне при Разине, в Тамбовской приказной избе): «В начальных людях в Царицыне по его Степанову приказу — сын боярской Ивашка Кузьмин да пушкарь Дружинка Потапов, да соборной поп Андрей». Очень умно и тонко: именно молодых бояр, военных специалистов и духовных лиц Разину необходимо было выдвигать, чтобы показать себя серьезным, приличным человеком.

Однако демократией тут и не пахнет: «по его Степанову приказу...». Атамана Иванова выбирали казаки для казаков, а Разин назначил «мэрию» для горожан? Или Иванова тоже никто не выбирал, а было «по его Степанову приказу»? «Мэрия» подчинялась атаману или нет? Федор Шелудяк говорил на допросе, что царицынский атаман посылал боярского сына Кузьмина жечь крепость Камышинку, — значит, атаман был главнее. Ну а в вопросах, касающихся снабжения города, к примеру? Как они там делили функции? Ничего этого мы с вами не знаем и, увы, совершенно не

понимаем, как же все-таки была устроена власть в городе. Историки и писатели один за другим пишут, как в захваченных Разиным городах процветало казачье самоуправление — так, как оно теоретически могло бы быть. А. Н. Сахаров: «Не было здесь больше ни воевод, ни приказных, не собирались тяжкие налоги и единовременные поборы, не гнали посадских в шею на разные работы, не было больше в городе мздоимства и взяток. По справедливости и правде судил народный круг». Не знаем мы ничего этого на самом деле.

Казну — это выяснено — строго охраняли. Ее никогда не «дуванили». Деньгами не швырялись. Торговля и остальной бизнес шли как обычно. Завели городское знамя. Отменили все долговые и кабальные записи, как предположительно делали на Яике. Разин, вероятно, делал все то же, что делал бы любой воевода: объехал крепость, осмотрел крепостные сооружения, приказал укрепить дополнительные пушки. Тут еще повезло: мимо Царицына плыл торговый караван судов с оружием и боеприпасами, а также разными товарами. Захватили его, потом еще несколько богатых купеческих судов. Царицынских купцов нельзя было трогать, но чужих можно. По словам Фабрициуса, в районе Царицына Разин захватил «несколько сот (ну уж и несколько сот! Столько их мимо и не проплывало за то короткое время, что Разин был в Царицыне. — М, Ч.) купцов, и их товары, дорогие и превосходные по качеству, как то: соболя, юфть, дукаты, рейхсталеры, много тысяч рублей русскими деньгами и всякие иные товары, поскольку эти люди вели большую торговлю с персами, бухарцами, узбеками и татарами».

Все добро сначала собирали централизованно, самое нужное (хлеб и боеприпасы) оставляли на складах, воинское снаряжение и коней распределяли по записям — какой сотне чего надобно (у каждого сотника был свой писарь), продукты и одежду первой необходимости тоже. Потом остатки — ткани, посуду, украшения — дуванили на всех. Поп Никифор впоследствии оправдывался, что ему угрозами и силой навязали имущество, как то: «Киндяк лазоревой по мере 9 аршин без шти вершков. Зендени лазоревой восемь аршин. Пестредины 14 аршин с полу аршином. Два спорка, отлас полосатой травчатой, казылбаской; от завесу отласу цветного с золотом в длину полтретья аршина. В ширину 6 вершков. С одной стороны опушено камкою. Миткалю белого, шит шелками розными, опушен дорогами и киндяком. Покровец, камка двух цветов, мясной да желтой, опушен лазоревым отласом, подложен выбокою... Червчетых дорогое 3 оршина, передрано пополам и сшито вместе, с одну сторону опушка, отлас цветной. Зеркало новое небольшое. Сукна зеленого лоскут,

длины оршин с тремя вершки, ширины оршина. Швапского белого полотна 6 оршин с тремя вершки, 4 пуговицы серебряные, золочены; 9 корольков червчатых, пуговицы хрустальные. Пояс шелковой червчетой, что рубашку опоясывают...» Это мы перечислили только первую треть списка.

Из цитированных выше показаний в Тамбовской приказной избе: «И тот же де город Царицын они, поп Андрей и Ивашка и пушкарь Потапка с товарищи, для приходу совсем укрепили и надолобы около города поставили. А город де крепили и надолобы ставили теми людьми, которые неволею, всяких чинов люди, поиманные на судах. А говорят де они, воровские казаки, меж собою почесту, что они, пришед под Астарахань и управясь де с Астараханью и укрепя Астарахань, пойдут де они, воровские казаки, с тем воровом и с изменником Стенькою Разиным к Москве и на Москве побьют бояр, а ныне де Волга река стала их, казачья». Ну вот наконец и Москва появилась... А между тем Разин перекрыл для судоходства всю Волгу; Фабрициус считает, что это было отнюдь не пиратство, а сознательно установленная блокада, в результате которой Астрахань осталась без хлеба и боеприпасов, а Москва без рыбы и соли; более того, свелась на нет торговля с восточными государствами.

К исходу первой недели пребывания повстанцев в Царицыне дозорные донесли, что от Саратова идет караван с тысячей стрельцов под предводительством стрелецкого головы Ивана Лопатина. Разумеется, разинцы еще пуще стали стращать горожан: теперь им всем одна дорожка на виселицу. «Да царицынские ж де жители говорили им, стрельцом, что будто они, стрельцы, шли в Царицын с тем, чтоб их, царицынских жителей, вырубить всех» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 130. Расспросные речи московских стрельцов в Белгородской приказной избе 2 июля 1670 года).

Лопатин не знал о падении Царицына. Казаки решили, не подпуская его к городу, напасть первыми. Конница пошла берегом, пехота на стругах. Несколькими километрами выше Царицына, у Денежного острова, казаки атаковали стрельцов. Повторилась история с персидским флотом: струги Лопатина были тяжелы и неповоротливы, и толковых моряков на них не было. От флотилии в один миг почти ничего не осталось; несколько лопатинских стругов пытались укрыться под защитой города, но там попали под перекрестный огонь, и стрельцы были вынуждены сойти на берег. Всего в сражении было убито 500 стрельцов, потери разинцев неизвестны. Вряд ли велики: на воде никто лучше казаков воевать не умел... А вот сухопутные сражения с правительственными войсками разинцам никогда не удавались — легко громить они могли только татар и других кочевников.

Из «расспросных речей» в Белгородской приказной избе стрельца Л. Пахомова и его «товарыщи» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 130): «И голову де Ивана Лопатина взяв живого, он, Стенька, велел наругаться всячески, и кололи и посадили в воду. Да и сотников и пятидесятников и десятников, которых взяли живьем, наругався, посадили в воду многих. А ныне ос-тали живы полуголова Федор Якшин да стрельцов с 300 человек. И всех он, Стенька, посадил в суды неволею...» Далее Пахомов «со товарыщи» рассказывали, как к ним, убежавшим от Разина, пристал поп Никифор, тоже бежавший. Впоследствии поп давал показания: «...он де, видя Стенькино воровство и над православными христианы поругательство и что он и товарыщи его, казаки, в пост и в пятницу и в среду мяса едят, он убежал». А вот как, по рассказу стрельца Пахомова, обстояло поповское бегство: «...и узнали у него подушку с головы Ивана Лопатина. И они де ему почели говорить, что де с такой рухледью лотка их не подымет, и он де почел их бранить и одного по щекам бил и говорил: будет они ево с собою и ево рухледью в лотку не посадят, и он де в городке скажет казакам и их де тотчас посажают в воду. И дву человек их таварыщей от лотки отбил и свою рухледь положил, и те де стрельцы в тех местех остались. А они де, убоясь того, чтобы поп про них Стенькиным казаком не сказал, а посадили ево с тою рухледью в лотку и везли и дорогою были у него в гребцах поневоле». Стоит ли удивляться, что казаки относились к служителям церкви без особенного почтения...

Впоследствии, разумеется, все, духовные и светские, военные и штатские, показывали, что служили Разину «неволею». Как было на самом деле — во всяком случае, с московскими стрельцами, — сказать трудно. Разин делал примерно то, что на его месте делал бы любой воевода, и, как покажет дальнейшее, был несколько менее своих соратников склонен все решать казнями: план ведь у него теперь был совсем иной — привлекать, а не отталкивать. Но куда ему было девать стрельцов, отказавшихся перейти на его сторону? С тюрьмами казаки морочиться не любили, предпочитая более простые и радикальные методы наказания или расправы. А. Н. Сахаров:

«Разин подошел к стрельцам разгоряченный после боя; запыхавшийся, промокший, грязный, сабля в крови. Шумно дыша, надвинулся на Лопатина, схватил его за ворот, закричал:

— Государев изменник! Боярский прихвостень! На кого же вы руку поднимаете? На своего же брата, простого человека! Эх вы, служилые! — Потом отошел, отдышался, заговорил по-другому: — Скажите же, как к вам был голова — добр или недобр? Говорите, не бойтесь!

Зашумели стрельцы, сначала робко, потом все слышнее, кто-то закричал, что мучителем был голова, другой выкрикнул, что забил до смерти Лопатин двух стрельцов во время пути, а иных без вины примучивал. Тогда обратился Разин к своим казакам:

— Что будем делать с головой?

Закричали казаки:

— В воду! В воду посадить голову!»

Всё как обычно: коллектив велел, слуга коллектива одобрил, коллектив исполнил... Любопытные показания дал 4 сентября 1670 года в Разрядном приказе стрелец Г. Свешников (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 37) о том, что «воровские казаки» говорили: «А которые де московские стрельцы были с Иваном Лопатиным, и про тех будто великий государь не ведает, а отпускали их на низ с Москвы бояря без ево, государева, ведома, и дали им своей казны по 5 рублей, да их же поили вином, чтоб за них стояли». Пройдет время, и казаки сами станут обещать тем, кто вступит в их ряды, «по 5 рублей».

От коротоякского воеводы Вындомского люди толпами бежали к Разину, его за это ругала Москва; документация того периода — в основном о сборах «служилых людей». Москва наконец совсем проснулась и обнаружила грозную опасность. Донесение в Разрядный приказ козловского воеводы С. Хрущева от 27 июня 1670 года (Крестьянская война. Т. 1. Док. 127): некие торговцы слыхали от неких казаков, что «с Волги от того от Стеньки ево Стеньки воровские станицы пригоняли на Дон в Паншин де городок полон татар и татарчонков и баб татарских и девок, а сказывают де, государь, что громил он, Стенька, по степи едисанских татар... говорят де Стенька побил на Волге твоих великого государя людей, стрельцов. А которого де города стрельцов побил, они подлинно не слышали. Да донския же де государь, казаки говорят промеж собою, что де тот вор Стенька Разин пошел для воровства под Астарахань, а воровских де Козаков с ним, Стенькою, тысяч с 7». Донские казаки, надо думать, ничего пока не имели против разинских экспедиций: те, кто инвестировал в них, получили хорошую прибыль, а правительственную блокаду пока еще не почувствовали.

Несколько источников говорят о семитысячном войске, но у страха глаза велики. Стрейс: «...за пять дней его войско увеличилось от 16 тыс. до 27 тыс. человек подошедшими крестьянами и крепостными, а также татарами и казаками, которые стекались со всех сторон большими толпами и отрядами к этому милостивому и щедрому полководцу, а также ради свободного разбоя». Никогда у Разина не было ни двадцати семи, ни

шестнадцать тысяч человек. Вообще Стрейс, в отличие от Фабрициуса, приврать ради красного словца очень даже не прочь: «Всюду говорили об убитых дворянах, так что господа, одев дешевое платье, покидали жилища и бежали в Астрахань. Многие крестьяне и крепостные, чтобы доказать, кто они такие, приходили с головами своих владельцев в мешках, клали их к ногам этого главного палача, который плевал на них и с презрением отшвыривал и оказывал тем хитрым героям почет вместе с похвалой и славой за их храбрость. (Не подтверждается ничьими показаниями. — М. Ч.)

Стенька... держал себя королем. Они повиновались его малейшему знаку и были ему верны, как если бы он был самым великим монархом в мире. Когда он напивался допьяна, что с ним часто случалось, то по малейшему поводу приказывал рубить головы в его присутствии и даже сам прикладывал к тому свои жаждущие крови руки, и такое несчастье постигало большею частью начальников, ибо простой народ всячески подмазывался к этому хитрому тирану, и они служили ему, чем могли, убивая одного начальника за другим. Когда ему только приходило на ум или когда на самом деле его офицеры обижали солдат и те заявляли об этом, ничто не могло спасти офицеров, и низших слушали, а высшие расплачивались. Благодаря этому сила его росла день ото дня...»

Опять-таки неясно, какого рода люди в тот период пополняли разинское войско и много ли их было. Беглые стрельцы, холопы, ссыльные, предприимчивые посадские жители, донские казаки победнее, хорошо вооруженные «черкасы»; очень сомнительно, чтобы уже тогда пришло много крестьян, да и неоткуда им было в Царицыне взяться. Но, по Злобину, — шли сплошные крестьяне. «Вот тебе и войско, Степан Тимофеич! — сказал себе Разин. — Вот ты и войсковой атаман! Не так много с Дону пошло казаков: уходить от домов страшились. А возьму понизовые города, кликну клич — хо-хо, сколько их понаскочет!.. Вот и держава казацкая народилась!.. От Астрахани до самого Запорожья засек наставлю, а там и Азов и Кубань покорю. Стану морем владать...»

Стрейс: «Когда дела Стеньки достигли такой высоты, он решил, что теперь ему море по колено, и возомнил, что он стал царем всей России и Татарии, хотя и не хотел носить титула, говоря, что он не пришел властвовать, но со всеми вместе жить, как брат. А вместе с тем держал он себя по отношению к персидскому королю с таким высокомерием, как будто сам был царем, и отправил шаху послов с письмом, где сам себя величал выдуманными почетными именами, называя короля своим братом. Содержание письма и устный приказ, данный послам, имели целью

склонить шаха на союз и купить у него за наличные деньги военное снаряжение и продовольствие; а ежели в том будет отказано, то он явится сам с 200 тыс. человек воинов и возьмет все даром, ибо за пот, пролитый его солдатами при походе в Персию, придется заплатить в тысячу раз большей кровью. После того как шах выслушал послов, он принял их так оскорбительно и с таким презрением, что велел без дальнейшего рассмотрения отрубить головы тем жалким и несчастным послам и бросить тела их собакам, а одного оставить в живых, чтобы поведал своему господину о смерти и поношении своих товарищей и передал ему также письмо, в котором шах извещал Стеньку, что на такого кабана вышлет охотников, дабы живьем отдать его собакам. Оставшийся в живых казак был счастлив, что избежал смерти, и передал Стеньке данное ему поручение, но тот пришел от него в такое бешенство и безумие, что изрубил бедного и жалкого посла на куски и приказал бросить воронам».

Неизвестно, писал ли Разин в тот период шаху. Это ни прямо, ни косвенно не подтверждается ни одним документом. Но исключить такую возможность тоже нельзя. Турецкий же султан общается с Дорошенко на равных — чем персидский шах «круче» турецкого султана, а атаман Разин хуже гетмана Дорошенко? А Дорошенко тем временем поссорился со своим союзником Сирко, и тот его разбил; Разин же, по показаниям попа Никифора, все ждал к себе на помощь «запороги с Серком». Тот же Никифоров: «...а у него ж де, Стеньки, в войску, с которым он в Астарахань пришел, большая половина меж донскими казаками хохлачей-черкас».

Но Разину надо было получать не просто пополнение, а еще чтобы «черкасы» открыли второй фронт. Он не знал, что Сирко теперь за Москву. Впрочем, противнику Сирко Ханенко он тоже писал, будучи, вероятно, не в силах разобраться, что там «у хохлачей» делается... Думается, почти все его промедления в разных городах были связаны именно с этим — с ожиданием «последнего слова» от украинцев. А между тем из Малороссийского приказа пошли грамоты к Многогрешному и Ханенку с требованиями не пускать никого к Разину, высылать против мятежных казаков Дорошенко заставы и оказывать помощь царским войскам. Вряд ли Многогрешный и лидер пропольской партии Ханенко были от этого поручения в большом восторге. Но исполняли, хотя и плохо.

Костомаров: «В Астрахани долго бы не знали, что происходит в Царицыне, если б случай не спас одного промышленника, Павла Дубенского. Он плыл по Волге на легком струге. За семьдесят верст не доезжая до Царицына, встретил он беглецов из отряда Лопатина, спасавшихся от поражения, и узнал обо всем. Он волоком перетянулся в

реку Ахтубу, этим путем дошел до Астрахани и доставил Прозоровскому печальную весть о том, что помощь, которой ожидали в низовьях Волги, уже не существует и сообщение с верховыми областями прервано. В Астрахани это известие наделало большой суматохи».

В исторической литературе долго господствовало мнение, что еще до Царицына было принято твердое решение брать Астрахань. Мы думаем, что для самого Разина это был вопрос решенный, однако из показаний московских стрельцов и попа Никифора следует, что он долго обсуждался в Царицыне на кругах. Никифор: «А перед походом де Стенька Разин учинил круг и говорил, чтоб им иттить в Астарахань всем грабить купчин и торговых людей: не дороги де им бояря, дороги им де купчин и торговых людей животы. Да в те ж в поры объявились у Стеньки Разина в кругу астараханские жители 2 человека, а сказывали, что де они были на Москве для челобитья, и звали ево, Стеньку, под Астарахань; а как де он, Стенька, з донскими казаками будет под Астараханью, а астараханские де татаровя с ним, Стенькою, битца не станут, выдут из города, только де учнут битца московские стрельцы, а их де астараханские жители учнут битца для приманки. Да Стенька ж де Разин в кругу говорил: быв-де под Астараханью, иттить им вверх по Волге под Казань и под ыные государевы города».

А. Н. Сахаров, с одной стороны, пишет, что «больше по душе были Разину разговоры про Астрахань. Все больше и больше загорался Разин мыслью устроить на Волге свое казачье государство, с кругами в каждом городе, с крепкими заставами по всей реке, а отсюда уже ударить на Москву», с другой — что «только уездные люди, крестьяне, могут пополнить и укрепить его войско». У Злобина Разина учит уму-разуму Василий Ус:

«— Ты много стоишь! — отозвался возмущенный Ус. — Крамарь ты, мохрятник! Я тебе ранее молвил, что ты не за правду, а за корысть! Тебе бы коней нашарпать, добришка!.. Иди! И струги твои мне не нужны! <...>

— И уходи, уходи! Уж назад не покличу! Мыслишь, кланяться стану! — воскликнул Разин. — Иди к чертям!

— И пойду! Врозь дороги — так врозь! Ты в Астрахань хочешь, а наша дорога: Саратов, Самара, Нижний, Воронеж, Тамбов, Москва!..

— Ишь, куцы залетел! И в Москву! — усмехнулся Разин.

— Вот туды! — уверенно сказал Ус. — Я тряхну бояр — побегут к кумовьям в Литву!.. Я мыслил, ты вправду орел, поверил... Аты ворона, тебе цыплят воровать по задворкам!..»

У Шукшина мужики учат Разина, что надо идти вверх по Волге, он на

всех кидается то с пистолетом, то с ножом, наконец умница Ус из-под него выдергивает табуретку, атаман падает и успокаивается. Это тот случай, когда литературный дым появился без всякого документального огня: нет ни единого упоминания о разногласиях между Усом и Разиным. И все же нам кажется, что писатели правы — нет, не в том, что Ус был умный, а Разин в сравнении с ним болван, — а в том, что два этих человека действительно уживались плохо: уж очень авторитетен был Ус, и, возможно, Разин очень хотел бы каким-нибудь образом от него отделаться.

Разин решил двинуться вниз по Волге, когда узнал о высылке против него отряда астраханских стрельцов под командованием его крестного отца Львова. Поп Никифор: «А как де Стенька с войском пошел к Чорному Яру, и царицынские жители пошли с ним. А в Царицыне де оставил Стенька войска своего з десятка по человеку». То есть оставил примерно 700 человек. Начальствовать остались городской атаман Федор Иванов и казак Семен Семенов (видимо, есаул Иванова), а также штатская администрация — Кузьмин, Потапов и соборный поп Андрей. Нет, увы, ни кратенького документика, ни мифа, ни легендочки хоть самой малой о том, как жила эта небольшая республика, чем занимались в мирное время, как проходили круги у горожан, непривычных к этому способу правления, — а ведь это было бы даже интереснее переписки Разина с гетманами...

Стрейс: «Господин Прозоровский весьма дивился, не ведая, где он [Разин] в столь короткое время собрал такую большую силу, ибо у него оказался флот из 80 новых судов, на каждом две пушки и множество войска. С ним он поплыл вниз по Волге, но не показывал тогда никакой вражды, и князь Прозоровский также не находил нужным напасть на него до прибытия большого флота, снаряженного его величеством. Флот наконец прибыл и состоял из 6 тысяч стрельцов на многочисленных стругах, нагруженных порохом, оружием, различным военным снаряжением и съестными припасами. <...> Когда его царское величество было уведомлено о поведении и тирании Стеньки Разина, то было от него повелено тотчас приготовить все суда, какие только можно достать, над чем работали день и ночь, и через несколько дней снарядили сорок. На каждом была чугунная пушка с необходимым боевым снаряжением при ней. На них было посажено 2600 русских и 500 астраханских солдат под командованием и начальством князя Симеона Ивановича Львова».

Стрейс и Дэвид Бутлер (капитан корабля «Орел») указывают, что среди астраханских военных было много иностранных специалистов. Стрейс: «Войско состояло из одного полка русских солдат, стоявшего в Астрахани, под командой поляка, однако крещенного в русскую веру, по имени Иван

Ружинский; при нем старшим офицером был Якоб Виндронг, шотландский дворянин. Немецкие офицеры были Пауль Рудольф, капитан и фейерверкер, Роберт Гейт, английский капитан, и также лейтенант капитана Давида Бутлера Николай Шак, два немецких лейтенанта и два немецких прапорщика, крещенных в русскую веру. Другие были поляки и русские». На горожан и стрельцов надежды было мало. Костомаров: «Сгоряча воевода Прозоровский с товарищами и митрополитом перебирали меру за мерою, а тем временем между стрельцами и в простом народе возникло волнение и распространилось тайное расположение к Разину: его эмиссары там уже работали». На самом деле стрельцам даже в тот период продолжали задерживать жалованье — тут от эмиссаров не так много и требовалось.

Перед уходом из Царицына Разин послал разведгруппу в сторону Черного Яра, а на Дон отправил брата Фрола с десятком пушек, частью «ясыря», награбленного у астраханских купцов, и казной в 40 тысяч рублей — сумма громадная. (Видимо, он не боялся покушений на нее со стороны Яковлева и Самаренина.) Фрол должен был собрать к осени как можно больше людей — деньги и «рухледь» нужны были на снаряжение и, возможно, на подкуп черкасской администрации.

Стрейс: «25 мая, в троицын День, помянутый флот [под предводительством Львова] вышел из Астрахани, и замученный до полусмерти казак был повешен при прощании на виду у всего флота». (Тот самый, которого, по словам Стрейса же, «мучили таким ужасным образом, что самый жестокий и яростный русский сожалел о его муках».) Этот замученный казак упоминается в ряде документов. Костомаров: «Когда флотилия отправилась, перед нею, как бы в острастку и для примера, был повешен один из агентов Разина, пойманный в Астрахани. Прежде смерти его так страшно истерзали пытками, что самый безжалостный варвар не мог смотреть на него без сострадания, говорит очевидец. Быть может, об этом-то неудачливом возмутителе поет народная песня, называя его сынком Разина, вероятно, в том смысле, в каком подчиненные называли Стеньку батушкой». Мы песню о таком сынке уже читали — вот еще один вариант:

*Как по матушке по Волге
Легка лодочка плывет,
Как во лодочке гребцов
Ровно тридцать молодцов;
Посередь лодки сидит
Стенька Разин сам.*

*Как возговорит он Стенька
Ко товарищам своим:
«Уж и чтой-то это, братцы,
Мне тошным-тошно,
Мне сегодняшней денечек
Да грустнехонько?
Как и знать-то мой сынок
В неволюшку попал.
Уж я в Астрахань зайду —
Выжгу, вырублю,
Астраханского воеводу
Я под суд возьму».*

Но, чтобы попасть в Астрахань, нужно было выдержать сражение у Черного Яра. Разин и Ус с пехотой шли на стругах, конницей командовали есаулы Парфен Еремеев и Федор Шелудяк. Было их, вероятно, около шести тысяч человек (если не преувеличивали источники, ранее называвшие число «7000») — 700 оставили в Царицыне, некоторое количество казаков ушло с Фролом, но кто-то и новый прибился. В отписке воронежского воеводы Б. Бухвостова в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 154) со ссылкой на воронежских жителей говорится о трех тысячах; в этом же документе — со ссылкой на донских казаков — о пяти, семи и даже десяти тысячах человек. Остановимся все же на шести тысячах, хотя допускаем, что было и меньше.

Сколько сил было у противника: Фабрициус оценивает общее количество войска, посланного из Астрахани против Разина «по реке и по суше, чтобы таким образом зажать Стеньку Разина в тиски», в пять тысяч человек. Бутлер сообщает, что войска было 2600 человек на судах, о посылке войск по берегу не пишет. У Стрейса выходит, что войска было 3100 человек. В русских источниках есть ссылка на письмо Разина, посланное из Черного Яра на Дон, в котором он сообщал, что при Львова «ратных людей была 2000 с лишком» (Крестьянская война. Т. 1. Док. 157). А. Г. Маньков: «Здесь, видимо, указана та часть сил Львова, которая прибыла в Черный Яр на судах до того, как сюда подошел Разин. Общая численность войска, посланного из Астрахани, несомненно, была больше, чем указывают Бутлер и Стрейс, которые не были участниками этого похода. Фабрициус был участником похода и мог знать общую цифру войска от старших офицеров из иностранцев — поляка Ружинского,

шотландца Виндронга и своего отчима Беема. Тем более что если со Львовым летом 1669 г. навстречу Разину в Каспийское море было послано 3000 человек, то теперь, при ситуации куда более сложной, войско должно было быть численно большим».

Кроме того, калмыцкий тайша Аюка по распоряжению правительства выслал в район Черного Яра войско в 25 тысяч человек. Но калмыки славились своей ненадежностью (вдобавок их лидеры все время ссорились между собой). Забегая вперед скажем, что Аюка так ничем и не помог. И вот уже в конце июня (Крестьянская война. Т. 1. Док. 128) острогожский полковник И. Дзинковский пишет воеводе Белгородского полка Г. Ромодановскому не только о взятии Разиным Царицына, но и о сдаче ему под Черным Яром посланного из Астрахани войска...

Фабрициус с этого момента становится наиболее важным источником информации — он был в войске Львова, — и мы будем много его цитировать: некоторые его рассказы совершенно уникальны. «Мы уже несколько дней стояли в Черном Яре и высылали по реке и по берегу разъезды, но не смогли получить достоверных сведений. 10 июля (так у Фабрициуса. — М. Ч.) собирался военный совет, на котором было решено выступить и искать встречи со Стенькой. Но, расправившись с предыдущими, он оказался в выгодном положении, и так как его хорошо осведомляли о нас, он вышел из Царицына и на полпути встретился с нами у Черного Яра, появившись перед нами прежде, чем мы могли ожидать этого или получить какие-либо сведения о нем. 11 июля в 8 часов утра примчался наш дозор и поднял тревогу, так как казаки преследовали их по пятам». «Мы вышли из стругов и построились в боевом порядке. Господин генерал князь Семен Иванович Львов обошел строй, призывая всех и каждого помнить о своем долге, хранить верность присяге, данной его царскому величеству, и сражаться с бессовестными бунтовщиками, как подобает честным воинам. В ответ все как один закричали, что, разумеется, они все готовы отдать свою жизнь за его царское величество и будут биться до последней капли крови».

Стрейс: «Едва тот флот прибыл, Стенька ловко сумел под видом перебежчиков подослать своих самых хитрых и проницательных советников, которым и удалось представить дела Стеньки такими приукрашенными и добрыми, что весь простой народ склонился к нему и перешел на его сторону». Фабрициус: «Они (войско Львова. — М. Ч.) стакнулись и, решив, что им представляется возможность, по которой они так давно вздыхали, тотчас перешли к врагу с развернутыми знаменами и барабанным боем. Там они стали целоваться и обниматься и договорились стоять друг за

друга душой и телом, чтобы, истребив изменников-бояр и сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми».

Роль самого Львова, как обычно, непонятна — не он ли приказал сдаться? Вообще непонятно, почему Прозоровский отправил против Разина именно его крестного отца, однажды уже сильно себя запятнавшего этой связью. Впрочем, и сам Прозоровский в этом отношении был не лучше. Во всяком случае, Львов мог рассчитывать, что в случае неудачи крестный сын его помилует — и не ошибся. Шукшин: «Удивительно, с каким умом, осторожно держался Львов: всё высылают и высылают его первым встречать Разина и всё никак не поймут, что неудачи этих высылки — если не целиком, то изрядно — суть продуманная, злая месть позорно битого князя Львова Алексею Романову, царю. А бит был князь по указу царя перед приказом тверским — за непомерные поборы (нажиток), за несправедливость и лиходейство... Был бит и обречен во вторые воеводы в окраинные города, за что и мстил».

Обычно пишут, что разинцы казались хорошо вооруженными с помощью хитрости: у кого не было ружей, держали в руках деревянные колья. А. Н. Сахаров: «Пошла в бой разинская пехота, тысячи людей двигались вперед, и у каждого в руках были либо пищажи, либо пики, либо сабли. Только потом узнал Львов, что несли многие повстанцы в руках длинные деревянные шесты с обожженными краями и привязанными к шестам разноцветными тряпками. Эти-то палки и сошли издали за пики».

Но Фабрициус, который эту деталь видел своими глазами и впоследствии общался с разинцами, объясняет ее смысл совсем иначе: «Тем временем Стенька вышел в поле, построил широко развернутый фронт и дал в руки каждому, у кого не было огнестрельного оружия, длинную палку, обожженную немного с одного конца, а к ней был прибит лоскут или небольшой флажок, все это издали в открытом поле имело необычайно парадный вид. Простые воины и воображали, что там, где много флажков и штандартов, должно быть и много людей». Да и боя-то никакого не было. Фабрициус: «Тут воевода глядел на офицеров, офицеры на воеводу, и никто в растерянности не знал, что нужно предпринять. Один говорил одно, другой — другое, наконец порешили, что следует сесть с воеводой в его струг и таким образом ретироваться в Астрахань. Но воровские стрельцы в Черном Яру, стоявшие на валу и башнях, повернули пушки и открыли огонь по нас. Часть их выскочила из крепости и перерезала нам дорогу к стругам, так что некуда было податься». Костомаров пишет совершенно иное: «Стенька взял Черный Яр. Воевода и многие служилые люди, которые стреляли на козаков со стен, были

замучены». Так кто же и в кого стрелял со стен? Несмотря на поговорку «врет, как очевидец», все же поверим очевидцу, а не историку.

Из документов вообще не всё вполне ясно с Черным Яром: когда разинцы успели его взять, или же горожане сами совершили у себя в крепости переворот. С. П. Злобин выдвигает версию: «Федор Сукнин с товарищами окружили деревянные стены Черного Яра, сразу захватили все лады и челны, что лежали на берегу и стояли у пристани на приколе. Лады и челны, тотчас наполненные казаками, ушли в камышистые заливчики у противоположного берега. Далеко в степь в сторону Астрахани проскакали разезды. Там залегли казацкие заставы, и только лишь после этого утром казаки вошли в город. Черноярцы не бились с ними. Стрелецкий голова, увидав, что стрельцы перешли на сторону разинцев, переодетый хотел убежать в Астрахань, но его поймали, посадили в мешок и бросили в Волгу». Однако тут получается, что разинцы были в Черном Яру раньше Львова, тогда как очевидец Фабрициус утверждает, что войско Львова было раньше. Видимо, Фабрициус прав: едва астраханское войско чуть отошло от Черного Яра, тамошние стрельцы совершили мятеж и захватили власть в городе.

Фабрициус: «Между тем наши собаки (астраханские стрельцы и солдаты. — М. Ч.), те, что присоединились к казакам, налетели на нас с тыла. Нас было всего 80 офицеров, дворян и писарей. И тут бы быть резне, да Стенька Разин сейчас же отдал приказ не убивать больше ни одного офицера, ибо среди них, верно, есть все же и хорошие люди, таких следует пощадить. Напротив, тот, кто плохо обращался со своими солдатами, понесет заслуженную кару по приговору атамана и созванного им круга». Стрейс: «По такому наущению они напали на своих начальников, многим отрубили головы, других предали в руки разбойников вместе со всем флотом. Стенька, овладев без всякого боя такой большой силой, выдал каждому из них за два месяца жалованье, пообещав впредь свободу грабить и убивать по их желанию, и прибавил: «За дело, братцы! Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неводе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать всем вам свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, будьте только мужественны и оставайтесь верны». После этих слов каждый готов был идти за него на смерть и все крикнули в один голос: «Многая лета нашему батьке!».

Далее: «Итак, был созван круг, и Стенька через своих есаулов спросил, как обращались со своими солдатами генерал и офицеры, на что бессовестные кровавые собаки, как стрельцы, так и солдаты, в один голос

закричали, что среди офицеров нет ни одного, кто заслуживал бы пощады, что они единодушно просят, чтобы отец их, Степан Тимофеевич Разин, повелел всех начальников порубить саблями. На что и было дано согласие... И вот затем господ офицеров по их рангу одного за другим выволакивали из башни, куда они с туго связанными за спиной руками и ногами были брошены день назад, разрезали на них веревки и выводили их за ворота, где стояли все кровавые псы, и каждый из них рвался нанести первый удар своему бывшему военачальнику, один саблей, другой пикой, одни боевым молотом, другие бердышом. Как только офицера сталкивали в круг, кровавые собаки умертвляли его, нанося ему бесчисленные раны. Некоторых даже порубили на куски и тут же сбросили в Волгу. Мой отчим Пауль Рудольф Беем, подполковник Вундрум и многие другие высшие и низшие офицеры были зарублены на моих глазах». То есть убивали подчиненные Львова, а казаки на сей раз никого не убили — и Разин, похоже, действительно оставлял решение о казнях на усмотрение «коллектива»...

Почему пощадили самого Фабрициуса — и не только пощадили, но, как будет ясно из дальнейшего, обращались с ним уважительно? Сам он пишет, что его пытался спасти денщик, переодев в свое платье, потом он был пленником, а затем: «Перед самым выступлением на Астрахань неожиданно прибыл польский дворянин Вонзовский, который год назад был взят казаками в плен, и со временем так прельстился разгульной жизнью, что поступил на службу к этим разбойникам. И вот я попросил его по старому знакомству взять меня под защиту, ибо я не смел показываться на глаза нашим бывшим солдатам. Мой слуга действовал в одиночку, и ему хватало хлопот просьбами и мольбами добиваться того, чтобы меня не убили на струге. Этот поляк пошел сразу к Стеньке и заявил, что один молодой офицер остался еще в живых после последней резни и что я его сводный брат, поэтому он просит, чтобы меня отдали ему под начало, а он командовал сотней этих висельников. Стенька в знак милости тотчас дал ему свою печать, оттиснутую на воске. После этого я мог свободно выходить из струга».

Но обычно считают — на основе показаний в Тамбовской приказной избе купца И. Колокольникова, бежавшего «со товарищи» из Царицына (Крестьянская война. Т. 1. Док. 150. 13 июля 1670 года), который слышал от других царицынцев, что «вор де Стенька Разин с воровскими казаками в город (Черный Яр. — М. Ч.) вошел без бою и стольника де и воеводу князя Семена Львова взял к себе, а начальных де людей немец всех пометал в воду, только де оставил начального одного немчина. Потому что он умеет

стрелять ис пушак. А князь Семен де Львов у него, Стеньки, жив». Возможно, голландец Фабрициус и есть тот «немчин, что умеет стрелять ис пушак». Стрелять-то «ис пушак» казаки и сами умели, но, видимо, не умели пушки ремонтировать и делать сложные артиллерийские расчеты. Это просчет Разина. Могли бы за столько времени и научиться.

А. Н. Сахаров: «В Черном Яре Разин долго не задерживался. В тот же день устроил он круг. Судил круг воевод и стрелецких начальников, спрашивал у астраханцев и черноморцев — хороши ли были к ним начальные люди или нехороши. А потом приговорили всех, кого обвиняли стрельцы, посадить в воду. На этом же кругу решили судьбу и черноморского воеводы — бросили его в Волгу за то, что велел стрелять по казакам из пушек. Вместе с ним утопили еще некоторых начальных людей». Все как всегда — казнят не Разин, а сами горожане и стрельцы. Возможно, так и было. Впоследствии — мы к этому еще обратимся — очевидцы отметят, что люди Разина, особенно новенькие, были куда кровожаднее его самого.

Еще о Львове. Июльская отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина по «расспросным речам» горожанина И. Филиппова (Крестьянская война. Т. 1. Док. 157): «Да он жа, Иван, сказал. — Видел де он на Дону в козачьих городках от Стеньки Разина письмо, писал де он, Стенька, с Черного Яру на Дон козаком, что черноморцы здались ему, Стеньки. Да он же, Стенька, писал в том своем письме, что де из Астарахани боярин и воевода князь Иван Семенович Прозоровской послал против ево, Стеньки, товарища свово, князь Семена Львова, а с ним ратных людей была 2000 с лишком. И астраханские ратные люди с ним, Стенькою, битца не захотели, а князь Семена де Львова козаки ево Стенькины хотели посадить в воду, и он де, Стенька, в кругу у Козаков об нем, князь Семене был челом, чтоб ево в воду не сажать...»

А. Н. Сахаров объясняет спасение Львова туманно: «Больше веры будет, больше страху для московских стрельцов. Пусть совсем собьются с мыслей». Львова Разин не только спас — распространил чуть позднее слух, что идет на Астрахань с ним рука об руку. «Раскол элит» ему был нужен чрезвычайно. Неясно, однако, чего хотел и на что рассчитывал сам Львов. Трус ли, искавший только выгоды, или какой-то уж совсем невероятной храбрости авантюрист, или то и другое отчасти? Он мог получить от Разина — в случае победы — очень высокий пост. Но и пострадать в случае поражения мог ужасно. Так или иначе, он сделал выбор. Он был уже не первым дворянином в разинском войске, но то всё была мелочь вроде молодых боярских сынов, самым значительным из которых был племянник казненного воеводы Тургенева, а князь Львов — настоящий кит.

В интерпретации Злобина Львов — человек хороший и умный и даже готов поучать Разина (и кто только его в романах не поучал!), а тот не сердится, спокойно дискутирует:

«Львов покачал головой.

— Чего тебе надо, Степан? Ведь русскую кровь ты льешь понапрасну! Смирись! Куда прешь, как медведь, на рожон?! — воскликнул князь.

Разин громко, отрывисто захохотал.

— Медведей страшишься?! Не я прю, князь Семен. Народ прет, а я подпираю. Не будь я атаманом — другого найдут. Довели вы, бояре, всю Русь — ажно плакать не может. Все слезы повысыхали, как летом трава в степи... А ты, князь, видал, как степи сухие горят? Искру брось — и пойдет полыхать... Так-то нынче народ загорелся.

— А ты будь умнее, Степан; ты сам их уйми, — сказал Львов. — Народ ведь как стадо. Себе не к добру он мятется, себя не жалеет. Хоть ты бы его пожалел! Ведь силу нашьют на вас...

Степан от души засмеялся.

— И ты шел-то силой. Силу вел на меня. А что вышло? Где битва? Где кровь? Вот то-то! Где люди, князь, там и сила моя! — с торжеством сказал Разин. — Ведь нет на Руси людей, кому жить хорошо. Вам, боярам, житье — так вы ко мне не придете!..

— А ты мыслишь, народу добра промышляешь? — спросил князь Семен.

— Добра! — вызывающе бросил Разин.

— Гордыня в тебе играет, Степан, — возразил воеводский товарищ. — Прощлый год говорил, что Корнилу ты хочешь свернуть...

— И свернул! — подтвердил Степан.

— И Войско Донское подмять под себя?

— Что ж, подмял! — согласился Разин.

— И сел бы себе на Дону, да и правил казацким войском! Чего ты державу мутишь?! Век ратный у нас. Нам тесно без моря. Со шведом войны не минуешь. С турками, крымцами биться не миновать. А придет война, ты себя показал бы большим атаманом... Султана побьешь — и бояре поклонятся низким поклоном и сам государь всему Войску Донскому волю дарует! — убеждал воеводский товарищ.

— Какую там волю, князь! — оборвал его Разин. — Ты словно дите! Бояре глядят, как бы нам воевод посадить, а ты — волю!»

В конце июня полковник Дзинковский писал Ромодановскому (Крестьянская война. Т. 1. Док. 128), что после сдачи войск Львова под Черным Яром «с того числа он, Стенька, где, пошел в кою сторону, про то

не ведомо, а с Стенькою войска де в 10 000». Откуда десять тысяч, если было менее шести тысяч? У Львова было две тысячи человек, наверняка не все пошли с Разиным, кто-то просто разбежался. Откуда еще взялись? Мы сомневаемся, что к Разину за несколько дней прибились две тысячи царицынцев и черноморцев. С другой стороны, учитывая неоднократно называвшееся количество семь тысяч (до Царицына), трудно верить донесению воронежского воеводы Бухвостова в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 154), что разинцев летом было «по смете тысени с три» (Бухвостов также сообщал, что «в прибавку де к нему, Стеньки, воровские люди з Дону и з городов них-то нейдут», что уже явная ложь или неосведомленность). Так сколько же их было? Давайте будем считать все-таки не десять тысяч, а около восьми тысяч человек: до Царицына было семь тысяч, там оставили 700 — выходит 6300 человек; допустим, что из двух тысяч человек Львова с Разиным ушли около полутора тысяч, еще сколько-то прибились из разных городов.

Фабрициус: «На следующий день все наши вещи были разграблены и снесены к головному знамени, или бунчуку, и тут наши кровавые собаки получили вместе с казаками свою долю из наших вещей. После этого убийцы, так долго упивавшиеся человеческой кровью и до сих пор не пресытившиеся ею, захотели еще и водки, и пива, объявили царские погреба своей собственностью и вылакали все начисто. Когда же ничего больше не осталось, воры стали совещаться, как им повести дело дальше...» Ну, вряд ли уж круг проводили до смерти упившиеся люди, сперва, наверное, протрезвели малость. Тем более что предмет совещания был серьезный: «...углубиться ли в страну вверх или сначала обезопасить себя от Астрахани. Последнее посчитали более благоразумным и выгодным, поскольку, захватив Астрахань, они обеспечили бы себе тыл и, таким образом, смогли бы беспрепятственно подниматься вверх по Волге до самой Казани. В Казани де все жители с ними заодно и при их приближении уж расправятся с правителем города и со всеми офицерами». Маньков отмечает, что это была несколько новая концепция: если ранее в Астрахань предлагалось идти «всем грабить купчин и торговых людей», то теперь взятие города стало рассматриваться как необходимость укрепить тылы.

Упоминавшийся купец Колокольников «со товарищи» сообщил, что в его присутствии Разин писал грамоту (умел писать, стало быть) из Черного Яра в Царицын — докладывал, что взял людей Львова без боя и они все вместе идут в Астрахань, но сперва собираются в город-крепость Камышинку — если та сдастся, все будет хорошо, если нет — разграбят; и

просил прислать пушек и пороху. Стрейс: «Теперь он ждал к себе еще больше народа и лодок и, чтобы избавиться от трудов и усилий при перетаскивании их по суше, задумал взять врасплох город Камышинку, лежащий при устье реки Еруслана, откуда он без всякого труда мог переправиться с Дона на Волгу. Но так как тот город был хорошо укреплен и мог с легкостью защищаться, то он решил взять его хитростью и обманом. Он снарядил самых видных перешедших к нему русских солдат, отправил их туда как бы по приказу царя для того, чтобы охранять Камышинку от Стеньки. Среди них не было ни одного казака, чтобы все дело казалось правдоподобней. Таким образом, отряд этот с радостью впустили в город. Войдя туда, они ночью валяли все ворота, входы и сторожевые посты и склонили гарнизон на свою сторону. Затем они схватили наместника, высшее начальство, зарубили их саблями и бросили в Волгу. После того выстрелом из пушки подали знак, что все сделано, на что Стенька тотчас же отправил туда несколько тысяч казаков, которые сменили русских».

Тут много обычной стрейсовской фантазии: как следует из русских источников (Крестьянская война. Т. 1. Док. 131. Между 2 и 19 июля 1670 года. Отписка головы московских стрельцов В. Лаговчина в приказ Тайных дел), 300 казаков в стругах (Разина с ними не было) пришли под Камышинку, воевода Е. Панов их впустил, и боя никакого не было. Костомаров: «Отряд Стеньки взял Камышин. Воеводу и приказных утопили». Однако в той же отписке Лаговчина говорится иное: «И они де, воровские казаки, были в Камышенке два дни и из церкви иконы и твою великого государя всякую казну да 4 пушки полковых да 2 огненные пушки медные и воеводу Еуфима Панова и камышенских служилых людей взяли с собою».

Конечно, Разину было выгоднее, чтобы воеводы состояли при его отряде, и он старался, чтобы информация об этом шла впереди него. «И побрав торговых людей струги, которые за ними, воровскими казаками, стояли на Камышенке, пошли со всем к Царицыну. И того ж де, государь, числа (по словам Лаговчина, выходит 24 июня, на самом деле на несколько дней раньше. — М. Ч.) Камышенской город сажгли, а оставили де на камышенском городище 4 пушки чюдинные, железные...» За что сожгли Камышинку — ведь прежде за казаками такого не водилось? Дело в том, что крепость была основана в 1668 году для того, чтобы затруднить переходы казаков с Дона на Волгу через реки Камышинку и Иловлю. Впрочем, ее скоро отстроили вновь. Что касается тяжелых пушек — казаки постоянно бросали их где-нибудь: слишком тяжело, почти невозможно за

собой таскать, проще, придя на место, отбить у кого-нибудь новые.

О Камышинке, хотя она не играла какой-либо заметной роли в разинских экспедициях, существует масса старинных и современных легенд: например, что Разин так ее невзлюбил, что после сожжения велел по старому языческому обычаю проклясть это место, отстегав пожарище плетью. Камышин — один из любимых городов современных диггеров; часто в разинском фольклоре фигурирует находящийся в 40 километрах выше нынешнего Камышина Ураков бугор (Уракова гора), известный своими разветвленными катакомбами, хотя не факт, что Разин там вообще был. Есть легенда, что якобы Разин пришел к колдуну Ураковой горы Газуку и попросил заговорить его от врагов — продал душу дьяволу, так сказать. (Ураков бугор назван в честь легендарного разбойника Уракова (Урака), чьим есаулом будто бы был Разин.)

И баснословные разинские клады тоже чаще всего связывают с окрестностями Камышина: там, в частности, люди до сих пор ищут некий гигантский алмаз, привезенный Разиным из персидского похода. Историк Л. Вяткин приводит сказание: «Много у Стеньки было всякого добра. Девать его было некуда. По буграм да по курганам волжским Стенька золото закапывал. В Царицынском уезде курган небольшой стоит, всего каких-нибудь две сажины вышины. В нем, в народе говорят, заколдованный Стенькин клад положен. Целое судно, как есть, полно серебра и золота. Стенька в полную воду завел его на это место. Когда вода сбыла — судно обсохло, он над ним курган наметал. А для примета наверху вербу посадил. Стала верба расти и выросла в большое дерево... Сказывают, что доподлинно знали, что в кургане клад лежит, да рыть было страшно: клад-то непростой был положен. Из-за кургана каждый раз кто-то выскакивал, страшный-престрашный. Видно, нечистые стерегли Стенькино добро».

Недалеко от Уракова бугра — бугор Стеньки Разина, и там тоже страшные катакомбы и раздолье для диггеров, уфологов и прочих любопытствующих. Говорят, будто на вершине бугра у Разина была «ставка», откуда он командовал своими пиратами, а пленных заточал в расположенный поблизости Тюрь-минский овраг, где они все умирали от неведомых хворей. Также существует предание, что именно в этом месте он утопил княжну. Ну и, разумеется, призрак атамана время от времени является около бугра, и вообще место проклятое, и гробница Марины Мнишек тут же рядом находится, так что Марина со Стенькой могли бы спокойно общаться по сей день, если бы не призрак еще одной возлюбленной Разина — Насти, на которую Урак наложил проклятие, и бедняжка вечно ходит и плачет около бугра ее имени. Да еще и русалка-

княжна где-то рядом. Степану Тимофеевичу приходится как-то делить свой досуг между тремя женщинами.

Астрахань между тем бурлила в ожидании событий — радостных для одних, страшных для других. Стрейс: «Долго скрытое пламя восстания разбросало во многих местах свои искры: раздавались бранные слова и безрассудные речи о наместнике, говорили ему и высшему начальству прямо в лицо все, что только приходило на ум. Было бы не благоразумно затыкать рот насильно, и все только ждали возвращения и победы господина Симеона Ивановича [Львова], от которого каждый день надеялись получить весть о счастливой встрече с врагом. В то же время гарнизон города сильно уменьшился и ослаб, напротив простой народ возрос в числе и совсем обезумел. Но в то время, когда ожидали спасения и избавления от руки Симеона Ивановича, 4 июня было получено достоверное известие от одного бежавшего дворянина о том, что город Чернойр взят бунтовщиками-казаками в тот самый день, когда князь Львов подошел к нему, что наместник, дворянство, начальство и состоятельные люди перебиты и брошены в Волгу. Кроме того, солдаты флота князя Львова позорным образом убили своих офицеров, объявили, что они за казаков, и передали суда в руки Стеньки Разина, не иначе как заранее в том столковавшись. Невзирая на то, что они незадолго до прибытия в Чернойр поклялись в верности до гроба своему начальству, они все-таки изменили, одержимые каким-то злым духом».

Ну почему же «злым духом», если Стрейс только что сам писал о «долго скрытом пламени восстания»? Кстати говоря, как следует из показаний московских стрельцов в Белгородской приказной избе (Крестьянская война. Т. 1. Док. 130), Разин уже начал пропагандировать свою новую доктрину: «А как де их он, Стенька, с войском розбил, и он де и все ево войска казаки говорили им, что они де, стрельцы, бьетца за изменников, а не за государя, а он, Стенька, бьетца с войском за государя...»

Стрейс: «Можно легко себе представить, как понравилось это известие [о поражении Львова] господину Прозоровскому. В то же время слух этот привел простой народ в такую гордость и неистовство, что он без всякого страха открыто проклинал, поносил и оскорблял наместника и даже плевал в лицо начальству со словами: «Пусть только все повернется, и мы начнем», и т. д. И я видел многих высоких господ, которые прежде не замечали этих людей, а теперь испуганно уходили со слезами на глазах».

Для Стрейса, конечно, Разин однозначный негодяй и тиран, но и

большой симпатии к астраханскому начальству в его словах как-то не чувствуется. «Прежде не замечали этих людей» — а может, надо было замечать хоть немножко? Прозоровский, по словам Стрейса, «опасался за Астрахань, ибо глупый народ начал роптать и высказывать похвалы разбойнику, и во всех городах той местности начались такие волнения, и каждый миг приходилось со страхом ждать ужасного кровопролития. «Восстань, восстань, народ! — кричали даже стрельцы. — К чему нам служить без жалованья и идти на смерть? Деньги и припасы истрачены. Мы не получили платы за год, мы проданы и преданы». Они кричали еще о многом, а начальство не смело их удерживать от этого иначе, как добрым словом и великими обещаниями». Может, надо было все-таки не только себе приобретать шубы, но и зарплату стрельцам вовремя платить? А вот фраза Стрейса, которая лучше всего передает атмосферу Астрахани в те дни: «...начались опасения и подозрения, не знали, кто друг и кто недруг и на кого можно было положиться, также слышно было здесь и там о разных мятежных сговорах, большею частью тайных...»

В июле царь, видимо, несколько испуганный последними известиями с Дона, послал Корниле Яковлеву грамоту не с упреками, как прежде, а с благодарностью за то, что не пошел с Разиным «воровать». 10 июля ловить Разина был отправлен воевода Урусов с полком; в наказной грамоте ему из приказа Казанского дворца перечисляются разинские злодеяния, в частности, целый абзац посвящен беззаконному и безбожному венчанию около вербы — эта верба теперь будет в неизменном виде переключиваться из одного официального документа в другой. Грамота из Разрядного приказа ушла и воеводе Белгородского полка Г. Ромодановскому — об усилении застав, задержании и допросе всех людей, приходящих с Дона. Но они опоздали — Разин еще в июне ушел на Астрахань. Двигался он, как обычно: большая часть войска в двухстах или трехстах стругах по воде, конница (предположительно около двух тысяч человек) — берегом. Было у них, по разным сообщениям, не меньше пятидесяти легких пушек.

Историку добавить к этому нечего. Зато романисты могут придумывать за героя какие угодно мысли и разговоры. А. Н. Сахаров: «Разин сидит в своем струге на устланной дорогим ковром лавке. Кафтан он снял, остался в одной рубашке, и та расстегнута до пупа, слушает речи своих есаулов, попивает из серебряного кубка вино, потом наливает из бочонка одному, другому. От жары и вина туманится голова, тянет ко сну. Медленно говорит Разин: «Покончу с Астраханью, все государевы города заберу, бояр и воевод всех до единого перевешаю». Каменский: «Степану хотелось просто взять и уйти, скрыться, исчезнуть. Хотелось чудом

превратиться в высокую гибкостройную сосну на южном склоне вершины приволжской горы и кудрявыми, смолистыми ветвями жадно вбирать светорадостный аромат безмятежного дня. Или еще червонным песком лежать у водокрая на солнце, лежать и мудрым покоем улыбаться в небесную бирюзу и изумрудным ветвям над головой, и — может случиться — осторожным следам кулика или чайки». Мордовцев: «На светлую полосу в намете, освещенную месяцем, легла как будто прозрачная тень. Разин всматривается и видит, что эта тень приняла человеческие формы... Что это? Кто это? Но тень все явственнее и явственнее принимает человеческий облик... Это она — Заира! Она нагибается над ним, и он слышит тихий укор ее милого голоса: «Зачем ты это сделал? Я так любила тебя»...

— Славен город Курмояр!

— Славен город Кагальник!

Разин в испуге просыпается... Но и теперь его глаза продолжают видеть, и он ясно сознает это несколько мгновений: как легкая, прозрачная, точно дым от кадила, тень отошла за отдернутую полу намета и исчезла в лунном свете. Если бы не эти оклики часовых, она осталась бы дольше с ним».

У Шукшина среди вновь пришедших в войско Разина появился чрезвычайно умный мужик Матвей — отныне этот Матвей будет что ни день поучать атамана, а тот полюбит с ним беседовать:

«— Не жалуешь и ты его, а как надо людей с собой подбить, говоришь: я за царя! Хэх!.. За царя. За волю уж, Степан, прямо, не кривить бы душой. Ну, опять же — не знаю. Тебе видней. Погано только. Как-то все... вроде и доброе дело люди собрались делать, а без обмана — никак! Что за черт за житуха такая. У нас, что ль, у одних так, у русских? Ты вот татарей знаешь, калмыков — у их-то так жа?..

Степану неохота было говорить про это: велика это штука — людей поднять на тяжкое дело долгой войны. За волю, за волю, за царя — тоже за волю, но пусть будет за царя, лишь бы смелей шли, лишь бы не разбежались после первой головомойки. А там уж... там уж не их забота. За волю-то не шибко вон поднимаются, мужики-то: на бояр, да за царя... Так уж невтерпеж им — перед царем ползать. И нет такой головы, которая растолковала бы: зачем это людям надо?

— Такой же ведь человек — баба родила, — стал думать вслух Степан. — Пошто же так повелось? — посадили одного и давай перед им на карачках ползать. Во!.. С ума, что ль, посходили? Зачем это? Царь. Что царь? Ну и что?

— Дьявол знает! Боятся. Атому уж — вроде так и надо, вроде уж он не он и до ветру не под себя ходит. Так и повелось... А небось перелобанить хорошо поленом, так и ноги протянет...»

Ух! Слова-то какие ужасные мужик говорит! Куда только смотрит приказ Тайных дел?!

Глава восьмая

АСТРАХАНЬ-2

Об укреплениях Астрахани мы уже говорили. Считалось, что она может оказать сопротивление даже стотысячной армии. Кроме своих стрельцов, были отряды московских под предводительством Д. Полуектова и А. Соловцова. Горожане были обязаны участвовать в обороне — тем, у кого не было оружия, велели заготовить колья, камни, чаны для кипятка. Всех жителей — как у казаков или стрельцов — поделили на сотни и десятки, Прозоровский назначил осадных голов. Защитой города считался также корабль «Орел» со своими пушками, из которых салютовал Разину в его прошлый приход. По совету капитана «Орла» Бутлера Прозоровский запретил выезды на рыбную ловлю. О том, чтобы высылать навстречу Разину каких-нибудь людей, и речи не шло. Прозоровский надеялся лишь досидеть в крепости до подхода подкрепления из Москвы или Белгорода. Но Разин был слишком быстр, а тогдашняя почта — слишком медлительна. Когда он подошел к Астрахани, правительство еще и не подозревало о взятии Царицына и разгроме войск Львова — только около 30 июня острогожский полковник Дзинковский сообщил об этом воеводе Белгородского полка Ромодановскому, а до Москвы информация дошла еще на несколько дней позднее. Московские отряды для борьбы с Разиным начали отправлять лишь в конце июня и в недостаточных количествах и, главное, не туда, куда надо, — в Воронеж, Коротояк, Саранск, Тамбов.

Костомаров: «Все средства, запасы, порох, оружие — все она [Астрахань] получала из Казани или из Москвы. Она тогда не была этим всем бедна, но мало надежды подавали угрюмые лица ее защитников и жителей, также смотревших исподлобья. Спасти ее могли только свежие силы, если б они пришли из Москвы; но в Москве не знали, что угрожает Астрахани. Невозможно было дать знать туда скоро. Воеводы Астрахани оказались как бы в осаде. О Волге нечего было думать, когда по ее руслу приближался к Астрахани густой ряд стругов Стеньки. Как на беду случилось, что нельзя было послать гонца и степью: там кочующие черные калмыки резались с волжскими калмыками; дрался Большой Нагай с Малым, а татары-малыбаши — с татарами-енбулаками. Ни проходу, ни переходу. Воевода и митрополит решились послать гонца через Терек; нельзя было ожидать ничего от такого посольства: путь был слишком

далек. Пока гонец мог добежать до Москвы, Стенька пять раз взял бы Астрахань. Но утопающий хватается и за соломинку. Воевода выбрал гонцом того же самого Тарлыкова, что один убежал из Черного Яра, дал ему двух провожатых русских да пять человек татар. До Терека он доехал благополучно, но на дальнейшем пути утонул; а провожатые его воротились в Астрахань...»

18 или 19 июня разинцы остановились на урочище Жареные Бугры. Два дня подождали. Дождались нескольких перебежчиков, рассказавших о ситуации в городе. Дождались даже, как показывал на допросе Шелудяк, некоего дворянина-москвича («Гришкою зовут Хрущев, что ныне пишется Гришка Дуров»), специально приехавшего, чтобы вступить в разинскую армию, но официальная Астрахань не реагировала. Разин рассчитывал решить дело миром — отправил парламентаров. Почему бы не надеяться на то, что Прозоровский сдаст город? В прошлый раз он принимал Разина как гостя; он уже знал, что Львов сдался, остался невредим и, можно сказать, присоединился к казакам. По некоторым версиям, в прошлый раз решить дело миром советовал митрополит Иосиф — почему бы ему и теперь не посоветовать то же?

Парламентаров было двое, не казаки, а астраханцы, один — священник Воздвиженской церкви Василий Гаврилов, второй — со слов самого Гаврилова на допросе в Астраханской приказной палате в июле 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 184) — «дворовой человек Вавилко» князя Львова. (По словам Бутлера, посланниками были «казак и русский поп», по словам Фабрициуса — «трубач и слуга генерала Львова»; коротоякский воевода М. Ознобишин докладывал в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 164), что парламентаров было десять «астараканских стрельцов».) Но, наверное, Гаврилову виднее, кто с ним ходил. Почему такой странный выбор? Гаврилов показывал на допросе, что был в войске совсем недавно — его сняли с судна, идущего из Астрахани. Дворовой человек Львова тоже только что появился у Разина, и его присылка могла быть воспринята как намеренное оскорбление, даже если это был не лакей, а какой-нибудь секретарь. Почему самого Львова не отправили — непонятно. Это выглядело бы шикарно, просто убийственно. Боялись, что ничего не передаст, наоборот, будет говорить, чтобы не сдавались? Но что бы это изменило?

Однако Львова даже не было с Разиным в тот момент. Как показывал в Тамбовской приказной избе московский стрелец И. Алексинец (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 12.22 августа 1670 года): «И оставил де ево, князя Семена, он, Стенька, на Черном Яру... а после де того велел

ево привести к себе в Астарахань». Зато, по словам того же Алексинца, Разин повсюду возил за собой полуголову московских стрельцов Федора Якшина и камышинского воеводу. Интересно, что было бы, если бы Разин их прислал переговорщиками.

Бутлер: «В воскресенье 22 июня близ города показались казаки, и вперед вышли для переговоров казак и русский поп. У посланного также было немецкое письмо ко мне, где мне советовали, если я хочу остаться в живых, не оказывать со своими людьми никакого сопротивления. (Маньков подозревает, что это письмо писал Фабрициус, старательно умалчивавший о том, чем он занимался при Разине, и мы с ним полностью согласны. — М. Ч.). Господин губернатор разорвал это письмо, прежде чем я его успел как следует прочесть, велел посыльному заткнуть глотку, чтобы он не мог говорить с простым народом, после чего они были тотчас же обезглавлены». Костомаров: «Начали этих посланных пытаться и выведывать; и пытались накрепко; поп сказал им только, что у Стеньки войска восемь тысяч, а боярский человек не сказал ничего: от него не добились даже, как его зовут». А. Попов в своих «Материалах для истории возмущения Стеньки Разина» приводит слова астраханца, боярского сына Золотарева, — у него выходит, что «Вавилко» после пытки был казнен на виду у повстанцев, а священнику по распоряжению митрополита Иосифа заткнули рот кляпом и посадили в монастырскую тюрьму. Это подтверждает сам Гаврилов, не упоминая, впрочем, про кляп. (Забегая вперед сообщим, что Разин его не забыл и, взяв город, прислал человека к митрополиту с просьбой или требованием выпустить Гаврилова, и его отпустили; впоследствии он клялся, что «во ектениях за Стеньку Разина и казаков не молил» и вообще был человек случайный, и тут же донес на соборного протопопа Ивана Андреева, который уже после ухода Разина из Астрахани «прихаживал» к новым властям.) Реакция Прозоровского на таких посыльных и с таким предложением была понятной, но бессмысленной. Теперь ему было куда труднее рассчитывать на пощаду.

Относительно восьми тысяч разинцев, о которых сказал Гаврилов. Выходит, все верно мы с вами сосчитали? Но что-то берут сомнения. Посланный непременно должен был преувеличить численность осаждающих — для устрашения. Хотя пару тысяч-то должен был накинуть. Так что, похоже, ошибались источники, насчитывавшие семь тысяч человек в разинском войске до Царицына. Но даже и пять-шесть тысяч вооруженных людей — это много и по нынешним временам. Персидские купцы, впоследствии просившие от правительства возмещения убытков (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 253. 3 мая 1673 года), утверждали, что

с Разиным пришли всего две тысячи человек. Это маловато — в одном только войске Львова, перешедшем на сторону Разина, было их две тысячи. Но пусть их было не пять-шесть, а, скажем, всего три-четыре тысячи — все равно это много. Барон Унгерн в начале XX века атаковал Ур-гу с несколькими сотнями казаков и одной пушкой, а у Разина пушек было пятьдесят... Ну, пусть это тоже преувеличение, допустим, двадцать. Все равно немало.

Почему Прозоровский все-таки не сдал город, не вступил в переговоры? Ведь Стрейс описал, какие настроения царили в Астрахани: очень рисковал воевода, причем не только другими людьми, но даже и собой. Боялся Москвы? Но Москва далеко; потом всегда можно сказать, что принудили силой. Такой гордый, принципиальный? А что же он раньше не был принципиальным, когда принимал от разбойников дорогие подарки и день-деньской с ними обедал? Поведение его загадочно. Почему он сперва послал навстречу Разину его названного отца, на чью верность после прошлогодних событий трудновато было положиться, а потом вдруг встал в позу? Ни Костомаров, ни оба Соловьева, ни Савельев, ни Маньков, ни Попов, ни составители комментариев к «Крестьянской войне», вообще ни один историк эту удивительную загадку не попытался объяснить. Романисты, как ни странно, — тоже, предпочитая писать каждый про свое. А. Н. Сахаров поведал о том, как «казаки шныряли меж деревьев, грызли незрелые еще яблоки, персики, ломали сапожищами виноградные лозы. Степан подошел к одному, взял у него из рук зеленое яблоко, повертел в руках, усмехнулся: «Чье это ты ешь-то? Своих же товарищей, голутву, обкрадываешь, — повернулся к есаулам: — Скажите, чтоб берегли сады, не мустошили, и плодов бы не рвали, и деревья не ломали, это все добро здешних простых людей». Шукшин:

«Степан был спокоен, весел даже, странен... Костров не велел зажигать, ходил впотьмах с есаулами среди казаков и стрельцов, негромко говорил:

— Ну, ну... Страшновато, ребята. Кому ишо страшно? <...>

То ли понимал Степан, что надо ему вот так вот походить среди своих, поговорить, то ли вовсе не думал о том, а хотелось самому подать голос, и только, послушать, как станут откликаться, но очень вовремя он затеял этот обход, очень это вышло хорошо, нужно. Голос у Степана грубый, сильный, а когда он не орет, не злится, голос его — родной, умный, милый даже... Только бесхитростная душа слышится в голосе ясно и просто...»

Наживин:

«И князь [Прозоровский] хмыкал носом от своей вечной насмоги,

возводил к небу свои водянистые глаза и вздыхал благочестиво:

— Господи, на Тебя единого надежда!.. Укрепи, Господи, град наш...

И его уши как-то жалостно оттопыривались».

Так что давайте сами что-нибудь предположим. Например, возможно, что Прозоровский, во-первых, верил в неприступность крепости с военной точки зрения; во-вторых, сильно полагался на отряды солдат, которым командовали иностранные военачальники (Бутлер, уже знакомый нам Видерос, англичанин Томас Бейли и другие), и отряд черкес, который прислал князь Коспулат (Казбулат Муцалович); а в-третьих, настроения, о которых хорошо знал Стрейс, могли и пройти мимо воеводы (во всяком случае, он сильно преуменьшал их опасность) — ведь высокие начальники нередко до последнего мига думают, что подданные останутся им верны, даже если не платить им денег. Ведь не знал же Прозоровский, что стрелецкий голова Иван Красулин, один из тех, на ком лежала ответственность за оборону города, давно завербован разницами...

Бутлер: «В понедельник казачьи войска приблизились к городу примерно на 300 больших и мелких судах, зашли в рукав у виноградников на расстоянии приблизительно получаса от городских валов. В связи с их прибытием наши сожгли весь татарский квартал. (О том, куда девались его жители, история умалчивает. — М. Ч.). Я стоял рядом с господином губернатором на крыше его дома и, увидав множество небольших лодок на реке около города, сказал губернатору, что этого не должно быть, хотя бы то были только рыбаки, они все же могут передавать известия врагам, на что губернатор, тщательно осмотрев все, послал войска перестрелять и разнести в щепки эти лодки, что и было сделано». Никаких сомнений в правильности этого действия Бутлер не испытал... «В тот же день персидские и черкесские отряды привели в город четырех пленных казаков, которых пытали в моем присутствии; двоих тотчас же повесили, а двум другим отрубили головы». Когда пытать будут самого Бутлера, его тон делается совсем не таким равнодушным: «Меня подвергли нечеловеческим пыткам и мучениям казаки с Украины, называемые Gogelatse [хохлачи].

Я находился там вместе с жабами и другими гадами, которые бегали по моей голове и телу; они кишели во множестве в этой тюрьме. Всю ночь я взывал со слезами к спасителю...»

Итак, ворота заложили кирпичом, татарскую слободу у речки Кривуши сожгли, митрополит предложил выпустить воду из прудов (своих и Прозоровского) на солончаковые поля: Астрахань превратилась в остров. Также митрополит устроил крестный ход. (Наживин: «Конечно, все

усердно молились — даже те, которые ждали казаков с нетерпением: молитва никогда не мешает...») Готовились и стрельцы Красулина — ждали только сигнала, чтобы подставить нападающим лестницы и впустить их в город...

У Разина тоже готовились. А. Н. Сахаров: «Проходили астраханцы через военную суету казацкого стана, дивились на великое множество ратных людей, а потом еще больше дивились на самого атамана. Принимал их Разин как своих близких друзей, угощал из стоявшего рядом бочонка вином — сам же не брал в рот ни капли, — просил рассказать про все астраханские беды и, когда говорили астраханцы, как мучает боярин жителей, как насильничает над ними и позорит их, в ярости принимался топтать ногами, кричал: «Ах, мясники! Ах, мясники этакие!». (Чапыгин: «Разин встал, и есаулы тоже. Всем налили ковши водки, атаман поднял свой ковш над головой:

— Бояра крест целуют, когда клянутся, мы же будем клятву держать, приложась к ковшу!»)

Думается, пить Разину было некогда, но и болтать с астраханцами — тоже (да и выйти из города почти никто не мог). Двое перебежавших в разинский лагерь ранее — посадские жители Лебедев и Каретников — нарисовали план крепости, указав наиболее уязвимые участки; по их совету казачья флотилия прошла по Болдинскому протоку, который окружал Астрахань с востока, затем по протоку Черепахе и по Кривуше, огибавшей юг города; крепость была взята таким образом в полукольцо.

Вечером 21 или 24 июня (по большинству источников — 21-го, но это противоречит показаниям Бутлера о том, что 22-го приходили парламентареры) начался приступ. Основные — как казалось — силы казаков подошли со страшным шумом со стороны центральных Вознесенских ворот; туда бросились и Прозоровский с братом, и прочее военное начальство, и Бутлер, и другие иностранные военные; стрельцы и пушкари взобрались на стены. Из документов совершенно неясно, был ли там бой или хотя бы имитация боя. (Общее количество погибших при штурме города и в уличных боях составило всего лишь 345 человек, как пишет А. Попов.)

В это самое время на южной стороне крепости начался мятеж; стрельцы и горожане ставили лестницы, подавали руки казакам. Бутлер описал столкновение между полковником Бейли и подчиненными ему солдатами — те ранили его и угрожали убить. В какой-то момент предположительно прозвучали пять выстрелов из пушки — обговоренный заранее сигнал к всеобщему мятежу. Костомаров: «Вслед за роковым

сигналом астраханцы (молодые люди, то есть чернь и бедняки) с яростным криком бросились бить дворян, детей боярских, пушкарей, людей боярских, и кто-то, неистовый, налетел на князя Прозоровского и ударил его копьем в живот: князь упал с лошади. Верный старый холоп схватил его, пробился с ним сквозь разъяренную толпу, унес в соборную церковь и там положил на ковре. Брат воеводы, Михаил Семенович, погиб близ стены от самопального выстрела. Все кругом разразилось изменою; стрельцы величали батюшку Степана Тимофеевича».

Казаки почти без боя взяли Земляной город и Белый город; оставался только кремль. На приступ опять пошли с двух сторон; одну часть войска вел Разин, другую — Ус. Сопротивление оказывали отряды иностранных наемников — не то чтобы они были большими патриотами Руси, чем русские, но, во-первых, привыкли подчиняться дисциплине, во-вторых, вероятно, слышали, что разинцы иностранцев за редким исключением не щадят. (Стрейс: «...разбойник сильно озлоблен против немцев, ибо они проявляли наибольшую стойкость и наносили ему наибольший ущерб в битвах».) Фабрициус пишет, что в одном из городских кварталов голландский отряд держал оборону несколько часов, пока не был перебит весь; якобы голландцы уничтожили более тысячи казаков. Он же: «Персы, как посольские, так и торговые люди, укрылись в одной из башен и храбро защищались, перестреляли несколько сот казаков, а когда им не хватило пуль, они стали стрелять монетами, так что впоследствии лекари вырезали из воров много монет. Под конец из-за недостатка пороха и свинца пришлось сдаться и персам. Стенька даровал им жизнь». Так же говорит и Бутлер: «большая часть персов была оставлена в живых» — причем выжил даже один голландец, лицом смахивавший на перса. Однако в цитированной выше челобитной персидских купцов говорится, что Разин «шахова величества людей многих побил» (а также отнял посланную царю казну и подарки).

6 мая 1676 года Фабрициус был допрошен в Посольском приказе (Крестьянская война. Т. 3. Док. 130) и сказал: «Как он во прошлом во 178-м году изменою вор и богоотступник Стенька Разин со товарищи Астрахань взяли, и в то время он, Лодвик, с отцом своим по указу великого государя гранатного дела с мастером с Павлом Рудольфом у гранатного дела был». На самом деле он был среди атакующих — неизвестно, впрочем, принимал ли лично участие в городских боях. Но пушки-то, похоже, он казакам настраивал и «гранатному делу» их учил...

Видерос, по словам Бутлера, был убит своими же солдатами. Костомаров: «Долее всех сопротивлялись люди черкесского князя

Коспулата Муцаловича, природные черкесы с двумя русскими, всего девять человек. Наконец, выбившись из сил и истратив весь порох, они бросились из башни за город, но их догнали и изрубили». Раненый Прозоровский с митрополитом, боярами и чиновниками заперся в соборе, который охраняли некоторые оставшиеся верными стрельцы, в частности, стрелецкая полусотня во главе с пятидесятником Ф. Душой. Преодолеть столь жалкое сопротивление было нетрудно; Дуру и часть осажденных убили, остальных связали и посадили около городской стены. Было уже утро. Астрахань пала.

Дальнейшая последовательность событий не вполне ясна. По одним версиям, Разин прежде всего переговорил с персами и потребовал от персидского посланника написать шаху, что предлагает обменять астраханских персов на русских (или, во всяком случае, казацких) пленных; по другим, сперва все-таки были казни, а остальное потом.

По рассказу П. Золотарева, который приводит А. Попов, на городском круге было приговорено к казни 66 человек. (Нередко пишут о 441 казненном, но это ошибка: у Золотарева это количество получилось вместе с убитыми с обеих сторон в городских боях; он также сообщает, что все они были захоронены в одной могиле у Троицкого монастыря.) Кого именно казнили? Фабрициус: «Когда они стали хозяевами города, они все разорили и разграбили, а затем свалили в кучу, чтобы позже разделить между всеми. В этом побоище многие хорошие люди разного звания, как иностранцы, так и русские, были безжалостно убиты, замучены до смерти, повешены кто за ноги, кто за ребра». Бутлер: «Его [Прозоровского] младший подьячий и другие начальники, или офицеры, большие и малые, были перебиты или сброшены в воду». Костомаров сообщает, что казнили, в частности, тех гонцов, которых Прозоровский посылал на Терек за подмогой.

По показаниям на допросе «гулящего человека Савки Онофреева» (Крестьянская война. Т. 3. Док. 208. 26 июля 1672 года), Разин «товарищев ево [Прозоровского] и дьяков и дворян и голов велел побить». По «расспросным речам» воронежца Т. Севастьянова в Разрядном приказе 13 августа 1670 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 8), «которые в Кремле сидели и с ним бились, всех порубил»; «а которые были в Астарахани купецкие люди тезики [купцы из Средней Азии; общее название любых восточных купцов], тех всех побил». Видимо, не всех, раз они потом просили возмещения убытков; это подтверждают показания в Тамбовской приказной избе тамбовца И. Павлова (Крестьянская война. Т. 2. Док. 9. 15 августа 1670 года): «...а которые де астараханцы и тезики с ним, Стенькою, не бились, и тех он не побивал».

Из фигур самых заметных казнен был, вероятно, лишь один человек (иначе нашлись бы хоть какие-то упоминания об иных, как упомянут убитый в бою брат воеводы). Помните, мы читали записанную Якушкиным сказку о шубе, которую отнял у Разина воевода, и недочитали? Вот ее окончание. После того как Разин сказал: «На своем стружке обижать тебя не стану: ты мой гость; а я сам к тебе, в твои палаты, в гости буду!»: «Воеводу отвезли на берег; не успел он ввалиться в свои хоромы, как Стенька Разинь, с своими молодцами козаками-атаманами, нагрязнул на Астрахань. Приходит к воеводе Стенька. «Ну, говорит, воевода, чем будешь угощать, чем подчивать?» Воевода туда-сюда... А Стенька Разин: «Шкура мне твоя больно нравится, воевода». Воевода видит — дело дрянь, до шкуры добирается!.. «Помилуй, говорит, Степань Тимофеич, мы с тобой хлеб-соль вместе водили». — «А ты меня помиловал, когда я просил тебя оставить мне заветную шубу? Содрат с него с живаго шкуру!» — крикнул Разин. Сейчас разинцы схватили воеводу, повалили наземь, да и стали лупить с воеводы шкуру, да начали-то лупить с пяток!.. Воевода кричит, семья, родня визг, шумь подняли. А Стенька стоит да приговаривает: «А говорил я тебе, воеводе, шуба наделает шуму! Видишь, я правду сказал — не обманул!» А молодцы, что лупили с воеводы шкуру, — знай лупят да приговаривают: «Эта шкура вашему батюшке Степану Тимофеичу на шубу!» Так с живаго с воеводы всю шкуру и содрали! Тут кинулись разинцы на Астрахань; кто к ним не приставал — побили, а дома их поразграбили, а кто к ним пристал, того волосом не обидели».

Сцена, описанная в сказке, не более зверская, чем это принято в сказках, особенно детских — там все время кого-то едят живьем, рассекают на 100 частей, и ничего. Но в большинстве преданий атаман мстит не за шубу, а за сынка-разведчика, замученного и убитого. А в одной из историй, записанных Садовниковым, речь идет о родном сыне, причем даже имя называется правильно (только на самом деле был не сын, а пасынок):

«Стенька приехал в Астрахань-город и узнал, что сын его в тюрьме, а кто посадил, неизвестно. Долго он жил в городе и все разузнавал. В один праздник ему один человек сказал, что сына его губернатор посадил. Когда ударили к обедне, стал народ съезжаться, идет губернатор. Стенька стоял на паперти, взял губернатора за руку и повел на колокольню. Взвел его на нее и вскричал: «Вот! Не ешь сладкую конфету, а попробуй луковицу с хреном!» Взял его в беремя и говорит: «Ну-ка, как кошка вывертывается? Встанешь ли ты на ноги, как она?» И спустил его в окно за добродетель сыну своему».

Подлинный воевода Прозоровский действительно погиб именно таким

образом.

Отписка головы московских стрельцов В. Лаговчина из Саратова в приказ Тайных дел о взятии Разиным Астрахани (Крестьянская война. Т. 1. Док. 162. 21 июля 1670 года): «И астараканские де, государь, ратные люди тебе, великому государю, изменили и воеводу князь Семена Львова ему, богоотступному вору и изменнику Стеньке Разину, руками отдали и сами пристали к нему, вору, и с ним, вором, бою не учинили... И как он, богоотступной вор и изменник Стенька Разин пришел к Астаракани и приступал к Астаракани 2 дни, и астараканские де, государь, стрельцы своровали, тебе, великому государю, изменили и твою великого государя вотчину, Астаракань, ему, Стеньке Разину, здали и ворота ему, вору, отворили. И он де, вор Стенька Разин, Астаракань взял, а в деревянном городе посады пожег. А боярин и воевода князь Иван Семенович Прозоровской убит от него, вора, с раскату, а товарищ, брат ево, стольник и воевода князь Михаила Семенович Прозоровской убит в Белом каменном городе у Решеточных ворот...» Сообщение коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 172. Начало августа 1670 года): «И ныне де вор Стенька с воровскими своими казаками стоит в Астаракани, а воеводу де адного спихнул с раската...»

Раскатом в XVII веке называли любое высокое сооружение; считается, в данном случае речь идет о церковной колокольне (чтобы символичнее и кощунственнее выглядело), но на самом деле не установлено, откуда именно был сброшен Прозоровский. Широко известны обстоятельства его казни. Костомаров: «Часов в восемь утра явился Стенька судить. Он начал суд свой с Прозоровского. Он взял его под руку и повел на раскат. Они стали рядом наверху; все видели, как атаман сказал воеводе что-то на ухо, но князь вместо ответа отрицательно покачал головою. Что говорил ему Стенька на ухо — это осталось тайною между ними. Тотчас после того Стенька толкнул князя головою вниз...» Мифотворцы-романисты никак не могли не обыграть такую сцену. Шукшин:

«Принесли шубу. Ту самую, что выклянчил воевода у Степана. Степан и хотел ту самую. Спектакль с шубой надо было доиграть тоже при всех, последнее представление, и конец.

— Стань, боярин... — Степан помог Прозоровскому подняться. — От так... От какие мы хорошие, послушные. Болит? Болит брюхо у нашего боярина. Это кто же ширнул нашему боярину в брюхо-то? Ая-яй!.. Надевай-ка, боярин, шубу. — Степан с помощью казаков силой напялил на Прозоровского шубу. — Вот какие мы нарядные стали! Вот славно!.. Ну-ка, пойдём со мной, боярин. Пойдём мы с тобой высоко-высоко! Ну-ка, ножкой

— раз!.. Пошли! Пошли мы с боярином, пошли, пошли... Высоко пойдем!

Степан повел Прозоровского на колокольню. Странно: атаман никогда не изобретал смерти врагам, а тут затеял непростое что-то, представление какое-то».

А. Н. Сахаров:

«Первым наступила очередь Прозоровского. Разин вытолкнул его вперед, и сразу же завопили в ярости тысячи людей: «Смерть злодею! На раскат его!» Кто-то бросил в воеводу гнилым яблоком, кто-то попытался ударить его палкой. Разин прикрыл собой воеводу, поднял руку, успокоил людей. Потом подтолкнул воеводу, показал ему вверх. И вот они стоят на краю раската — предводитель повстанцев-казаков, холопов, крестьян, посадских, работных людей и пленный, поверженный государев воевода, гроза южной российской окраины, вымогатель и тиран. Степан что-то говорит воеводе. Тот качает головой. Рассказывали потом разинские товарищи, что то ли сжалился Разин над воеводой, то ли хотел, как и Львова, таскать за собой в обозе, — только предложил он боярину перейти на сторону казаков. Но отказался Прозоровский. Совсем легонько подтолкнул Степан воеводу, и тот полетел с огромной высоты головой вниз. И сразу стихла толпа на площади».

Наживин:

«Около восьми утра к соборной церкви подъехал атаман со своими есаулами. Все они были уже пьяны. Заметив раненого воеводу, который лежал, закрыв глаза, под раскатом на окровавленном ковре, Степан приказал ему встать и следовать за ним на раскат. Воевода едва передвигал ноги, и по грязной каменной лестнице за ним тянулся мелкими красными бусинками кровавый след. Степан поддерживал его под руку. И все снизу, задрав головы, смотрели, что будет дальше.

Они остановились под колоколами, в пролете, откуда открывался такой широкий вид на рукава Волги и степь.

— Ну, старый хрыч, что скажешь теперь?.. — сказал Степан. — Присягай казачеству, тогда оставлю в живых...

Теряя последние силы, князь отрицательно покачал своей ушастой головой. Степан вспыхнул и толкнул его с колокольни. Вся площадь ахнула в ужасе: грузный воевода мелькнул в воздухе и разбился о камни.

Степан спустился вниз. Его ноздри раздувались, и глаза горели мрачным огнем. Вспыхнуло в душе видение полей далекой Польши и эта виселица, на которой качался, неподвижный и длинный, его брат. Вспомнилась вся неправда, что видел он по Руси. Он мрачно оглядел своих пленников.

— Кончай всех!.. — крикнул он пьяно».

Хотелось бы обсудить с вами героизм воеводы Прозоровского и предложения, которые ему делал Разин. Но, увы, на самом деле не установлено даже, кто именно воеводу столкнул: в документах о любых убийствах, совершенных разницами, зачастую писали, что их совершил «Стенька», — как пишут, что Сталин умертвил миллионы людей или Ленин совершил переворот. Даже всезнающий Фабрициус пишет: «Воеводу, т. е. правителя города, князя Ивана Семеновича Прозоровского сбросили с высокой башни»; вряд ли, если бы Разин столкнул воеводу лично, Фабрициус упустил бы столь живописную деталь. (Стрейс ничего об этом знать не мог — он бежал из Астрахани за несколько дней до ее падения.) А вот и более конкретно — из «расспросных речей» в Малороссийском приказе казака Н. Самбуленко (Крестьянская война. Т. 1. Док. 184. 29 сентября 1670 года): «...боярина взяли, и был положен он под раскатом. А после того немного спустя велел де ево, боярина, Стенька Разин казаком убить. И того ж дни, как взяли Астарахань, боярина с роскату бросили». То есть какие-то казаки по приказу Разина убили воеводу, и не было никакого тайного разговора? Из показаний в Посольском приказе подьячего Н. Колесникова (Крестьянская война. Т. 1. Док. 183): «И боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского ранена велел он, Стенька, спихнуть с роската...»

Похоже, в деле о гибели Прозоровского мы столкнулись с чрезвычайно распространенной и живучей, но — легендой. Откуда она взялась, сказать невозможно, но происхождение ее давнее, так как ее воспроизводит автор анонимного «Сообщения...»: «Говорят, будто прежде чем сбросить его, Стенька прошептал ему какие-то слова на ухо, в ответ на что князь покачал головой. Итак, будучи, несомненно, прельщаем изменником передаться на его сторону и ответствовав на то отказом, князь принужден был совершить с вышины своей роковой прыжок».

Переходим к митрополиту Иосифу. Из якушкинских сказаний: «[Разин] такой еретик: всю Астрахань прельстил, все за него стали; один только архирей. Архиреем в Астрахани был тогда Иосиф; стал Иосиф говорить Разину: «Побойся ты Бога! перестань, Стенька, еретичествовать!» «Молчи! — крикнет Стенька Разин: — молчи, батька! Не твое дело!» Архирей опять Стеньке: «Грех большой еретичеством жить!» А Стенька знай свое твердит: «Молчи, батька! не суйся, где тебя не спрашивают! Сражу, говорит, тебя, архирея!» Архирей свое, а Стенька свое! Архирей опять-таки Стеньке Разину: «Вспомни про свою душу, как она на том свете будет ответ Богу давать!» Стенька мигнул своим, а те подхватили его да в

крепость, да на стену; а со стены-то и бросили козакам на копья!.. Тут архирей Иосиф Богу душу и отдал». В другом предании рассказывается, что Иосиф потребовал от Разина покаяния: «Ладно, — говорит, — покаюсь. Пойдем со мной на соборную колокольню, я стану перед всем народом и принесу покаяние. Как взошли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек и скинул вниз. «Вот, — говорит, — тебе мое покаяние!»».

На самом деле Иосиф был жив и здоров. Из цитированной выше отписки головы московских стрельцов Лаговчина: «...а преосвященный Иосиф, митропалит Астараханский и Терский, в целости, и никакова ему, государь, дурна не учинили...» А вот еще интереснее — из показаний (также цитированных нами выше) подьячего Колесникова: «Да он же, вор Стенька, на имянины благоверного государя царевича и великого князя Феодора Алексеича был в гостех у митрополита, а с ним было ясаулов и казаков человек со 100 и больше». Из «расспросных речей» в Тамбовской приказной избе московского стрельца И. Алексинца (см. выше): «А боярская де жена и всяких начальных людей жены все живы, и никово де тех жен он, Стенька, не бил, и у митрополита де он, Стенька, был почесту...» И, наконец, допрос под пыткой Фрола Разина: «Как де брат ево Стенька Астрахань взял, и в то де время взял з Бухарского двора 9 тай з дорогами, с шолком, сафяны и киндяки и отдал на збереженье астараханскому митрополиту, и ныне у него».

Львов был также жив, здоров и благополучен, как явствует из августовской отписки коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 1. Док. 172. Август 1670 года) и иных документов. Артамон Матвеев: «Как воевал и ходил на море впервые вор Стенька Разин и разорение учинил Персидскому царству, и пришел в Астрахань и познался с князем Семеном Львовым, назвались меж себя братьями, и не исходил из дому его и пил, и ел, и спал в доме его; и на то братство и дружбу свидетельство: как вор второе пришел под Астрахань и Астрахань взял... ево, князь Семена, за братство и дружбу от убийства сохранил и животов его не грабил...» Из показаний Лаговчина следует, что и имущества Львова (и других бояр) не тронули: «Да боярина ж и воевод князь Ивана Семеновича Прозоровского и князь Михайла Прозоровского да князь Семена Львова семьям и домам никакова дурна им не учинили...»

Относительно сохранности имущества Прозоровских и Львова разночтений в документах нет, однако утверждение «семьям... никакова дурна им не учинили» опровергается рядом документов. У Прозоровского было два младших сына (где находился старший, Петр, неизвестно): один

лет семнадцати, другой — около десяти. Из показаний подьячего Колесникова: «А боярина де князя Ивана Семеновича дети, 2 сына, повешены были за ноги и висели сутки. И одного де большова сына, князь Бориса, сняв с виселицы, велел вор Стенька скинуть с роскату, а меньшого велел отдать матери. И ныне де жена боярина князя Ивана Семеновича на одном дворе вместе за караулом с князь Семен Львовым». Из показаний стрельца Алексинца: «...а 2-х де сынов ево, боярских, на городской стене повесил за ноги, и висели де они на городской стене сутки. И одного де, боярского большого сына, сняв со стены, связав сбросил с роскату ж, а друго, меньшого боярского сына, по упрощению астраханского митрополита, сняв о стены и положи де на лубок, отвезли к матери ево в монастырь...» Интересно, не правда ли, как писатели, сочувствующие Разину, будут решать эту сцену? Наживину хорошо — он эмигрант и может выразить высшую степень омерзения:

«Они вырвали восьмилетнего Мишу из рук обезумевшей матери и повели его в кружало. Степан оглядел милovidного перепуганного ребенка.

— Повесить за ноги рядом с братом... — решил он так уверенно, что всем стало совершенно ясно, что одного действительно надо было повесить под ребро, а другого за ноги. — И подьячего на крюк!..

Ларка с величайшим усердием выполнил возложенное на него поручение. Рядом с истекающим кровью Шабынь-Дебеем повис Борис, потом Алексеев, а рядом с Алексеевым, головой вниз, висел меньший из братьев. Шитый подол его светлой рубашечки прикрывал его надувшееся и обезображенное от прилива крови личико... Вороны перелетывали по зубцам стены и с любопытством присматривались к операциям Ларки. Попойка продолжалась...»

(Младшего сына Прозоровского звали не Мишей, и насчет попойки ничего не известно, но это не столь важно.)

По Костомарову, Разин вспомнил о детях Прозоровского лишь перед отъездом из Астрахани:

«13 июля Стенька сидел пьяный в кружале и вдруг призвал есаула и сказал:

— Ступай к митрополиту и возьми у него старшего сына боярина Прозоровского, Бориса, и приведи ко мне.

Вдова Прозоровского, княгиня Прасковья Федоровна, после трагической кончины мужа скрывалась в палатах митрополита с двумя сыновьями. Оба звались Борисами. Старшему было шестнадцать лет. Его привели к Стеньке. Стенька сказал ему:

— Где таможенные пошленные деньги, что собирались в Астрахани с

торговых людей? Отец твой ими завладел и промышлял?

— Отец мой никогда этими деньгами не корыстовался, — отвечал молодой князь. — Они собирались таможенными головами, головы приносили в приказную палату, а принимал их подьячий денежного стола Алексей Алексеев с товарищами. Все деньги пошли на жалованье служилым людям. Спроси у подьячего.

Случайно подьячий избежал участи своих собратий. Его отыскали и привели к Стеньке. Подьячий объяснил ему то же, что князь.

— А где ваши животы? — спросил Стенька у Бориса Ивановича.

— Животы отца моего ограбили; казначей отдавал их по твоему приказу, а возил их твой есаул Иван Андреев Хохлов.

Стенька приказал повесить его вверх ногами на городской стене, а подьячего Алексея за ребро на крюке.

— Принесите мне другого сына воеводы! — закричал тогда Стенька.

Второму сыну Прозоровского было только восемь лет. Козаки вырвали малютку из рук матери и принесли к Стеньке. Атаман приказал повесить его за ноги возле брата. Всю ночь висели они. Утром приехал Стенька и приказал старшего князя сбросить со стены, а малютку, отекавшего кровью, чуть живого еще, приказал сечь розгами и возвратить матери».

Весь разговор Разина с Борисом Прозоровским — выдумка; в документальных источниках об этом ничего не говорится.

У Горького старшего сына не убивали — мысль убийцы о своей матери спасла жертву: «Привели жену Прозоровского, с нею дети, одному 8 лет, другому 15. Разин велит повесить старшего на городской стене вниз головой. Вешают. Мать ползает по земле у ног Разина, он отталкивает ее ногою. Закрыв глаза, вздрогнул: пред ним возник образ матери, — опираясь на палку, она стоит на берегу реки, смотрит вдаль. В огромный костер бросают связки бумаг, Разин ногою и саблей подкидывает их в огонь. Казаки бешено пляшут вокруг костра, горожане тоже. Ползет на коленях жена Прозоровского, умоляет Разина пощадить детей, он приказывает:

— Высечь и отдать ей. Прочь, баба!»

Даже в народной песне о взятии Астрахани слышен укор:

*Метался Стенька Разин на угольную на башню.
Что с великого раскату воеводу сбросил,
Его маленьких деток он всех за ноги повесил.*

Правда, в том же сборнике (под редакцией А. Н. Лозановой)

жестокость Стеньки объясняется:

*Ты добре ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты ведь бил, ты губил, ты нас в ссылку ссылывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал.*

Теперь советские мифы. Чапыгин и не думает как-то смягчить сцену — бояре терзали народ, не исключая детей, надо и с ними поступать так же:

«Юноша Прозоровский обернулся к виселице — подъячий, скрючась, держался посиневшими руками за веревку; на крюке, впившемся в ребро, застыли сгустки крови.

— Видишь?

— Чего мне видеть? Знаю!

— Знаешь, так говори: где казна твоего отца?

— У моего отца казны не было, рухлеть батюшкину твои воры-есаулы всю расхитили — повезли в Ямгурчеев! Чего ищешь у нас, когда оно, добро, у тебя?

— Ты княжеский сын?

— Ведомо тебе — пошто спрос?

— Мой род бояра выводят до корени, я ж вывести умыслил род боярской до земли — эх, много еще вас! Гораздо вы расплодились, едино как черные тараканы в теплой избе. Гей, повесьте княжеское семя за ноги на стене городской!

Встал Чикмаз:

— Я, батько, эти дела смыслю, дай княжича вздерну.

Чикмаз шагнул, обнял юношу и, закрывая его голову большой сивой бородой, сказал:

— Пойдем, вьюнош, кинь чугу, легче висеть, а чресла повяжи ремнем туже: не так кровь к голове хлынет.

— Делай, палач, да молчи!

— Ого, вон ты какой!..

Монахи привели младшего княжича в слезах, а чтоб не плакал, стрельцы дали ему медовый пряник. Русый мальчик, в шелковом синем кафтанчике, в сапогах сафьянных красных, испуганно таращил глаза на хмельных есаулов, страшных казаков с пиками, саблями и не замечал Разина. Взглянул на него, когда атаман сказал:

— А ну и этого!»

С. П. Злобин также использует мотив расплаты, но делает его более личным. К Разину приходит казачка, вся седая от горя, и рассказывает, как Прозоровский пытал ее и повесил за ноги ее маленького сына; ребенок умер:

«Железом меня прижигали. Услышала я, как Миша заплакал, да снова сомлела... Очнулась внизу... Миша мертвенький рядом лежит на земле... Будила его, умоляла: «Сыночек, живи, пожалей свою мать». Не проснулся...»

Мы ведь помним: как только романый Разин теряет близкого или видит беду народную — мстит немедленно.

«Атаман поднял голову.

— Прозоровских молодчих сюды приведите! — потребовал он.

Ночью, когда сам Степан сбросил воеводу с раската под крепостную стену, он указал его сыновей вместе с боярыней отвести в Троицкий монастырь и отдать монахам, чтобы их не убил разъяренный восставший народ. Но теперь переполнилась чаша...

— Ну, вы... княженята, куцы воевода богатства свои схоронил? — спросил Разин.

— Пограбили все! Какое еще богатство! Что на нас, то и наше! — дерзко сказал Федор.

— Брешешь, боярский щенок! Отвечай мне, куцы схоронили богатство?

— Кабы знал, не сказал бы тебе, вор-ворище! — крикнул Федор, едва сдержав слезы.

— А скажешь, собачье отродье!.. Ты знаешь? — спросил Степан младшего.

Тот всхлипнул:

— Не ведаю я...

— Да что ты, казак, взбесился! Отколе детям ведать! — воскликнул седой монах.

— Ты, чернец, помолчи! Не тебя я спрошаю! — прикрикнул Разин. — Молчите, щенки? — обратился он к сыновьям воеводы. — Повесить обоих их за ноги на городской стене... покуда... не скажут... — мрачно распорядился Разин.

Толпа казаков и горожан вся сжалась и приумолкла.

— Эй ты, палач!.. — позвал атаман.

Тот, в красной рубахе, который разыгрывал палача, поджигая бумаги, шархнулся прочь, притаился в толпе, но соседи, немилосердно подталкивая, вытеснили его и поставили перед крыльцом.

- Я сроду людей не казнил, — сказал тот.
- Сам назвался! — грозно воскликнул Степан.
- Робята же... дети...
- Веди, говорю!..
- Пусти их, Степан Тимофеич! — несмело вмешался Сукнин.

— Уйди! — упрямо сказал Разин. Глаза его загорелись, как угли. — Ну, палач, забирай да повесь их... На память всем воеводам. <...> Жалко, раньше убил воеводу. Я утре заставил бы черта глядеть на сыновние муки. <...> Око за око, зуб за зуб и глум за глум!»

(Однако сама же потерявшая сына казачка просит пожалеть ребенка — и Разин щадит младшего.)

У других авторов поступок Разина еще больше смягчен: во-первых, он потом раскаивается, а во-вторых, старший сын воеводы сам вел себя очень нехорошо и напросился. А. Н. Сахаров: «...старался он обуздывать свой нрав, смирять злобу и неистовство сердца своего. Но не всегда умел он это сделать и потом корил себя долго, растревлял думами. Так, не давали ему покоя двое младших Прозоровских: за что убил старшего — сам он не мог точно сказать. Старший, шестнадцатилетний Борис, хоть надерзил ему, смотрел без страха, а младший, восьмилеток, совсем был несмышлениш. Нет, не надо было делать этого». В романе В. И. Уланова «Бунт» Разин вообще почти ни при чем:

«Атаман пытался заснуть, но не мог. Стоило ему лишь раскрыть глаза, как перед ним вставало лицо Прозоровского — строгое, надменное, затем его сменяли лица его детей. Старшего — Бориса, который смотрел на него исподлобья, и плаксивого маленького. В тот день, когда приволокли к нему воеводских детей, Степан гулял с ближними казаками в доме воеводы Прозоровского. Старший сын воеводы стал высказывать атаману гневные слова:

— Вор! Изменник государев! погоди, будешь ты за все дела свои висеть на дыбе, когда придут сюда верные государю стрельцы!

Вскипел тут атаман, затопал ногами, в ярости схватился за саблю. Но удержали его есаулы от страшного поступка. Тогда, в бешенстве, приказал Степан подвесить княжеских детей за ноги на ворота. Уже к вечеру пришел просить за детей воеводы астраханский митрополит Иосиф. Степан тут же приказал снять боярских детей с ворот. Но потом выяснилось, что старший воеводский сын стал на казаков ругаться, грозить, мало того, плюнул в лицо Леске Черкашину, а тот, не задумываясь, велел сбросить его с раската, а маленького отдать матери».

Львов бранит Разина — тот оправдывается:

«— Не было у меня намерений губить его! — ответил атаман, опустив голову.

— Так зачем же ты Бориса с раската велел бросить? Зачем? — крикнул Львов, задыхаясь от злости.

— Случайно это получилось. Когда велел я снять их с ворот — им бы помалкивать. Так нет — Борис стал ругаться да грозить, плюнул в лицо Леске Черкашину. А тот казак зело горяч, вот и приказал сбросить княжича с раската. Если бы я был рядом, разве позволил бы, — оправдывался Разин».

А что Шукшин, спросите вы. Как «интеллигент» Разин мог совершить подобное? А Шукшин никак не комментирует повешение ребенка.

Однако существует прелюбопытный документ — все то же сообщение Лаговчина: «И митрополит же Иосиф, Астраханский и Терский, боярина и воеводы князь Ивана Семеновича Прозоровского детей ево, князь Бориса да князь Бориса ж, от смерти у него, богоотступного вора, отпрошал, и живут де, государь, они, князь Борис да князь Борис же, у него, митрополита...» Так был ли мальчик убит?.. Есть еще документ — челобитная старшего сына Прозоровского, написанная осенью 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 229), о возмещении убытков (ограбил его, как можно понять из челобитной, уже после ухода Разина из Астрахани Василий Ус), в которой говорится: «...отец мой, боярин князь Иван Семенович, в Астарахани убит» и не упоминается брат.

Еще один помилованный — Фабрициус: он свободно ходил по городу, носил казацкую одежду, отпустил бороду, говорил по-русски. Имел определенно какой-то вес, поскольку сумел заступиться перед Разиным за капитана Бутлера, задержанного при побеге и возвращенного в город. Бутлер: «У казаков был приказ: тот, кто просит за пленного, сам подлежит смерти; на это вызвался пойти юноша Людовик Фабрициус... Той же ночью меня подвергли нечеловеческим пыткам и мучениям... В субботу 28 июня пришли ко мне помянутый Фабрициус и хирург (Ян Термунд. — М. Ч.) с приказом явиться к казачьему предводителю. Меня тут же развязали и привели к нему. Обменявшись несколькими словами, он сказал, чтобы я пошел домой вместе с Фабрициусом». Помилован лично Разиным был — еще до Бутлера — и врач Ян Термунд.

Впоследствии, уже без Разина, по поручительству Фабрициуса несколько иностранцев (Бутлер и Термунд в том числе) уехали из Астрахани в Персию якобы для закупки лекарств. Фабрициус не побоялся поручиться головой за их возвращение. А потом и сам вызвался поехать с ответственным поручением в Терки — вербовать людей и закупать

продовольствие. Назад он, конечно, не вернулся. Тут мятежники оказались чересчур доверчивыми. И, наверное, Фабрициус хорошо играл свою роль. Можно ли назвать его соучастником Разина? Пожалуй, да, вполне. Человек он был отчаянной смелости (хотя и сдался в плен) и авантюризма (почитайте его мемуары целиком) — как раз мятежникам под стать. (Что касается прекрасного нового корабля «Орел», которым командовал Бутлер: разинцы не сумели справиться с ним, и он много лет простоял в протоке Кутум, пока его не разобрали на дрова. Легенда, впрочем, гласит, что Разин его сжег. Но зачем?)

После казней начался грабеж — или, с точки зрения новых властей, реквизиция. Фабрициус: «...они все разорили и разграбили, а затем свалили в кучу...» Кого грабили? Алексинец: «В Астарахани де он, Стенька, торговых людей астараканцев всех переграбил и животы у них поймал»; «животы боярские и всяких начальных людей в том городе кремле пограбил же»; «и в церквах божиих образы окладные... поймал». По словам персидских купцов, их грабили «царицынцы и чернойрцы». Сам Разин, вероятно, в этом личного участия не принимал: он велел выпустить из тюрьмы заключенных (без разбору), отпустить на волю «аманатов» — заложников (калмыков и татар — они ему были нужны: по словам Алексинца, Разин еще в Царицыне «астараканских татар дарил и давал им шубы собольи и иные подарки, чтоб они с ним, Стенькою, заодно воровали») и отправился (надо полагать, с есаулами) в приказную палату. Там сожгли, как в Царицыне, документацию, холопов и должников объявили свободными.

Валишевский: «...он [Разин] пожелал, чтобы все бумаги архивов и канцелярий были сожжены, и объявил, что он сделает то же самое в Москве и даже во дворце государя. Казаки ведь не умели читать, и эти бумаги были для них бесполезны». Читать не умело подавляющее большинство населения, и дело тут не в полезности или бесполезности, а скорее в символическом действе. Тут же, впрочем, завели собственную канцелярию, и немалую: как впоследствии рассказывали участники мятежа, были и дьяки, и подьячие, и писари, и священники. Как и в Царицыне, ввели управление кругом, население поделили на тысячи, сотни, десятки. Не вполне ясен вопрос о дележе имущества. Фабрициус: «...награбленное добро было разложено по кучам, рассчитанным на 1000, на 100, на 50 и на 10 человек, а затем было приказано под страхом смерти явиться под знамя, чтобы получить свою долю добычи. Даже митрополита и генерала-воеводу [Львова] обязали получить свою долю от этой добычи. Я тоже был одним из получающих, но что творилось у меня на душе,

одному богу известно». Долю был обязан получать каждый — «дуваны имали неволею» — так говорили впоследствии на допросах все астраханцы, получившие ее, а историки за ними повторяют. Но, думается, дело тут не только в круговой поруке, которой Разин хотел всех связать, а в том, что люди, охотно бравшие чужое добро, потом заявляли, будто их к этому принудили. (Государственная казна была сохранена в одних руках, как и в Царицыне, и расходовалась исключительно на нужды войска.)

Довольно запутанный вопрос о городских начальниках. Их, похоже, было несколько (не считая военачальников-сотников и т. д.). Фабрициус пишет, что одним из начальников был комендант кремля некто Карне, которому было 104 года, тем не менее он был весьма энергичен и верно служил новой власти. Больше никто эту фигуру не упоминает, но уж конечно Фабрициус ее не выдумал — зачем бы? Причем именно Карне его отправлял в командировку, из которой тот не вернулся, и выдал ему пропуск — «веревку с двумя нанизанными на нее пуговицами и с печатью атамана. Два узелка означали двух человек». Об этой веревочке приходилось читать как о доказательстве неграмотности Разина — не мог пропуск выписать. Написать-то он, судя по всему, мог, да кто бы, кроме начальства и канцеляристов, смог прочесть? Любой канцелярист мог бы написать — да без толку. Скорее уж в пользу неграмотности говорит печать — вместо подписи. Но это не очень серьезное доказательство. Вероятно, сам Разин такими вещами, как пропуска, вообще не занимался — для этого были специальные люди.

Бутлер сообщает, что в городе (уже после Разина) остались два градоначальника: Василий Ус и некий «Иванович», крещенный в русскую веру. Из комментария А. Г. Манькова к «Запискам иностранцев о восстании Степана Разина»: «Вторым лицом (до смерти В. Уса) был Федор Иванович Шелудяк. И хотя его отчество совпадает с тем, что указывает Бутлер, Шелудяк, как и В. Ус, происходил из донских казаков. Остается заманчивая возможность предположить, что крещенный в русскую веру Иванович, о котором говорит Бутлер, и Карне, комендант Кремля, о котором говорит Фабрициус, одно и то же лицо». Теперь, однако, считается, что Федор Иванович Шелудяк был крещеным калмыком (а донским казаком был Федор Наумович Шолудяк, не имеющий к первому отношения), так что речь все-таки, видимо, о Шелудяке. По показаниям самого Шелудяка, был еще третий начальник — казак Иван Терской. Были ли эти люди кем-то избраны или просто назначены Разиным — скорее второе, так как о выборах никто не упоминает. Впрочем, нам ли не знать, как легко большой начальник, каким был Разин, может сделать так, чтобы избиратели

проголосовали за того, кого он им назначит.

За казну, как поведал Шелудяк, отвечали казак и горожанин: Лазарь Тимофеев и Федот Панок. (Часто пишут, что никакой казны в Астрахани не было, потому что накануне штурма Прозоровский наконец заплатил стрельцам жалованье. Но за что тогда отвечали Тимофеев и Панок? И воронежский воевода Бухвостов писал о казне аж в 40 тысяч рублей...) При Разине же, как показал уже цитированный нами запорожец казак Н. Самбуленко, состояли «старшина донские казаки Лазарко (Лазарь Тимофеев. — М. Ч.) да Мишко, да Чертенюк ясаулы да Ивашко Лях да с Рыбной сотник Ивашко Ковалевской с рыбинскими [острогожскими] казаки». Чертенюк — возможно, дядя Разина Черток, который давно повсюду сопровождал племянника.

После грабежей и дележа хозяйственная жизнь пошла довольно спокойно. Уцелевшие промышленники и торговцы занялись тем же, чем и ранее. Работы им тотчас прибавилось и денег тоже: Разин поспешно одевал, обувал, вооружал войско, платя, по-видимому, из захваченной казны. Дворянам, не выступившим против новой власти, оставили их земли и дома. Львова и митрополита Иосифа никто не «обижал». Разин, конечно, хотел, чтобы новая власть выглядела не бандитской. Уменьшили (но не отменили вовсе) количество налогов, высокий налог брался с питейных заведений. Шла бурная торговля с приезжими калмыками и татарами: покупали у них в основном лошадей и скот. В. М. Соловьев в «Анатомии русского бунта» пишет о том, что для Астрахани с ее развитой торговлей и ремеслами новые порядки были особенно привлекательны.

Продолжались ли после дня казней убийства, были ли попойки и «оргии» — тут не все ясно. Бутлер о первом дне после падения Астрахани: «Предводитель сидел на улице, по-турецки скрестив ноги, как портные в Голландии и других местах, перед домом митрополита, или русского епископа, пил водку и был сильно пьян». Фабрициус: «Я собирался... отправиться к Стеньке, но он был страшно пьян, так что пришлось отложить все до следующего дня. На следующий день я пришел к Стеньке... он заявил, что у него похмелье, и велел подать ему чарку водки, что мне и пришлось сделать. Он вылакал две чарки, дал и мне одну...» А. Н. Сахаров: «Запрещал пьянство и разгул, а сам зачастую баловался вином и водкой, устраивал кутежи, пьяный творил неведомое, а потом наутро, проспавшись, стыдился дел своих, не смотрел людям в глаза».

Марций: «Дисциплина в его [Разина] лагере совершенно вывелась — его люди не воздерживались ни от убийств, ни от насилия. Распущенность и наглость, с которыми они оскверняли все вокруг, становились знаком

того, что за омерзительным началом последует омерзительнейший конец». Валишевский: «Ни атаман, ни его товарищи не забывали ради всего этого своих удовольствий, пьяные по большей части с утра до вечера и неистощимые во всяких скандалах. Казацкое правительство организовалось специально для постоянной оргии и утопало в водке и крови». Стрейс: «Многие крестьяне и крепостные, чтобы доказать, кто они такие, приходили с головами своих владельцев в мешках, клали их к ногам этого главного палача, который плевал на них и с презрением отшвыривал и оказывал тем хитрым героям почет вместе с похвалой и славой за их храбрость». Костомаров: «Три недели после того провел Стенька в Астрахани и почти каждый день был пьян... Стенька, в угодность народу, разъезжал по городу, обрекал на мучения и на смерть всякого, кто чем-нибудь навлек неудовольствие народа. Одних резали, других топили, иным рубили руки или ноги и пускали ползать и истекать кровью для забавы толпы... Беспреданно астраханцы собирали круги, рассуждали, как и над кем бы им еще потешиться. Кто им не потакал или хотел остановить их кровожадность, того забивали до смерти палками или вешали за ноги. Новички в козатчине, астраханцы были безжалостнее донцов». (Впрочем, даже по Костомарову, «астраханский народ озлобился до неистовства на все, что принадлежало к высшему классу народа» не просто так, а «творил суд и расправу по справедливому принципу «кровь за кровь и муки за муки».)

А. Н. Сахаров не оспаривает зверств, но защищает Разина по принципу «хороший царь, плохие бояре»: «Не все доносили Разину. Сколько к нему пришло из разных мест людей темных и диких, сколько к нему бежали из тюрем и острогов, а за что они сидели там — это один бог знал: творили они всякое по городам тайком от атамана, творили такое и в Астрахани. Попадались под атаманову руку — садились в воду, а нет — так и злодействовали дальше. Но с каждым днем все строже следил Степан за порядком, устраивал свои сотни, полусотни и десятки, смотрел, чтобы все люди были при деле, никто бы зря не шатался и людей не пугал». Чапыгин, наоборот, добавляет Разину дикого колорита: «Еще прошли два дня и две ночи: атаман пил, глаза его наливались кровью. Он иногда вставал, шатаясь ходил по церкви, рубил иконы...» Забавно, что Г. Гладченко, тот, который очень возмущался снисходительности народа к утоплению княжны, цитирует эту фразу беллетриста Чапыгина, сопровождая ее комментарием «Историк пишет». И вообще все, кого мы в данном абзаце процитировали, не были очевидцами, а писали с чужих слов. С чего они все это взяли? Где первоисточник?

Может быть, в фольклоре? Из преданий, записанных Якушкиным:

«Как приехал Стенька в Астрахань, с воеводы шкуру содрал; пошел в острог, сына выручил, всех колодников выпустил, а после весь город Астрахань разграбил: «Вы, шельмецы этакие, не умели моего единородного сына выручить, так вот я вас выучу»... Ну и выучил: колодники, что Стенька из острога выпустил, да козаки, что со Стенькой пришли, так пошарили!.. Три дня грабили!.. Кабаки, трактиры разбили, не столько пьют, сколько на земь льют!.. И чего-чего они туть ни поделали! знамо, колодники — отпетый народ!..

— Ну, а козаки?

— Ну, и козаки хороши были!.. Пошли с еретиком, какого добра ждать!..

— И козаки вместе с колодниками?

— А что-ж, друг, и козаки всякие бывают: бывают и добрые козаки, бывают и лядашие!.. всякие бывают... А те, что пошли с Стенькой, народ грабили, молодых баб, девок обижали, в церквах с икон оклады обдирали, из сосудов церковных водку пили, святыми просвирами закусывали!»

Фабрициус, однако, говорит немного иное. Мы это уже читали:

«Как бы неслыханно этот разбойник ни тиранствовал, все же среди своих казаков он хотел установить полный порядок. Проклятия, грубые ругательства, бранные слова, а у русских есть такие неслыханные и у других народов не употребительные слова, что их без ужаса и передать нельзя, — все это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить... И этот жестокий казак так почитался своими подчиненными, что стоило ему только что-либо приказать, как все мгновенно приводилось в исполнение. Если же кто-либо не сразу выполнял его приказ, полагая, что, может, он одумается и смилуется, то этот изверг впадал в такую ярость, что, казалось, он одержим. Он срывал шапку с головы, бросал ее оземь и топтал ногами, выхватывал из-за пояса саблю, швырял ее к ногам окружающих и вопил во все горло: «Не буду я больше вашим атаманом, ищите себе другого», после чего все падали ему в ноги и все в один голос просили, чтобы он снова взял саблю и был им не только атаманом, но и отцом, а они будут послушны ему и в жизни, и в смерти. Столь беспрекословное послушание привело к такому почитанию этого злодея, что все перед ним дрожало и трепетало и волю его исполняли с нижайшей покорностью».

Единственное русское показание «снизу» — слова все того же стрельца Алексинца: «А богу де он, вор Стенька, не молетца и пьет безобразно и блуд творит и всяких людей рубит без милости своими

руками».

Но вот еще ужасы и безобразия в документах. Грамота из Разрядного приказа бел озерскому воеводе В. Дохтурову (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 19): «После побитых дворян и голов стрелецких и детей боярских, и сотников, и всяких служилых и торговых людей жен и дочерей [Разин] выдал на поругательство богоотступникам, товарищам своим, таким же ворам, и священникам велел их венчать на своим печатем, а не по архиерейскому». Костомаров, следуя этой грамоте, пишет: «Даже козачьи и посадские жены неистовствовали над вдовами дворян, детей боярских и приказных; некоторых из этих несчастных взяли козаки себе в жены, и Стенька приказывал священникам венчать их насильно, а тех священников, которые не слушались, присуждал сажать в воду». Чапыгин, в свою очередь, редактирует Костомарова, и эпизод все сильнее огрубляется:

«— Кличьте попов! Пуцай все здесь станут!

Попов собирали из всех церковных домов, а который не шел, тащили за волосы, пиная в зад и спину.

Попы толпились перед часовней. Разин встал, упер левую руку в бок, спросил:

— Все ли вы, попы?

— Все тут, отец!

— Гей, батьки, нынче венчать заставлю вон тех боярских лиходелниц с моими казаками. Кто же из вас заупрямится венчать без времени да разрешения церковных властей, того упрямца в мешок с камнями и в Волгу!»

Однако первый документ, на который мы сослались — грамота из Разрядного приказа, — не является донесением с мест, он спущен сверху, из Москвы; те же слова с небольшими изменениями и добавлениями будут теперь фигурировать во всех исходящих из Москвы документах. Где же входящие? Где свидетельства очевидцев? Фабрициус и Бутлер отделались самыми общими фразами. Свидетельств нет. Как уж там в Астрахани в тот период венчали (и как относился к этому митрополит, у которого Разин «бывал почесту») — неизвестно. Впоследствии были допрошены многие женщины, вышедшие тогда за казаков; они все уверяли, что вышли замуж «насильством», у многих их мужей оказывались на Дону настоящие жены (в таких случаях женщинам дозволялся развод), но самих фактов «выхода замуж» женщины не отрицали и разводили их с мужьями-двоеженцами с дозволения церкви. Вот характерный документ — сыскное дело, заведенное по факту ссоры двух астраханок, «Маньки» и «Оринки»: одна якобы похвалялась, что была женой Разина, другая на нее донесла, а та

донесла на эту, и выяснилось, что первая доносчица сама была замужем «за Стеньки Разина товарищем», который ее, естественно, «взял насильством». Допрошенные же казаки как один уверяли, что женились по любви. Все эти казаки были казнены. Где там у них была любовь, а где принуждение, никто теперь уже не скажет.

Касательно беспорядочных убийств и кровавых оргий — опять Алексинец: «[Разин]...и всяких людей рубит без милости своими руками». У Фабрициуса только общие слова. Есть еще рассказ Бутлера: «2 августа в городе все еще происходили ужасные убийства, что вошло в обычай, убивали один день больше, другой день меньше и так умертвили 150 человек, тираны орошали кровью их невинные лица. Тогда я выкопал себе в земле яму, чтобы можно было скрыться на время нужды; в нее я часто прятался, так как каждый день слышал только о жестокой тирании...» Разин ушел из Астрахани 20 июля, так что неясно, при нем ли начались эти убийства. 26 сентября подьячий Наум Колесников показывал в Посольском приказе (Крестьянская война. Т. 1. Док. 183): «А как де вор Стенька взял Астарахань и жил в Астарахани пол четверты недели, и астараханские де жители, которые великому государю изменили, приходя, говорили ему, Стеньке. — Многие де дворяне и приказные люди перехоронились, и чтоб он позволил им, сыскав, их побить... И Стенька де им сказал. — Как де он из Астарахани пойдет, и они б чинили так, как хотят, а для де росправы оставливает он им казака в атаманы, Ваську Уса».

Первоначально в указе, зачитанном московским служилым людям, посылаемым с воеводой Ю. Долгоруковым (тем самым, который казнил или якобы казнил брата Разина) на подавление мятежа (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 2. 1 августа 1670 года), о преступлениях Разина в Астрахани говорилось кратко и сухо: «...побил начальных людей и детей боярских и московских стрельцов, которые к воровству не пристали». Но уже через несколько дней зачитывали другой текст, отредактированный (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 17): не просто «побил», а «муча разными муками» и «такое наругательство чинил, чего и у бусурман не ведетца»; «жон и дочерей их [убитых], выдав на поругательство богоотступником товарищем своим, таким ж вора, насильством, и священником велел их венчать по своим печатем, а не по архиерейскому благословлению, ругался святой божи церкве и преданию святых апостол и святых отец, вмняя тое тайну святаго супружества ни во что. А которые священники ево не послушали, а тех он сажал в воду». Все это не подтверждено конкретными показаниями «снизу».

К концу месяца злодейства Разина обрели совсем уже чудовищный вид

(наказная память из Разрядного приказа воеводе Ю. Долгорукову): «И священников и инокинь мучил разными муками, и не насытятся тех невинных кровей, и самых младенцов не щадил...» (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 27. 28 августа 1670 года). Для чего бы Разину понадобилось истязать инокинь и младенцев, не вполне понятно, но дело не в этом, а в том, что нет никаких подтверждений с мест.

Как раз в тот период Разиным заинтересовались иностранные газеты — уж там журналисты развернулись как следует. Из альманаха, издававшегося во Франкфурте-на-Майне (статья «Достоверное известие о мятеже в Московии»): «Некий человек пишет 3 октября из Копенгагена: по милости божьей, он за пять недель совершил путешествие из Москвы и слышал там много удивительного о мятеже Степана Разина. Это большой тиран, и при взятии города Астрахани он велел сбросить с башни воеводу этой крепости, сам надругался над его женой и дочерью, а затем велел привязать их совсем нагими к лошадям, задом наперед, и отдать на поругание калмыкам — самым ужасным из всех татар. Он велел отрубить руки и ноги многим немецким офицерам, а затем завязать их в мешки и бросить в Волгу. Над их женами он сам надругался, а затем отдал их калмыкам». (Алексинец, которого уж никак не заподозрить в снисхождении к Разину: «А боярская де жена и всяких начальных людей жены все живы, и никою де тех жен он, Стенька, не бил».) В приговоре словно соединились замученные инокини с нагими женами — получились уже голые инокини (и к ним добавились иноки): «И такое надругательство чинил, чево нигде не ведетца, и священников и иноков и инокинь, обнажа без всякого стыда, и всяких чинов людей из животов мучил розным томлением и муками, и самых младенцов не щадил».

Среди разинских преступлений видное место занимают религиозные кощунства. Уже в первом зачитанном людям Долгорукого указе говорится: «От святыя соборныя церкви отступил и про святителя нашего Иисуса Христа говорил хульные и неистовые слова... и церковей божиих ставить на Дону и пеня никакова не велит и священников з Дону збил. И нам, великому государю, и всему Московскому государству изменил, и принял к себе в помощь сатану...» Все это потом будет переходить из документа в документ, как и убиенные инокини с младенцами. Из показаний снизу — опять Алексинец: «И в церквах божиих образы окладные... поймал»; «А богу де он, вор Стенька, не молетца» и подьячий Колесников: «А посту де он, Стенька, не имеет, всегда ест мясо и держится богомерзких сатанинских дел». Каких именно дел — неясно. Костомаров: «Астраханцы, подражая своему «батюшке» начали есть в постные дни молоко и мясо, и если кто

ужасался нарушать эти обряды, того угощали побоями, а иногда заколачивали до смерти». Не подтверждено.

Вообще отношение Разина к религии — вопрос домыслов. Он, конечно же, как любой человек того времени, был верующим, но, вероятно, на свой лад. Евграф Савельев вложил в его уста следующий монолог:

*Какого Бога мне бояться?
Ужель боярского? дур-рак!
Ваш Бог жестокий,
Бог тиранов,
Бог всех насильников, ханжей...<...>
Мой Бог другой, мой
Бог народный,
Свободы, правды и любви,
Бог равноправия забитых
И угнетенных христиан.
Мой Бог на крест пошел за правду,
А ваш лишь любит дым кадил
Да рев болванов ожиревших,
Обряды, песни, фимиам
И вздохи сытого желудка
Рабовладельцев — палачей!
Мой босоногий, неприютный,
С венцом терновым на челе,
А ваш в золоченой короне
С порфирой царской на плечах!*

У Разина был свой духовник — ему под стать. В выписке из доклада Разрядного приказа от 11 ноября 1671 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 155) говорится со ссылкой на показания попов из Черкаска, что духовником этим был «черный поп старец Феодосий» и «тот де старец всякие воровские Стеньки Разина замыслы ведал, и от стрельбы на Стеньку кладывал, и по Черкасскому городку с ним, Стенькою, хаживал с кинжалы, и которые люди к воровству не приставали, и тем многия пакости и поругания чинил». Впоследствии Феодосия поймали, расстригли и, вероятно, казнили; на допросах он, как и все, утверждал, что Разину подчинялся «насильством», а что Разин прислал ему в Черкасск «трои часы, одни золотые, другие серебряные, третьи медные, да крест золотой с

мощью, обнiza с жемчугом, да образ чудотворца Николая, обложен золотом», так он, поп, тут ни при чем.

У Шукшина Разин говорит: «Попов шибко не люблю. За то не люблю, оглоедов, что одно на уме: лишь бы нажраться!.. Ну ты подумай — и все! Лучше уж ты убивай на большой дороге, чем обманывать-то. А то — и богу врет, и людям. Не жалко таких нисколь... Грех убивать! Грех. Но куски-то собирать — за обман-то, за притворство-то — да ить это хуже грех! Чем же они не побирušки? А глянь, важность какая!.. Чего-то он знает. А чего знает, кабан? Как брюхо набить — вот все знатье». Однако при Разине постоянно были какие-нибудь свои попы или люди, имевшие отношение к церкви. Сообщение назначенного астраханским воеводой Я. Одоевского от июля — августа 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 181) со ссылкой на многочисленные слухи: «Как де был вор Стенька Разин на Царицыне, и ему де, Стеньке, был любимой приход в Троицком монастыре к казначею Аарону, и пил и ел вор Стенька с ним, Аароном, заодно». И из этого же монастыря старец Иосиф ударился в разбой и поехал с Разиным в Астрахань...

Из показаний в Тамбовской приказной избе московских стрельцов Г. Свешникова «со товарищи» от 26 августа 1670 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 22): «Да как де вор Стенька московских стрельцов, на бое поймав, привез на Царицын, и ему де, Стеньке, царицынской соборный поп Андрей говорил и называл ево, вора Стеньку, батюшкам, чтоб их, стрельцов, велел он, Стенька, посадить в воду, и называл де их, стрельцов, он, поп Андрей, мясниками: уже де нам от тех мясников, московских стрельцов, житья не стало. А которые де московские стрельцы от ран и от иных болезней на Царицыне помирали, и их де у церкви божии не хоронили по ево Стенькину и попа Ондреева указу и исповедовать де тех при смерти не велели». Да и сам митрополит Иосиф обществом атамана не брезговал — мы уже цитировали подьячего Колесникова: «...Стенька на имянины благоверного государя царевича и великого князя Феодора Алексееича был в гостех у митрополита...»

В городе Разин пробыл почти месяц. Иван Александрович Худяков^[74]: «...если бы Стенька не промедлил в Астрахани и воспользовался переполохом, то, вероятно, он побывал бы в Москве». Но, с другой стороны, надо было как-то организовывать и пополнять войско: горожан, по одним данным, вербовали уговорами, по другим — насильно мобилизовывали, но в любом случае их нужно было вооружить хотя бы холодным оружием.

Кроме того, в Астрахани Разин решил осуществить дерзкий

замысел, возможно, возникший у него уже давно: подобно казакам времен самозванцев, он решил сотворить самозванцев сам. Кому горе, а кому удача: 17 января 1670 года, не дожив до двадцати лет, умер царский сын и престолонаследник Алексей Алексеевич. На Руси (да и не только) издавна привыкли распространять слухи о том, что если какой-нибудь царь, царевич, полководец, просто знаменитый человек умер, так он вовсе не умер, а где-нибудь прячется или скитается. Иногда такие слухи распространялись без всякой выгоды для кого бы то ни было, но тут выгода была налицо.

Разин объявил публично, что царевича хотели убить злые бояре, царя — тоже, а теперь царевич тут, на струге живет, а царя надо «спасать». Марций: «Так и пошел слух, что бояре, ненависть к которым была непримирима, пытались захватить в свои руки всю власть... и, ставя по своему обычаю ложь выше правды, бессовестно производят смуту в государстве. Терпеть это и дальше — значило бы коснеть в малодушии, совсем позабыв о спасении государства. Таким образом, заявляя, что дело идет о всеобщем благе, Разин обещает свое покровительство и защиту и, подобно Каталине, убеждает всех, кто хочет мстить, а не повиноваться боярам, сходиться к нему и воздать им за их беззаконие, сознавая, что это единственный путь вывести государство из его развращенного состояния и восстановить в правах истинного наследника престола». Костомаров: «Царевич, говорили они [разинцы], приказывает всех бояр, думных людей, и дворян, и всех владельцев помещиков, и вотчинников, и воевод, и приказных людей искоренить, потому что они все изменники и народные мучители, а как он воцарится, то будет всем воля и равенство. Повсюду эмиссары разносили эти вести, и в отдаленном от Волги Смоленске один из них уверял народ, что собственными глазами видел царевича и говорил с ним; с тем и на виселицу пошел».

В анонимном «Сообщении...» говорится, что в стане Разина за царевича Алексея выдавали «потомка одного из пятигорских черкесских князей». Современные исследователи считают, что роль Алексея Разин дал играть юному сыну кабардинского мурзы князя Камбулата Пшимаховича, князю Андрею Черкасскому, плененному при взятии Астрахани. Однако подтверждений этому нет. Почему русского не нашли? Не было ни одного с такой аристократической наружностью? И дальнейшая судьба этого юноши известна: он ничуть не пострадал, что объясняют высоким положением его отца. Но, может, все-таки и не он исполнял роль, а может, ее играли в разные периоды несколько актеров. Жил «царевич», как считается, на струге и на берег не сходил. В сочинении Б. Койэтта, секретаря

голландского посольства, описан струг, обитый красным бархатом, на котором плыл «царевич», — но Койэтт в Астрахани не был и слышал это, видимо, с чьих-то слов. От имени «царевича» писались прокламации — «прелесные письма». Показывался ли он народу, неизвестно. В документах изредка попадаются упоминания о том, что какой-нибудь человек говорил, будто видел царевича, но «говорил, будто видел» и «видел» — не одно и то же.

Вторым самозванцем был «патриарх Никон». Он тоже якобы жил на струге, обитом бархатом, только черным. (Эта ситуация напоминает «Гекльберри Финна», где в лодке плавали два мошенника — «король» и «герцог».) Кто его изображал — тут даже предположений ни у кого нет. Может быть, какой-нибудь поп. Скорее всего — никто. Марций пишет, что «было у Разина судно, на котором имелось изображение патриарха, как бы присутствующего здесь».

Интересный вопрос: сколько человек было посвящено в эту авантюру? Вряд ли много — казаки напьются, проболтаются... Но нет доказательств, что казаки верили, что Никон находится среди них. Из показаний Григория Свешникова: «Да они ж де, Гришка со товарищи, будучи на Царицыне, слышали от воровских казаков многожды, что де они, воровские казаки, меж собою говорят и похваляют бывшего Никона патриарха. Что де он, Никон, будет на Москве патриархом по-прежнему. Так де и все будет смирно. А пришед де он, Стенька, к Москве, и бояр и всяких начальных людей побьет, и ево де, Никона, возьмут и посадят на патриаршестве по-прежнему. А нынешнего патриарха бранят они, воровские казаки, матерны. А Никон де патриарх к Стеньке Разину на Дон писал, чтобы он, Стенька, собрався с воровскими казаками, шол на бояр к Москве». То есть патриарх не здесь, а только пишет атаману из заточения.

Но это в Царицыне, а в Астрахани, может, уже и поверили? Тоже непонятно. Из показаний Алексинца: «Да они ж де, воровские казаки, говорят меж собою беспрестанно и похваляют бывшего Никона патриарха: напрасно де бояре с Москвы ево согнали, а он де, Никон, им был отец. А как де Стенька Разин будет в Казане или в Нижнем Новгороде, и он де, Никон, будет на Москве по-прежнему. А на што де было ево Никона с Москвы выгонять, как бы ево не выгоняли, и от Стеньки Разина такая смуты и не было».

Почему казаки вдруг так возлюбили Никона — совершенно неясно. Никакой особенной милости он им, будучи патриархом, не оказывал. Историк XIX века Афанасий Прокофьевич Щапов^[75] полагал (и некоторые современные изыскатели так думают), что Разин хотел создать «древнее

Астраханское царство... в противоположность Московскому государству, царством казачества и раскола, к чему и после, со второй половины XVIII столетия, стремились раскольники...». (Костомаров пишет: «...агенты возмущали народ всякими способами и говорили разное: в одном месте проповедовали козацкое равенство и полное уничтожение властей; в другом возбуждали толпу именем царевича, обещающего народу льготы и волю; здесь ополчали православных за гонимого патриарха; там подущали старообрядцев враждою против нововведений, за которые обвиняли того же патриарха...» Последнее утверждение не подтверждено.) Раскольники действительно нередко находили приют у казаков, на Дону в частности, но Никон к этому не имеет никакого отношения — он-то как раз был «обновленцем», врагом раскольников и вообще «старой русской веры»; его даже называли антихристом. Сказать, что на Руси так уж сочувствуют всем гонимым властью — неправда, не сочувствуют. Тут, видимо, была такая логика: бояре плохие (это аксиома); бояре прогнали Никона (так говорит Степан Тимофеевич, а он зря не скажет); следовательно, Никон хороший.

Как увязать то, что царь прогнал Никона, а мы хотим его вернуть, с тем, что надо идти защищать царя? Но ведь не царь прогнал, а бояре. Но как же тогда бедный царь, со всех сторон окруженный могущественными и злыми боярами, до сих пор сидит во дворце, а не в каком-нибудь каземате или у Стеньки Разина на струге? Тут мы имеем дело с феноменами массового сознания и пропаганды. Толпа легко верит в любую чушь, питается ею и сама ее питает и не замечает внутри этой чуши никаких, самых вопиющих, противоречий.

Наживин: «Дело было головоломное, но что-то было в нем такое, что подсказывало, что подумать над ним стоит...» Шукшин:

«— А что Никон? — спросил вдруг Степан с искренним и давним интересом. — Глянется мне этот поп! Хватило же духу с царем полаяться... А? Как думаешь про его?»

— Ну и что?

— Как же?.. Молодец! А к нам не склонился, хрен старый. Тоже, видать, хитрый.

— Зачем ему? У его своя смета... Им, как двум медведям, тесно стало в берлоге. Это от жиру, Степан: один другому нечаянно на мозоль наступил. Ты бы ишо царя додумался с собой подговаривать...

— Нет, я таких стариков люблю. Возьму вот и объявлю: Никон со мной идет. А?

— Зачем это? — удивился Матвей.

— Так... Народ повалит, мужики. Патриарх... самый высокий поп, как

Стырь говорил. Мужики смелей пойдут.

Матвей молчал.

— Что молчишь?

— Делай как знаешь...

— А ты как думаешь?

— Опять ведь за нож схватисся?

— Да нет!.. Что я, живодер, что ли?

— Дурость это — с Никоном-то. «Народ повалит». Эх, как знаешь ты народ-то! Так прямо кинулись к тебе мужики — узнали: Никон идет. Тьфу! Поднялся волю с народом добывать, а народу-то и не веришь. Мало мужику, что ты ему волю посулил, дай ему ишо попа высокого. Ну и дурак... Пойдем волю добывать, только я тебя попом заманю. Нет, Степан, ни царем, ни попом не надо обманывать. Дурость это».

Советские историки и литераторы, разумеется, писали, что придумка с «царевичем» и «патриархом» особой роли не играла — так, шалость, пустяк. Но на самом деле народ в самозванцах нуждался — не Разина же все-таки на престол сразу возводить, это как-то уж слишком, — и слухи распространились столь широко, что в приговоре царь был вынужден подробно объясняться, чуть ли не оправдываться: «И [ты, вор Разин] писал в воровских письмах, будто сын Великого Государя нашего, благоверный наш царевич и великий князь Алексей Алексеевич, всея великие и малые и белые России, ныне жив, и будто, по указу Великого Государя ты, вор, идешь с ним с низу Волги к Астрахани и под Москву, для того чтоб побить на Москве и в городех бояр и думных, и ближних, и приказных людей, и дворян, и детей боярских, и стрельцов, и солдат, и всякого чину служивых и торговых людей, и людей боярских будто за измену. А сын Великого Государя нашего, благоверный государь наш царевич, по воле Всемогущего Бога, оставя земное царство, преставился и приял вечный покой небесного царствия; и преставление его в государеких палатах при отце его, при Великим Государе нашем, в 178-го году, Генваря в 17 числе, а тело погребено на Москве, в соборной церкви Архистратига Божия Михаила, с прочими государскими родителями, Генваря в 18 числе, а погребение было при отце, при Великом Государе нашем в 178 году, Генваря в 18 числе; а погребение было при отце его, государеве, при Государе нашем Царе полное, а на погребении его были святейшие патриархи, Паисий Александрийский и Иоасаф Московский, сообче с освященным собором; да не токмо преставление и погребение сына Великого Государя нашего, благоверного государя нашего полное в России, но и в других землях ведомо. Но не смотря на то, ты, вор и изменник, забыв страх Божий, такое

велико дело учинил, хотя народ возмутити и кровь пролити, чего и помыслить страшно. Да ты ж, вор, вменил всяких людей на прелести, будто с тобою монаха имел прельщать всяких людей. Аника-монах, по государеву указу, по суду святейших патриархов и всего освященного собору, от патриаршего престола послан на Белоозеро в Ферапонтов монастырь и ныне в том монастыре».

В середине июля Разин устроил грандиозное представление: все жители Астрахани были созваны за город приносить присягу и целовать крест на верность «великому государю Алексею Михайловичу, царевичу Алексею Алексеевичу, святейшему патриарху Никону и великому атаману Степану Тимофеевичу». Из показаний Наума Колесникова: «Да при нем же, Науме, как он был в Астарахани, вор Стенька оманатной двор весь распустил, и орды де калмацкие и татарские от Астарахани все откочевали, и оманатачики все из Астарахани в целости выехали. Да он же де, Стенька, астараханских жителей всех приводил за городом в войску ко кресту в том, что им за великого государя стоять и ему, вору Стеньке и всему войску служить, а изменников выводить. А как де он ко кресту астараханцев приводил, и в то де время были у него в войску и попы со кресты. А которые де священники ево, вора Стеньку, обличали, и тех он одного посадил в воду, а другому руку да ногу велел отсечь». (В официальных документах «сверху» два пострадавших священника быстро превратились во «всех священников».)

4 сентября 1672 года правительственные агенты допрашивали в Спасском монастыре всех астраханских попов и дьяконов — все как один клялись, что никого к кресту не приводили, за Разина не молились и вообще ничего плохого не делали, и доносили друг на друга. Впрочем, астраханцы всех сословий вели себя так же, и это естественно.

Чего хотел сам Разин, какой исход игры его бы устроил более всего? Алексинец: «И говорит де и бранит московских стрельцов и называет их мясниками: вы де, мясники, слушаете бояр, а я де чем вам не боярин? А то де он, Стенька, и говорит, что ему, Стеньке, итить к Москве и побить на Москве бояр и всяких начальных людей». Чем я вам не боярин?! Кажется, идея казачьей республики — по крайней мере на какое-то время — была забыта и отброшена как бесперспективная: видимо, почувствовал, что «народ» предпочитает по большому счету оставить все как есть. Хотел ли он править Россией? Казаки уже сажали бояр на престол, пытались однажды молодого казачонка выдать за царевича, но сами казацкие предводители до Пугачева на трон вроде бы не претендовали. Но быть главным советником и полководцем, визирем при «собственном» царе —

такой вариант, наверное, обдумывался. Что делать с нынешним царем? Тут, возможно, просматривались два варианта: либо в случае военной победы «нажать» на него и опять-таки стать всемогущим визирем, либо каким-нибудь образом, не исключая физического устранения, отстранить от престола. По сообщениям иностранных газет, когда Разина везли на казнь, он якобы хотел поговорить с царем и «все ему рассказать»; допускаем, что он так говорил, но вряд ли верил в какой-то прок от подобного разговора. А может, мы к нему несправедливы и он рассчитывал вынудить царя — настоящего или самозванца — действительно разогнать Боярскую думу и учредить вечевое правление? Кто ж его знает...

Он не отказался — ни на минуту, никогда не отказывался — от мысли объединиться с украинцами. Но там по-прежнему все было смутно и сложно. Из «расспросных речей» в Малороссийском приказе протопопа С. Адамова и черниговского сотника В. Семенова о сношениях Разина с гетманом М. Ханенко (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 80.12 июля 1670 года): «Да Ханенко ж де посылал к Стеньке Разину, чтоб был с ним в совете и, соединясь с ним, шол воевать хана Крымского. А что против того к нему Стенька приказывал или писал, того не ведает. Да ведомо де гетману Демьяну Игнатовичу [Многогрешному] учинилось, что Стенькина полку Разина 2 человека казаков едут малороссийскими городами в Киев бутго молитца, и гетман де по них послал, где съедут, чтоб их взять, и велел привести к себе». Многогрешный, напомним, — гетман Левобережной Украины, лояльный русскому царю. Статейный список подьячего М. Савина, ездившего к Многогрешному (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 85. Август 1670 года): «Да из Запорог де писали казаки к Стеньке Разину, что будто он, гетман, у великого государя не в подданстве, чтоб де Стенька шол великого государя на низовые города безопасно, а от него бы, гетмана, не опасался»; гетман в выражениях столь витиеватых, что мы их здесь не будем приводить, категорически отрицал подобное, обещал выслать против плохих казаков то тысячу, то две тысячи своих, хороших, и в то же время никого так и не выслал и просил у царя военной помощи. Не исключено, что он ставил сразу на двух лошадей: кто у «москалей» победит, с тем и сойдемся.

С Ханенко тоже было непросто. Он звал «воевать хана Крымского» — «а что против того к нему Стенька приказывал или писал», неведомо. Разину и в самом деле было затруднительно что-либо на сие отвечать Ханенко — он как раз в это время сносился с крымским ханом Адил-Гиреем, делал ему какие-то предложения и получал ответы. Царю хан говорил, что Крым верен союзу и никаких воровских донских казаков,

которые хотят испортить дипломатические отношения, не потерпит (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 87. 28 сентября 1670 года — запись переговоров в Посольском приказе приказного судьи А. Ордын-Нащокина с крымскими послами Сефер-агой и Мустафа-агой). Но есть и другие документы. Переводчик И. Кучумов 28 февраля 1673 года говорил в Посольском приказе (Крестьянская война. Т. 3. Док. 243), что донские казаки передали ему письма Адил-Гирея Разину (хан, видимо, не знал точно, где Разин находится); к сожалению, сами эти письма исчезли. В октябре 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 232 — расспросные речи в Астраханской приказной палате разных людей о их участии в мятеже) разинский подьячий Яков Ефремов «с пытки сказал», что письмо от хана Разину приходило в Астрахань, когда Разин был уже под Симбирском, и он, подьячий, переслал то письмо адресату; «и с многия пытки говорил те же речи» — видно, царь долго не хотел верить в такое ужасное вероломство Адил-Гирея... Против Москвы Разину годился любой союзник.

Москва же, естественно, хотела знать дальнейшие планы Разина. Теперь к их обсуждению подключилась и вся любопытная Европа, что только добавило путаницы. Перевод из шведских «курантов» (так тогда назывались иностранные — русских не существовало — периодические печатные издания), за 1670 год (№ 8): «Из Риги, ноября 12-го дня. Из русских же краев также сия ведомость приходит, что царское величество ищет случая с Стенькою Разиным мириться, к чему и Разин склонен, токмо таким намерением: 1 — е. Чтоб царское величество его царем казанским и астраханским почитал. 2-е. Чтоб он, великий государь, ему на его войска из своей царской казны дать указал 20 бочек золота. 3-е. Желает же он, Стенька, чтоб великий государь ему выдать изволил осьми человек близких его бояр, которых он за прегрешения их казнити, умыслил. 4-е. Последи ж желает, что прежний патриарх, который ныне у него бывает, паки в свой чин возвратити изволил».

В следующем выпуске курантов повторены эти условия и названы еще два дополнительных: выставить на всеобщее обозрение портрет Разина и ежегодно выплачивать ему дань. Нет никаких документальных доказательств, что в тот период царь хотел мириться с Разиным или Разин с царем и что Разин где-либо формулировал хоть одно из перечисленных требований; вообще веры иностранным газетам той поры мало: не имея корреспондентов на местах (то есть имея, но не в тех местах, где бывал Разин), они в основном повторяли слухи и, вероятно, отбирали из слухов те, что поинтереснее.

Гамбургская газета «Северный Меркурий» (считавшаяся очень

солидной), сентябрь 1670 года, сообщает корреспондент из Риги: «Французская сторона вела некоторое время с Москвой специальную переписку, вероятно, о военном выступлении, но теперь это будет затруднено, так как все приезжающие из Москвы подтверждают о мятеже. Глава его велит себя титуловать «князь Степан Разин, атаман». Он, можно сказать, держит в своих руках оба больших царства — Астраханское и Казанское и берет один город за другим. Этот злодей служил раньше алебардщиком у одного полковника, а также плавал с казаками по Каспийскому морю. Так как его брат по приказу Долгорукова был повешен в Москве, он решил отомстить за его смерть. Сперва он собрал 40–50 казаков, они помогли ему собрать 600–700 человек, и тогда он впервые пустил в ход свою силу и велел убивать тех, кто не хотел подчиняться ему как новому князю. Это сильно прибавило ему сообщников, и вследствие того он сумел взять Астрахань и многое другое. Он захватил в Астрахани сокровища, собранные великим князем [царем] за много лет, а также большие богатства в других местах. Всех тамошних немцев и шведов он взял на службу и из их числа, так же как и из бывших пленных поляков, приблизил к себе самых умных, назначил их государственными советниками и, таким образом, основал настоящее государство. Его армия насчитывает сейчас свыше 100 000 человек. Он требует московского генерала Долгорукова и еще 14 других знатных людей, а иначе он намерен их сам захватить. Великий князь отправил к нему трех послов, чтобы отговорить его от подобных намерений, но он велел привязать им всем камни на шею и бросить в воду, так как в их письмах не был назван его княжеский титул».

Со всеми этими князьями и стотысячными армиями как-то особенно жалко контрастируют показания Алексинца: «А струшки у него, Стеньки, небольшие, человек из 10-ти, и в большем человек до 20-ти в струшке, а иные в лотках человек по 5-ти. А которых де невольных людей с насадов и стругов неволею к себе он, Стенька, имал, и у тех де всех людей ружья нет...»

Были, впрочем, и степенные, взвешенные сообщения. «Европейская субботняя газета», 1670 год (№ 38), Москва, 14 августа: «Пришло достоверное известие о том, что известный мятежник Степан Тимофеевич Разин не только с каждым днем присоединяет к себе все больше народа и войска, но и добился больших успехов под Астраханью. После того как он обратил в бегство посланных против него стрельцов и уничтожил несколько тысяч из них, он стал штурмовать Астрахань, и так как тамошний гарнизон, вопреки воле коменданта, отворил ему ворота, он взял

город, а коменданта и тех князей и бояр, которые остались верны царю, велел повесить. Разграбление церквей было предотвращено тамошним митрополитом». Правда, тут же добавлялось: «Указанный мятежник послал письмо архимандриту в Казань с требованием, чтобы тот при его прибытии вышел ему навстречу с надлежащими почестями». Это, конечно, весьма в духе Разина, но ничем не подтверждено, и письмо атаман скорее написал бы не архимандриту, а воеводе.

Вдруг пошли отовсюду слухи, что Разин идет под Терки. Из «расспросных речей» в Тамбовской приказной избе казака М. Кобелькова (Крестьянская война. Т 1. Док. 179. 16 августа 1670 года): «И те ево Стенькины товарищи прислали ис-под Терека к нему, Стеньке, в Астарахань товарищев своих, что де они Терка не взяли; под Терком стоят де 25 бус, и тех бус они не взяли ж»; после этого Разин будто бы взял у астраханских татар коней и сам пошел под Терки, после чего обещал быть в Царицыне. Не подтверждено другими источниками. Но иностранным журналистам откуда-то и это стало известно, правда, они спутали Терки с Тарками. «Европейская субботняя газета», 1670 год (№ 38): «Опасаются, что он [Разин] постарается овладеть крепостью Тарки, находящейся на самом рубеже царских владений у Каспийского моря. А поскольку это место находится далеко от Москвы и при теперешних обстоятельствах, как это уже видно, будет трудно послать туда помощь, то возможно, что Тарки тоже окажутся под властью мятежников и торговля с Пруссией и Россией может быть прервана. Москва вследствие этого также окажется в большом затруднении, так как до сих пор из этих мест сюда доставляли всю соленую рыбу, в которой этот народ, соблюдающий множество постов, очень нуждается. Оттуда доставляли также соль и пригоняли царю из этих владений каждый год по 40 000 лошадей... Посланный против мятежников московский генерал Долгоруков требует стотысячную армию, а иначе не решается показаться на глаза врагу. Но двор не в силах собрать такую армию, так как тяглый люд не хочет вносить на это пятину, ссылаясь на свою несостоятельность».

Особый интерес у правительства вызывали все слухи и сплетни о сношениях Разина с Доном. Это и понятно: до сих пор Войско Донское и пальцем не шевельнуло, чтобы что-то сделать с мятежным атаманом: а ну как они все перейдут на его сторону? Правда, вожди промосковской партии наконец решились на хитрость. Из показаний того же казака Кобелькова: «Да к нему ж де, к вору Стеньке Разину, писали из Войска ис Черкаского городка атаман Корней Яковлев со товарищи, чтоб он, Стенька, ехал к ним на Дон, а им де на Дону жить стало от колмык тесно, казаков де побивают и

животину угоняют». Вроде бы это правда — воронежский воевода Бухвостов в августе докладывал в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 7), что «из Азова де воюют донские казачьи городки, многие де конские и животинные стада отогнали за то, что де он, Стенька, их зимою воевал». Но чуть позже казаки сами признаются, что это был лишь предлог.

В ответ Разин, если верить отписке в Разрядный приказ воеводы Г. Ромодановского (Крестьянская война. Т. 1. Док. 168. Август 1670 года), который слышал от некоего человека, который слышал от казаков, что «казанские... астраханские татаровя соединились со Стенькою Разиным, и прислал он де, Стенька, на Дон колмыцкого татарского ясырю 50 человек и велел их на Дону казаком кормить». Еще Кобельков сообщал, что Разин «... пошед в Астарахань, писал з дороги на Дон к брату своему родному, чтоб он приехал на Царицын и побрал на Царицыне ево Стенькину рухледь, что какой грабежной рухледи после ево осталось, а ему де, Стеньке, зимовать, где бог велит. И брат де ево Стенькин для той ево воровской рухледи поехал на Царицын на 15-ти подводках с телегами». Немало, видать, было «рухледи». Правда, вся она в конце концов куда-то исчезла. Донесение коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ от 12 августа (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 6) о том, что люди, побывавшие на Дону, сообщили: «Да они ж слышали, что де он, Стенька, к брату своему родному Фролку, что живет в Кагальнику, челобитья и грамотки присылает, да и к старшинам же грамотки в Пяти Избы присылает, а из Пяти Изб те ево воровские грамотки рассылают в нижние и верхние городки...»

Неизвестно, напугало или скорее успокоило Москву то место в показаниях Алексинца, где он говорит о планах Разина: «Пойдет де он, Стенька, в Русь, будет де потянут с ним, вором, заодно чернь, московские стрельцы, и они де бояр побьют заодно; а не будет де с ним, вором, заодно чернь, московские стрельцы на бояр не потянут и великого государя ратные люди на него, Стеньку, из Москвы пойдут, и он де, Стенька, побежит назад». Вроде бы на московских стрельцов и тем более на ратных людей можно положиться. Однако... В 1682 году именно московские стрельцы вместе с солдатами выборных полков и пушкарями подняли бунт, требуя убрать и покарать своих начальников за их «наказательное немилосердное мучение» и вымогательство взяток; их требования были удовлетворены, но они на этом не успокоились, убили нескольких стрелецких полковников, а также дьяков и бояр, обвинив их в «измене» и попытке посадить на трон «ненастоящего» (имелся в виду будущий Петр I) царя, разгромили ряд приказов, пожгли документы; посадские люди, холопы и крестьяне толпами

«записывались в стрельцы», как раньше в «казаки»... (Чем все это кончилось, мы знаем из романа А. Н. Толстого «Петр I».)

Могло подобное случиться в Москве двенадцатью годами раньше? А почему бы и нет? Жестокие и сребролюбивые начальники существовали и тогда (да что там, вообразите, они даже в XXI веке встречаются!) — достаточно было толчка... Или так: Разин дождал бы (где-нибудь за границей) до 1682 года и возглавил Стрелецкий бунт... Тогда ведь стрельцы проиграли прежде всего из-за отсутствия внятного руководства: держали Москву в руках и сами выпустили. При Разине, надо думать, так бы не было. Вот только победы он тогда — не было бы царя Петра (а именно он уничтожил вольное казачество, превратив его в военное сословие), а был бы какой-нибудь царь-марионетка. Кто бы рубил окно в Европу? Великий визирь (или Атаман Всея Руси) Степан Тимофеевич? С одной стороны, весьма сомнительно — при его ненависти к иностранцам, о которой говорили Стрейс и Фабрициус; с другой — ненависть он испытывал лишь к иностранцам на военной службе, а так был готов взять в союзники какую угодно страну. Глядишь, и прорубил бы что-нибудь — хоть кошачью дверцу. Хотя нам руби не руби — все равно досками заколотим...

20 июля Разин ушел из Астрахани не на Саратов, а обратно на Царицын: видимо, хотел проверить, как там дела. По показаниям подьячего Колесникова, атаман «в Астарахани де оставил астараханских жителей, которые изменили — половину, московских половину ж, да донских казаков 3 десятка. А другую де половину астараханцов да московских служилых людей он взял, вор, с собою...» (Колесников был правой рукой главы астраханской казацкой администрации, но потом, разумеется, утверждал, что его заставили «насильством» и своего шефа называл не иначе как «вором»). По словам Алексинца, с Разиным ушли пять тысяч казаков и три тысячи «всяких невольных людей, которых имал с насадов и стругов» и «всяких чинов людей из Астрахани». По «расспросным речам» в Белгородской приказной избе атамана Федора Колчева, есаула Агеева и украинского казака Козачка (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 20. 14 сентября 1670 года), Разин увел с собой 13 тысяч человек и еще четыре тысячи оставил в Астрахани. А Бутлер утверждает, что «казачий генерал вышел из Астрахани с большим числом лодок и около 1200 человек, оставив в городе гарнизон по 20 человек от каждой сотни».

13 тысяч или 1200 взял, четыре тысячи или три десятка оставил — ничего себе разброс! И просто принимать на веру среднее число оснований нет. На наш взгляд, когда речь идет о численности людей Разина,

склоняться стоит скорее к середине между средним и наименьшим названным числом. У страха, надежды и любопытства глаза одинаково велики, и все информаторы склонны к сильному преувеличению. Например, издаваемая в Риге «Газета» сообщала (4 сентября 1670 года): «...нас уверяют, что его [царя] восставшие подданные, число которых превышает 100 000, овладели Астраханью и даже заставили сложить оружие 20 000 солдат, посланных на помощь этому городу».

Шелудяк говорил, что править Астраханью они остались втроем — он, Ус и Терский, — но о Терском больше почти никаких упоминаний нет, и что он делал и что за человек был — бог знает. Все говорили в основном о двоих: Усе и его первом заместителе Шелудяке. (Не позволим разным написаниям себя запутать: по Бутлеру, начальствовать в городе остались «казак Родионов» (это про Уса: он был Василий Родионович) и «Иванович» (Шелудяк); лысковский подьячий Иван Петров впоследствии на допросе (Крестьянская война. Т 2. Ч. 1. Док. 151) утверждал, что Разин оставил «старшину Ваську Уса да атамана Федьку Иванова»; Федька Иванов — это и есть Федор Иванович Шелудяк.) Этот последний был, по-видимому, тем, что сейчас называют «крепким хозяйственником»: вороватый, предприимчивый, занимался снабжением, огласил, что иностранным купцам даруется право свободной беспошлинной торговли, рассылал людей в командировки для закупок того-сего.

Ус вроде бы больше ведал обороной (перед уходом Разина из города отправил людей в трехдневный рейд — проверить, всё ли на воде спокойно) и внешней политикой: по показаниям «приводных людей» (подозреваемых) в Астраханской приказной палате (Крестьянская война. Т 3. Док. 232. Осень 1672 года), слал делегации на Терек к татарскому мурзе Ямгурчею, к кочующим калмыкам (с переводчиками, всё честь по чести), принимал разных иностранцев, занимался (уж как умел) судопроизводством. Бюрократию они развели нешуточную, у Уса было два секретаря: подьячий Я. Ефремов и откуда-то взявшийся москвич С. Филиппов, у Шелудяка тоже двое. Письма Разину, на Дон, от Разина, с Дона, летали туда-сюда. Периодически убивали кого-нибудь: советские историки писали, что за дело, другие — что по кровожадности. По слухам, Ус даже регистрировал брачующихся. Новая власть, похоже, считала свое положение прочным: Ус и многие казаки вызвали к себе семьи, другие женились на астраханках (нередко при этом имея жен на Дону).

В Царицыне все было тихо. Атамана встретили с почестями и колокольным звоном и занялись своими делами. А. Н. Сахаров — поэтически: «...не было здесь больше ни воевод, ни приказных, не

собирались тяжкие налоги и единовременные поборы, не гнали посадских в шею на разные работы, не было больше в городе мздоимства и взяток. По справедливости и правде судил народный круг. И если шел кто-либо против народа, начинал разное подстрекательство, того тянули на круг, судили, бросали в воду, чтобы другим было неповадно менять справедливую жизнь на несправедливую». Наживин — реалистически: «Кзаки еще не кончили благодарить Господа за благополучное начатие дела, а Степан с Ивашкой Черноярцем и старшинами сидел уже в казачьем городском управлении, которое помещалось в Приказной избе. Как ни ненавидели казаки и вообще весь черный люд всякую бумагу, все же там сидели уже за длинными столами писаря из бывших подьячих и, склонив головы набок, усердно строчили какие-то грамоты: разрушить, как оказывалось, можно все, кроме приказного и бумаги».

Начались бесконечные совещания. Из показаний стрельца Свешникова: «Да как де он, Стенька, пришел из Астарахани на Царицын, и у него де, Стеньки, на Царицыне были круги многие. А в кругу де он, Стенька, воровским казаком говорил — куда де им в Русь итить лучше, Волгою или рекой Доном? И ему де, Стеньке, воровские казаки в кругу говорили — итить де им рекою Доном на Русь и украинные города не мочно, потому что де Дон река коренная, и как де запустошить украинные города, которые к Дону блиско, и у них де на Дону запасов не будет. Да и для де того на города рекою Доном и Хопром итить им не мочно, что де Тамбов и Козлов города многлюдные и там де дворян и всяких людей много, и они де в тех городах их, воровских казаков, побьют. А степью де им итить в Русь тоже не мочно, потому что им, степью идучи, есть нечева и запасов весть им не на чем».

Алексинец сообщает, что в Царицыне Разин остался без конницы: «... которые конные люди у него, Стеньки, были, и у них де лошади у всех попадали, и не осталось де у них ни одной лошади». С чего вдруг все лошади попадали? Бескормица? Но почему именно в Царицыне? Отравил кто-то? Вообще лошади у казаков умирали часто, потому что в те времена казаки животноводами были неважнецкими и привыкли легко красть или покупать новых лошадей у калмыков и татар. Почему не купили, если под Царицыном стояли калмыки? Там, правда, калмыцкий тайша Аюка по договоренности с Москвой выставил между Царицыном и Доном цепь застав, чтобы не пускать никого с Дона, но другие тайши, Дутар и Бок, разгромили Аюку. Сделали они это по своим внутренним причинам, не имевшим отношения к Разину, и, кажется, казакам не симпатизировали.

Из отписки коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный

приказ от августа 1670 года (Крестьянская война. Т 2. Ч. 1. Док. 6): «Да оно ж, государь, слышали в Пяти Избах от казаков, что де воинские люди калмыки и татаровя под Царицыным у воровских казаков конские и животинные стада отогнали». Так вот куда, возможно, девались лошади... С другой стороны, в сообщении в Разрядный приказ воронежского воеводы Б. Бухвостова (Крестьянская война. Т 2. Ч. 2. Док. 7. Август 1670 года) говорится: «А которые де татаровя были под твоей великого государя рукою, и те де татаровя тебе, государь, изменили и откочевали к нему, вору, к Стеньке». Ну, вероятно, одни «татаровя» были за Разина, другие против. Но если были какие-то «за», почему у них не купили лошадей? Непонятно. Правда, в цитированных уже показаниях воронежца Севастьянова сказано со ссылкой на слова донских казаков, что в августе с Разиным было «конных и пехоты будто тысяч с 50», но это явная выдумка.

Видя, что черкасская администрация не чешется, правительство запретило поставки хлеба на Дон до тех пор, пока не уймут Разина. Яковлев и Самаренин предприняли новую попытку залучить его домой. Как сообщал 27 января 1671 года в приказе Казанского дворца станичный донской атаман Родион Калуженин (Крестьянская война. Т. 3. Док. 77): «И из войска посылали к нему, вору, на Царицын донского казака Янку Гаврилова, будто на войско идут многие орды войною, и чтоб он поворотился в войско; и тем хотели ево Стенькину воровству помешку учинить». Но Гаврилов «прельстился на воровские прелести» и сказал Разину, что это все враки. Тем не менее Разин послал с Гавриловым в Черкасск (по словам Калуженина) 700 стрельцов и восемь пушек.

С этой посылкой масса неясностей. Воронежский воевода Б. Бухвостов писал в Разрядный приказ в начале сентября (Крестьянская война. Т 2. Ч. 1. Док. 42), что слышал от казаков, будто посылка была не в Черкасск, а в Паншин, и было там две тысячи человек, 19 пушек и казна в 40 тысяч рублей. Алексинец: «И пришел де он, вор Стенька, на Царицын, послал от себя на Дон в Черкасской городок воровских Козаков и всяких невольных людей и московских стрельцов человек с 500 з деньгами и со всеми грабежными животами да с ними 8 пушак». Подьячий Колесников сообщал, что Разин, уходя из Царицына, «на Дон отпустил от себя казаков донских и московских стрельцов з 2000 человек с казною, которую пограбил в Астарахани, да з ними ж послал в Черкасской городок 8 пушек. А в отаманех с ними послал из донских казаков Якушка Гаврилова да Фролка Минаева. А с ним, Стенькою, к Саратову пошло тысяч з 10». По показаниям же атамана Федора Колчева выходит, что с Гавриловым ушли три тысячи человек, с Разиным осталось десять тысяч.

Для чего так много народу, пушек и денег Разин отправил на Дон, если обман Яковлева раскрылся и Войску ничего особенного не угрожало? Во-первых, он наверняка хотел основать на Дону свою многочисленную партию, свой военный резерв, — мало ли как дальше дело пойдет. Во-вторых, судя по дальнейшим событиям, он уже тогда отдал распоряжения приближенным людям, и прежде всего брату Фролу, вербовать людей (на то и казна) и готовиться по сигналу выступить на Слободскую Украину. В-третьих, сильный отряд Гаврилова должен был по пути уничтожать заставы, не пропускавшие на Дон продовольствие. Всех этих целей он отчасти добился. Отчаянные воронежцы начали с Доном незаконно торговать, Гаврилов с тысячей казаков укрепился в Черкасске, Фрол Разин с двумя тысячами — в Кагальнике.

Но куда же ему самому-то идти? А. Н. Сахаров: «Выход через Слободскую Украину сулил приход в его войско тысяч помещиковых крестьян. Опираясь на такую силу, можно было бы идти против любого царского воеводы. А там недалеко и до Москвы, до боярского осинового гнезда. Ударить многими людьми на Москву, взять ее, как взял уже Царицын и Астрахань — не с боем, а изнутри, своими людьми... об этом думал он все чаще и чаще, когда говорил с простыми людьми — беглыми, «голыми», обиженными... А донские казаки вопили о другом, не хотели идти через донские земли, воевать на Слободской Украине, под Воронежем и Коротояком, разорять близкие к Дону пределы. «Им хорошо, — кричали казаки, указывая на «голых» и беглых, — им терять нечего, а у нас на Дону дворы стоят, торговля идет, женки и детишки проживают; свое место блюсти надо, а не идти по нему войском».

Абсолютно не прояснены вопросы, много ли в тот период в отряде Разина было «голых», действительно ли те члены Войска, что не были казаками, хотели идти Доном, имели ли их слова какой-либо вес и чем в конце концов руководствовался Разин, когда принял решение двигаться дальше Волгой — на Симбирск, потом Казань или Нижний. Вероятно, если у него не было конницы, это был попросту единственный выход. Кроме того, путь по Волге был уже привычен. И население волжских городов вроде бы к казакам было настроено лояльно. И наконец, оставлять у себя в тылу такие мощные крепости, как Симбирск, Нижний и Казань, он побоялся. Так что вроде бы верно поступил.

Предположительно 7 августа двинулись на Саратов — так назывался город, находившийся выше по течению Волги, чем Саратов нынешний. Следом шел снаряженный Усом или Шелудяком струг с продовольствием. Из показаний стрельца Свешникова: «А идет де он, Стенька, под Саратов с

великою опаскою и боитца на себя приходу великого государя московских ратных людей. А ис Саратова де к нему, Стеньке, прибегают саратовцы человека по 2 и по 3 почасту и говорят де ему, Стеньке, чтоб он шол к ним под Саратов не мешков, а саратовцы градцкие люди город Саратов ему, Стеньке, здадут, только де в Саратове крепитца саратовский воевода».

В то же время воронежский воевода Бухвостов в ужасе писал в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 7. 13 августа 1670 года), что «хочет де он, вор Стенька, итить на твои великого государя украинные города и к Москве, а под Воронеж де будут ево Стенькиной станицы воровские казаки конные и пешие вскоре», и просил помощи и защиты. Далее из официальной переписки явствует, что все в полной растерянности, Саратов оборонять совершенно некому и Разин контролирует почти всю Волгу.

Еще 1 августа был дан царский указ воеводе Юрию Долгорукову о посылке его с полком против Разина (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 1). Это был первый серьезный шаг Москвы после получения известия о падении Астрахани. Стрельцы на местах явно ни на что не годились, воевода Урусов, стоявший с полком в Казани, почему-то бездействовал — вся надежда была на Долгорукова, и с ним посылалось целое войско, которое должно было состоять из стрельцов, дворянского ополчения и ратных полков нового строя (обученных иностранцами). «Северный Меркурий» в номере от 19 октября сообщал не без злорадства: «Вся Москва его [Разина] боится, и никто не хочет идти против него вместе с Долгоруковым. Для создания настоящей армии не хватает денег, так как их забрали жадные до золота чужеземные патриархи, которых царь с большими издержками выписал из Константинополя, Антиохии и Иерусалима, чтобы рассмотреть учение и дела прежнего московского патриарха»; Разин же «так же, как и Томазо Аньелло^[76], высоко чтит своего государя и говорит, что против него ничего не имеет, а лишь против Долгорукова и некоторых его офицеров».

Не выяснено общее количество людей у Долгорукова; царские грамоты с требованием прислать людей были направлены в десятки городов, но точное количество присланных не указывается. Но одних только стрельцов у Долгорукова было около четырех тысяч. Вышел он из Москвы 1 сентября и отправился через Муром на Алатырь — там ждали появления Разина. С. П. Злобин:

«После того как Харитонов прислал весть о дворянских сборах, атаманы задумчиво покачали головами, глядя на косы, рожны и вилы, которых в войске было в десять раз больше, чем пицалей и мушкетов,

страшась за свой разношерстный сброд, среди которого многие не умели насыпать порох на полку и не владели саблей.

— Батька, мы на смерть ведь идем! — сказал Наумов Степану, когда остальные отстали от них. — Ты гляди, батька, Волга наша. Сколь городов: Камышин, Царицын, Астрахань... Яиц-ко устье, захочешь, и тоже наше. Куцы нам еще?! Тут бы и ставить рубеж понизовых казаков... Дон к нам пристанет, Хопер, Медведица, там — Донец, Запорожье. Куцы еще больше! Слышал ты, чай, сказку, как вороненок зарился на барана!.. <...>

— Мыслишь, бояре без драки тебе понизовья оставят?!

— Не один я так мыслю, Степан Тимофеич, — оправдываясь, сказал Наумов. — Так ведь и все казаки говорят. Сказывают — зря ты на Москву разгорелся: тебе в битвах славы искать, а казакам-де Москва к чему?!»

На первый взгляд действительно не понятно, почему Разин не удовольствовался возможностью быть «хозяином Волги». Но он в романе отвечает собеседнику совершенно логично: Москва бы не позволила парализовать свою торговлю. С другой стороны, почему бы, овладев волжскими городами, не успокоиться, не прекратить пиратство, не заключить с царем мир? Если есть доля правды в сообщениях иностранных газет о четырех или шести ультимативных требованиях, предъявленных царю, Разин и не прочь был бы удовольствоваться Волгой. Но реакцией Москвы стал сбор ополчения. Поздно уже было мириться, деваться некуда.

В помощь саратовскому воеводе Лутохину прислали из Казани и Самары 500 стрельцов, но это не помогло. Стрельцы ушли обратно, а местные подняли бунт и 15 августа встречали Разина «хлебом-солью». Воеводу убили — то ли по приказу Разина, то ли по решению круга. Городским атаманом стал казак Григорий Савельев (возможно, и кто-то из горожан входил в «руководящие органы», но сведений об этом не сохранилось). Взяли казну — часть опять отправили на Дон. По легенде, Разин любил сиживать на одном из утесов близ Саратова в кресле из слоновой кости, оттуда руководил пиратами и где-то там зарыл, естественно, клад; саратовцы также считают, что именно будучи у них Разин утопил княжну.

Пробыв в Саратове несколько дней (тут разные числа называются, но по логике это было в середине — конце августа), войско Разина двинулось к Самаре. Там обстановка была сложнее: часть горожан хотела сдаться Разину, часть — не хотела. Мятежников было больше, и они захватили посад и слободы, но не могли прорваться в крепость, где находился войсковой гарнизон. То ли подошедшие разинцы помогли, то ли самарцы сами справились (саратовские краеведы пишут, что на сторону восставших

перешли два стрелецких сотника со своими людьми), но результат был тот же, что и везде: казнили воеводу и стрелецких голов, сожгли документацию, провозгласили свободу от податей, налогов и долгов, оставили начальство: горожанина Игошку Говорухина и казака Ивана Константинова.

Сам Разин даже не заходил в город, хотя, по местным преданиям, топил княжну здесь, а не в Саратове. И «утес Разина» тут тоже был, причем на самом деле: на Молодецком кургане разинцы поставили наблюдательный пункт, чтобы перехватывать идущие по Волге суда. Е. С. Кирушева, самарский педагог и краевед: «Пожалуй, самая красивая легенда связана с нашими местами. В ней рассказывается, что остров на Волге напротив Сызрани — на самом деле крыша подводного дворца, который стоит посреди зачарованного Мирного города. Живет в нем прекрасная речная царевна. Там и укрылся Стенька Разин до поры до времени. Лишь изредка лунными ночами выходит он на поверхность и плавает по Волге на своей волшебной кошке или летает на лодке, полной золота. А иногда поднимается из воды и сам Мирный город».

Войско Разина прибавилось саратовцами, самарцами и разными людьми; Василий Федоров, беглый крестьянин, побывавший на Дону, набрал себе отряд в 500 человек, причем конных и с оружием. Наживин: «И до того уверенность в победе была разлита вокруг, что в его войске появились уже не только приволжские бобыли, не только беглые холопы, беглые солдаты, беглые стрельцы, но вливались в него целыми отрядами и озлобленные мордва, черемисы и чувашаи: они были не так давно покорены Москвой и потому тяжесть московской длани была для них, детей лесов, особенно чувствительна, тем более что местные служилые люди делали все возможное, чтобы тяжесть эту удесятерить. Появились латыши, недавно поселившиеся на Волге, и поляки из вновь от поляков отвоеванного Смоленска, и пришел откуда-то какой-то «литвинко». Приходили попы деревенские, которым надоела и нужда несусветная, и все новые и новые требования московских «властителей», — то чтобы читать по новым, непривычным книгам, то чтобы не петь «Госапади Сопасе», как пели до сих пор, а непременно чтобы было «Господи Спасе». Не хватает только своего еврея, который бы предложил печатать фальшивые деньги...

Слухи были всякие. В конце августа коротоякский воевода Ознобишин сообщал в Разрядный приказ, что Разин прислал пушки на Дон и приказывает казакам собираться в Черкасске. Побывавший в Крыму толмач Кучумов 27 августа утверждал (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 25), что Разин «...к великому государю послал от себя послов просить некаких

людей с Москвы 3-х человек да с Тулы 4-х человек. Да и в Крым де от него, Стеньки, присылка, чаять, будет же. И в Крыму всяких чинов люди удивляютца и говорят, что приходит последнее время, что христиане меж себя почали рубитца». Факт сношений Разина с Крымом, как мы уже выяснили, подтвердился, но отправка послов к царю — нет.

Хотя могло, конечно, случиться и так, что послы (или письма) к царю были, но по несчастливой случайности все документы на эту тему пропали. Уж очень настойчивы были слухи о попытке каких-то переговоров с царем. Рижская «Газета» (№ 42): «[Царь] находится в немалом затруднении из-за продолжающегося в его владениях мятежа, которым как будто хотят воспользоваться некоторые его соседи, чтобы отомстить за то, что не смогли заключить с ним никаких договоров. Также ходит слух, что король персидский заодно с вождем мятежников и обещал прислать ему помощь; однако известия, полученные на этот счет, не очень достоверны и сейчас нет никакой ясности относительно хода этих дел. В начале прошлого месяца было сообщено, что мятежники, развивая свои успехи, заставили великого князя [царя], испугавшегося полного переворота в стране, предложить их предводителю соглашение и что тот, упоенный своими победами, отказался говорить об этом, пока не будет выполнено множество его дерзких требований, о которых вы, может быть, уже знаете... В завершение он [Разин] заявил, что продолжит свой победный поход, пока фортуна ему благоприятствует. Великий князь, испугавшийся столь дерзкого ответа и чувствуя себя в Москве неуверенно, готовился уехать и искать убежища в Архангельске на Белом море, куда многие купцы разных наций собирались также следовать за ним, взяв с собой свое самое ценное имущество».

Никто никуда из Москвы не бежал, наоборот, готовились биться, направляли войска в те места, где мог появиться Разин: в Симбирске уже стоял с полком воевода И. Б. Милославский, в Алатыре — П. С. Урусов, к Острогжску и Коротояку шел Г. Г. Ромодановский. К Симбирску также двигался из Казани Ю. Н. Борятинский. Ну и Разин тоже двигался, вот только никто не знал — куда.

Если в Самаре, Саратове и Царицыне, насколько известно, новые власти (продержавшись около года) обходились без эксцессов, то в Астрахани после ухода Разина начались новые ужасы. Фабрициус: «Примерно через 14 дней после ухода Стеньки собралась толпа этих воров в несколько сот человек. Они вломились в дома людей, уцелевших во время первой резни, и порубили и разорили все, что еще оставалось». Костомаров (ссылаясь на записки Золотарева): «Вскоре после отхода Стеньки, 3-го

августа, произошло в Астрахани кровопролитие: покончили еще несколько уцелевших в первые дни резни и отмеченных народной ненавистью. В числе их был государев дворцовый промышленник Иван Турчанинов. Спасаясь от гибели, он спрятался в палатах митрополита. Мятежники искали его там и не нашли, и разъяренные на архипастыря за то, что скрывает осужденных злобою толпы, ворвались к нему с неистовством...» Митрополита арестовали. Бутлеру, Термунду, а потом и Фабрициусу удалось бежать, поэтому о том, что происходило в Астрахани дальше, известно немного. У Шукшина Разин еще в Самаре узнает, что в Астрахани неладно:

«— Ус плохой — хворь какая-то накинута: гниет. С Федькой Шелудяком лаются... Федька князя Львова загубил, Васька злобится на его из-за этого...

— Как это он!.. — поразился Степан. — Как?

— Удавили.

— Я не велел! — закричал Степан. — Круг решал!.. Он нужен был! Зачем они самовольничают?! Да что же мне с вами?!»

Тут допущен осознанный анахронизм: Львов был пока что жив-здоров и в отличных отношениях с астраханским начальством. Но Шелудяк, видимо, и вправду «самовольничал», причем до такой степени, что ему пришлось из Астрахани, опасаясь гнева горожан, бежать в Царицын. Ус забрал себе имущество казненного Прозоровского. Карно, которому было, если верить Фабрициусу, 104 года, вряд ли что-то всерьез решал. Иван Терский вскоре плюнул на все и уехал на Дон. Шукшин: «Он видел, он догадывался: дело, которое он взгромоздил на крови, часто невинной, дело — только отвернешься — рушится. Рассыпается прахом. Ничего прочного за спиной... Как по песку шел: шел, шел, а следов нет». Наверное, тут тоже анахронизм: вряд ли подобные мысли могли владеть атаманом в августе 1670 года. Пока что удавалось почти все, чего он хотел.

Глава девятая

СИМБИРСК

Кто, что, где, куда?! Слухи, сплетни: зачем, почему?! В начале сентября коротоякский воевода И. Ознобишин докладывал в Москву, ссылаясь на слова донских казаков (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 4): «...что де вор Стенька с воровскими казаками с Царицына пошел вверх рекою Волгою к Саратову городу, а на Дон де перешло с Волги воровских казаков 2000. И вор де Стенька Разин велел воровским казаком праводить казну вниз рекою Доном в Черкасской городок, а собрався, велел им итить вверх рекою Доном к Коротояку и к Воронежю». А Милославский, сидевший в Симбирске, слышал от людей, которые слышали от казаков, что основной удар будет нанесен по Симбирску. Отправили подкрепление и туда, и туда. А полковой воевода Я. Хитрово сообщал, что какие-то воровские казаки собрались в Вешках. Но большая часть официальной переписки того периода посвящена положению дел в Слободской Украине (то ли больше боялись, то ли просто документация лучше сохранилась) — или, точнее говоря, городам Белгородской черты.

Это была хорошо укрепленная оборонительная линия, начинавшаяся у реки Ворсклы, состоящая из таких крепостей, как Усерд, Олыпанск, Коротояк, Урыв, и тянущаяся до самого Тамбова — а Тамбов открывал прямой путь на Москву. Казаки пошли туда с Дона. По указанию ли Разина или ставшего одним из его главных доверенных лиц Якова Гаврилова (засевшего в Паншине) отправлен на Белгородскую черту был казак Федор Колчев с маленьким разведывательным отрядом. 7 сентября он выступил вверх по Дону. Шел Колчев не абы куда: Разин уже давно переписывался с командовавшим Острогожским казачьим полком Иваном Дзиньковским (тот по личным причинам был недоволен властью) и получал от него обещания помочь и продовольствие. Теперь Дзиньковский должен был поднять восстание и сдать Острогожск.

Остановившись возле города, Колчев послал Дзиньковскому письмо и в тот же день получил ответ, что город будет сдан. 9 сентября Колчев вошел в Острогожск. Тамошнего воеводу Мезенцева казнили, круг собрали, заключенных выпустили, царские документы пожгли, освобождение от долгов объявили — всё как обычно. Колчев взял в Острогожске 400 человек, быстренько сбегал в соседний Олыпанск — тот тоже сдался без

боя, воеводу Беклемишева утопили и т. д. — и вернулся в Острогожск. Но там произошел обратный переворот. Донесение Ознобишина в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 4. Сентябрь 1670 года): «И как де те воровские казаки с острогожскими черкасы пришли ис под Альпанска к Острогожскому и збили круг, и он де, Иван [Дзиньковский], выходил к воровским казакам в круг и похвалял их службу, а думают де, государь, оне итить к Коротояку ночью сентября 11 числа... И острогожские де, государь, грацкие черкасы, усостыся, тех воровских казаков отамана и есаула поймали и посадили их за караул (по другой версии, никакой совести у «грацких черкас» не проснулось, а сделал это вооруженный отряд, присланный воронежским воеводой Бухвостовым. — М. Ч.) и пытали де, а с пытки де, государь, они, воры, говорили. — Вор де Стенька Разин пошел вверх по Волге, а их де послал к острогожскому, чтоб де, государь, полковник с черкасы пристал к ним, воровским казаком. Да острогожские ж государь, жители, прислали в Белгород Стеньки Разина прелесное письмо, чтоб из городов твоя великого государя всяких чинов люди, хто похочет, шли к нему, Стеньки».

Мятежников казнили — Дзиньковского и Колчева с особой жестокостью («преж обсець руки по локоть, а ноги по колено, а после казнить смертью, повесить»), — но разинцы от Коротояка отказываться не собирались. Тот же Ознобишин докладывал через пару дней (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 5): «А с Волги перешел на Дон Стеньки Разина брат Фролко, а велел де вор Стенька Разин брату своему Фролку с войском збиратца в Кагальнику. Да с ним же, Фролком, перешли с Волги на Дон воровские же казаки, Фролко Минаев да Якушка Гаврилов. А из верхних де городков воровские казаки, которые с воров Стенькою были, идут вниз рекою Доном к брату ево, ко Фролку, в Кагальник город... и звали (человека, который сообщил Ознобишину эти сведения. — М. Ч.) с собою итить в Русь, х Коротояку и Острогожскому, коньми и в судах...» Так что кони вроде бы вновь появились — по крайней мере у тех разинцев, что были на Дону. Но где же Разин? Очередное донесение Ознобишина (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 6): «А про Стеньку Разина они [острогожцы] не ведают, сам ли он тут или нет; и хто у них атаман, про то не ведают тоже...»

В советское время было принято изображать Разина организованным, последовательным человеком, который действительно руководил огромным восстанием; потом, по контрасту, стали писать, что никем он не руководил и восстания-то организованного не было, а были локальные мятежи, к которым Разин не имел отношения. Но, похоже, советские историки были к

истине ближе. Всю раннюю осень 1670 года сообщается о мятежах в разных городах и почти всегда при этом упоминаются «прелесные листы» Разина и говорится, что Разин прислал казаков «с полтораста и больши» и даже «с тысячу и больши» и что в Слободской Украине вместе «воруют» «черкасы» или «запороги» и донские казаки — об этом Разин мечтал уже много лет...

Сам он наконец объявился под Симбирском. Было это 4 сентября. Из допроса в Белгородской приказной избе (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 311) украинского казака К. Данилова (примечание: «пытан накрепко и было ему 41 удар да он же зжон клещами»): «А пошло де с ним, вором, русских и черкас 11 000 пехоты и в судах, кроме конных, а конных же пристало из городов, как он, вор, пришел и стоял под Синбирском, тысяч с 10». По иным версиям, с Разиным было всего 11 тысяч человек, включая конницу, или всего пять тысяч, или аж 60 тысяч (что уж совсем невероятно); нам кажется наиболее правдоподобным, что его войско насчитывало пять тысяч человек, не больше, причем казаки составляли никак не более половины — уж очень помногу казаков он всегда оставлял в захваченных городах, да еще несколько тысяч (если верить сообщениям) дал брату Фролу и Гаврилову. С. П. Злобин: «Когда Степан созывал на совет есаулов, то своих донских среди них было почти что не видно. Донцы не могли примириться с этим. Их голос делался глуше и глуше: в походных делах решалось все по «мужицкой» подсказке». Это, конечно, невозможно: хотя Разин и во время военных действий проводил круги, ему и его есаулам ничего не стоило продавить нужное решение — иначе какие бы они были полководцы? Кроме того, до остановки под Симбирском «мужиков» в большом количестве у него и не могло быть — откуда бы они взялись на воде? Не казаками в войске были в основном горожане и бывшие стрельцы.

Город Симбирск был центром Симбирской засечной укрепленной линии — от него открывался путь на Казань и Москву. Как и в Астрахани, центральную часть города занимал кремль, защищенный стеной с башнями, валом и рвом. Посад также был хорошо укреплен: его обнесли дубовым «острогом» длиной два километра с девятью башнями. Дальше шли незащищенные слободы. Военный гарнизон под управлением воеводы П. Б. Милославского насчитывал около четырех тысяч человек, а 1 сентября на помощь ему пришел и встал неподалеку от города Ю. Н. Борятинский с двумя отрядами рейтар, обученных иностранными специалистами, и парой сотен дворянского ополчения (этого было мало: Борятинского торопили, и он не смог собраться как следует).

У Разина людей было все равно больше: теперь наконец стали в

огромных количествах приходили крестьяне, в основном мордвины и чуваша. Бухвостов писал в Разрядный приказ, что Разин не сомневается в успехе и намерен зимовать уже в Казани. Но все оказалось не так просто. Как ни странно, толковых документов об осаде Симбирска почти нет (или они не сохранились). Восстанавливать ход событий можно, например, по «расспросным речам» в стане Долгорукова в Арзамасе стрельца Р. Микитина и крестьянина Г. Трофимова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 190. 31 октября 1670 года), показаниям в приказе Казанского дворца выходцев из Симбирска крестьянина Т. Китаева и дворового человека М. Павлова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 204. 6 ноября 1670 года). Получается, что Разин часть войска высадил ниже Симбирска, а сам с другой частью обошел его с севера и стал штурмовать посад; с тыла на него напал Борятинский; целый день был бой, в котором ни одна из сторон не победила; потом сутки все отдыхали, потом Разин вновь приступил к штурму, а в посаде начался мятеж горожан и стрельцов; с их помощью атаман в течение двух дней овладел посадом. Гарнизон Милославского заперся в крепости, а Борятинский, потеряв почти половину своих людей и обоз, ушел собирать новые силы. Пытался ли Разин преследовать и добить Борятинского — неясно. По разрозненным сведениям, конница у него в тот момент вроде бы уже была.

Разин укрепил острог изнутри (от Борятинского) и подготовился штурмовать крепость, поджигая ее (подвозя к стенам телеги с сеном, хворостом, дровами); первая попытка штурма закончилась значительными потерями: люди Милославского стояли по стенам очень тесно и сверху вели прицельную стрельбу. То же самое было во время второго штурма. Тогда осаждающие возвели вокруг крепости земляной вал, чтобы бросать зажигалки с него, лишив осажденных преимущества высоты; горючий материал пропитали смолой. Но то ли Милославский так грамотно защищался, то ли Разин что-то делал не так — опять ничего не вышло, и опять были потери. Шукшин: «Разин сам дважды лазал на стену. Оба раза его сбивали оттуда. Он полез в третий раз... Ступил уже на стену, схватился с двумя стрельцами на саблях. Один изловчился и хватил его саблей по голове». Может, и лазил — кто знает?

Разин развернул бурную деятельность и помимо штурмов — пропагандистскую. Примерно с этого момента «прелесные письма» и спецпосланники стали разлетаться десятками. Обычно хватало появления разинского эмиссара в сопровождении четырех-пяти человек, чтобы какое-нибудь село поднялось на мятеж. Образец «прелесного письма» (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 53. Не позднее 14 сентября): «Пишет

вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет богу да государю послужить. Да и великому войску. И Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников вывадить и мирских кровопивцев вывадить. И мои казаки какой промысл станут чинить, и вам бы итить к ним в совет, и кабальныя и опальныя шли бы в полк к моим казакам». Довольно туманно, но крестьяне, видимо, понимали; по несколько своеобразному стилю кажется, что текст действительно составлял сам Разин, а не подьячий.

А вот послание казанским татарам (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 38. После 4 сентября): «От великого войска. От Степана Тимофеевича. Буде вам ведома, казанским посадцким бусурманом и абызом начальным, которые мечеть держат, бусурманским веродержцам, и которые над бедными сиротами и над вдовами милосердствуют — Икшею мурзе. Да Мамаю мурзе да Ханышу мурзе да Москову мурзе и всем слободцким и уездным бусурманом от Степана Тимофеевича на сем свете и в будущем челобитье. А после челобитья, буде про нас спросите, мы здоровы. И вам бы здравствовать. Слово наше то для бога и пророка и для государя и для войска. Быть вам заодно; а буде заодно не будете, и вам бы не пенять после. Бог тому свидетель — ничево вам худова не будет, и мы за вас радеем...» Далее шла приписка от татарина Асана Айбулатова, что вот он, «бусурман», при Разине и ничего плохого с ним не случилось.

Возможно, были опять попытки снестись с Никоном — или просто хитрости. Мы уже цитировали наказную память архимандриту Чудова монастыря об объявлении Никону о переводе его в Кирилло-Белозерский монастырь; там говорится, что Разин сам утверждал: «Приезжал к Синбирску старец от него, Никона, и говорил ему, чтоб ему идти вверх Волгою, а он, Никон, в свою сторону пойдет для того, что ему тошно от бояр; да бояре же переводят государские семена. И тот де старец из-под Синбирска ушел. А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с 5000 человек, а те де люди у него готовы на Белоозере. И тот старец на бою был, исколол своими руками сына боярского при нем, Стеньке. А товарищ Стенькин, Лазорка... сказал, что старец от Никона к Стеньке приходил на Царицын и был под Синбирским, а для чего приходил, тот не ведает. А от Стеньки слышали всем войском, что старец от Никона был с теми словами, что писано выше сего. Да и брат Стеньки Фролко... говорил те же речи». Никон, конечно, все отрицал (Крестьянская война. Т. 3. Док. 290): «Которые де казаки у него были, и тех де казаков присылал к нему Степан Наумов со стрельцами; а с кем имяны, того он не упомнит. А к Разину де к Синбирску старца никакова он не посылавал и

про 5000 человек людей не приказывал, и вверх Волгою Разина звать не веливал». Возможно, Разин придумал этого старца, чтобы поднять боевой дух своих людей.

Официальная переписка сентября — нервная. В Смоленске и Уфе наказывались люди за «прелестные слова от Стеньки». Суздаль просил о помощи и защите. «Главком» Долгоруков сообщал в приказ Казанского дворца о мятежах в Алатыре, Лыскове, Мурашкине, Саранске, Темникове^[77] и требовал еще людей. Показания на допросе пленных участников восстания (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 126. Середина октября 1670 года): «Вор Стенька Разин послал от Синбирска казака Максимку Осипова и велел ему по городам с воровскими прелестными письмами ездить, и збирать в казаки вольницу, и идти с ними воровать...»

Максим Осипов пришел в богатое село Лысково, произвел тамошних жителей в казаки (по их собственной просьбе), с такой же легкостью прошелся по окрестным деревням, набрал себе людей и двинулся на Курмыш. «И курмышаня де градские и уездные люди город им здали и встретили их с образы, а курмышской де воевода с теми градскими и уездными людьми встречал вместе. И ево де всем миром одобрили, и он де и ныне на Курмыше, и грабежу никакова разоренья воеводе и градским людям они не чинили». (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 165. Допрос в полковом стану воеводы Долгорукова казака Емельяна Иванова от 24 октября 1670 года.) Добрый (или хитрый) курмышский воевода остался спокойно воеводствовать, а Осипов пошагал дальше — через Ядрин на Саранск. В дальнейшем он собирался атаковать Долгорукова под Арзамасом, но получил письмо от Разина, который просил еще людей под Симбирск; Осипов вернулся туда с отрядом в полторы тысячи человек.

В конце сентября арзамасский воевода Л. Шайсупов сообщал в Разрядный приказ, что мятежники сожгли город Алатырь и идут к Арзамасу (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 60); здесь впервые упоминаются в качестве бунтовщиков никакие не «воровские казаки», а «мордва и черемиса [марийцы] и чуваша, и помещиков люди и крестьяне». Нижнеломовский воевода А. Пекин писал своему тамбовскому коллеге Я. Хитрову (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 62. 23 сентября 1670 года), что «прислал де он, Стенька, воровских людей от себя с Синбирска на черту, атамана Ваську Тимофеева с воровским собраньем. И атемарцы де служилые и всяких чинов люди великому государю изменили и город Атемар здали сентября в 18-м числе... Да сентября ж в 19-й день Инсарской острог голова со служилыми людьми здал вору Стеньке Разину и его присыльщикам».

Общепризнанное мнение: Разина погубила задержка под Симбирском. Возможно, ему также повредили, как это ни парадоксально, размах затеянной им войны и его умение делегировать полномочия. Самых талантливых он отправлял атаманствовать в разные стороны; больших отрядов им не давал — наберут сами, — но интеллектуальная элита войска все больше распылялась: этак скоро и посоветоваться не с кем будет. Атамана Михаила Харитонов он отправил на Саранск и Пензу; по пути Харитонов с легкостью набрал отряд и занял без сопротивления Юшанск, Таган, Урень, Корсунь и Сурск. Новоиспеченный атаман (бывший царский солдат), саратовец Василий Федоров, пошел с Волги конницей на соединение с Харитоновым — взяли Пензу, Нижний и Верхний Ломовы и в конце концов — Керенск, где их уже ждал атаман Матвей Семенов с тысячным крестьянским войском. Долгоруков давно уже должен был быть в Алатыре, но не смог прорваться и засел в Арзамасе, обложенный со всех сторон мятежниками. Он сообщал в приказ Казанского дворца (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 80. Между 30 сентября и 2 октября 1670 года), что удалось захватить некоторых «воров» и что «мы, холопи твои, тех воров за их воровство велели казнить смертью, отсечь головы и над телами их головы вздернуть на колье». Но это только озлобляло людей.

Что творили сами восставшие, когда брали какой-нибудь населенный пункт? Отписка шацкого воеводы А. Остафьева полковому воеводе Я. Хитрово от 1 октября 1670 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 85): «Да в кадомском же де уезде в селе Жукове те ж воровские казаки сожгли церковь божию, а Керенского де уезду деревни Дракины мордвина Алы-ша Учютова убили до смерти и в том же селе Жукове и многие де дома грабят и людей до смерти побивают». «Распросные речи» крестьянина Ф. Шелудяка в Тамбовской приказной избе о действиях восставших в Ломовском уезде (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 92. 3 октября 1670 года): «Да в Керенском жа де уезде в деревне Тимашове они ж, воровские козаки, побили помещиков 3-х человек, и дома их разграбили и пожгли, и жен их и детей побили до смерти...» Боярский сын С. Небезин, допрошенный вместе с Шелудяком, правда, отметил: «А ездя де они, воровские казаки, по усадям, рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а чорных де людей, крестьян и боярских людей, и Козаков, и иных чинов служилых людей никою не рубят и не грабят».

В сентябре 1670 года галичские помещики пишут галичскому воеводе С. Нестеру о начале восстания в их имениях в Нижегородском уезде (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 81): «...забунтовали воры Нижегородцова уезду Закудемского стану, сложась с мурашкинцы, а

назвались будто от Стеньки Разина присланы к ним зговаривать». Тогда же керенский воевода А. Безобразов пишет полковому воеводе Я. Хитрову (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 83): «...от вора от Стеньки Разина послан атаман Васька Серебряков. А с ним де казаков с 400 человек. Да великому государю изменили по черте острошки, которые были приписаны к Синбирску и к Саранску. И те воровские казаки, собрався с уездными людьми тутошних городов со многими, с мордвою и с помещиковыми крестьяны, и сентября в 19 день те воровские люди Саранск взяли. И воеводу и ратных людей побили. А говорил де тот воровской атаман, что итить ему по черте до Танбова... Да их же, государь, воровская прелесть во все люди пошла, что будто с ними, ворами, идет Нечай-царевич Алексей Алексеевич да Никон патриарх. И малоумные люди все то ставят в правду их воровскую затейку, и от того, государь, пуцая беда и поколебание в людех...»

А как было не «поставить в правду», когда разинские эмиссары (об этом есть многочисленные упоминания) приводили к присяге (то есть велели целовать крест) «государю Алексею Алексеевичу»? Дело-то нешуточное — государь... «Нечай» было имя «царевича», данное ему казаками, — «тот, кого не чаяли», «нежданный»: это объясняется в документе от октября 1670 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 124. Допрос полковником ван дер Нисиным попа Ивана Алексеева). Именно так сказали Алексееву «воровские казаки». Алексеев на них донес и поплатился: «...и ево де, попа Ивана, схватили, и били, и увечили, и ограбили, и дом весь разграбили, и попадью мучили... И х казни де ево, попа Ивана, дважды приводили в круг...»; обвинение формулировалось так: «А ты де изменяешь царевичю государю Алексею Алексеевичи) и Никону потрарху, и батюшку нашему Степану Тимофеевичи)». (Попа не казнили — вступились местные жители.)

Вообще с «государями» у разинцев творилась (возможно, сознательно) всякая путаница. Царевич то упоминался, то не упоминался. Часто писалось просто «государь» (без имени), которому надо «послужить», пример такого мы уже читали: «Хто хочет богу да государю послужить. Да и великому войску. И Степану Тимофеевичу». Вот как, интересно, крестьяне в далеких от Дона областях во всем этом разбирались — кому служить, кто такой Степан Тимофеевич, с какого перепугу он нам батюшка? Казаки, которых наш Степан Тимофеевич повсюду рассылал, должны были быть недюжинными ораторами.

Саранск стал резиденцией атамана Харитонова, который даже умудрился наладить централизованный ремонт пушек и ружей. Отряды

«воровских людей» появились под Тулой (потом, правда, куда-то делись). Тут же в Разрядный приказ попадает отписка от мценского воеводы Д. Лукина (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 86) о нападении каких-то нехороших людей на «служилых людей» около урочища Озерки — намерены эти люди идти на Чернь и Мценск. «И наехали их воровские русские и черкаские люди, и их де пересекли и переранили, и животы их, платья и деньги и лошади и служилую рухледь и запасы, все пограбили, и людей их крестьян били ж и грабили. А по смете де тех воровских людей человек с 50 и большпи, а называютца де те воровские люди донскими казаками от вора от изменника от Стеньки Разина».

24 сентября патриарх Иоасаф II составляет грамоту, обращенную ко всему населению Руси (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 67), с призывом сидеть тихо и не бузить (о Разине в этом документе говорится очень красиво: «Изыде, яко змий из ложа своего, яко лев плотояден хищный»). По Сахарову, Разин уже тогда был предан анафеме, но на самом деле это произошло позднее — в апреле 1671 года.

Идет беспрестанная переписка Москвы с воеводами: вербовка в войска «дворян и детей боярских», жалобы на то, что те не являются служить, жалобы на отсутствие денег. Атаман Илья Иванов (марийский крестьянин) 3 октября с тридцатью воинами берет город Козьмодемьянск, освобождает из тюрьмы своего земляка Илью Пономарева, и они идут штурмом на соседний город Цивильск — там не получается, и Пономарев с жителями Козьмодемьянска движется на Ветлугу и Галич; в его отряд вступают крестьяне черносошных сел Никольского, Воскресенского, Ильинского и Троицкого. Ефремовский воевода Т. Зыбин сообщает в Разрядный приказ о нападении казаков «человек 40 и больши» на село Новое Гольское: «И то де село Гольское розбили, платья и лошадей и всякую скотину побрали, и пчелы драли, и женак и девак к себе в полон побрали». Это что-то новое — насчет «девак в полон»; больше подобных известий нет. Веневский стрелецкий голова Т. Мезенцев пишет донос на веневского же воеводу Д. Солнцева: якобы тот читал жителям Венева «прелесные письма». Коломенский воевода В. Извольский жалуется в Разрядный приказ, что люди, набранные на службу в полк, вместо этого занимаются грабежами. Отовсюду сообщают, что бесстрашные и наглые воронежцы продолжают торговать с Разиным. Всё смешалось: боярский сын из Скопина В. Панов с донскими казаками нападает на дворян в южных городах...

Круто наконец-то разгорелось на Слободской Украине: Леско Черкашенин с тремястами (по некоторым источникам — тремя тысячами, но это вряд ли) казаками, стругами, артиллерией и конницей без

сопротивления занял Мояцк и Царев-Борисов (где восстанием заправляли крестная мать Разина Матрена Говоруха, ее сын Ясько и зять Иван Москаль) и объединил свои силы с отрядом крестьян Н. Фомина. Москву больше всего пугали события именно в той стороне — а ну как Крым и Турция всерьез выступят на стороне мятежников?! — и спешно было принято решение о посылке крымскому хану солидной денежной взятки (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 88. 11 сентября 1670 года — переговоры на Крымском дворе в Москве крымских послов Сефер-аги и Мустафа-аги с дьяком Посольского приказа Я. Позднышевым). «А что говорили они, послы, — буде великий государь ханову величеству позволит донских казаков усмирять, и ханово величество усмирит их вскоре, — и великий государь его царское величество от ханова величества примет то в любовь». (А в это самое время лукавое ханово величество писало Разину в Астрахань...)

Октябрь начинался не легче. Шацкий воевода А. Остафьев докладывал в Разрядный приказ, что восставшие по-прежнему владеют Пензой. Нижегородский воевода В. Голохвастов писал в приказ Казанского дворца, что оставит у себя пушки, предназначенные к отправке в Казань, потому что мятежники уже возле Нижнего Новгорода. Долгоруков сообщал в приказ Казанского дворца о боях воевод К. Щербатова и Ф. Леонтьева с отрядами мятежников, шедшими от Симбирска под Арзамас: «Казак Андрюшка Иванов с пытки говорил. — Послал де их ис-под Синбирска вор Стенька Разин и велел збиратца в Олаторском уезде» (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 91). И где бы что ни произошло, «Стеньки Разина со товарищи, воровские казаки» уже тут как тут. 3 октября в Тамбовской приказной избе боярский сын Савелий Невежин и крестьянин Шелудяк говорили, что разинцы вот-вот придут под Керенск. «А езда де они, воровские казаки, по усадям, рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а чорных де людей, крестьян и боярских людей, и Козаков, и иных чинов служилых людей никою не рубят и не грабят. Да он же, Савелий, слышал в Ламовском уезде от мужиков, говорят де боярские мужики меж собою. — Прислана де к тем воровским казаком от вора от Стеньки Разина ево воровская грамота, чтоб де черные люди крест целовали государю царевичу Алексею Алексеевичу и батюшку нашему, а называют де они батюшком бывшего Никона патриарха». Там же 6 октября казак Елисеев «со товарищи» сообщил (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 97), что Темников взяли «воровские казаки и, пристоваючи к ним, иные воры, мужики». Шацкий воевода А. Остафьев писал тамбовскому воеводе Я. Хитрову о мятеже в Верхнем и Нижнем Ломове и своем страхе — как

бы в Шацке не забунтовали. Приказ Казанского дворца и Разрядный приказ разрывались, спешно посылая войска то туда, то сюда.

Бумажки сражались друг с другом, бумажки угрожали. Разрядный приказ рассылал грамоты по всем уездам, требуя «воровских людей побивать», а сдавшихся и доносчиков прощать. Патриарх грозил иным (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 67): «Аще же церкви божию кто явится непокорен или царского величества повелению нерадетелен или противен, и таковых по первом и втором наказании церковным осудом осуждати и церкви отлучати».

А от Разина летело свое и тоже с угрозой, правда, пока еще мягкой (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 78. Не позднее 30 сентября 1670 года, «прелесная грамота» в Цивильский уезд): «От донских и от яицких атаманов молотцов, от Степана Тимофеевича и ото всего великого войска Донского память Цивильского уезду разных сел и деревень черней руским людем и татаром и чуваше и мордве. Стоять бы вам, черне, руские люди и татарови и чуваша, за дом пресвятыя богородицы и за всех святых, и за великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, и за благоверных царевичев, и за веру православных християн... А с сею высковою памятью послан наш высковою казак Ахперди мурза Килдибяков, и вам бы, чернь, ево во всем слушать и спору не держать. А буде ево слушать ни в чем не станете, и вам бы на себя не пенять».

Жители городка Уренска говорили (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 48. Между 16 и 19 сентября 1670 года — отписка алатырского воеводы А. Бутурлина в приказ Казанского дворца), что «вор Стенька по Синбирской черте разослал памяти, чтоб те синбиреня и иных городов черных людей наговаривали, чтоб дворян и детей боярских и воевод и подьячих всех переводили и побивали до смерти». В разинской грамоте, однако, сказано: «А которые цывиленя дворяни и дети боярские и мурзы и татаровя, похотят заодно тоже стоять за дом пресвятыя богородицы... и вам бы, чернь, тех дворян и детей боярских и мурз ничем не тронуть и домов их не разореть». Информация должна была охватывать все большие круги как паутина: «А с войсковою памяти вам, чернь, списывать отдавать списки по селам церковным причетником дьячком слово в слово. И списывая, отдавать их по разным волостем и по селам...»

Очень хорошо об этом пишет Костомаров: «Читали люди и прелестные письма Разина и верили им, и читали они государевы и патриаршие грамоты и тоже верили им. Писал Разин, что бояре и дворяне кровопийцы и изменники, и правда эта была великая. Писали царь и патриарх, что учинил Разин кроворазлитье в государстве, говорил хульные

слова против господ бога Иисуса Христа, поносил великого государя и святую церковь. Об этом же кричали приказные и духовные люди, и беглецы от Стеньки — и все то казалось истинной правдой...»

Можно заметить, что в документах той осени «воровские казаки» постепенно превращались просто в «воровских людей»; бунтовщики были «черные люди», «грацкие» (городские) люди. От козловского воеводы С. Хрущева почему-то больше всех шло отписок о мятежных молодых дворянах — то ли так документы сохранились, то ли Хрущев к таким случаям был особо бдителен. Боярский сын из Козлова Ипат Аристов возглавил отряд из горожан и крестьян и пошел по соседним селам. Боярские сыновья Макар Протасов и Евсей Коробейников привезли в Усмань и Белый Колодезь «прелесные грамоты» и подняли там восстания. Боярские дети, братья Филимон и Лазарь Щетинины (Крестьянская война. Т. 3. Док. 30. Отписка Хрущева в Разрядный приказ от 21 марта 1671 года), «приложились в танбовском уезде к воровским людям, а Филимошка был у воровских людей атаманом. И на боях, государь, те изменники Филимошка и Лазарка с твоими великого государя ратными людьми с козловцы бились».

Люди запутались: кто казаки, кто не казаки; из челобитной старосты села Павлов Острог Нижегородского уезда Б. Кузнеца о попытке мятежников занять село (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 127. 6 октября 1670 года): пришли «неведомые воровские люди со многим людьми скопом, конница и пехота, со всяким оружием, а своим кричат «нечай» и «казак». И называютца донскими и яитцкими и запорожскими казаками. Атаман Ивашко Григорьев да ясаул Ивашко Тимофеев с товарищи своими».

Однажды в документе была допущена ошибка или описка: не «воровские люди», а «воинские люди» (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 114. 11 октября 1670 года — донесение гремяченского приказного человека (чиновника) С. Сафонова михайловскому приказному человеку М. Тютчеву о действии восставших в Ломовском и Керенском уездах). Из этого вышло целое уголовное дело. Тютчев немедленно донес в приказ Казанского дворца: «...в той, государь, отписке написаны неистовые слова». Переписка по этому поводу велась несколько недель, но в конце концов виновные отделались легко: Сафонова «за недосмотр» посадили в тюрьму на сутки, а дьячка, писавшего донесение, били батогами «нещадно».

Так кто же все-таки были восставшие — казаки, не казаки? Из допроса в полковом стане Ю. Долгорукова 10 октября 1670 года участников восстания, взятых в плен при селе Кременки Кадомского уезда (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 110): «А остальные воровские казаки, 7

человек, в роспросе сказались темниковского уезду разных помещиков крестьяни. Собрал де их саранской тюремной сиделец Федька Сидоров да ясаул Андрюшка Осипов из разных деревень».

Крестьяне и горожане или вступали в казачество, как в Лыскове, или обходились без этих церемоний и просто называли себя казаками, иногда даже имя меняли, начиная новую казачью жизнь, становясь нежданно-негаданно для себя есаулами и атаманами... Из того же допроса: «Ясаул Андрюшка Осипов в роспросе сказался — Саранского уезду, новокрещения Лаврентьев крестьянин Сафаров. Тому недели з 2 присылал под Саранск вор Стенька Разин донского казака, а как ево зовут, не ведает. И взял де город Саранской приступом и воеводу Матвея Вельяминова убил... А были де в то время с тем вором и город взяли синбирские и Синбирской черты казаки и стрельцы... А в Саранску де остался тот воровской донской казак, а от себя послал тюремного сидельца Федьку Сидорова и велел ему быть атаманом... И он де, Андрюшка, с товарищи своими, собрався человек з 200 и выбрали ево, Андрюшку, товарищи ясаулом... Да к ним же приходили Арзамаского уезду крестьяне 10 человек и привезли бочку вина, а хотели быть к ним в казаки из того села 200 человек...»

О выборах атаманами и есаулами местных жителей упоминается часто. Из уже цитировавшихся показаний жителей Уренска: «А в тех де острошках на Атемаре и на Инсерском выбрали тех же острожков изменников старшин и атаманов, на Атемаре де посацкого человека Сенку Кузнеца да Ивашку Сеченова да Назарку Кузьмина». Став атаманами, непременно заводили себе полковое знамя — об этом есть десятки упоминаний. Запись в книге Разрядного приказа от 18 октября 1670 года по отписке муромского воеводы А. Шаховского о том, как на людей, ехавших на службу, в Нижегородском уезде напали «воровские люди» и побили (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 141): «А по смете де тех воров конницы с 300, пехоты с 2000 человек, 3 у них знамени». Крестьянин Шелудяк: «А тех де воровских Козаков было с 500 человек, а с ними черкасы и колмыки с копыи, да с ними ж де знамена и вязан лошадиной хвост».

Привязав «лошадиной хвост», смешанные казачье-крестьянско-боярско-городские отряды летали повсюду и брали село за селом — а у самого Разина находящееся при нем войско тоже становилось все более смешанным. В декабрьской отписке из приказа Казанского дворца воеводе Борятинскому (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 281) говорится, что «вор Стенька Разин собрався с ворами, с донскими и астраханскими и с саратовскими и с самарскими ворами и изменниками и с синбирския черты

со всех городов с ворами из разных городов и с татары и с чювашею и с мордвой и с черемисою...». (У советских авторов Разин командует войском русских крестьян, но много ли было собственно русских крестьян в самом его отряде — неизвестно.) Н. Лысенко, «Гибель Разина»^[78]: «Немногочисленные этнические казаки стали теряться в этом инертном, плохо организованном войске, более похожем на вооруженную толпу. Обучить повстанцев из числа невоинственных по природе поволжских народов профессиональным боевым приемам, конечно, пытались, но результаты этой науки не впечатляли: войско оставалось нестойким в обороне, быстро поддавалось панике, почти не понимало смысла боевого маневра».

Историки оценивают (исходя из различных донесений того периода) численность разинского войска к концу сентября под Симбирском в 15–20 тысяч человек. Ох, сомнения берут: может, все-таки поделим это количество пополам? Корреспонденты иностранных газет вообще называли 100 и 200 тысяч... Каково было общее количество восставших — сказать и вовсе не возможно. Несколько десятков тысяч? Может быть... Тут проблема еще и в том, что бунтовщики не представляли из себя единой силы, которая воюет на постоянной основе: без сопротивления взяли власть в какой-нибудь деревне, повесили помещика и успокоились и дальше никуда не пошли, и поди разберись потом, считать бунтовщиками одного-двух человек или всю деревню, относить их к армии Разина или нет, раз они больше не воюют...

Тем временем Фрол Разин шел на Коротояк и Воронеж; кроме того, что эти города были важными пунктами на пути к центру страны, они были и главными поставщиками продовольствия на Дон, и Фролу было поручено это продовольствие на Дон отправить. По словам дворянина Е. Щербинина, у Фрола было более трех тысяч человек «и больши». Вышел он из Кагальника Доном через Паншин, там захватил около пятидесяти небольших торговых судов и отправился к Коротояку, а в Воронеж послал разведчика (того схватили и казнили). Воронежский воевода Бухвостов писал в приказ Казанского дворца 13 октября (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 55): «И мне, государь, холопу твоему, на Воронеже бес твоих государевых ратных людей быть не мошно, в приход воровских казаков от воронежских служилых и от посацких и от жилецких людей опасаюсь шатости... А иные, государь, воронежцы сами и ныне на Дону с теми воровскими казаками таргуютца и на Воронеж выезжают...»

Из-под Тамбова пришло известие, что Фрола ждут; он отправил туда отряд во главе с атаманом Иваном Мартыновым; предположительно этот

отряд захватил Троицкий мужской монастырь и собрал там около двух тысяч человек, да еще и с артиллерией; предполагалось, что Фрол придет туда после взятия Коротояка. Он подошел к Коротояку в конце сентября, но силы были неравными: в городе находились московские стрельцы и солдаты, от Воронежа к ним в любой момент могло прийти подкрепление; Фрол затеял бой, но был разбит и отброшен.

Брат его все стоял под Симбирском — и четвертый штурм ни к чему не привел. Не только все историки и литераторы сходятся на том, что нельзя ему было там стоять — это уже тогда понимали. «Голландский Меркурий», 1671 год: «Степан Разин, московский мятежник, выступивший против царского величества, допустил ошибку, когда он промедлил с походом на Москву, ибо теперь весь деревянный город из улицы в улицу перекрыт заставами из боязни нового бунта».

Он нес потери; вместо нормальной армии у него было уже бог знает что, и это бог знает что надо было кормить. Его поведение, однако, объяснимо. Наживин: «Первым движением раздосадованного Степана было, оставив часть своего войска — оно росло с каждым днем — для бережения осажденного города, с остальным ударить вверх по реке, на Казань, но прирожденная осторожность победила: черт их знает, если, не в пример прочим, оказал сопротивление небольшой Симбирск, то, может, будут сопротивляться и Казань и Нижний?..» А. Н. Сахаров: «Степан хорошо понимал, что мужик не казак и никуда он не пойдет с ним дальше уездного города, а если и пойдет, то вернется с полдороги в свои села и деревни готовиться к возке навоза на поля, к весенним полевым работам». Чапыгин: «Разин видел, как без боя на осаде при многолюдстве городском портились воины. Тогда ему хотелось пить водку, а хмельное вышло все. Жители слободы варили брагу, но в городе мало было меду и сахару не стало. Горожане в дар атаману приносили брагу, он, ее попробовав, сказал:

— С браги лишь брюхо дует!»

В конце концов попы ему принесли бочку хорошей браги, и «с этого вечера Разин начал пить. На приступы к кремлю не выходил. К рубленому городу ходили двое есаулов: Степан Наумов и Лазарь Тимофеев». Из записей Д. Садовникова: «Симбирск Стенька потому не взял, что против Бога пошел. По стенам крестный ход шел, а он стоит да смеется.

— Ишь, чем, — говорит, — напугать хотят!

Взял и выстрелил в святой крест. Как выстрелил, так весь своею кровью облился, а заговоренный был, да не от этого. Испугался он и побежал».

Скорее всего, наверное, он надеялся взять крепость измором —

осажденные на тушение пожаров расходовали очень много воды, скоро им пить будет нечего. Но даже возьми он Симбирск, это вряд ли спасло бы положение: царские войска со скрипом, но все же собирались, постепенно обучались, лучше укомплектовывались. Масса примеров тому, как война делает слабую армию сильнее. Но с армией Разина этого не происходило, она, напротив, слабела (имеется в виду та часть войска, что была под Симбирском). И воевать новопришлые не умели, и сам Разин, вполне возможно (как и его брат Фрол), не был особо искусным полководцем. В вопросах большой политики он разбирался лучше всех своих соратников, но как военачальники многие из них, вероятно, были сильнее его (этому тезису будут еще подтверждения).

Борятинский тем временем собрал в Казани новое войско — восемь тысяч человек с артиллерией, среди которых было несколько полков отлично обученных рейтар, — и 15 сентября вновь пошел к Симбирску. 20-го за рекой Свягой у станицы Куланги он встретил большой отряд разинцев и разбил его. По показаниям в Белгородской приказной избе в декабре 1670 года казака К. Данилова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 311), разинцев там было 700 человек конных казаков и еще конница «татар и мордва и чювашей», был и Разин, и под ним убили лошадь. В отписке же полкового воеводы И. Урусова в приказ Казанского дворца (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 118. Октябрь 1670 года) сообщается, что в бою участвовали более трех тысяч конных и пеших мятежников и о присутствии Разина не упоминается. «Побили и языков взяли», по словам Урусова, 67 человек, которых велено было «посечь и перевешать», «да на том же бою взят стрелец Ефремко Провоторхов, и того де стрельца велел он [Борятинский] росчетвертовать и на колье рассажать...». Если побили только 67 человек из трех тысяч «пеших и конных» — остальные, надо думать, отступили к Симбирску? Или разбежались?

За десять дней Борятинский с боями прошел от Куланги через деревни Крысадаки и Поклоуш, города Тогаев и Мшанск, везде брал «языков» и казнил их и 1 октября подошел вплотную к Симбирску. Н. Лысенко в «Гибели Разина» пишет, что «главным козырем Борятинского стал специальный конный отряд — Разин практически не имел значимой конницы». Да, похоже, что конница, исчезнувшая было в Царицыне и затем появившаяся вновь, была недостаточно многочисленна. Например, жители Уренска, чьи рассказы мы цитировали выше, говорили, что «вор Стенька» в своих письмах требовал «кони их всех (бояр и помещиков, которых надобно убить. — М. Ч.) пригонять в Синбирск... Да им жа де велено збирать с уезду добрых лошадей и водить к нему ж, Стеньке Разину».

Из доклада воеводы П. Урусова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 118. Не ранее 11 октября) бой видится так: воевода остановился в двух верстах от Симбирска, Разин атаковал его (имея пехоту, сколько-то конницы и артиллерии), сошлись на расстояние в 20 сажень (50 метров), был бой, Разин отступил, подтянув силы, атаковал вновь, был такой бой, что «люди в людех мешались и стрельба на обе стороны была ис мелкого ружья и пушечная в притин [в упор]... и бились с утра и до сумерек», но в конце концов «милостию божией» или, по мнению Н. Лысенко, ударом конницы воевода победил, а Разин, понеся большие потери, уже без пушек и знамен, раненный саблей в голову и выстрелом в ногу, едва не взятый в плен, укрылся в посаде. Следующие два дня прошли без боев — обе стороны готовились; Борятинский переправился через Сви-ягу, подошел к самому кремлю и смог договориться с Милославским о совместных действиях.

В ночь на 4 октября разинцы предприняли отчаянную попытку штурмовать кремль, бросая из посада «зажигалки». Борятинский применил военную хитрость: послал полковника Чубарова тихо пройти с полком за реку, и там, за Свягой, Чубаров произвел ужасный шум, делая вид, что пришло новое подкрепление. Ничего уж такого особенного в этой военной хитрости не было, казаки сами делали подобное. Но в этот раз они приняли решение бежать — и бежали по воде. Борятинский вышел с конницей в поле, пехоту направил на обоз и на посад; одновременно на посад напал Милославский, поджигая его; все запылало, разинцы, не успевшие бежать, были перебиты. Дальше начинается мифология.

Урусов пишет так: непосредственно после маневра Чубарова «на неводе, вора Стеньку, пришло такое страхованье, что он в память не пришел и за 5 часов до рассвету побежал в суды с одними донскими казаками. И астраханцов, и царицынцов, и самарцов, и саратовцов покинул у города и их обманул, а велел де им стоять у города и сказал им, бутго он пошел на твоих де великого государя ратных людей...». Далее этот текст почти дословно появляется во всех официальных документах. Вернадский его просто повторяет: «1 октября Разин потерпел сокрушительное поражение, через два дня после которого он решил бежать с донскими казаками. Другую часть войска — добровольцев из Астрахани, Царицына, Саратова и Самары — он оставил у Симбирска, чтобы Борятинский не заметил его отступления». Костомаров несколько оживляет происшедшее:

«Стенька созвал своих донских Козаков на совет, тайно от прочих сообщников крестьян. Надежды на последних было мало: воевать они не умели и могли бы, при всем своем многолюдстве, только испортить дело,

когда бы пришлось им сражаться вновь с неприятелем, сильнейшим и по числу, и по искусству. Козаки решились оставить их на произвол судьбы и убежать. Чтоб скрыть свое намерение от крестьян, Стенька выстроил последних в боевой порядок и сказал:

— Стойте здесь, а я с козаками пойду на новоприбылых людей.

Пользуясь темною ночью, козаки сели в суда и уплыли вниз по Волге.

А вот как уже выглядит придуманное Костомаровым (хотя, возможно, и имевшее место быть) совещание в романе А. Е. Зарина «Кровавый пир»:

«— Ну, — тихо заговорил Стенька, — бежать надо! Эти холопы только толкаются, под ногами путаются. Ну их к собакам. Скажите потиху казакам, чтобы сюда шли. Уйдем и на струги сядем, а ту сволочь пущай бьют!»

С другой стороны, Лысенко делает из того же материала нечто совершенно иное: «На следующую ночь после финального штурма крепости соратники Разина в полном порядке вывели казацкую часть войска на суда и ушли вниз по Волге. Атаман без сознания метался в горячке на медвежьей шкуре, заменявшей ему постель. Князь Борятинский получил возможность жесточайше расправиться с оставшейся на берегу вооруженной толпой, из которой атаману так и не удалось создать армию... можно предположить, что, не будь тяжелого ранения атамана, приведшего к сильному нагноению раны на ноге, «огненной горячке» и частым провалам в сознании, — сражение за город было бы продолжено. На принятие решения об отступлении повлиял, бесспорно, факт полного отсутствия казацких резервов».

Разумеется, писатели тут дали себе волю. В основном напирали на то, что Разин был ранен и никакого приказания о бегстве отдать не мог, всё решили другие казаки. Евграф Савельев:

«Козаки. Идемте, братцы,
Своих на струги собирать! —
Да чтоб народ, слышь, не пронюхал,
Не вышло б хуже, чем теперь!

Разин. *(Бессознательно, слабым голосом.)* Вперед, товарищи! на приступ! За мной, друзья!..

Козаки. Идем, идем! —
На помощь нашим поспешаем».

Савельев не только поэт, но и историк, и как историк говорит совсем другое: «Бесполезная проволочка времени под Симбирском, давшая

возможность московскому правительству организовать достаточные силы в Казани, неуменье руководить битвой с хорошо обученным и дисциплинированным противником под Симбирском и в довершение всего — легкомысленное оставление в ночь под 4 октября 1670 года на произвол судьбы своих сподвижников — все это характеризует Разина, несмотря на его личное мужество и отвагу, как небрежного стратега...» А вот историк А. Н. Сахаров этот весьма важный эпизод описал только как поэт:

«Степан пробовал остановить людей, собрать их, а казаки бежали мимо, кричали ему:

— Спасайся, батька, сгинем без стругов!

К Разину подскочили его ближние казаки, схватили под руки, поволокли, говорили ему: «Идем, батька, идем к стругам, промедлим — повяжут нас всех, выдадут воеводам!» — а сами крикнули в темноту, чтобы держались люди в остроге, что пошел Степан Тимофеевич за помощью и вскоре будет... А Степан уже не мог идти, валился с ног от ран, от великой боли душевной, оттого, что бросал он свое войско, оставлял его на поток и разгром князя Борятинского, уходил тайно, обманом».

С. П. Злобин:

«— Поспеем, уйдем. Главное дело — нам батьку спасти да донских, — отозвался Наумов.

— А как мужики? Неужто всех на челны возьмешь?

— Куцы их к чертям!.. Как сами сумеют! — ответил Наумов. — Давай-ка покуда спасать атамана, а там поглядим.

Разин не приходил в сознание. То он недвижно и бездыханно лежал на кровавой подушке, то вскакивал с криком и рвался из рук неусыпно хранивших его казаков...»

Очнулся он только в Кагальнике и узнал, как есаул Наумов бежал с одними казаками:

«...не сдержался: огонь свечи сверкнул в гнущем лезвии сабли, висевшей над его головой. Острый клинок ее с силою врезался в край стола... Наумов успел отскочить. Разин упал на подушку. Тупым, помутившимся взором смотрел он на продолжавшую трепетать от удара воткнутую в доску гибкую сталь...»

— Да как же земля тебя держит, Июда! Чего ты на шею себе не надел веревку? В хозяйстве, что ль, не нашлось?! — прохрипел Степан, в упор глядя в лицо Наумову. — Иди с моих глаз, не могу тебя видеть, поганая тварь!..»

В комментариях к «Крестьянской войне» говорится, что изложение событий Урусовым тенденциозное, на самом деле все было совсем не так, а

так, как рассказывали 31 октября в стане воеводы Долгорукова в Арзамасе стрелец Р. Микитин и крестьянин Г. Трофимов (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 190): «И к Стеньке де Разину перекинулся переметчик из города и сказал, что хотят струги у него отбить. И вор де Стенька пометался в струги с легкими людьми, а достальные шли к стругам отводом. И государевы ратные люди тех всех побили, а которые метались в струги. И те все от тяжести потонули. И меж себя воры за суды кололись, потому что в суды наметалось их много. А вор де Стенька с того бою побежал на низ...» Честно говоря, разница-то невелика. И потом, эти показания тоже необязательно истина в последней инстанции — например, казак Данилов на допросе в Белгородской приказной избе (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 311) излагает версию, совпадающую с версией Урусова: «И он де, вор Стенька, видя над собою такую победу, убоясь на другой день на себя приходу великого государя ратных людей, пометался в суды и побежал с небольшими людьми в малых лотках рекою Волгою. А воровского де своего собранья татар и мордву и чювашей покинул у города на берегу...»

Шукшин, хотя и выжавший из показаний Микитина и Трофимова максимум, это прекрасно чувствует и оправдать героя никак не может:

«— Придем в Самару — станем на ноги, — сказал Степан, подняв голову, но ни к кому не обращаясь. — Через две недели нас опять много тыщ станет... Не травите себя. — Степану было тяжело и совестно говорить, он говорил через великую муку и боль.

— Сколько их там легло-о! — как-то с подвывом протянул Матвей. — Сколько их полегло, сердешных!.. Господи, господи-и... Как жить-то теперь?.. Ка-ак?

— Ихняя кровь отольется, — сказал Степан.

— Кому?! — закричал ему в лицо Матвей.

— Скоро отольется... Не казись — так вышло. <...> Они пока одолели нас, Матвей, — с мольбой заговорил атаман. — Дай с силами собраться... Кто сказал тебе, что конец. Что ты! Счас прибежим в Самару, соберемся... Нет, это не конец. Что ты! Верь мне...»

Интересно, что Наживин, напомним, Разина недолголюбивающий и считающий его «большевиком», — единственный, кто оправдывает его действия невозможностью поступить иначе: «Степан, чтобы как-нибудь спасти положение, чтобы не дать в этой панике погибнуть всему делу, послал к мужицким отрядам — они не смешивались с казаками, бились отдельно — своих людей, чтобы они держались как можно, а он-де идет с казаками к берегу, чтобы отбить там царский полк... Но и мужики учуяли нараставший в багровом мраке ужас, учуяли возможность измены —

казаки могут уйти на челнах одни — и вдруг, побросав всё, под грохот пушек со стен, как обезумевшие, понеслись к стругам... Казаки уже прыгали в челны. Места — это было всем ясно — в стругах не могло хватить и для половины Степанова войска, и вот в багровом, полном золотых роев галок сумраке над пылающей рекой началась между казаками остервенелая резня за челны».

Между тем поступок Разина в оправданиях не нуждается. Военачальник оценил положение как безнадежное, решил, естественно, хоть часть армии спасти, естественно, лучшую... Соврал остальным, что не бросит? А если бы не соврал — вся масса устремилась бы к судам и в итоге могли спастись как раз не самые нужные. Какой генерал поступил бы иначе? Мораль? На войне нет места для морали. Принципы могут быть, справедливость может быть, мораль — не может. Морально ли было во время Второй мировой бомбить немецкие города с мирными жителями, из которых, может быть, многие никогда за Гитлера не голосовали и ненавидели его?..

Казак Данилов говорит, что с Разиным по Волге ушли 1500 «русских людей и черкас». По пути некоторые отставали. Дальнейшие планы были неясны. Из допроса в полковом стане Долгорукова пленного казака Андрея Михайлова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 161. После 24 октября): «Стенька Разин с товарищи бежал в судех день и ночь... а он, Андрюшка, был с ними в гребле и слышал от воровских людей, говорили меж себя: неведомо где им зимовать, а весну де пойдут они за море...»

Подошли к Саратову. Официальная версия того времени была такова, что в Саратов казаков не впустили (это утверждение впервые появляется в памяти из приказа Казанского дворца новгородскому воеводе М. Морозову (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 277). В «расспросных речах» участников мятежа в полковом стане Долгорукова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 161) говорится, что не впустили их и в Самару: «И как де вор Стенька к Самаре пришол, и ево де грацкие люди в город не пустили, и он де, вор Стенька, пограбя на кабаке за городом на посаде вино, побежал на низ, а под Самарою не мешкал от страха ни часу». Шукшин:

«— В Царицын, — велел Степан. — Там Пронька. Саратов потом сожгем. И Самару!.. И Синбирск!! Все выжгем! — Он крутнулся на месте, стал хватать ртом воздух. — Всех на карачки поставлю, кровь цедить буду!..»

Однако, похоже, Разин был и в Саратове, и в Самаре. Об этом упоминает в своих показаниях в стане Долгорукова, например, крестьянин И. Яковлев (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 195): «...слышал, что вор

Стенько прибежал на Самару и сказывал жилецким людям на Самаре и в Самарском уезде, что пушки у него не почали стрелять, и он от того побежал на низ и работных людей, которые были у него поневоле, отпустил всех». Еще из показаний казака Данилова: «А как он де, вор Стенька, бежал, и на Самаре де и на Саратове, взяв еды запаса и вина, пошел к Царицыну наспех. А с ним де ис тех городов жилецкие люди пошли немногие люди: с Самары человек 50, с Саратова человек со ста и, побыв с ним некоторое время, воротились назад. А иные воровские казаки на Самаре и Саратове остались напився пьяны...»

Неподалеку от Самары Разин сделал остановку — как сообщали осведомители Милославского (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 156. 22 октября 1670 года): «...и призывает к себе калмыков. И хочет де он, вор Стенька, идти вверх степью и Волгою рекою для воровства и разорения». Подробностей переговоров Разина с калмыками никто не знает, но, видимо, они ему отказали, так как далее нигде никакие калмыки не упомянуты. Он поплыл к Царицыну и там провел несколько недель, повсюду рассылая письма и пытаясь заново организовать людей.

По словам Данилова, атаман писал Усу и требовал немедленно прийти с людьми в Царицын, чтобы вместе двинуться на Острогжск, после чего из Астрахани явилась делегация из пятидесяти казаков «о дву конь», но переговоры закончились ничем и Ус являться в Царицын отказался. Не потому ли, что среди брошенных под Симбирском, убитых, утонувших и казненных людей было много астраханцев? Положим, казаку Усу на жизни астраханцев наплевать, но как лицу выборному отнюдь не наплевать на их мнение... Да нет, скорее всего Ус просто не хотел никаких военных действий: его вполне устраивала власть в Астрахани и, будучи не слишком дальновидным, он полагал, что его там не тронут. Да и сразу, честно говоря, было какое-то предчувствие, что Разин с Усом разойдутся. Почему Разин сам не приехал в Астрахань — свой счастливый, самый верный город? Людям в глаза боялся смотреть? Но не побоялся же в Саратове и Самаре, придумал какие-то отговорки, сидел же в Царицыне... Или Ус сказал не приезжать?

После боя под Симбирском ни одна из воюющих сторон не считала дело конченным и не думала успокаиваться. «Европейский дневник», Франкфурт-на-Майне, выпуск 23-й: «Из Москвы прибыло известие, будто главарь мятежников наголову разбит и потерял 16 000 человек убитыми и пленными. С другой стороны, сообщают, будто он совсем по иной причине повернул назад по Волге к Астрахани и по той же причине московская

армия также должна была отойти. Одновременно прилагают много сил для того, чтобы весной собрать новую армию и выставить ее против упомянутого мятежника, если он захочет снова проявить себя, а также чтобы занять некоторые покинутые им города. Между тем в стране — большая дороговизна и много народа погибло в этом мятеже с обеих сторон».

Вот, к примеру, малоизвестный факт: непосредственно после поражения под Симбирском собралось громадное войско восставших на реке Урень, об этом сообщал в Москву Урусов (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 281): «...воры, казаки и стрельцы и из-за Суры мужики, и татаровя, и мордва и чуваша, и черемиса, да к ним которые пришед с Самары с атаманом с Ромашком Тимофеевым с самарцы степью, собрався 8000 да с ними 4 пушки... и сын боярский Тишка Бороволоков». Борятинский эту армию разбил, 170 человек взял в плен, но другие-то остались и, вероятно, разошлись по другим отрядам.

Сам Разин продолжал давать своим атаманам указания. Допросы пленных участников восстания в полковом стану Долгорукого 16 октября (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 136): «А вор де Стенька писал к ним, вора́м, которые шли под (Арзамас, чтоб они шли к нему, Стеньке, на помочь». 15 октября — «расспросные речи» в стане полкового воеводы Я. Хитрово жителя Керенска М. Шатчанина (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 133): «А будучи де в Керенском, те воровские казаки атаман Матюшка Семенов с товарищи, керенским жильцом сказывали, что они де посланы от атамана ж от Стеньки Разина... Да как те воровские казаки были в Керенску, и октября де в 13 день прислано в Керенск письмо от Стеньки Разина к Матюшке Семенову, а в письме де написано, что де Стеньке Разину збиратца с воровскими казаками в Шацком уезде в селе Канабеево. А собрався, итить под Москву бояр побивать. А Матюшке де Семенову с товарищи велено быть в тот же их воровской збор в село Канабеево. А срок де положен у Стеньки у Разина: буде де в 5 дней или 6 дней не будет он, Стенька, в селе Канабеево, и они б ево не дожидались, а шли б назад, тому что де он, Стенька, пойдет назад на низ рекою Волгою».

Не пришел Разин почему-то в село Канабеево. Но его отряды воевали вовсю: в октябре протестная волна не пошла на спад, а, напротив, возросла. И, соответственно, усилилось давление власти: градус войны только вырос. Войско воеводы Ромодановского отправляется на Тамбов, дабы «ис Танбова итить по черте на воров войною». Фрол Разин, отойдя недалеко от Коротояка, вновь засылает туда лазутчика (купца из Мценска Федора Волчкова), чтобы поднять жителей на мятеж. На территории современной

Мордовии на всех наводит ужас летучий отряд мурзы Акая Боляева: в нем всего 20–30 человек, но вокруг них в нужный момент собирается масса народу. Воронежцы продолжают вести себя вольно и торговать с казаками и даже, как докладывает в Москву воевода Бухвостов, «в роспросах своих про замыслы воровских казаков тоят»...

У Фрола, однако, так ничего и не получилось. Его посланца схватили, публично пытали и казнили, выставив, как тогда было принято, изуродованный труп напоказ. В конце концов Фрол вернулся в Кагальник — с ним было, по свидетельствам очевидцев, всего 30 человек — это из первоначальных трех тысяч. Где растворились остальные, в какие отряды влились или разбежались по домам — бог знает. Возможно, отсюда и пошла легенда о трусости и никчемности Фрола. Но, может быть, вернуться на Дон ему приказал брат? Сносились ведь они друг с другом постоянно.

Куда более удачлив на юге был Леско Черкашенин. Царев-Борисов стал его главным опорным пунктом — как у Разина Астрахань и Царицын. Черкашенин оставил в городе 500 человек и двинулся дальше — на Балаклею и Чугуев. 16 октября Ромодановский сообщал в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 59), что посылает войска в Царев-Борисов и Маяцк и что жители Чугуева сдали казакам Черкашенина город и встречали их «хлебом-солью» (чугуевский воевода С. Милков не пострадал), и что то же самое произошло в Балаклее и Мерефе, и что все очень ненадежно в Харькове и Змиеве; Ромодановский еще не знал, что в тот самый день, когда он отправлял свое донесение, отряд Черкашенина без сопротивления взял крепость Змиев, а на следующий день Леско начал оттуда рассылать «прелесные письма», причем уже не от имени Разина, а от своего собственного. Послание харьковчанам (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 60. Около 17 октября 1670 года): «Отвеликого войска Донского и от Олексея Григорьевича в город Харьков полковнику Грицьку (царскому полковнику Григорию Донцу, ушедшему из Чугуева в Харьков. — М. Ч.) и всем мещаном челобитье...

В нынешнем во 179-м году октября в 15 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... и по грамоте ево великого государя вышли мы, великое войско Донское, з Дону Донцом ему, великому государю, на службу, потому что у нево, великого государя, царевичев не стала и от них, изменников бояр. И мы, великое войско Донское, стали за дом пресвятыя богородицы и за ево, великого государя, и за всю чернь. И вам бы атаманом молотцом, Грицко полковник со всеми городовыми людьми и с мещанами, стать с нами, великим войском

Донским, заедина за дом пресвятыя богородицы и за ево, великого государя, и за всю чернь, потому чтоб нам всем от них, изменников бояр, в конец не погибнуть». На обороте листа значится: «К сей грамоте великого войска Донского атаман Алексей Григорьевич печать приложил». Обратим внимание на то, что в отличие от разинских «прелесных писем» здесь нет угрозы.

«Прелесные письма» сделали свое дело в Богодухове, Валуйках, Романове, Землянске, но харьковчане струсили. Правительство приказало Ромодановскому во что бы то ни стало взять Черкашенина, ожидали, что он появится в Опошне, где жила его семья, да не дождалось; где-то между 19 и 26 октября Ромодановский отбил у повстанцев Чугуев, но с тревогой писал в Москву, что вот-вот падет Харьков и что Белгородскому полку надо срочно перебазироваться в Новый Оскол; Черкашенин между тем собирался уже под Полтаву.

Из донесения Ромодановского в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 66): «От малороссийских, государь, городов и от Белгорода в ближних местех в народе почели быть шатости великие. В Цареве, государь, Борисове и на Мояцком воровские казаки, которые пришли з Дону, приказных людей побили, а в Чюгуеве и в Змееве и в Большкее и в Мерехве всяких чинов жители своровали, тебе, великому государю, изменили, и приказных людей ис тех городов выслали... Запорожские де, государь, многие казаки пошли в степи и чаять их соединенья с воровскими казаками». А вот что Ромодановский сообщает в ноябре (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 69): «...с твоей великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича службы Севского и Белгородицкого полков твои великого государя ратные люди збежали многие и ныне бегут безпрестанно. А где они заставы проходят, тово нам, холопам твоим, неведомо»...

У Разина продолжался его бесконечный «роман в письмах» с Дорошенко. В декабре 1670 года в Малороссийском приказе была сделана запись (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 101) о том, что гетман Многогрешный задержал казачьего сотника М. Карачевского, доставлявшего письма от Разина к Дорошенко и обратно, и что «тот лазутчик пытан», но письма так и не нашлись. Как знать, быть может, Многогрешный придержал эти письма у себя — для шантажа или иных целей. Но и сам Дорошенко все что-то хитрил и выгадывал — даже мысль его в пересказе понять трудно.

Из протокола допроса разведчика повстанцев Давыда Перехреста судьей войска Запорожского И. Самойловичем (Крестьянская война. Т. 2. Ч.

2. Док. 99): «...и тот Давыд в роспросе... сказал, что Дорошенко говорил с Ордою воевать край сей, естли будут с листами к Стеньке писаны, хотя и зазимует. И про Горкушу сказывал, что на Дон пошел... Письма, которые имел к Стеньке от Дорошенка, под лавкою в хижине схоронил, а жонка серпов искала, а жене ничего не сказал. И Федька Гаврилов, жилец поповской, в полку Миргородском на тово Давыда говорил: во всем де в словах не желателен являтца и правды не хочет сказать. И то сказал, что Дорошенко говорил: сколько ни будучи нам вместе быть. И то сказал: я де и не мышлю никаких прибылей, только и мышлю, как бы Орду Крымскую привратить... Сказывал же и то, чтоб Стенько полем пришол, хлеба и соли не буду жалеть... И то сказал, что будет Орда от Белой Церкви до Чернигова. Хвалился Дорошенко, что Орда при нем Белгородцкая имеет быти. И то сказывал, что был у Стеньки (надо думать, не Дорошенко был, а допрашиваемый Давыд. — М. Ч.), и будто идти с войском по Заднеприем. Обновлялся с своими речьми, бутто Дорошенко говорил — не измени мне, и он (Разин, вероятно. — М. Ч.) сказал, что не изменит».

Как толковать всю эту абракадабру? На Дорошенко в тот период наступали его соперники Ханенко и Суховиенко при поддержке крымских татар, правобережный гетман обратился за помощью к турецкому султану (в чье подданство, напомним, перешел), султан прислал ему на помощь белгородских татар, и те разбили крымских. Видимо, Дорошенко — он вечно витал в облаках — уже воображал себя предводителем новой Орды, к которой и приглашал Разина присоединиться (под конец допроса Давыд Перехрест сообщил, что Дорошенко предлагает Разину приехать в Чигирин). Столько бумаги Разин извел на этого человека, столько надежд возлагал — и всё впустую. Из «распросных речей» в Посольском приказе переводчика К. Христофорова 20 марта 1671 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 29): «Да на той же раде чли Стеньки Разина письмо, в котором пишет он, вор, о помочи. И тот де лист Дорошенко, прочетчи, изодрал».

(Впоследствии Дорошенко опять замирился с крымскими татарами и с ними и турецким султаном воевал против Речи Посполитой; он постепенно терял авторитет у своего населения, а в 1676 году Ромодановский с новым левобережным гетманом Самойловичем пленили его и привезли в Москву; свой век этот авантюрист и мечтатель доживал — вообразите себе! — воеводой в Вятке, потом помещиком в Подмосковье.)

Неизвестно, пытался ли сноситься с Дорошенко его соотечественник Леско Черкашенин, — об этом нет упоминаний. Может быть, он лучше знал гетмана и понимал, что от того не будет толку. В конце октября Черкашенин двигался вверх по Северскому Донцу; Фрол Минаев, тогда

еще не предавший Разина, по Дону направился на Воронеж; прошел слух, что Разин пойдет на Тамбов — там начались мятежи: сперва в селе Печинищи близ Шацка, потом по Тамбовскому уезду; главным их гнездом стало село Алгасово. Возглавлял их местный казак — или называвший себя казаком — Тимофей Мещеряков. Тамбовский воевода Е. Пашков писал коллеге в Воронеж (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 91): «И я, господине, в Тонбове сижу в осаде, пришло под Тонбов Тонбовского уезду всяких чинов воровских людей тысячи с 3 и больни». А к Нижнему Новгороду шел — по слухам, с пятнадцатью тысячами человек — атаман Максим Осипов. Из октябрьских допросов пленных участников восстания (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 126): «И к атаману де к Максимку [Осипову] пригнал гонец донской казак от вора Стеньки Разина, тому ныне с неделю, и велел де им вор Стенька быть к себе, для того что де окольный и воевода князь Юрья Никитич Борятинской и государевы ратные люди их, воров, побили и Стенька побежал на низ с немногими людьми. А прежде того писал к ним Стенька Разин, что ему зимовать в Нижнем, и тем многих людей на воровство прельщал».

Официальная переписка в октябре приняла еще более лихорадочный характер, чем в сентябре, до разгрома Разина: в опасности уже были Тула, Суздаль, Коломна, Ярославль; атаман Илья Пономарев, оставив свой штаб в Козьмодемьянске, шел по реке Ветлуге, рассылая от своего имени грамоты по Вятскому и Усольскому уездам. Трудно сказать, сохранялось ли еще в тот период хоть в какой-нибудь степени единое командование. Видимо, нет, однако на своем участке каждый атаман действовал так, как было принято в разинском войске: рассылал разведчиков — быстро занимал населенный пункт, жители которого к нему наиболее благоволили, — сажал там свое правительство и оттуда, как из центра паутины, рассылал «прелесные письма» — оставлял там верных людей, взамен брал местных и двигался дальше. Причем если при Разине после взятия города мятежники в нем задерживались, то теперь, судя по донесениям, мчались дальше чуть не в тот же день, когда основывали свой опорный пункт: заботились не столько о прочности, сколько об охвате территории.

Самым примечательным эпизодом той войны со всем на то основанием считают восстание в Темникове, в нынешней Мордовии. Из допросов пленных участников восстания в полковом стане Долгорукого 10 октября 1670 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 110): «Да ему ж, Андрюшке, воровские казаки сказывали, что в Шатцком де уезде ходит баба ведунья, вдова, крестьянка Темниковского уезду Красной Слободы, и собралось де с нею воровских людей 600 человек. И ныне та жонка с

воровскими людьми в Шатцком уезде, а из Шатцкого хотела идти в Касимов». Не совсем ясно, идет ли речь здесь именно об Алене Арзамасской (могла ведь быть еще и другая женщина-атаман), но скорее всего о ней. Аналогичные сведения дал под пыткой (тот же документ) другой пленный — темниковский мурза Смайл Исяшев, только количество «воровских людей» назвал не шестьсот, а двести.

Была Алена, по-видимому, знахаркой, лечила травами, естественно, слыла колдуньей. Нигде не говорится, побывала ли Алена со своим отрядом в Касимове, но в октябре она пришла под Темников, который только что взял донской атаман Федор Сидоров. Странно, что легенды не сделали именно ее возлюбленной Разина, — вероятно, она была уже пожилой женщиной. Возраст ее неизвестен, и само ее имя дошло до нас лишь благодаря докладу Долгорукова в приказ Казанского дворца от 6 декабря 1670 года, уже после взятия царскими войсками Темникова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 293): «Да темниковские ж грацкие люди привели к нам вора и еретика старицу, которая воровала и войско себе збирала и с ворами вместе воровала, да с нею ж принесли воровские заговорные письма и коренья». «А вор старица в роспросе и с пытки сказала: Алению зовут, родиною де, государь, она города Арзамаса, Выездные слободы крестьянская дочь, и была замужем тое ж слободы за крестьянином; и как де муж ее умер, и она постриглась. И была во многих местех и людей портила. А в нынешнем де, государь, во 179-м году, пришед она из Арзамаса в Темников, и збирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым и ево учила ведовству».

Под Темников пришли и другие атаманы: Исай Фадеев, Степан Кукин, Ерема Иванов. Получилась одна из наиболее организованных и хорошо вооруженных армий той осени: были и конница, и артиллерия. Из отписки Долгорукова в приказ Казанского дворца 2 декабря 1670 года (Крестьянская война. Т. 2.4.1. Док. 280): «А в Темникове де, государь, и в темниковском лесу на засеках... стоят многие воровские люди, собрався из разных мест, с пушки и мелким ружьем». В анонимном «Сообщении...» утверждается, что у Сидорова и Алены было около семи тысяч человек. Дикое преувеличение? Но вот очередной доклад Долгорукова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 267. 28 ноября) — со ссылкой на показания темниковского дворянина Веденяпина: «А в Темникове де, государь, воровских людей стоит 4000, устроясь с пушки. Да в темниковском де, государь, лесу на засеках на арзамасской дороге стоит воровских людей от Темникова ж в 10-ти верстах 8000 с огненным боем. Да к ним же де,

государь, воровским людем, пришли из Троецкого острогу служилых людей с пушки и с мелким ружьем с 300 человек». Из Темникова рассылались «прелесные письма» — писал их Пимен, сын местного протопопа, самозванный священник. Разину, возможно, стоило бы туда поехать. И писателям трудно удержаться от того, чтобы не свести его с эксцентричной Аленой. У Злобина она пришла к Разину под Симбирск: «— Степан Тимофеич, каб нам с тобой вместе сложиться, то сила была бы! — сказала Алена».

Как и у каждого создателя разинианы, у Злобина все поучают Разина, что ему делать, — Алена, разумеется, не исключение: она предлагает бросить Симбирск и через Муром идти «волчьими тропинками» на Москву:

«— Под Синбирском народу погубите, а там впереди — Казань, а далее — Нижний: города велики, оружны. И что тебе в них, Степан Тимофеич?! А Москва — городам начало, в Москве государь к нам выйдет! Ведь само святое-то дело нам к государю народ привести...

— Ты так и вперед води свое войско, Алена Ивановна, — ласково сказал Разин, положив на плечо ей руку. — А мне-то скрываться от них не пристало. Мне городами владать... Мне войско мое не дробить, не рознить...»

Но в действительности он только и делал, что «дробил и рознил войско»... Из анонимного «Сообщения...»: «Спасением для России и великой милостью божией было то, что мятежники разделились и не могли решить между собой, кому вверить главное командование. Ибо ежели бы силы мятежников, число которых умножилось до двухсот тысяч человек, соединились и действовали согласно, нелегко было бы государеву войску противостоять им и одолеть их». Никто, конечно, не в силах назвать общее количество восставших даже приблизительно, но, думается, 200 тысяч — это все-таки очень сильное преувеличение. Ну, допустим, было их 50–60 тысяч. Могли ли они действовать «согласно»? Ну, пришли бы они все под Симбирск — а чем бы Разин их кормил? Где бы он им нашел оружие? Вот если бы он силами одних казаков, не распыляя их, стремительно прорывался на Москву — тогда, может быть, был бы толк... Интересный вопрос поднимает Злобин: по своей воле крестьяне приставали к атаманам или их принуждали?

«— Людей я тебе не дам, ты и сам наберешь...

— Наберу, атаман. Да ты лишь скажи: по многу ли брать людей? С сохи али с дыма?»

Дым — это один крестьянский двор; соха — принятая единица

налогообложения, могла включать в себя в зависимости от качества земли и 30, и 300 дворов.

«Это был новый вопрос. До сих пор войско собиралось из тех, кто шел в него сам, по желанию. Кто пристал своей волей, тот и казак. Крестьяне привыкли нести повинности по-иному: служба у Разина была для них тоже «царской» повинностью. Михайла, как и другие крестьянские атаманы, считал, что общее дело борьбы с боярством должно делать сообща, всем крестьянским миром, поровну оставляя людей для крестьянских работ, поровну забирая в войско: с сохи или с дыма. Разин не подал вида, что этот вопрос застал его врасплох.

— С дыма по казаку, — сказал он, тут только представив, какое бесчисленное множество люда со всей Руси пойдет в его войско, если он станет собирать по человеку с дыма».

Впоследствии, конечно, все уверяли, что их забрали насильно, винулись, каялись, присягали; но, судя по тому, как легко в конце осени правительственные войска расправлялись с огромными массами мятежников, похоже, что очень многих (а может, и подавляющее большинство) разинцы действительно забирали по разнарядке. Из цитированной отписки воеводы Бутурлина про жителей Уренска: «Да им же де велено быть к 9 сентября в Синбирск к вору к Стеньке Разину со всякой деревни по 2 человека... А хто де пойдет, и тем охотником велели от себя сказывать жалованья по 5-ти рублей да по зипуну». А кто не пойдет — «тех людей порубит всех на голову». Вот только был ли в такой мобилизации смысл?

Но пока, в октябре, скорой расправой как будто и не пахло. Наживин:

«Весь огромный край от Волги до Оки горел. На севере восстание перебросилось за Волгу и докатилось до самого Белого моря, до Соловков. Бурлила вся Малороссия. Хватали людей на улицах Москвы и в украинном Смоленске. Москва ахала: неложно, белый свет переменяется!..»

Владимир Бровко^[79]: «Владения Разина к октябрю 1670 года превышали размеры любой европейской державы. Под именем Разина были огромные территории: вся Волга, все Заволжье, около 20 городов в Междуречье, часть Слободской Украины, десятки километров к северу от Казани и Нижнего Новгорода, за спиной восстания лежал безопасный Урал... Это уже не было бунтом. Это было Нашествие».

Что было бы, если бы восстание увенчалось успехом? М. Инсаров: «Победи оно само по себе, при опоре на казаков, крестьян и инородцев, скорее всего (если не вдаваться в историческую фантастику) при тогдашнем уровне развития производительных сил последовал бы новый

круг феодализации (как последовал он после победы восстания крестьян на Украине в 1648 году). Но если бы разинцев поддержали московские стрельцы и посадские люди, а также посадские люди других крупных городов России (Пскова, например), не исключена была бы раннебуржуазная революция (как в Чехии в 15 веке, когда движение крестьянства и мелкого рыцарства соединилось с движением городов), и вся дальнейшая история России пошла бы совершенно по-иному». Черт с ними, с Симбирском и Казанью: чем столичнее город — тем сильнее в нем оппозиционные настроения... Анонимное «Сообщение...»: «В самой Москве люди открыто восхваляли Стеньку, полагая, что ищет он общего блага и свободы для народа. По той причине принужден был великий государь учинить примерную казнь нескольким смутьянам, дабы утратить остальных. Человек один, уже в летах, будучи спрошен, что надобно делать, ежели Стенька подступит к стенам города Москвы, отвечал, что надобно выйти ему навстречу с хлебом-солью, а это, как известно, является в России знаком дружелюбия и приязни. Человек тот был схвачен и повешен».

Никто ничего толком не знал, не понимал, писали и болтали разное, Москва была то ли в ужасе, то ли в радости; царь в грамоте от 26 октября (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 171) был вынужден опровергать «прелесные письма» — «будто сын наш государев, благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич... ныне жив и будто по нашему государеву указу идет с низу Волгою к Казани и под Москву для того, чтоб побита на Москве и в городех бояр наших, и думных и ближних и приказных людей, и дворян и детей боярских, и стрельцов, и всякого чину служилых и торговых людей, будто за измену» — так вот, все это неправда...

Иностранные корреспонденты отписывали своим читателям, надо думать, не без ехидства. Рижская «Газета», 25 сентября: «Волнения в Московии с каждым днем усиливаются. Мятежники, захватив Астрахань, взяли также Казань и многие другие важные города. Великий князь всеми силами стремится воспрепятствовать их продвижению, и так как он хочет избежать кровопролития, то написал вождю мятежников, чтобы привлечь его добром. Но тот, вместо того чтобы признать свою вину, как говорят, жестоко расправился с теми, кто был к нему послан, и заявил, что не сложит оружия, пока ему не выдадут генерала великокняжеских войск Долгорукова, чтобы отомстить ему за смерть брата, повешенного будто бы по его [Долгорукова] приказу». Там же, 15 октября: «Хотя под страхом суровой кары запрещено посылать какие-либо письма из Московии, однако

в них на этой неделе говорилось, что вождь восставших, собрав 120 000 человек, разбил после взятия Астрахани две большие армии великого князя, возглавляемые генералом Долгоруковым, и что этот генерал собирает третью, еще большую армию, к которой должно присоединиться дворянское ополчение, а если мятежники и ее разобьют, государь будет вынужден покинуть свои владения». Обо всем этом болтали в Риге, но откуда могли в Ригу приходиться сплетни, кроме как из Москвы?

«Северный Меркурий» (из Гамбурга), октябрь 1670 года: «Между тем в Московии происходят все более удивительные дела, ибо у мятежников обнаружился кровный наследник прежних астраханских и казанских царей, который общается с ними, а из Смоленска и из многих мест сообщают, что мятежники якобы находятся уже в 75–80 милях от Москвы и что они движутся, разделившись на три армии». «Северный Меркурий», 9 ноября: «Нам пишут из Риги, что волнения в Москве усиливаются с каждым днем. Вождь восставших недавно снова отказался от предложенных ему очень выгодных условий, так как считает, что если он разоружится, великий князь найдет предлог, чтобы наказать его за мятеж».

Неизвестно ни о каких условиях, которые якобы предлагали Разину. Но, допустим, предлагали, просто это не отражено в документах или документы пропали. Правдоподобно ли это допущение? Кажется, что нет. Раньше — до Симбирска, в Астрахани, — возможно. Но теперь амнистировать десятки тысяч бунтовщиков, поощряя их на новые восстания, значило бы окончательно расписаться в своей слабости. Но слухов-то, слухов! Опять «Северный Меркурий», 27 ноября: «...высшие московитские офицеры отправились сражаться с ним [Разиным], и он разбил их и, с легкостью продолжая начатое, присоединил к уже завоеванному Казанскому царству несколько других княжеств. Многие офицеры из армии великого князя перешли в его армию, включающую среди прочих татар казаков и немецких офицеров. Таким образом, близ его [царя] персоны осталось только несколько высших сановников, растерянных не менее, чем он сам...» Недаром правительство было в гневе и постоянно ругалось на проклятые «куранты». (Получаемые Посольским приказом иностранные газеты держались в строгой тайне «для того, чтобы ни один частный человек не узнал прежде двора, что происходит внутри государства и за границей»^[80].)

А иностранцы писали, что Разину на помощь вот-вот придет Речь Посполитая, которой он обещал вернуть земли, отошедшие к России по Андрусове кому перемирию в 1667 году, или Швеция, или Персия; дошло до того, что в ноябре 1670 года в ответ на предложение союза со Швецией

царь потребовал наказать газетчиков, писавших о Разине. О том, что Разин звал на помощь персидского шаха, некоторые упоминания есть, но насчет Швеции и Речи Посполитой ничего не известно. Но исключить это никак нельзя: мы уже видели, что Разин готов был взять в союзники любую силу. Как, впрочем, и правительство: «Уже в начале Крестьянской войны, в 1667 году, прибывшие в Москву польские послы — черниговский воевода Веневский, референдарий Бростовский и секретарь Шмелинг — заключили договор об образовании союзной армии по 25 тысяч с каждой стороны на случай выступления против турок, татар и бунтующих казаков»^[81].

Когда шведские, немецкие и прочие газеты писали, что Разин «присоединил к уже завоеванному Казанскому царству несколько других княжеств», ситуация на самом деле уже менялась (с конца октября) в пользу правительственных войск. Борятинский после Симбирска отправился в Алатырский уезд, где, по его словам, произошло грандиозное сражение с пятнадцатитысячной (не будем забывать, что преувеличивать было одинаково выгодно обеим сторонам) армией повстанцев под селом Усть-Урень; воевода разбил эту армию наголову и забрал 11 пушек. Жители окрестных мест с хлебом-солью, с хоругвями и пением встречали царских солдат, как они только что встречали атаманов; всех допрашивали, часть казнили, остальные должны были присягать. В некоторых селах жители по два и более раз переходили то на одну, то на другую воюющую сторону. Наживин: «И мятежники около села Апраксина были разбиты снова, зачинщики казнены, и так как действительность и прочность присяги была очевидна, то батюшки снова заставили повстанцев целовать крест, а те, целуя крест, думали, как бы снова извернуться да ударить по ненавистным...»

Которая из побед воевод была наиболее значимой, «переломной», судить трудно. Маньков считает, что это боестолкновение у села Путятина Арзамасского уезда. Марций в своей диссертации (основываясь на иностранных источниках) пишет, что главные сражения произошли под Мурашкином, где «очень отличились немцы: русским пришлось бы уйти с поля боя (они уже начали отходить), но немецкая конница подоспела к ним на помощь и, врезавшись в самую гущу мятежников, смешала их ряды и обратила в бегство. Число убитых было огромно, а всех, попавших в плен, перебили», и Лысковом: «здесь пали лучшие силы мятежников, и сражалось уже не столько войско, сколько беспорядочная толпа». Было это в двадцатых числах октября. Костомаров: «Он (посланный Долгоруковым воевода Щербатов. — М. Ч.) начал праведный розыск и казнил участников мятежа. Одни были повешены, другие посажены на кол, иные прибиты

гвоздями к доскам, некоторые изодраны крючьями или засечены до смерти. В числе казненных был какой-то родственник Стеньки. Те, которые успели убежать, не спаслись от смерти и, скитаясь в пустынных лесах, погибали от голода и стужи».

Долгоруков сообщал 28 октября в приказ Казанского дворца (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 174), что мурашкинские жители сами схватили и выдали «воров» и «товарыщи мои, выняв ис тюрьмы тех воров, за их воровство велели казнить смертью: отсечь головы, а иных повесить, а иным отсечь руки и ноги, а туловища повесить, а 3-х человек посадить на колья, а 14 человек бити кнутом и отсечено им по пальцу».

Воевода Яков Хитрово отбил у восставших Шацк и Керенск. Весь октябрь мятежники осаждали Тамбов — по этому поводу велась громадная официальная переписка. Руководил пятитысячным (по слухам) войском осаждавших атаман Тимофей Мещеряков; 26 октября усманский воевода И. Маслов писал воронежскому воеводе Бухвостову (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 172), что, по словам тамбовского воеводы Е. Пашкова, «воровские казаки и мятежники тамбовских сел, всяких чинов люди, идут к Тамбову большим собранием наскоро, и чаеть-де их приход к Тамбову к нынешнему числу и ночи». Каким-то образом Пашкову удалось Мещерякова запугать или перехитрить, и тот сдался. Леско Черкашенин был разбит под урочищем Красный Пришиб (сам он бежал на Дон). И везде одно и то же, как пишет Костомаров: казни и целование креста. Но количественное соотношение казней и целований в каждом населенном пункте было разное: одни градоначальники расправлялись не только с бунтовщиками, но и с их семьями, другие пытались взять мягкостью, всепрощением. Мещерякова, к примеру, не казнили и даже оставили на свободе.

Среди тех, кто осаждал Тамбов, был дядя Разина Никифор Черток; в ноябре, когда осада развалилась, он с небольшим отрядом (400 казаков) пошел в Козлов (Мичуринск), по пути собрал несколько тысяч народу и выдержал ряд сражений у сел Боково и Кузьмина Гать; как считают Е. В. Чистякова и В. М. Соловьев («Степан Разин и его соратники»), Черток был чуть ли не единственным, кто мог не только занимать села, выходящие с хлебом-солью, но и побеждать в серьезных сражениях с правительственными войсками.

Мещерякову ничего не сделали, а зря: крест он целовал, но потом снова пошел осаждать Тамбов — с подошедшими отрядами казаков с Хопра; сила была довольно серьезная, осаждавшие предприняли в середине ноября шесть попыток штурма, но ничего не вышло. Все-таки без сильной

поддержки изнутри брать города никак не получалось. Ни штурмом, ни осадой разинцы не взяли ни одного города. Их стихия была — вода, сражения на воде...

В ноябре восстание в Поволжье только ширилось, правительство без конца слало то туда, то сюда вооруженные отряды, но бои скорее походили на стычки. Однообразные отчеты воевод: был бой там-то и там-то, таких-то и таких-то велели повесить, таким-то отрубить ноги, иные под пытками говорили, что Разин с патриархом Никоном идет на Москву.

Расправлялись с мятежниками с обычной тогда жестокостью: рубили конечности, выкалывали глаза, вырезали языки, это уж какой воевода как захочет, общего правила не было. От ужаса все доносили друг на друга. Анонимное «Сообщение...» о расправе Долгорукова над арзамасцами: «Место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы, и на каждой висело человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немало число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны. За три месяца по суду, после расспроса свидетелей, палачи предали смерти одиннадцать тысяч человек». Марций: «...тех, что попались живыми в руки победителей, ожидали в наказание за государственную измену жесточайшие муки: одни пригвождены были к кресту, другие посажены на кол, многих подцеплял за ребра багор... Тех, что сначала смогли бежать, а потом были схвачены, свирепо казнили прямо на месте, а бежавших в безлюдные места заморили голодом». Надо сказать, что у многих военачальников (Ромодановского, например) действия Долгорукова вызывали брезгливость.

«Европейский дневник» (Франкфурт-на-Майне): «Все, кто приезжают из Москвы, единодушно свидетельствуют, что дела в Москве обстоят очень плохо и многие иностранные офицеры оставляют службу, чтобы вернуться в свои страны, поскольку с ними дурно обращаются. Фельдмаршал Долгоруков выступил с большим войском, разграбил различные города и деревни и велел повесить, задушить и подвергнуть пыткам многих старых и молодых людей, которых он подозревал в том, что они поддерживают связь с главарем мятежников Разиным. Такие тиранические поступки вызывают на местах большой страх. Простые люди после этого большей частью переходят на сторону вышеуказанного мятежника, который очень милостиво их принимает и дает им большие свободы. Его силы достигают теперь около 200 000 человек».

«Прелесные письма», исходящие уже не от Разина, а от других

атаманов, формулировались все жестче, и излагаемые в них сведения были все менее правдоподобны — но чем больше лжи, тем, как известно, легче в нее поверить. Вот документ от 9 ноября 1670 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 207) — «список с воровской прелесной памяти слово в слово»: «Великого войска Донского и Еицкого [Яицкого] и Запорожского от атаманов от Михаила Харитоновича, да от Максима Дмитриевича, да от Михаила Китаевича, да от Семена Нефедьева, да от Артемья Чирскова, да от Василья Шилова, да от Кирилы Лаврентьева, да от Тимофея Трофимовича в Челнавской (была такая крепостца — Челнавский острожок. — М. Ч.) атаманом молотцом и всему великому войску.

Послали мы к вам Козаков лысогорских Сидара Леденева да Гаврилу Болдырева для собранья и совету великого войска. А мы ныне в Танбове ноября в 9 день в скопе, у нас войскова силы с 42 000, а пушак у нас 20, а зелья [пороха] у нас полпятиста и больши пуд.

И кой час к вам память придет, и вам бы пожаловать, атаманы и молотцы, собрався, ехоть к нам на помощь с пушками и з зельем без всякого мотчанья днем и ночью наспех. А писал к нам из Орзамасу донской атаман, что наши козаки князь Юрья Долгоруково побили со всем ево войским, а у него было пушак 120, а зелья 1500.

Да пожаловать бы вам, порадеть за дом пресвятые богородицы и за великого государя, и за батюшку за Степана Тимофеевича, и за всю православную христианскую веру... А буде вы к нам не пойдете собраньем на совет. И вам быть от великого войска в казни, и женам вашим и детям быть порубленным, и дома ваши будут разорены, и животы ваши взяты будут на войска»... Ну и как тут устоишь перед такой силищей могучей, великой и ужасной? Весь гарнизон Челнавского острожка составлял не более двадцати человек...

Между тем 29 ноября полковник Ф. Зыков сообщал полковому воеводе Хитрову (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 270), что пленные участники восстания после пыток говорили, «что де бутта вор Стенька Разин вышел с Саратова в город на Пензу тому с неделю времени. И писал де тот Стенька к атаману к Мишке Харитонову. Велел ждять себя в деревне За-рубкине, а он де, Стенька, на Пензу к себе ждет с степи людей иных земель». Калмыков ждет, надо полагать. (Видимо, Разин в каких-то своих проявлениях действительно был «чистая душа»: все верил, верил и верил калмыкам, Дорошенко, Никону, сколько бы те ни обманывали его ожиданий. Хотя, может быть, просто наврал для поднятия духа атаманов и не ждал на самом деле никаких «людей иных земель».) Эту информацию в том же документе подтвердили «те мордва, что де прислал Стенька Разин с

Пензы в деревню Зарубкину к Мишке Харитонову, не велел ему без себя битца». Это интересно: нет больше никаких упоминаний о том, что Разин в ноябре 1670 года или когда-либо был в Пензе. Но о его местонахождении в тот период вообще мало данных. Так что нельзя исключить, что и в Пензу он приезжал. Хотя скорее все-таки нет — с Харитоновым он (опять же — насколько известно) так и не встретился.

30 ноября близ Темникова у села Веденяпино войско воеводы И. Лихарева атаковало армию Федора Сидорова, Алены Арзамасской и их соратников: бой был большой, Сидоров потерпел поражение, откатился в Темников, но там горожане, еще недавно с радостью сдавшиеся ему, теперь с такой же легкостью сдались посланному Лихаревым небольшому отряду стрельца В. Волжинского и выдали всех, кого могли, в том числе Алену Долгоруков (из уже цитированного донесения в Москву): «И мы, холопи твои, государь, вора старицу за ее воровство и с нею воровские письма и коренья велели зжечь в струбе».

Вот рассказ о ее конце из анонимного «Сообщения...»: «Среди прочих пленных была привезена к князю Юрию Долгорукому монахиня в мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния. Монахиня та имела под командой своей семь тысяч человек и сражалась храбро, покуда не была взята в плен. Она не дрогнула и ничем не выказала страха, когда услышала приговор: быть сожженной заживо... Прежде чем ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые поступали бы, как им пристало, и бились так же храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять. Перед смертью она перекрестилась на русский лад: сперва лоб, потом грудь, спокойно взошла на костер и была сожжена в пепел».

А вот что способен сотворить из этой информации журналист. Из приложения к газете «Альтонские известия» — «Поучительные досуги Иоганна Фриша» (опубликовано в 1677 году): «Через несколько дней после казни Разина была сожжена монахиня, которая, находясь с ним, подобно амазонке, превосходила мужчин своей необычной отвагой. Когда часть его войск была разбита Долгоруковым, она, будучи их предводителем, укрылась в церкви и продолжала там так упорно сопротивляться, что сперва расстреляла все свои стрелы, убив при этом еще семерых или восьмерых, а после того, как увидела, что дальнейшее сопротивление невозможно, отвязала саблю, отшвырнула ее и с распростертыми руками бросилась навзничь к алтарю. В этой позе она и была найдена и пленена ворвавшимися. Она должна была обладать небывалой силой, так как в армии Долгорукова не нашлось никого, кто смог бы натянуть до конца

принадлежавший ей лук. Ее мужество проявилось также во время казни, когда она спокойно взшла на край хижины, сооруженной по московскому обычаю из дерева, соломы и других горючих вещей, и, перекрестившись и свершив другие обряды, смело прыгнула в нее, захлопнула за собой крышку и, когда все было охвачено пламенем, не издала ни звука».

К концу ноября произошел постепенный перелом. Он не мог не произойти, когда у одной из сторон почти не было оружия, а в особенности — пороха. Восставших теснили повсюду, зачинщиков и тех, на кого донесли, казнили, остальные приносили повинную. Типичный пример документа (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 342.18 декабря 1670 года) — об участниках мятежа на Ветлуге: «Всего воровских казаков, которые били и воровали с вором с Илюшкою Ивановым, повешено 9 человек. Кнутом бит и рука отсечена левая 1 человек. Кнутом биты и пальцы у правой руки отсечены 3 человека...» Боярский сын из Воронежа Наум Севастьянов был в повстанческой армии, вернулся сам — все равно: отрубили правую руку и левую ногу и прибили их к столбу на всеобщее обозрение. Ох, сколько же тогда повсюду ползало калек!

На Северском Донце полковник Григорий Косагов так жестоко расправлялся с пленными (включая Царев-Борисов, где обезглавили крестную Разина Матрену Говоруху и ее семью), что не только гражданское начальство просило этого не делать, но и воеводы. Ромодановский писал в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 71. Декабрь 1670 года): «И тех де изменников же и детей их полковник Григорий Косагов велел побивать, а иных в воду сажать. И нам бы, холопам твоим, изменничьих жен и детей побивать и в воду сажать не велеть, а велеть их всех привести к вере и отпустить в дома их, где хто жил наперед». И в конце приписывал с горечью: «А иные, государь, твои великого государя ратные люди, дворяне и дети боярские и копейщики и рейтары и салдаты и казаки, разбежались многие. А комаридцкие, государь, волости драгуны с твоей великого государя службы збежали все до одного человека»...

В начале декабря был захвачен и казнен атаман Тимофей Мещеряков; Илья Пономарев с отрядом человек в семьсот (конных) еще держался, рассылая «прелесные письма» по Поволжью. 3 декабря он без сопротивления занял город Унжу, двинул было на север, был разбит у реки Шанги воеводой В. Нарбековым, но и большинству участников отряда, и самому Пономареву с его есаулом Мумариным удалось бежать. Своим опорным городом они сделали Тотьму; планировали идти на Соликамск, а оттуда — если что — в Сибирь. Это было бы разумное решение. Но их взяли еще под Тотьмой 11 декабря. На следующий день Пономарев был

повешен, а под Новый год его труп был выкопан и повешен еще раз — в Галиче.

Зато под Тамбовом восставшие еще всю «зажигали» — в основном усилиями Никифора Чертка. Отписка полкового воеводы Ивана Бутурлина в Разрядный приказ от 5 декабря 1671 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 291): «И я, холоп твой Ивашка, посылал на тех воровских людей товарища свое-во стольника и воеводу Алексея Еропкина, а с ним посылал твоих великого государя ратных людей резанцов [рязанцев] дворян и детей боярских 7 сотен да рейтар 3 роты да московских стрельцов полуголовы Иванова приказу Волжинского 300 человек с сотниками; да с ним же, Алексеем, послал 2 пушки. И как, государь, стольник и воеводы Алексей Еропкин с твоими великого государя ратными конными и пешими людьми от города [Тамбова] отошел верст с 7, и на него, Алексея, напали воровские казаки и пешие многие люди, которые вновь пришли с Хопра. Того часу и ево, Алексея, ранили в голову в трех местах да по плечю. Также, государь, твоих великого государя ратных людей конных и пеших побили и в полон переимали, и пушки отбили, и гоняли за ними до Тамбова до острогу».

После такой плохой новости Бутурлин, как умный человек, излагает царю хорошую: «И я, холоп твой Ивашка, с товарищи вырвались в слободы. И у нас, холопей твоих, и у твоих великого государя ратных людей с теми воровскими казаками был бой большой с полудни до ночи, и твои великого государя ратные люди многих побили и 2 знамени взяли, и те воровские люди побежали назад. А недосчитаемся, государь, твоих великого государя ратных людей резанцов дворян и детей боярских и рейтар и стрельцов 300 человек...» Да уж, большая победа: взяли два знамени, потеряли пушки и 300 человек убитыми, потери противника не названы — значит, были ничтожны. Зря Степан Тимофеевич своего дядю Никифора от себя отпустил. Умел дядя воевать. Почему, интересно, Черток сам не стал великим мятежным атаманом? Он ведь «воровать» начал, напомним, еще раньше племянника. Харизмы не хватало? Или скорее уж дерзких политических амбиций?

Атаман Михаил Харитонов в последний раз упоминается в первой половине декабря, когда он, разбитый воеводой Борятинским, отступил к Пензе; его дальнейшая судьба неизвестна, возможно, укрылся на Дону или Тереке. 14 декабря воевода Хитрово взял Керенск, 17-го воевода Щербатов — Верхнее и Нижнее Ломово. Борятинский полностью разгромил мятежников в Атемарском и Саранском уездах, взял штурмом и Саранск, и Атемар. 30 декабря сдалась Пенза.

Костомаров: «Села покорялись одни за другими. Жители приносили

повинную и обыкновенно уверяли, что они воровали поневоле, хотя часто неправдоподобие такой отговорки было очень явно. Они выдавали зачинщиков, которых воеводы тотчас допрашивали, потом вешали, иным рубили руки и ноги и пускали на страх прочим; менее виновных, которых было бесчисленное множество, пороли кнутом; наконец, вообще всех приводили к присяге, а язычников и мохаммедан к шерти; воровские письма, волновавшие умы, собирали и отправляли в Москву в Казанский дворец. Тогда, как показывают некоторые акты, начальники насильно обращали мятежников себе в холопы, по общему понятию, что военнопленный делался холопом того, кто его взял на войне. Но правительство запрещало это под крепким страхом и приказывало в разных городах воеводам, а на дорогах — заставным головам останавливать всех, кто будет ехать с пленниками, и возвращать последних на места жительства на счет тех, которые их везли с собою». Костомаров не приукрашивает, это подтверждено массой документов: правительство этой новой работоторговли не поощряло.

Наступал год 1671-й. Все кончено? Да вроде бы нет: в Астрахани и Царицыне прочно держится казачья власть, в Саратове — более или менее — тоже; Самара — а что Самара? К симбирскому воеводе М. Плещееву приезжали самарцы и поведали (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 412. Январь 1671 года), что «на Самаре яицких казаков 90 человек да донских 10 человек да новоприборных казаков с 300 человек. Атаманом у них донской казак Леско. И всякое бунтовство от них, воров, да от самаренина Игошки Говорухина. Да тот же вор Игошка собрал воров самарцев с 150 человек и хотел идти под Белой Яр...». Был там еще яицкий атаман Ромашка Тимофеев — веселая компания. Ничего не известно, к сожалению, о том (как и обо всех завоеванных разницами городах), как они там управляли, что за жизнь была, почему, к примеру, атаманом вдруг стал Черкашенин, хотя до этого были избраны самарцы Говорухин и Нелос-ный. Но как-то жили и Москвы пока не боялись.

Ус из Астрахани послал делегацию в Терки и к гребенским казакам, призывая их присоединиться к восстанию. Из допроса в полковом стане Долгорукова лысковского подьячего Ивана Петрова (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 161. После 24 октября): «И после де вора Стеньки Разина ходили из Астарахани охотники на Терек, и терченя де великому государю изменили и город ворама здали, а воевод держат на Терке за караулом, и при нем были живы». Это подтверждается челобитной терского воеводы П. Прозоровского от октября 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 230): «...Федька Иванов [Шелудяк] да Васька Ус прислали из Астарахани на

Терек воровского ж казака Ваську Кабана с астраханскими воровскими козаки, а велели меня, холопа твоего, убить до смерти, повесить». Не повесили, зато ограбили и отвезли награбленное в Астрахань. Никифор Черток в Тамбовском уезде по-прежнему непобедим и неуловим; с ним атаманы Еремей Иванов и Холка Кривой. И козловский воевода Хрущев пишет в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 417. 24 января 1671 года): «Ждут они де к себе вора Стеньки Разина, а с ним де, Стенькою, будет к ним колмыков тысяч з 20».

Глава десятая

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

«Европейский дневник, продолжение двадцать второе»:

«Январь, 1671 г. Что касается положения в Москве, то оно чрезвычайно плохое, так как мятежник Разин разбил воеводу Долгорукова, генерал-лейтенанта Ромодановского, генерала Нащокина и почти всех знатных московских господ, отправившихся в поход, и обратил в бегство всю их армию. Его войско состоит из самогитских, ногайских и калмыцких татар, а также из казаков, выведенных из-за Донца. Офицерами у них служат большей частью немцы и шведы».

«Февраль, 1671 г. Что касается Степана Разина, то он все еще доставляет москвиту так много хлопот, что тот вынужден был совсем уйти из Лифляндии (территория современных Латвии и Эстонии, в тот период принадлежащая Швеции. — М. Ч.) со своим страшным войском, поскольку доведен до такой крайности, что нуждается в помощи шведов, без которой ему, как видно, не справиться. С этой целью он послал в Стокгольм полковника Стадена, урожденного рижанина, который просил не оказывать поддержки упомянутому Разину, предлагая за это отойти от всех оспариваемых рубежей и дать шведской короне удовлетворение, как только от нее поступит помощь».

Ромодановский полностью подавил мятежи в Острогожске, Ольшанске и Маяцке, но никто не спокоен; коротоякский воевода Ознобишин весь январь пишет, что бандиты вот-вот к нему придут; продолжают слухи: «воровские казаки» пошли туда, вот-вот придут сюда... то ли в Кашин, то ли в Ефремов, а города не защищены; какие-то отряды напали на «ратных людей» в деревне Ярославцево Каширского уезда, какие-то — под Старым Осколом; какой-то стрелец Тихонов говорил в Свяжске, «будто Великий Новгород и Псков от тебя, великого государя, отложились»; какой-то крестьянин Бессонов на допросе заявил: «Где де вам Стеньку Разина розбить»; какой-то казак Кореневский в Смоленске, выпив пива, восхвалял Разина и был бит кнутом на козлах; сам Разин уже под Псковом...

Марций: «По рассказам весьма серьезных людей я знаю, что Разин, тайно и переодевшись, чтобы не быть узнанным, приходил в Москву и разослал отсюда своих людей, чтобы они узнавали, каковы настроения русских». Это очень любопытное утверждение, но оно вряд ли может

соответствовать действительности: агенты Разина в Москве наверняка бывали, но появиться там ему лично было бы чересчур большим риском. Хотя стопроцентно исключить такую возможность нельзя: местонахождение Разина в конце октября — начале ноября 1670 года документально не установлено. Скорее всего, конечно, он так и сидел в Царицыне, пытаясь связаться с оставшимися на свободе атаманами и на вербовать новых людей. В начале декабря Ромодановский писал в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 283): «А с Царицына де крестопреступник и изменник вор Стенька прислал во все донские городки свое воровское письмо, чтоб ис тех донских городков казаки шли в Царицын, и он де, Стенька, станет им давать хлебных запасов по 5-ти чети да денег по 7-ми Рублев человеку. И в донских де, государь, городках в Паншине и в Пяти Избах казаки збираютца многие люди...»

Вскоре появились сведения, что Разин вернулся на Дон. Жители Самары 21 декабря рассказали воеводе Плещееву (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 1. Док. 412), что к ним приезжал какой-то царицынец и рассказал: «Вор де Стенька стоит ныне на Дону в Паншине городке. А пришел с одними донскими казаками не з большими людьми. А достальных де воровских казаков он всех оставил на Царицыне и поставил караул у Пяти Изб, чтоб с Царицына на Дон опричь донских казаков никаких людей не пропускать, а как пойдут, и их велено побивать до смерти!» А некий яицкий казак сказал, что Фрол Разин «прибежал с украины на Царицын, а с ним 30 человек, и ныне стоят на Царицыне». Какого числа кто куда прибежал — неизвестно. Сообщение о Паншине, видимо, ошибка: большинство информаторов утверждали, что Разин обосновался в Кагальнике. Хотя мог и в Паншин заглянуть. Из многократно цитированного допроса казака Данилова: «И вор Стенька Разин, оставив своего воровского войска в Царицыне с 500 человек, пошел к себе на Дон в городок Кагальник, где его, ворова, жена... А с ним пошло воровских казаков человек с 60 или со 100, которые ему верны». Данилов сообщил также, что сейчас (10 декабря) идет пятая неделя, как Разин из Царицына уехал, и что казаки, оставленные там, разбегаются, потому что голодно. Что касается Фрола Разина, то он, возможно, еще в октябре в Царицыне встретился с братом, но мог и быть послан туда из Кагальника. От Кагальника до Царицына всего один день верхом — могли ездить туда-сюда постоянно.

О дальнейших событиях известно в основном со слов донского станичного атамана, недавно выдвинувшегося в первые лица Войска, Родиона Калуженина (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. 27 января 1671 года), приехавшего в Москву с ежегодным посольством; доклад он делал не

только в Посольском приказе, но и в приказе Казанского дворца — еще бы, такие важные сведения. По его рассказу, Разин тотчас после своего появления в Кагальнике, около 30 ноября, пришел в Черкасск. Не тотчас, раз к 10 декабря он уже пять недель был на Дону; это важно, так как означает, что государственный преступник целый месяц спокойно жил на Дону (причем людей и оружия при нем было всего ничего) и строил новые планы, а черкасские атаманы по-прежнему пальцем не шевелили, чтобы взять его.

Итак, он «пришел» и «учал говорить войску всякие розвратные слова, и атамана Корнила Яковлева и иных старшин и ево, Родиона, хотели убить ночью. А в то же время в войске была меж казаков рознь, и совету меж ними не было, и боялись друг друга. И в то время затем поиску над ним, вором Стенькою, учинить было нельзя. А казака де Василья Шепелева, которой прислан к ним на Дон с Москвы великого государя з грамотою, он, вор, бил и посадил в воду».

«Поиску» над Разиным атаманы не учинили, стало быть, из-за того, что боялись; но вот показания в Посольском приказе жильца П. Быкова от 6 июля 1671 года (Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. Док. 113) о том, что Разин «ис Кагальника де в Черкасской к атаману к Корнилу Яковлеву и Родиону [Калуженину] ездил и с ними пил. И, напився пьян, валялся в шубе соболье, а их де, Корнила и Родиона, в то время дарил: Корнилу дал шубу рысью, а Родиону кател серебряной. И они де, подчивав его, вора, отпустили из Черкасского в Кагальник на своей лошади...». Повторяется история: возьми шубу, да не было б шуму...

Правда, когда эту цитату приводят, обычно забывают указать, что эти слова принадлежат не самому Быкову — он здесь лишь излагает то, что ему сказал азовский правитель Сулейман-паша. С одной стороны, не вполне понятно, откуда Сулейман-паша был так осведомлен, но с другой — для чего бы ему нужно было это такое придумывать? Какая-то небольшая часть казаков во все времена перебегала жить в Азов, вероятно, некоторые казаки из бывших разинцев поступили так же и осведомили пашу о своих внутренних разборках... (Один из приближенных Разина, Ларион Хренов, точно перебежал, и его не выдали несмотря ни на какие просьбы.) В любом случае то, что Разина отпустили, — это факт; видимо, внутри черкасской старшины тоже была «рознь» и старшина никак не могла ни на что решиться: арестуешь человека, которым многие казаки восхищаются, — утратишь авторитет, эдак можно и не переизбраться на должность; отпустишь — Москва продолжит голодом морить. И поскольку Разина в тот раз отпустили, выходит, что мнение казаков весило больше, чем мнение

Москвы. Хотя мог иметь место и простой страх: прикажешь схватить Разина, а он прикажет схватить тебя — и кто знает, как поведут себя казаки?

Любопытно, что Калуженин сообщил о юном князе Черкасском, «царевиче»: Разин его привез в Войско и «крестил его в христанскую веру», и князь теперь «учится грамоте». Людям, в том числе боярским детям и священникам, рубили руки и ноги лишь за то, что читали «прелесные письма», — а за этим мальчиком никто вообще никакой вины не видел. В дальнейшем его просто вернут домой. Тут Москва либо проявила мудрое великодушие, либо не хотела портить отношения с отцом мальчика, влиятельным князем; либо Андрей Черкасский все-таки «царевичем» не был...

Продолжение рассказа Калуженина: «И быв он, вор, в Черкасском, пошел вверх в Кагольник городок, а после себя приказал в Черкасском вору Янке Гаврилову, чтоб убить атамана Корнила Яковлева и иных старшин для того, чтобы де ему, Янке, до ево Стенькина прихода быть в войску первым атаманом. И Янка де, отпустив ево, Стеньку, с Черкасского городка, спустя неделю, перед Николиным днем [6 декабря], с советники своими, вздев на себя пансыри, пошли с кинжалы к Корнилову двору. И милостию де божией ис тех воров один прибежал на Корнилов двор наперед и учал у избы бить в окно и сказал, что вор Янка с товарищи идут ево, Корнила, убить...» После этого Гаврилова убили.

Это наиглупейший, просто безумный какой-то поступок Разина: в такой сложной ситуации уехать из Черкаска, в чем не было никакой особенной необходимости. Зачем уехал? Историки и романисты как-то совсем не уделяют внимания этому эпизоду — ключевому в разинской гибели. Пишут обычно, что Разин счел, что в Черкасске все нормально, и отбыл готовиться к новому походу. Но как мог он, планируя переворот в Войске, взять и уехать?! Не хотел участвовать в убийстве, чтобы все свалить на Гаврилова? Такая мотивация возможна, — но ее должна была перевесить необходимость присутствовать на месте в «час X», чтобы за всем проследить и чтобы воодушевить свою партию. Может быть, Гаврилов все это пытался учинить самовольно?

А что, если ничего вообще не было? Гаврилов вовсе на Яковлева не нападал, а наоборот? Калуженин брал от Разина взятку, теперь прибыл послом в Москву — что он должен был говорить? Что просто так убили некоего Гаврилова с его людьми, убили вместо того, чтобы арестовать? Нам кажется, что Калуженин солгал. (Дело тут не в симпатии или антипатии к Разину и Калуженину, а в убедительности поступков действующих лиц.)

Никакого переворота Разин не замышлял, уверенный, что купил черкасскую администрацию взятками, преспокойно уехал, никакого поручения Гаврилову не давал, Гаврилов никого убивать не собирался, никакой «милостию де божией» преступный казак в окно Яковлеву не стучал. Просто старшина хорошенько посовещалась, «ястребы» переубедили «голубей», и Гаврилова убрали, чтобы разинская партия в Черкасске осталась без вожака, то есть развалилась. Сочинить якобы имевшее место покушение на себя, чтобы оправдать убийство противника, — старая как мир политическая игра.

Калуженин: «И вор Стенька Разин да с ним Федька Шелудяк, которой был в Астарахани, да царицынских стрельцов с 30 человек ушли на Царицын». Когда ушли — до убийства Гаврилова и разгрома их партии или после, — неясно. По логике, наверное, сразу же после, и не ушли, а бежали; поняли, что мира с Черкасском не будет, а в Царицыне надеялись набрать оружия и людей и с ними вернуться. В Кагальнике остался за атамана приехавший только что из Самары Леско Черкашенин. (Неизвестно, где был в это время Фрол Разин — наверное, в Царицыне.) Сколько народу населяло тогда Кагальник — абсолютно непонятно. Есть показания в Валульской приказной избе от 17 марта 1671 года крестьянина Трофима Иванова (Крестьянская война. Т. 3. Док. 27), где говорится, что весной с Разиным в Кагальнике было 500 человек, да еще четыре тысячи он куда-то отправил с братом Фролом. Но, во-первых, никаких подтверждений тому, что у Фрола было четыре тысячи человек, нет; во-вторых, речь идет о весне, а Разин уехал в Царицын еще в декабре.

Зато известно, сколько человек смогла мобилизовать черкасская старшина, — пять тысяч. Где-то во второй половине декабря был собран круг, казаки целовали крест и клялись, что все они против Разина. Калуженин: «И, укрепясь крестным целованьем, пошли по грамоте великого государя вверх за воров за Стенькою до Кагольника для промыслу за ним... и, пришед казаки в Кагольник, старшин ево, Стенькиных, побили и в воду пометали... А побив старшин, взяли ис Кагольника 3 пушки да бочку зелья, что привез Стенька, да жену ево, Стенькину, да брата ево Фролкову жену, и привезли в войско. А инова никакова народу не было, а взяли войском рухляди немного да 2000 золотых червонных...» Был убит и Черкашенин. Что касается жены Разина — никаких упоминаний о ее дальнейшей судьбе не существует. Но поскольку ее сын и разинский пасынок Афанасий остался цел и невредим, надо думать, что и ее не тронули; взята она была в качестве заложницы.

Новости между Доном и Волгой курсировали быстро: Разин наверняка

очень скоро узнал о событиях в Кагальнике. Некоторое время он отсиживался в Царицыне. Калуженин сообщает, что к нему присоединился и Шелудяк, которого «астараканские юровские татаровя хотели поймать и послать к великому государю». Шелудяк, по его собственным показаниям в июле 1672 года (Крестьянская война. Т 3. Док. 187), поссорился с астраханцами «за ограбленные животы». (Есть также разные версии о его взаимоотношениях с атаманом Алексеем Каторжным, бывшим в то время в Астрахани, — то ли они сотрудничали, то ли наоборот.) В Царицыне его, однако, сразу выбрали атаманом. Попробовали бы не выбрать, если Степан Тимофеевич этого хотел...

Разин пытался собрать войско, но не очень преуспел. Калуженин: «... перед поездом де его, Родионовым, к Москве (то есть в начале января 1671 года. — М. Ч.) приезжали в Черкасской 2 человека хохлачи и сказывали, что с вором Стенькою астараканских и самарских и саратовских и черноморских стрельцов будет з 2000 человек или мало больши. И те бегут на Дон». Зато осведомители из Царицына охотно делились сведениями с черкасской администрацией. Калуженин: «А подлинно им, Родиону с товарищи, ведомо, что вор Стенька помирился с калмыцким с Оюкаем тайшею на том, что ему, Оюкаю тайше, с улусными своими людьми и с ним, вором Стенькою, идти под государевы украинные города соопча войною. А едисанских улусов прельщает он, вор Стенька, чтоб они шли с ним по государевы украинные города, а он им отдаст полон весь, который имал у них на войне. А им де, Родиону, подлинно ведомо, что у него, вора, того их полону на Царицыне нет ни одного человека. Да и в Запороги де хотел он, Стенька, послать прельщать, чтобы шли на государевы города, а писал к ним о том, что будто ево, Стеньку с товарищи, и их запорожских казаков, хотя бояря сводить з Дону и з Запорог».

Это последнее пребывание Разина в Царицыне трагично — рушатся планы один за другим, — но для описания скучно, и писатели что-нибудь придумывают. С. П. Злобин, например, придумал, будто Разин наконец-то понял, какой дорогой надо идти на Москву: «Изюм, Тор, Чугуев, Змиев, Царев-Борисов, Балыклея, Мелефа [Балаклея, Мерефа] — все это были города, в которых вместо воевод сидели теперь разинские есаулы, города, которые крепкой рукой держал атаман Фрол Минаев». Брата же своего Фрола Разин ненавидит. Потом Минаев гибнет — и рушится вся жизнь Разина. Иногда мифотворчество бывает интересно даже безотносительно к герою мифа, само по себе. Минаев никогда не держал никаких городов и переметнулся на другую сторону. Он прожил долгую благополучную жизнь, многократно был избран войсковым атаманом, никто никогда не

вспоминал о его кратковременном увлечении разинщиной. У Шукшина, например, он всегда был врагом Разина. Но вот одному автору нравится почему-то один персонаж, а другого он невзлюбил — и так создается миф. Хорошо, если автор — беллетрист, а если историк?

Ко второй половине января Разин все-таки собрал достаточно людей, чтобы предпринять штурм Черкаска. Теперь-то он, надо полагать, жалел до слез, что не занялся Черкасском раньше. «Распросные речи» в Валуйской приказной избе 17 марта 1671 года крестьянина Трофима Иванова, который жил в Кагальнике, занимаясь рыбным промыслом (Крестьянская война. Т. 3. Док. 27): «И ныне де во 179-м году после Богоявления господни пришол на Дон вор Стенька Разин в городок Кагольник со всем своим воровским собраньем и привез с собою пушек с 30. И с тем де своим воровским собраньем ходил он, Стенька, под Черкасской донской городок, чтоб ево взять, а с ним де было воровского ево войска тысячи с 3 и большпи... И ис под Черкасского городка пришел в Когольник по прежнему, а над городом ничего не учинил, потому что ис Черкасского де городка по ево воровскому собранью стреляли ис пушак и в город ево не пустили. И он де, вор Стенька, хочет построить город на усть Данца Северского в Роздорах, чтобы никаких людей з запасом и дровами сверху не пропустить и Черкасской городок тот выморить. Да тот же вор Стенька со своим воровским собраньем со всеми астраханскими татары и колмыки хочет приходить под Воронеж и под Коротояк и под иные великого государя городы».

Это была еще одна большая ошибка Разина: теперь и Черкасск окончательно понял, что жить «параллельно» не получится, кто-то должен взять верх. Но Разин, кажется, от мысли управиться с Черкасском отказался, надеясь, вероятно, сохранить статус-кво до весны — а весной, как пообещал Усу, приедет в Астрахань. Об этом говорится в показаниях боярского сына Алексея Ларина (Крестьянская война. Т. 3. Док. 208. 26 июля 1672 года), которого Ус прислал к Разину спросить, что делать с казной, хранящейся в Астрахани.

Он, как и раньше, слал свои предложения всем кому только можно: опять Дорошенко, который, как сообщалось, письмо его изорвал в клочки, крымскому хану, даже жившим в Персии татарам — так утверждает Стрейс, бывший в это время в Персии: «11 апреля привезли в Шемаху видного казачьего начальника. Он был отправлен вместе с тремя другими послами к принцу Булату, князю черкесских татар, чтобы склонить его придти с войском на помощь их господину, Степану Разину, за что тот не только пощадит его самого и страну, но и вознаградит богатыми дарами и

подарками. Принц почел себя настолько оскорбленным таким посольством и предложением, что тотчас же обезглавил троих послов и выбросил их тела орлам и воронам. Головы их он велел набальзамировать и положить в мешок и принудил оставшегося в живых четвертого положить мешок на коня и отвезти шаху. Этого казака или, вернее, русского, перешедшего к казакам, я довольно хорошо знал в Астрахани... В Исфагане его бросили в ужасную тюрьму, наложив цепи и оковы на руки и ноги; но впоследствии его отпустили, ибо он открыл шаху много важных и достойных внимания дел. Два года тому назад Стенька Разин послал семерых послов к персидскому королю, поэтому я весьма удивился, что Стенька в другой раз отправил туда послов». А чего уж так удивляться — политика дело такое, за два года много чего перемениться может... Но на сей раз не переменилось.

Из показаний Трофима Иванова: «И при нем де, Трошке, приезжали к нему, вору Стеньке, ис под Астарахани колмыцких улусов посланники 2 человека, чтоб им кочевать по Дону, и говорили де ему, вору Стеньке. — Как он пойдет в Русь, а их де колмыцкое войско все готово». Давно уже, кажется, можно было понять, что от калмыков ничего, кроме слов, не дождешься, — а он все надеялся... «А с ним де, Стенькою, в Когольнике воровского ево собранья с 500 человек, а з братом де своим с Фролкою отпустил он тысячи с 4 после Богоявления господня». Четыре тысячи, конечно, число преувеличенное, но с какими-то людьми он брата в Царицын, видимо, отправил.

Разин просидел в Кагальнике довольно долго: единственная информация о том, чем он там занимался, исходит от Трофима Иванова: «И которые де городки по Дону от Черкасского до Есаулова городка великому государю крест целовали, и он де тех городков жителей своим воровством прельстил, а которые к ево воровской прелести не пристали, и тех людей пометал он в воду...» В приговоре об этих убийствах, впрочем, не упоминается, и Иванов, сидя в Кагальнике, наблюдать их не мог — но, наверное, слышал от людей, лгать ему вроде бы незачем.

А. Н. Сахаров толкует это на свой лад: «Бежали радостно люди по дворам, наводили его на домовитых прожиточных казаков. В другое бы время Степан послал своих товарищей, чтобы покололи врагов. Теперь же рвался сам на расправу, входил в дом, молча с выдохом рубил саблей, переходил в другой дом, а следом за ним неся надрывный крик женки, орущей над зарубленным мужем. В другом месте хватал изменника за бороду, валил на пол, бил сапогом в сумасшедшие от страха глаза, приказывал тащить к Дону, топить в проруби. Вопил изменник, молил о

милости. Но ни одного не помиловал в те дни Степан, смотрел со злой усмешкой на муки врагов своих, мстил, тешился». Вот дались же всем советским авторам эти домовитые! В словах Иванова на какие-то нападения по имущественному признаку и намека нет. Тех, кто «к ево воровской прелести не пристали», разинцы не щадили и прежде, абсолютно ничего нового тут нет. О Разине всегда писали: «побил, в воду посажал», имея в виду, что это сделали по его приказу. Разница, конечно, небольшая. И все же она есть: перед нами предстает какой-то обезумевший маньяк. Это может соответствовать действительности. Но может и совершенно не соответствовать.

Наживин хотел отождествить Разина с большевиками, хотел возненавидеть, но вскоре поддался обаянию атамана и подчас писал о нем мягче, нежели советские авторы; к концу книги он, похоже, спохватился и нарисовал совершенно дьявольскую, кошмарную сцену — детям, женщинам и слабонервным лучше не читать:

«В одно мгновение Родивон [Калуженин] был связан. Степана мутило от бешенства: рано еще отходную ему читать стали!..

— Эй... затопить печь в пекарне!.. — крикнул он. — Живо... И волоки его туда, собачьего сына...

— Ого-го-го-го... — как леший, загикал Алешка Каторжный, который любил всегда идти как можно дальше, чтобы возврата никому не было. — Вот это по-казацки!..

Весь Кагальник, задыхаясь от волнения, густо сдвинулся к пекарне у перевоза. В огромной печи уже полыхал огонь. Никто еще толком не знал, что будет, но уже как-то все предвкушали сладость безмерного ужаса. «Братцы, ради Христа... — шелестел омертвевшими синими губами Родивон. — Пожалейте малых детей... Ведь я такой же казак... Велел круг ехать, так как же я могу упорствовать?.. Братцы!..» Но никто его не слушал...

Степан налитыми кровью глазами — они всегда были у него в пьяном виде красные — поглядел в рыжие вихри огня в печи.

— Бросай его в огонь!.. — чувствуя привычное в таких случаях кружение головы, крикнул он. — Живо!

Все ахнули. И жадно сгрудились к пекарне ближе.

— Братцы, ради Христа...

Напряженная топотня ног по глиняному полу, суетливые переговоры низкими голосами, мольбы замирающие и вдруг душу раздирающий крик. Огонь, извиваясь и дымя, быстро раздел Родивона, веревки, перегорев, лопнули и, весь черный, уже безволосый, в тлеющих тряпках, он вдруг

полез из огня назад.

— Не пускай, черти... — крикнул Алешка. — Испугались? Пихай назад!..

Дрючками запихали горящего Родивона в огонь и чело печи забросали дровами. Печь заревела, и густая вонь разлилась по всему берегу.

— Видели? — торжественно обратился Степан к омертвевшим товарищам сгоравшего Родивона. — Ну, вот идите назад и скажите Корниле, что всех их так жечь буду, которые близко подойдут к Кагальнику. И ему то же будет, — не гляди, что крестный... А теперь — гэтъ, и швыдче!..

И началась дикая, ревущая, блюющая и сквернословящая попойка по всему Кагальнику».

Каторжный был в Астрахани. Калуженин жив-здоров и проживет еще долгую жизнь. Это такая же странная фантазия, как у Шукшина о том, что Разин в молодости зарезал девушку в лесу. (А что там у самого Шукшина Разин сейчас делает? А у него занудный мужик Матвей все учит Разина, что надо плюнуть на казаков и воевать силами крестьян.) А вот откуда придумка взялась. Царская грамота — «Скаска всяких чинов людям» — от 15 января 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 166) посвящена в основном событиям в Астрахани, но упомянут там, естественно, и Разин, перечислены в очередной раз его вины (про вербу почему-то забыли) и есть такая фраза: «Стенька... презрил долготерпение божие и государе — кую премногую милость... будучи в Кагальнике, чинил горше прежнего, чего и бусурманы не чинят, православных христиан в печи жег вместо дров». Это из того же разряда, что голые инокини и убиенные младенцы. Никаких документов «снизу» нет. А. Н. Сахаров благоразумно не придал этой фразе значения, Костомаров дал сноску на документ, а С. М. Соловьев без всякой сноски писал: «Стенька свирепствовал, жег попадавшихся ему врагов в печи вместо дров».

У Сахарова «завертелась в городке обычная за эти годы предпоходная жизнь, уходили люди, приходили люди, свозили в городок запасы, переправляли их в Царицын, готовили к весне новые речные струги, ковали оружие. И все, что нарастало к новому походу, не держал Разин в Кагальнике, переправлял на Царицын. Ушли туда с Фролом несколько сотен казаков, увезли пушки. А в Кагальник шли новые люди, принимал их Степан, вооружал...». Может, оно и так. Но начиная примерно с осени 1670 года в большинстве документов — и «сверху» и «снизу» — упомянуты не «Стенька и воровские казаки», а «Стенька и астраханцы, царицынцы, самарцы, черноморцы» и т. д. Это может свидетельствовать о том, что

казаков с Разиным уже давно почти не было — им хватило поражения под Симбирском, — а остались с ним посадские люди и бывшие стрельцы. Это также может свидетельствовать о том, что казакам идея войны с боярами, не говоря уже о том, чтобы установить по всей стране казачий образ правления, была довольно-таки безразлична — не так уж сильно бояре их беспокоили, есть свободный Дон, а остальная Русь пусть хоть пропадом пропадает, — а приняли разинские идеи по-настоящему только горожане. Хотя, возможно, главную роль сыграла разница положений. Казаки могли спокойно вернуться на Дон, зная, что ничего им не будет. Горожанам, включая мятежных стрельцов, надеяться, кроме своей победы, было не на что.

Костомаров: «...когда Стенька прибыл на Дон, не побывав наверху у государя в Москве, как обещал, не истребив бояр, как надеялись, но, разбитый боярами, покинув на кару соблазненный народ, тогда Корнило стал действовать против него решительнее и успешнее отвлекал от него сторонников. Весь Дон стал настроен против Стеньки... козаки не хотели отважиться на дело, которое уже раз было проиграно и, по всем вероятностям, не могло удалиться в другой раз». А в конце января из приказа Казанского дворца пришла бумага в Войско (Крестьянская война. Т 3. Док. 1) о полном прощении вины казакам, если поймут Степана и Фрола Разиных. Но Черкасск опять медлил. Почему?

Некоторые области между тем до сих пор не успокоились. Тогда же, в конце января, воеводы И. Бутурлин и Б. Мышецкий потерпели серьезное поражение от Никифора Чертока и его «товарыщей» под Тамбовом; радовался, правда, Черток недолго: 8 февраля он был разбит под селом Кузьмина Гать. Бутурлин (Крестьянская война. Т 3. Док. 8): «А село Кузьмину Гать и село Бойкино велели мы, холопи твои, государь, разорить и выжечь без остатку». Черток и некоторые его люди бежали на Дон. 14 февраля вышел указ о переписи населения в Тамбовском уезде; специальным актом запрещалось «ратным людям» брать военнопленных в рабство. Казнили на Тамбовщине не очень много — в основном ограничивались руками, ногами, пальцами.

А вот почему медлил Черкасск: как ни странно, боялся. 28 февраля Яковлев от имени всего Войска написал челобитную в приказ Казанского дворца (Крестьянская война. Т. 3. Док. 21. 4 марта 1671 года. Грамота воеводе Ромодановскому из Разрядного приказа): «Вор и отступник и изменник Стенька Разин, собравшись с единомышленниками своими с такими же ворами, каков и сам, приходил на Дон под Черкасской городок и стоял под Черкасским неделю, и их всякими своими воровскими прелестями

прельщал, чтоб ему лестью войтить в город их, старшин, побить, а в войску учинить многую смуту. И мы де за малолюдством не токмо за над ним, вором, промысл учинить, — и себя уберечь некем». Странно: только что у Яковлева было пять тысяч человек, с которыми он легко взял Кагальник, а теперь откуда-то учинилось «малолюдство». Костомаров: «Видно, Стенька тогда возбудил против себя большую вражду в Черкаске; донские козаки никогда не решались приглашать к себе московские войска: это было противно их постоянному желанию сохранить свою льготность и независимость от власти».

Чего уж так боялся Черкасск? Сколько людей могло быть в Кагальнике? Вспомним показания Трофима Иванова: «А с ним де, Стенькою, в Когольнике воровского ево собранья с 500 человек, а з братом де своим с Фролкою отпустил он тысячи с 4... Да у него же, вора Стеньки, изготовлено 10 стругов, а иное де войско готовит он конницею...» Это мартовское сообщение, а вот апрельское — допрос в Острогжской приказной избе пленных казаков Е. Дмитриева и О. Степанова (Крестьянская война. Т. 3. Док. 40): с Разиным в Кагальнике всего 40 человек «боевого люду» и 100 бурлаков. «А брат его Фролка в Царицыне за караулом, а с ним людей тысячи с полторы».

Но сколько бы ни было народу с Фролом в Царицыне — на помощь Кагальнику, если на него внезапно нападут, они бы не успели. С Разиным было максимум 500 человек. Возможно, Яковлев просто действовал по уму, распространяя, как раньше Разин, пропаганду, убеждавшую последних разинских сторонников переходить на сторону силы, и ожидая, пока противник не останется совсем один. Спокойно, без убийств, не рискуя своими людьми. Однако этой благостной картине противоречит приглашение московских войск. Такое унижение, такая потеря лица — из-за чего? Из-за жалких пяти сотен человек в разрушенном Кагальнике? Тут возможны две версии. Рационалистическая: Разин все-таки каким-то образом сумел убедить Черкасск (он-то в пропаганде был дока), что за ним стоят несметные армии на Волге и полчища воинственных калмыков. Иррациональная: люди XVII века, Яковлев и его есаулы действительно верили, что Разин колдун и трогать его страшно, — пусть лучше воеводы этим занимаются.

4 марта Ромодановский объявил, что отправляет на Дон ловить Разина полковника Г. И. Косагова; с ним выступят тысяча рейтар и тысяча драгун из Севского и Белгородского полков. Собирались они почему-то очень долго. Вскоре появились слухи, будто донцы схватили Разина, но почему-то держат у себя и никому не отдают; проверили — ничего подобного. Март,

если верить документам, прошел без особенных событий, только Тамбовщина никак не унималась.

1 апреля царь потребовал от Ромодановского, чтобы Косагов уже наконец отправлялся на Дон. От этого же числа отписка Ромодановского в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 3. Док. 36): «Крестопреступник и изменник вор Стенька Разин с своим воровским собраньем и с колмыки и с астраханскими татарами хотят приходить под Воронеж и под иныя твои великого государя украинные города»; в тот же день последовал приказ Ромодановскому послать людей для разведывания застав Разина на Дону. От того же 1 апреля отписка в Разрядный приказ воронежского воеводы Бухвостова (Крестьянская война. Т. 3. Док. 37): некий казак сообщал, что «ныне де вор Стенька и брат его Фролка стоят на Царицыне». Но казаки Дмитриев и Степанов (см. выше) сказали в первых числах апреля, что Разин в Кагальнике и у него 40 человек. «А брат его Фролка в Царицыне за караулом, а с ним людей тысячи с полторы, которых он на государственных посадах набрал, и оне де послали к великому государю к Москве с повинною; а которое де войска при нем было, а то де войска пошло к Корнею Яковлеву в Черкасской». В общем, судьба этого Фролова войска то ли в полторы, то ли в четыре тысячи человек так и неясна. Оно как-то растворилось. Никифор Черток в начале апреля тоже ушел с Дона и с небольшим отрядом был замечен на Хопре; о его дальнейшей судьбе нет сведений, но почему-то кажется, что этот ловкий человек сумел уйти и где-нибудь дожить свою жизнь — может, в покое, а может, в разбое. (Его семья была отправлена в ссылку в Холмогоры.)

12 апреля патриарх Иоасаф в торжественной обстановке предал Разина анафеме. Странно, что это не было сделано раньше. Последние сочувствующие стали от атамана отшатываться.

Правительство, однако, в силу анафемы совершенно не верило, а верило в силы военные, дипломатические и экономические: на следующий день, 13 апреля, из Разрядного приказа послали грамоту усманскому воеводе К. Веревкину (Крестьянская война. Т. 3. Док. 44) с требованием запретить всякие торговые сношения с Доном. Дипломаты и шпионы пытались выяснить намерения крымского хана — тут новости были неприятные. Из «расспросных речей» в Посольском приказе (Крестьянская война. Т. 3. Док. 79) молдавского дипломата на русской службе Николая Спафария: «И будто уж усматривает он, хан, как бы ему с Стенькою и с астраханскими и нагайскими татарами и со всем Крымом ударить на Московское государство войною». С другой стороны, извечные враги, поляки и литовцы, выразили намерение помочь ловить Разина

(Крестьянская война. Т. 3. Док. 31); даже Дорошенко, понявший, что Разину конец, решил примазаться к делу — 19 апреля в Малороссийском приказе греческий архиепископ Манасий рассказывал (Крестьянская война. Т. 3. Док. 50), что Дорошенко ему сказал: «Естьли де к нему изволит царское величество указ свой господарской прислать, и он и Стеньку Разина к его царскому величеству по прежнему в подданство наговорит и привратит...» Косагов 9 апреля наконец-то вышел с частью войска на Дон, остальные силы собирал по городам, так что двигался еле-еле. Конец апреля — очередные приказы городам не торговать с Доном. И вот вдруг...

Отписка донского войскового атамана Логина Семенова в приказ Казанского дворца (Крестьянская война. Т. 3. Док. 52. Между 25 апреля и 4 мая 1671 года) о том, что Яковлев со станицей в 76 человек везет плененного Разина в Москву: «По твоему великому государя указу и по грамоте ходили мы, холопы твои, всем войском вверх по Дону до Кагальника городка для вора и изменника Стеньки Разина с товарищи. И божию милостию и твоим великого государя счастьем Кагальник городок со всеми куренями сожгли, а ево Стенькиным старшинам по своему рассмотрению указ учинили. А те, государь, казаки, с ним, вором, сидели в Кагальнике поневоле, мы, холопы твои, и тем казаком наказание дали под смертной казнию и велели им селитца в ьном месте для того, чтоб иные впредь так не делали и не воровали б. А брата вора и изменника Стеньки Разина Фролка верховые атаманы и казаки, поймав, прислали нам в войску».

Позднее выяснилось, что Разин был взят 14 апреля. Как его брали — тут пишут кто во что горазд. «Европейский дневник, продолжение двадцать третье»: «21 мая из самой Москвы написали, что главарь мятежников Степан Разин был захвачен москвитями, когда он навещал жену и детей в городе Кагальник. Казак Корнила Яковлев, узнавший от своих лазутчиков, сразу же окружил этот город и на следующий день совершил большую атаку. Когда она была отбита, он отправил из своего лагеря посланца к мятежнику и велел спросить, не хочет ли тот добровольно сдаться и сдать город. Посланца этого [Разин] велел сразу же казнить. Подобная жестокость, противоречащая законам всех народов, так возмутила [Яковлева], что тот начал новый, еще более решительный штурм города, взял его силой, а упомянутого мятежника поместил на корабль и отправил к великому князю». Если это верно (за исключением корабля, конечно), то получается, что Разин жил в последнее время не в Кагальнике, а в Царицыне, а жену использовали как приманку — ее ведь раньше-то увезли в Черкасск. Наживин:

«— Степан, в последний раз говорю: повинись!.. — сказал громко Корнило. — Не проливай зря крови христианской... Поедем вместе в Москву, к великому государю, и ты сам скажешь ему, какие обиды искусили тебя на воровство... Брось — все равно твое дело проиграно...

Наступило напряженное молчание. Степан, опустив саблю, повесил голову. Многие из его окружения в отчаянии бросили оружие. Он хмуро, как затравленный волк, вышел вперед и с искаженным лицом отдал свою дорогую турецкую саблю Корниле. Алешка Каторжный, уже на том берегу, торопливо уходил со своими к Камышинке, на вольную волюшку... Корнило моргнул казакам, и веревки быстро и жестко опутали все тело Степана. Он не поднял глаз и тогда, когда подвели связанного Фролку». Костомаров: «Стенька мало верил таким убеждениям, но повинился из отчаяния, потому что дело его было окончательно проиграно, а жизнью он не дорожил».

А. Н. Сахаров: «А дом тайно окружали домовитые казаки, подвигались со всех сторон, а потом разом кинулись в двери, ударили в окна, успел только Степан выстрелить раз, рубануть саблей по чьему-то телу, как навалились на него со всех сторон, стали хватать за руки. Но еще много силы было в Разине, двинул он плечами, посыпались казаки и тут же молча бросились снова на него, упали под ноги, сбили на пол. Крутился Степан между ними, кого кулаком доставал, кого ногой, но уже придавили его к полу, насели сверху и тут же резанули руки железным ужом, закрутили, связали...»

В общем, как ни странно, толкового рассказа о том, как же взяли Разина, не было. И только в 1688 году станичный атаман Осип Михайлов, участвовавший в деле, вспоминал (Крестьянская война. Т. 3. Док. 313), что Яковлев своего крестного сына «дровяным и камышным сухим приметом в Кагальнике городке добыл: как де учили приходить блиско и приметывать дрова и сухой камыш к городской стене, и он де, вор Стенька, увидя то, что вскоре тот городок зазжен будет, здався и из городка вышел».

Почему Яковлев вдруг решил сам напасть на Разина, когда уже шел на помощь Косагов? Может быть, испугался новой экономической блокады Дона. А может, видя, как мало людей осталось у Разина, уже сто раз пожалел, что звал Москву на помощь, и не захотел отдавать другому лавры победителя и награды. Но могли быть и какие-то иные мотивы. Никто ведь ничего не знает о черкасской верхушке — была ли она монолитна или в ней царили разногласия и побеждало то одно мнение, то другое. Возможно, кто-то из старшин в колдовство Разина всерьез верил, а кто-то (Яковлев) — не особенно...

А. Н. Сахаров пишет, что Фрола взяли не в Кагальнике, а в Царицыне. Это не исключено, хотя большинство источников утверждает, что братьев арестовали вместе. Автор анонимного «Сообщения...» пишет, что и Степана Разина схватили близ Царицына. Из донесения Логина Семенова: «А брата вора и изменника Стеньки Разина Фролка верховые атаманы и казаки, поймав, прислали к нам к войску». Наверное, так и было — иначе зачем себя лишать такой заслуги. Несколько дней братьев держали в Черкасске, причем Фрола в тюрьме, а Степана в церковном притворе Черкасского собора — чтобы колдовская сила ослабла. Касательно других людей из разинского близкого окружения, бывших с ним в Кагальнике, Логинов прибег к эвфемизму «по своему рассмотрению указ учинили», но Москва этот язык понимала хорошо. Грамота из приказа Казанского дворца кадомскому воеводе А. Вышеславцеву от 11 мая 1671 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 56): «А товарищев ево единомышленников воров же в Кагальнику и в Черкасском всех побили и перевешали...» Сколько было этих единомышленников — нигде нет даже приблизительной цифры.

Между тем беспорядки на Тамбовщине продолжались, новое восстание полыхнуло в Пензе, Саратов и Самара с Царицыном в руках мятежников, в Астрахани вообще творится бог знает что. И мая там по какой-то причине начался террор. Митрополита Иосифа обвинили в тайной переписке. Допрос в астраханской Приказной палате есаула Алексея Грузинкина (Крестьянская война. Т. 3. Док. 219): «Как де Стенька Каченовской с ворами приехали с Царицына в Астарахань и, собрався в круг, преосвященного Иосифа митрополита, взяв из соборныя церкви, в кругу роспрашивали, и говорили, что он переписывается с Терekom и с Доном. И он де, Алешка Грузинкин, да палач Ларька Иванов да салдат Сенька Сука, да казаки Куземка Шаров, Андрюшка Каржонок, Стенька Толстой с товарыщи, человек с 20, взяв митрополита из кругу, на зелейном дворе жгли на огне; и взвели на раскат и положи на край раскату, пихнули». Убили Львова, еще несколько десятков человек из бояр и зажиточных посадских, имущество разграбили. Кто и зачем это организовал?

Федор Шелудяк (его не было в Астрахани в момент этих событий) утверждал на допросе, что послал с астраханцем Степаном Каченовским письмо с просьбой поставить охрану у дома митрополита, а Каченовский почему-то письмо уничтожил и велел все сделать наоборот. Каченовский на допросе 13 июля 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 195), естественно, это отрицал и говорил, что в письме содержался приказ убить митрополита. Тот и другой давали показания под пытками (допросов без пыток в разинском деле вообще не было). Верить ни тому, ни другому

оснований нет, но кто-то же из них говорит правду. Непонятно, зачем бы Шелудяку, человеку вороватому, предприимчивому, весьма рациональному, потребовалось убийство митрополита и Львова. Ведь их благополучная жизнь в Астрахани придавала казачьей власти оттенок легитимности; на худой конец их можно было использовать как заложников при осаде города. Эти убийства — совершенно дикие и бессмысленные. «Простые люди», вероятно, поверили, что митрополит им «изменил», были они дикие, иррационально мыслящие, неспособные видеть на два шага вперед, но верхушка-то о чем думала? Какова была роль Уса? Допрошенные по делу не упоминают о нем, но в отписке Я. Одоевского (астраханского воеводы) в приказ Казанского дворца от 26 июля 1672 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 208) утверждается, что Ус и организовал круг, на котором было принято решение убить Иосифа. Вспомним, что серия диких убийств произошла и сразу после ухода из Астрахани Разина, когда Ус только-только стал правителем Астрахани. Можно предположить, что именно Ус был жесток и кровожаден, однако при первых убийствах Шелудяк был в Астрахани тоже... Загадка эта неразрешима — разве что каким-нибудь чудом отыщется письмо Шелудяка.

21 мая Разиных привезли в Курск; по приказу Ромодановского их охрану (76 казаков, напомним) усилили несколькими подводами и солдатами. В Серпухове к станице прибавилось еще 100 стрельцов во главе с сотником Е. Терпигоревым. Грамота Яковлеву из Разрядного приказа (Крестьянская война. Т. 3. Док. 73. 28 мая 1671 года): «Однолично б у тех воров сторожа была самая крепкая, чтоб те воры в дороге и на станех сами они над собою какова дурна не учинили и до Москвы б довести их вцеле, и никого к ним припускать не велел». Почему-то первоначально в грамоте было написано «А дорогою б шли неспешно, на день итить верст по семи и по осьми», потом вычеркнуто. С чего вдруг царь сначала хотел, чтобы пленных везли «неспешно» — бог знает.

Почему Разины еще до ареста «сами над собою какова дурна не учинили»? Ну, допустим, Фрол и вправду был трусоват — но пытки-то страшнее. Ну, допустим, его застали врасплох. Но у Степана-то Тимофеевича, осажденного в Кагальнике, было время заколоться или застрелиться. Он считал самоубийство бóльшим грехом, чем все совершенные по его приказу убийства? Какая-то несерьезная причина для такого человека. Из анонимного «Сообщения...»: «Весь долгий путь он был оболещаем надеждой, что будет говорить с самим великим государем и перед ним изустно защитит дело свое. Стеньке всегда казалось, что ему многое что надобно сказать государю, а тому важно сие знать». Автор

«Сообщения...» вряд ли мог знать о мыслях Разина — разве что тот делился ими со стражей, а стража потом поделилась с другими людьми. Неужели впрямь мог еще на что-то надеяться? После всего, что было? Но человек в отчаянном положении часто лелеет совершенно безумные надежды... Мог, например, думать, что сделает царю какое-нибудь заманчивое предложение, например завоевать Персию, и тот согласится... У Злобина он, конечно, думает о другом: «Вот рядом с казачьей землей рождает земля, а наша бесплодна. Потому-то и дают бояре нас хлебом... Нет, отныне пахать, братцы, земли донские!» (И скоро действительно начнут пахать и весьма в этом преуспеют.)

Разин не мог знать, что в конце мая — начале июня была новая попытка взять Симбирск (Крестьянская война. Т. 3. Док. 101. 25 июня 1671 года. Грамота Яковлеву из Посольского приказа): «Воровские казаки, собрався с Белого Яру, приходили под Синбирск в 70 стругах полтретьи тысячи [2500] человек, да того ж числа [29 мая] приходили с Самары конные и пешие с 1000 человек с атаманом с Ывашком Константиновым, да с низу приходили ж воровские астраханские, красноярские, черноморские, царицынские, саратовские, самарские жители с 300 в 70 стругах». Они, конечно, тоже не знали, что Разина везут в Москву. Зачем волжанам в той ситуации надо было брать Симбирск? Просто из подражательства Разину — «куда крестьяне, туда и обезьяне»? Но что еще им было делать, если они не хотели сдаваться? Они могли надеяться только на установление такой ситуации, когда им принадлежала бы Волга и они могли бы говорить с позиции силы.

С этой второй осадой Симбирска есть одна серьезная неясность, и она опять же связана с Шелудяком. По его показаниям выходит, что сначала «из Астарахани астраханцы с воровскими казаки пошли под Синбирск вдругоряд, и у них в то время был атаманом стрелецкой пятидесятник Онтошка Федоров да Ивашко Красулин» (никакого атамана Константинова Шелудяк не упоминает), потом он послал с Каченовским письмо, а потом «с ворами, с астраханцы, и с саратовцы» и т. д. пошел под Симбирск. Однако в отписке Одоевского говорится, что убийство митрополита произошло, когда Шелудяк из-под Симбирска бежал уже обратно на Волгу, то есть получается, что Шелудяк был под Симбирском в начале мая. В выписи Разрядного приказа, сделанной в 1676 году (Крестьянская война. Т. 3. Док. 291), сказано, что Шелудяк и Константинов осаждали Симбирск вместе, то есть происходило это в июне. Документ 166 от 15 января 1672 года — «Сказка всяких чинов людям»: «И он, Федька [Шелудяк], угодник дияволь, собеседник Июдин, предав того архиерея на убиение, яко древний

Июда, вместо сребереников обрадовался тому убиению ради невозбранного входа в Астарахань, пошел с великою надеждою под Симбирск, хотел разорить без остатку, взяв с собою такова ж вора с Самары Ивашка Константинова». А тамбовский воевода П. Хованский 10 августа 1671 года сообщал в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 3. Док. 132), что с Шелудяком под Симбирском было войско в восемь тысяч человек; почему в июньской грамоте Посольского приказа не упоминается ни о такой силе, ни о присутствии такой знаменитой личности, как Шелудяк? Решительно невозможно в этом разобраться. Может, Шелудяк ходил под Симбирск несколько раз.

Разин между тем приближался к Москве. Марций: «Он не достиг еще города, когда навстречу были высланы две тысячи стражи, чтобы охранять его покрепче: они схватили его, надели оковы на шею и ноги и поставили под виселицу, возвышавшуюся прямо на повозке. За ним, привязанный цепью, шел его брат Фролко, обвиняемый по тому же делу и тоже закованный, чтобы подвергнуться наказанию наравне с братом». В Москву прибыли 2 июня. Стряпчий Акинфий Горяйнов писал вологодскому архиепископу Симону^[82]: «А ныне, государь, привезли к Москве донские казаки вора Стеньку Разина и с братом, и бояря ныне безпрестанно за тем сидят... А в город он везен: зделана ларь на четырех колесах, по краям поставлены два столба, да поперешное бревно, да над головою ево другое поперешное бревно; то он был на ларь поставлен, чтобы всякому было видно, а к бревнам и к столбам был прикован. А брат ево был прикован к ларе на чепях, а шол пеш, а ноги скованы...» Путешественник Якоб Рейтенфельс (предположительно племянник личного врача царя Алексея Михайловича), находившийся в России с 1671 по 1673 год^[83]: «... изменника ввезли в город прикованным цепями к виселице, на возвышении, точно в триумфальной колеснице, так, чтобы все его видели. За колесницей следовали беспорядочной толпой солдаты и пленники, улицы все были заполнены невероятным количеством зрителей, которых отовсюду привлекло из домов, одних — необыкновенное зрелище или негодование, а многих даже и сожаление».

Все сопровождавшие Разиных казаки получили хорошие награды. Яковлев, разумеется, был награжден лучше всех. Он получил (Крестьянская война. Т. 3. Док. 124. Конец июля 1671 года. Выпись в доклад в Посольском приказе) «40 соболей в 30 руб., ковш в полдвее гривенки, денег 20 руб., камки куфтеру 10 аршин, тафта добрая, сукно лундыш доброй же. Ему ж на отпуске 12 руб., камка кармазин, сукно

лундыш добрые». Награжден был и оружием: «...отпущено из Оружейные полаты... 3 пищали винтованные, стволы шестерики, станки Яблоновые. У одной врезываны раковины в станок по местам, у другой в станок врезываны кости слановые, замки московского дела, на стволах целики и рески и замки золочены по местам. Третья пищаль винтованная, ствол шестерик, станок кленовой, по местам врезываны кости слановые, замок московского дела 173-го году. Четвертая пищаль винтованная, ствол шестерик, по нем тетивки длинные Микифорова дела Кобелева, станок Яблоновой, в него врезываны кости слановые, целики и рески золочены». А также «поденного питья давано им: атаману по 6 чарок вина, по 3 крушки меду, пива тож, ясаулу по 4 чарки вина, по 2 крушки меду, пива тож, казаком по 3 чарки вина, по крушке меду, пива тож...».

Пока казаки пили свой мед-пиво, а Симбирск держал вторую жестокою осаду, Разина начали допрашивать. Его розыскное дело не сохранилось (как нарочно исчезают самые важные документы!) — вероятно, сгорело вместе со всем архивом приказа Казанского дворца в 1701 году. Пытали людей вообще зверски, Разина, конечно, в особенности. Он не давал никаких показаний — так писали даже те, кто относился к нему плохо, как Костомаров: «Перенесши все страдания, не высказав ни одного слова...» или Наживин: «...от Степана ждали все необыкновенных разоблачений о тайных изменах, о зарытых кладах, о страшных заговорах. Но ничего такого он не говорил.

— А ну, подвесь!..

Палачи вздернули его вверх, изодрали всю его спину кнутами, выбились из сил — Степан не открывал своих тайн по той простой причине, что нечего ему открывать было. Сняв с дыбы, его стали жарить на углях — он мучительно стонал, скрипел зубами, но опять-таки не сказал ничего. Ему стали капать на темя холодной водой — пытка, которую не выдерживали и самые сильные люди, — Степан скрипел зубами, стонал иногда как-то всем телом словно, но молчал. Все вокруг него качалось, земля уходила из-под него... палачи били его батогами по ногам, но ничего не открывал Степан».

Марций: «...раз он не мог прибегнуть к оружию, он решил мстить молчанием, и даже пытками не могли принудить его рассказать о злодейских путях и тайнах его преступных дел. На допросах Разин так твердо переносил пытки, что, несмотря на множество избивавших его улик и свидетельств, не мог рассматриваться как избличенный и осужденный на основании собственных своих показаний». Евграф Савельев: «На допросе в земском приказе Разин с гордым видом молчал».

У Злобина царь сам пришел смотреть на пытки:

«— Нашего царя дело едино: пташек травить — в том он смыслит! — глумливо сказал Разин.

— Кнута! — не выдержав, взвизгнул царь.

Он подскочил сам к Степану; крепко вцепившись, выдернул клочок его бороды, бросил на пол и стал исступленно топтать ногами.

Страшные удары кнута снова рушились на спину Разина. Но, теряя сознание, он не сдался и прошептал прерывающимся голосом:

— Запомни, царь... азиатская... птица... холзан...»

Чапыгин:

«На крыльцо вышел сам воевода Земского приказа. Раскинув полы скорлатного кафтана, шарил волосатыми руками в пуговицах шелковых штанов, бормотал громко, отдувался:

— Фу, упарился! Не человек! Сатана, оборотень! Окромья лая, ни слова! Государю не можно казать пытошную запись — сжечь надо».

А. Н. Сахаров:

«— Говори, злодей, кто сподвигнул тебя на воровство, кто помогал, кто был в сообщниках.

— А вы у брата моего Ивана спросите, — только и сказал Разин и замолчал».

Народная легенда объясняет, почему он молчал. «Песни и сказания о Разине и Пугачеве»: «Стенька начальству раз сам дался, руки протянул, и заковали его в железы. После положили и зачали пытать: и иголками кололи, и кошками били, — ничего не берет. Стенька знай только себе хохочет. Вот и выискался один знающий человек и говорит: «Да вы чего бьете-то? Ведь вы не Стеньку бьете, и не он у вас в кандалах, а чурбан. Он вам глаза отвел, да и хохочет». Сказал этот человек такое слово, — глядит начальство, ай в самом деле не Стенька лежит, а чурбан. Ну, после Стенька уж не мог вырваться; положили его при том человеке, стали бить, — пробрали. А то бы он вовсе глаза отвел».

Были ли сторонние очевидцы допросов? Русские если и были, об этом ничего не известно. Некоторые иностранцы были свидетелями казни (которая тоже началась с пыток). Вряд ли их пускали на допрос. Но что-то слышать они могли — например, от подьячих, которые должны были допрос записывать. Лейпцигское периодическое издание «Десятилетние исторические известия Грегориуса Винтермоната, или Правдивое описание всех достоверных историй, которые произошли со времени прошлой новогодней лейпцигской ярмарки до нынешней пасхальной ярмарки 1671 г. везде и всюду на свете», «продолжение восьмое»: «[Разина] Привезли в

Москву 2 июня и тотчас же доставили прямо в судилище, где был разведен огонь. Как только они туда прибыли, главаря мятежников вздернули на дыбу и дали ему 18–20 ударов кнутом, но он не обратил на это особого внимания. Он держался мужественно также и в то время, когда его положили спиной в огонь и стали жечь, а боярин Долгоруков и некоторые другие спрашивали его при этом о различных вещах». Анонимное «Сообщение...»: «Есть у русских такой род пытки: они выбривают у злодея макушку и по капле льют туда холодную воду, что причиняет немалые страдания. Говорят, когда Стеньку и брата его обрили, Стенька сказал: «Слыхал я, будто только людей ученых обривают в священники, мы с тобой оба неученые, а все же дождался такой чести, и нам обрили макушку». Рейтенфельс: «В темнице его били кнутом, жгли огнем, капали ледяную воду на голову и подвергали еще многим другим утонченным пыткам. Тело его было уже все изъязвлено, так что удары кнута падали на обнаженные кости, а он все-таки так пренебрегал ими, что не только не кричал, но даже не стонал...»

Наиболее конкретно излагает дело английский купец Томас Хебдон (в письме английскому торговому представителю в Риге^[84]): «Разин был привезен между 9 и 10 часами утра и тотчас же предан пытке: сверх 30 ударов плетью он был пытан огнем. Вчера [5 июня], в понедельник, его снова пытали, но недолго». В письме Горяйнова говорится, что допросы проводились каждый день с четырех утра до четырех дня.

Однако постепенно выясняется, что на некоторые — а может, и на все — вопросы Разин все-таки отвечал (это и неудивительно — он не был сверхчеловеком). Хебдон: «Но в чем признался он, пока подлинно неизвестно. Ходят разные слухи, однако докучать пересказом их не стану». Анонимное «Сообщение...»: «Обоих мятежников предали пытке, но в чем признались они, никому не ведомо, известно лишь, что Стенька горько сетовал на смерть брата своего, повешенного ранее по приказанию Юрия Долгорукого. <...> Вот на какую причину разжигания им мятежа ссылался Разин под пыткой на дыбе: он, дескать, желал отомстить за смерть брата, казненного, по его разумению, незаконно». «Северный Меркурий», июль 1671 года: «На одни вопросы он отвечал очень дерзко, на другие же совсем не давал ответа. А именно речь шла о том, чтобы он выдал неких знатных людей, имевших с ним связь. Все это еще остается тайной». «Голландский Меркурий», 1672 год: «И он все эти жестокие пытки перенес. Во время этих пыток господин боярин Долгоруков задавал ему вопросы. Лишь на некоторые вопросы он давал решительные ответы, но на все остальные хранил молчание... Хотели еще обвинить бывшего патриарха Никона в

том, что он будто бы был подстрекателем Разина».

Да, показания на Никона он давал. Мы уже цитировали наказ архимандриту Чудова монастыря, который должен был объявить Никону о переводе его в Кирилло-Белозерский монастырь. «Да на то же ево зломыслие и в деле явилось: как Стенька Разин привезен к Москве, и в то время в роспросе у пытки, и со многи пыток и огня сказал. — Приезжал к Синбирску старец от него, Никона, и говорил ему, чтоб ему идти вверх Волгою, а он, Никон, в свою сторону пойдет для того, что ему тошно от бояр; да бояре же переводят государские семена. И тот де старец из-под Синбирска ушел. А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с 5000 человек, а те де люди у него готовы на Белоозере. И тот старец на бояю был, исколол своими руками сына боярского при нем, Стеньке... Да и брат Стеньки Фролко с пыток говорил те же речи...» Никон отвечал, как записано в его деле (Крестьянская война. Т. 3. Док. 290): «Которые де казаки у него были, и тех де казаков присылал к нему Степан Наумов со стрельцами; а с кем имяны, тогот он не упомнит. А к Разину де к Синбирску старца никакова он не посылавал и про 5000 человек людей не приказывал, и вверх Волгою Разина звать не веливал».

Далее, есть документ о том, что Разин дал показания на атамана Асяя Карачурина. Выпись из приказа Казанского дворца керенскому воеводе И. Чубареву (Крестьянская война. Т. 3. Док. 316): «В прошлом де во 179-м году вор изменник Стенька Разин, как привезен был к Москве, и в то число говорил с пытки в ызмене и воровстве на кадомскаго татарина Асайку Карачюрина. А в какой измене говорил и что ево Асайкина измена, и то писано в деле вора Стеньки Разина и ево роспросные речи в приказе Казанского дворца». Этот документ был написан в связи с челобитной внука Карачурина о возвращении ему поместья деда. «И против сего челобитья в розыском деле полуголовы московских стрельцов Алексея Лужина, как он розыскивал во 179-м году, написано». То есть показания Разина на Карачурина еще и проверяли.

О других ответах Разина ничего не известно, но логично предположить, что они были. Зато чудом сохранилась бумажка, на которой царь собственноручно написал свои вопросы (Крестьянская война. Т. 3. Док. 77. Между 2 и 6 июня). Вероятно, это лишь черновик «для себя». Вопросы не имеют систематического характера — по-видимому, после того, как до сведения царя довели основные показания Разина, он захотел уточнить некоторые частности. Понять эти вопросы не так-то легко. Наиболее подробно они проанализированы в работе В. И. Буганова ««Розыскное дело» Степана Разина»^[85] — будем обращаться к ней в тех

случаях, когда сами не сможем разобраться.

Всего вопросов десять. Первый: «О князь Иване Прозоровском и о дьяках: за што побил и какая шуба?» Ох и наделала же разинская шуба шуму, если царь интересовался ею даже после смерти Прозоровского. Надо полагать, на этот вопрос Разин ответил. С чего бы он стал щадить память Прозоровского? О дьяках — вероятно, имеются в виду те из астраханских «приказных людей», что были убиты при взятии Астрахани.

Второй вопрос: «Как пошел на море, по какому случаю митрополиту ясырь присылал?» Это тоже понятно. Помните, когда Разин возвращался из Персии, он украл с учуга Басарга рыбу, но с какой-то непонятной целью оставил там «рухледь» и пленных. Вот и царь тоже не понял, и мы не поймем, видно, никогда; Буганов никакой вразумительной версии тоже не высказывает.

Третий вопрос: «По какому умыслу, как вина смертная отдана, хотел их побить и говорил?» Кого «их» — совсем непонятно: Разин столько народу «хотел побить» и «побил», что гадать почти бесполезно. Е. А. Швецова, составитель и комментатор «Крестьянской войны», пишет в комментарии к документу № 77, что вопрос «касается причин восстания в 1671 году». Но вряд ли этот, самый важный, вопрос не был задан Разину сразу, и в царской бумажке он записан после сплетен о шубе. Буганов считает, что речь идет об эпизоде, когда перед первым появлением в Астрахани Разин принял от Львова и поцеловал царскую грамоту, а в вопросе царя слышится возмущение: почему же после этого так нехорошо себя вел. Ничего не можем сказать ни за, ни против этого мнения.

Четвертый вопрос: «Для чево Черкасского вичил, по какой от него к себе милости?» «Вичил», то есть называл по имени-отчеству, — знак уважения. По мнению Швецовой, царь имеет в виду одного из двух состоявших на русской службе князей Черкасских — Григория Сунчалеевича или его племянника Каспулата Муцаловича, и «вичил» их Разин потому, что хорошо к ним относился. Буганов эту версию отрицает: тех князей и так положено было «вичить», на то они и князья, а царь спрашивает о юном Андрее (сыне кабардинского мурзы Камбулата Пшимаховича Черкасского), игравшем роль царевича. Скорее согласимся с Швецовой. Во-первых, ни о какой «нево к себе милости» применительно к этому мальчику говорить невозможно. Во-вторых, если царь не знал о том, что юный Черкасский играл роль его сына, то и о его существовании скорее всего не знал, не говоря уже о том, «вичил» его кто-то или не «вичил». Если же царь знал, что юного князя «вичили» заглазно как царевича Алексея Алексеевича, то и спрашивать не о чем. А вот с Каспулатом Черкасским,

царским наместником в Терках, Разин пытался сноситься и, быть может, даже ссылаясь на него уважительно как на своего союзника в каких-то вариантах «прелесных писем».

Пятый вопрос — ох, час от часу не легче: «И кто приказывал с Лазалком, что Долгорукой переводит?» Ну, Лазалко — это, может быть, один из ближайших сподвижников Разина Лазарь Тимофеев (тоже привезенный в Москву для допроса). Но куда переводит, что переводит?!

Швецова пишет, что царь интересуется, «кто сообщил Разину о передвижении войска Долгорукова, а, возможно, о назначении Долгорукова вместо Урусова». Буганов: «Здесь подразумевается, вероятно, то, что главнокомандующий Долгорукий «переводит», т. е. убивает, уничтожает участников восстания... <...> то ли он «переводит» повстанцев, т. е. убивает их, то ли переводит свои полки из одного места в другое... Интересно, что в тексте статей царь сначала написал «переводится», потом частицу «-ся» зачеркнул. Слово «переводится» больше соответствует значению «переходить», «перебираться» с войском в другое место; зачеркнув «-ся», царь, может быть, счел, что подобное значение как раз и не подходит к этому случаю? Это не исключено. Но можно полагать и иное — составитель вопросов к Разину просто хотел здесь выразить свою мысль более точно: Долгорукий не «переводится», а «переводит» свою армию в другое место — это больше подходит для решительной природы одного из самых способных военачальников...»

Последние соображения не убеждают — вряд ли царь занимался стилистическими изысками... Но какую еще версию можно предложить? Надо бы посмотреть, в каких значениях слово «переводит» встречается в документах... Так вот, «переводит» в современном значении, то есть «передвигает», не встречается — везде пишется, что кто-то с войском «пошел», «ушел», «пришел». А в значении «уничтожает» — попадает, но с дополнениями — «кого» или «что» переводит. Общий смысл фразы все равно неясен. То, что царский воевода Долгоруков убивает мятежников, вроде бы само собой разумеется, зачем кому-то куда-то с кем-то это передавать? Может быть, царь имел в виду какое-то конкретное сражение, в котором участвовал Долгоруков? Или его расправы с пленными? Попробуйте предложить версию сами.

Шестой вопрос — с ним, слава богу, все ясно: «За что Никона хвалил, а нынешнева [патриарха Иоасафа] бесчестил?» Об этом уже сто раз говорилось.

Седьмой вопрос — продолжение и конкретизация предыдущего: «За что вселенских [патриархов] хотел побить, что они по правде извергли

Никона? И што он к ним приказывал? И старец Сергей от Никона по зиме нынешней прешедшей приезжал ли?» Про старца мы только что читали, а вот что Разин грозился убить вселенских патриархов (Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, присутствовавших на церковном соборе 1666 года, «извергшем» Никона из сана патриарха), впервые слышим. Но не удивляемся. Кого только Разин не грозился побить.

Восьмой вопрос: «О Кореле, грамоте от него за Никоновою печатью, к царскому величеству шлют из-за рубежья». Швецова считает, что речь идет о посылке в Карелию (точнее, в город Корелу, по-шведски Кексгольм) «прелесных грамот», о чем сообщали иностранные газеты, в частности шведские, — царь этим был очень недоволен. Но суть вопроса тут все-таки не в Кореле, а в Никоне — видимо, кроме атаманских печатей в войске Разина изготовили и «Никонову». Они и царскую могли изготовить. Кто там разберется?

Девятый вопрос: «О Каспулате, где он?» Швецова это никак не комментирует. Буганов: «Подразумевается кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский, владевший на условном праве Терским городком... Вопрос означает, что московские власти беспокоились в связи с позицией князя, так как, конечно, знали о попытках Разина и повстанцев привлечь на свою сторону Черкасского с Терека. Посему царя интересовало, где сейчас пребывает Каспулат, не проявляет ли он колебаний в верности России». Не очень убедительное объяснение. Точнее, оно скорее уж относится к четвертому вопросу. В этом же вопросе ни на какую верность или неверность Черкасского и намека нет, просто спрашивается, где он. А где находится Черкасский, проще, наверное, было узнать у терского воеводы Прозоровского, чем у Разина, который уже полтора месяца находился в заключении и понятия не имел, что там на белом свете творится. Вот разве что прошел какой-нибудь слух, будто князь в руках мятежников? А может, и не слух? Помните: «ходили из Астарахани охотники на Терек, и терченя де великому государю изменили и город вора́м здали, а воевод держат на Терке за караулом»? Неясно, был ли царский наместник Черкасский в числе этих воевод, но почему бы и нет? Правда, документ, из которого взята эта фраза, датирован осенью 1671 года, но, возможно, были и более ранние; или же, наоборот, никаких донесений не было, и царь, не получая из Терков никаких вестей, беспокоился, куда там все подевались. В таком случае — да, логично было бы спросить и с Разина. Но тот наверняка этого не знал и ответить не мог даже при желании.

Вопрос последний: «На Синбир жену видел ли?» Бог знает, как и зачем жена Разина могла бы оказаться под Симбирском и почему царя это

заинтересовало. Решил проявить к пленнику чисто человеческое участие — но почему именно «на Синбир»? Ведь царь отлично знал, что Разина взяли не под Симбирском. Или слово «Синбир» для царя имело какое-то другое значение? Если у вас есть досуг и любовь к интеллектуальным головоломкам, попробуйте, вооружившись томами «Крестьянской войны», разгадать этот ребус.

Марций: «...поскольку предстояло слишком долго вести следствие по делу, и без того ясному, то решено было, что в интересах государства надо поспешить с казнью и положить конец ходившим в народе толкам о причинах и истоках этих событий, чтобы не будить ненависти ко двору и новой угрозы для царя». Хебдон пишет, что сначала казнь назначили на следующий день после того, как Разиных привезли в Москву, то есть на 3 июня (субботу), потом почему-то перенесли на 6 июня, вторник. Буганов предполагает, что задержка была вызвана нежеланием проводить публичную казнь в центре Москвы в субботний или воскресный день, а понедельник был отведен для допроса именно по царскому списку. Рейтенфельс: «А дабы предупредить волнения, которых царь опасался со стороны уцелевших случайно заговорщиков, площадь, на которой преступник понес свое наказание, была по приказанию царя окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в середину огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск».

Из письма Горяйнова: «На Красной площади изготовлены ямы и колья вострены». Красная или Болотная? Об этом спорят по сей день, хотя спорить-то на самом деле не о чем. Документ от 1676 года — выпись в Разрядном приказе о восстании Разина (Крестьянская война. Т. 3. Док. 291): «И по лукавству начинания своего месть принял, на Москве на Красной площади, вкупе со угодником ж дьявольем з братом своим Фролком, кажнены, отсечены им руки и ноги, а на остаток и головы...» Всех, видимо, сбивает с толку документ от 13 сентября 1674 года — запись в книге царских выходов о привозе в Москву и о казни очередного самозванца, «царевича Симеона» (Крестьянская война. Т. 3. Док. 273): «Того вора, Ивашку Воробьева, как 3 дни минет, перенести на Болото и поставить ево на кольях возле вора ж и изменника Стеньки Разина...»

Но дочитаем первую выпись до конца: «...кажнены, отсечены им руки и ноги, а на остаток и головы, на показание всем те их воровские головы и руки и ноги збиты на высокие деревья и поставлены за Москвою рекою на площади до исчезнутия...» «Голландский Меркурий», 1672 год (№ XXII):

«...он был казнен на большой торговой площади. Его туловище и обрубки были повешены на столбах и колесах на другой стороне реки». В. А. Гиляровский все же пытался доказать, что Разина казнили на Болотной площади, основываясь на книге царского стольника Андрея Хилкова «Ядро Российской Истории, сочиненное ближними стольниками и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым. Печатано при Московском Университете в 1770 году», где говорится, что Разин был четвертован «на Болоте». Но это просто путаница, вызванная тем, что останки перенесли на другое место.

Наблюдать казнь, как писал Рейтенфельс, позволили лишь иностранцам (интересно, хоть один отказался от такой чести?): ему самому, Хебдону, члену голландского посольства Балтазару Койэтту и многим другим, не оставившим об этом воспоминаний. Рейтенфельс: «Все тело Стеньки представляло безобразную багровую массу волдырей, кое-где сухая обожженная кожа висела лохмотьями». Хебдон (в сообщении для публикации в «Северном Меркурии»): «Его поставили на специально сколоченную по такому случаю повозку семи футов вышиной: там Разин стоял так, что все люди — а их собралось более ста тысяч — могли его видеть. На повозке была сооружена виселица, под которой он стоял, пока его везли к месту казни. Он был крепко прикован цепями: одна, очень большая, шла вокруг бедер и спускалась к ногам, другой он был прикован за шею. В середине виселицы была прибита доска, которая поддерживала его голову; его руки были растянуты в стороны и прибиты к краям повозки, и из них текла кровь. Этот Разин все время сохранял свой гневный вид тирана и, как было видно, совсем не боялся смерти. Его царское величество нам, немцам и другим иностранцам, а также персидскому послу, оказал милость, и нас под охраной многих солдат провели поближе, чтобы мы разглядели эту казнь лучше, чем другие, и рассказали бы об этом у себя соотечественникам. Некоторые из нас даже были забрызганы кровью. Сперва ему отрубили руки, потом ноги и, наконец, голову. Эти пять частей тела насадили на пять кольев. Туловище вечером было выброшено псам. После Разина был казнен еще один мятежник (видимо, Лазарь Тимофеев. — М. Ч.), а завтра должен быть казнен также его брат».

Рейтенфельс: «Стенька, выслушав сперва длинный перечень своих преступлений и смертный приговор, во всеуслышание объявленный судьей, перекрестился, лег на смертную плаху и, последовательно, был лишен правой и левой рук и ног и, наконец, головы». Анонимное «Сообщение...»: «Там прочли ему смертный приговор, в котором перечислялись главные его злодеяния. Стенька слушал приговор с видом

безучастным и не проронил ни слова, а лишь стоял, потупя глаза в землю. Когда пришло время палачу приступить к делу, Стенька несколько раз перекрестился, обратившись лицом к церкви Пречистой богородицы казанской, что означает пресвятой божьей матери казанской. После того поклонился он трижды на три стороны собравшемуся народу, говоря «прости», что выражает просьбу о прощении. И вот зажали его промеж двух бревен и отрубили правую руку по локоть и левую ногу по колено, а затем топором отсекли ему голову. Все было совершено в короткое время с превеликой поспешностью. И Стенька ни единым вздохом не обнаружил слабости духа». Марций: «Казнь была публичной, и, чтобы мучения его были страшнее, сначала отрубили ему руки, потом ноги; но он принял эти удары, ни одним вздохом не выдав своих страданий. Он был так непреклонен духом, что не слабел в своем упорстве и не страшился худшего и, уже без рук и без ног, сохранил свой обычный голос и выражение лица...»

Нет сомнений, что примерно так, может быть с поправкой на некоторое приукрашивание, и было: для такого человека, как Степан Разин, на миру и смерть красна. А вот с Фролом Разиным, похоже, было иначе. Анонимное «Сообщение...»: «Фролка, другой брат его, будучи пытаем, оказал великую слабость духа, и Стенька, подойдя к нему, дабы укрепить его, сказал, что должно помнить ему, сколь многим пользовался он в жизни, что долго жил он среди друзей в чести и славе и имел под началом тысячи и тысячи, а потому надлежит ему нынче принять тяжелую долю свою с терпением». Рейтенфельс: «[Разин] упрекал брата, разделявшего с ним страдания и менее выносливого, в малодушии и изнеженности». Хебдон: «Брат его... казался очень оробевшим, так что главарь мятежников часто его подбадривал, сказав ему однажды так: «Ты ведь знаешь, мы затеяли такое, что и при еще больших успехах мы не могли ожидать лучшего конца». Приблизительно то же говорят еще несколько иностранцев, так что сомневаться в проявленной Фролом слабости вроде бы не приходится, хотя слова Степана, разумеется, отчаянно перевераны, и непонятно, как он в пыточной или на плахе мог подойти к брату.

Что же конкретно сделал Фрол и как его брат на это отреагировал? Рейтенфельс: «Когда, наконец, они на четвертый день прибыли оба на место казни, то последний [Фрол], пообещав указать царю клад, зарытый им где-то вместе с братом, Стенькою, и которого, де, никто не найдет, если он его не укажет, получил взамен смерти пожизненное заключение в темнице». «Десятилетние исторические известия Грегориуса Винтермоната»: «Что касается брата [Разина], то хотя его и сильно

наказали, но в конце концов пощадили, так как он обещал указать все богатства, которые Стенька спрятал в разных местах. Считают, что их очень много и что они состоят из денег, дорогих камней и других ценностей». Анонимное «Сообщение...»: «Брат его, придя на место казни, крикнул, что знает он слово государево, — так говорят, когда намереваются открыть тайну, которая может быть объявлена лишь самому царю».

Самую большую известность эта сцена приобрела в описании Марция: «Он [Степан Разин] был так непреклонен духом, что не слабел в своем упорстве и не страшился худшего, и, уже без рук и без ног, сохранил свой обычный голос и выражение лица, когда, поглядев на остававшегося в живых брата, которого вели в цепях, окрикнул его: «Молчи, собака!» Таково было неодолимое бешенство тирана: раз он не мог прибегнуть к оружию, он решил мстить молчанием, и даже пытками не могли принудить его рассказать о злодейских путях и тайнах его преступных дел. Именно поэтому в смертный час он попрекнул и выбранил своего брата, считая для себя горестным, а для брата постыдным, что тот, прежде его сотоварищ и помощник во всех делах, теперь не в состоянии был отнестись к смерти с презрением. Действительно, тот стал просить, чтобы ему позволили говорить с царем, и варвар понял это так, что из страха смерти брат решил выдать все его дела, тайну которых он хотел сохранить. О чем тот говорил царю, когда его отвели с места казни, точно неизвестно». Вот это знаменитое «молчи, собака» уже несколько столетий переходит из книги в книгу; А. Н. Сахаров тоже приводит это выражение. Да, оно выглядит в миллион раз правдоподобнее, чем слова «Ты ведь знаешь, мы затеяли такое, что и при еще больших успехах мы не могли ожидать лучшего конца». Из текста Марция, правда, не совсем ясно, присутствовал он при казни или ему ее кто-то описал. (Русского языка он не понимал, как и большинство наблюдавших казнь иностранцев, но им, естественно, кто-то переводил слова Разина.) Так была «собака»? Наверное, была: уж очень это естественно звучит.

Что же касается «слова государева», то оно, несомненно, было — это доказывают дальнейшие события. Из этого, однако, отнюдь не следует, что Фрол всю жизнь был трусливым, изнеженным и женоподобным, как о нем принято писать. Авторам книги «Степан Разин и его соратники» стало обидно за Фрола, и они попытались его выгородить: «Сохранилась гравюра современника-иностранца, где хорошо видно, как протекала казнь С. Т. Разина. Разин лежит на плахе навзничь, на груди у него тяжелая доска, на которую навалились дюжие палачи, чтобы жертва не могла выскользнуть из-под топора, голова его сильно запрокинута. В таком положении Разин

при всем желании вряд ли мог видеть и слышать, что творится внизу, и тем более реагировать на происходящее». Но это опровергает лишь «собаку», а не тот факт, что казнь Фрола была тотчас отменена.

Повторный допрос Фрола начался не позднее чем через день после казни брата; неизвестно, сколько дней или лет он продолжался, так как сохранился лишь один документ — от 8 июня 1671 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 85): «Вор Фролко Разин в роспросе сказал. — Как де ево пытали во всяких ево воровствах, и в то де время он в оторопях и от многой пытки в память не пришил. А ныне де он опамятавался и скажет про все, что у него в памяти есть. Как де брат ево Стенька Астрахань взял, и в то де время взял з Бухарского двора 9 тай з дорогами, с шолком, сафяны и киндяки и отдал на збереженье астраханскому митрополиту, и ныне у него. А про письма сказал. — Которые де воровские письма у брата ево были к нему присылали откуда ни есть и всякие, то все брат ево Стенька ухоронил в землю, для того: как де он, Стенька, хотел иттить вверх к Царицыну, а в дому у него никого нет. И он де, все свои письма собрав, и поклат в куфин в денежной и, засмоля, закопал в землю на острову реки Дону на урочище, на прорве, под вербою. А та де верба крива посередке, а около ее густые вербы, а того де острова вкруг версты 2 или 3. А сказывал де ему про то про все брат Стенька в то время, как он Фролко, хотел ехать на Царицын для Стенькина рухляди, перед Корниловым приходом за 2 дни. А рухляде было имать ему на Царицыне у посацкого человека Дружинки Потапова — город костяной сказывал ему Стенька, что тот город сделан как Царь-город... Да сундук, а в нем платья ево, 5 кафтанов дорогильных...»

Кажется, уж против этого возразить нечего, показания благодаря обилию бытовых подробностей выглядят абсолютно естественно, но авторы «Разина и его соратников» попытались и тут что-нибудь придумать: «Царь и боярское правительство рассчитывали, что Фрол, устрешенный зрелищем расправы со Степаном, станет более покладистым и разговорчивым, и, вероятнее всего, дали негласное указание ограничиться только казнию С. Т. Разина, хотя смертный приговор был вынесен обоим братьям. Во избежание недоразумений власти для объяснения переноса срока казни Фрола сфабриковали версию, согласно которой он якобы выкрикнул «слово и дело государевы» (т. е. знание важной тайны государственного значения) и такой ценой отсрочил свою гибель. Эту, услужливо подброшенную правительством выдумку, как и небылицу по поводу предсмертного восклицания С. Т. Разина «Молчи, собака!» в адрес брата, охотно и со многими подробностями воспроизводят зарубежные

авторы».

Искали, конечно же искали, и тогда и потом, и сокровища и переписку — ничего не нашли. В «Степане Разине и его соратниках» говорится, что Фрол нарочно всякий раз указывал неверные места — из героизма. Казнили его 28 мая 1676 года. Балтазар Койэтт был очевидцем: «...утром некоторые из свиты посланника, в том числе и я, поехали через Москву-реку на Болото, где я видел, как вели на смерть брата великого мятежника Стеньки Разина. Он около шести лет пробыл в заточении, где его всячески пытали, надеясь, что он еще что-нибудь выскажет. Его повезли через Покровские ворота на земский двор, а отсюда в сопровождении судей и сотни стрельцов к месту казни, где казнили и брата его. Здесь прочитали приговор, назначавший ему обезглавление, и постановлявший, что голова его будет посажена на шест. Когда голову ему отрубили топором, как здесь принято, и посадили на кол, все разошлись по домам». Великолепна эта последняя фраза. Вчитайтесь в нее еще и еще раз, чтобы уловить дух эпохи: «Когда голову ему отрубили топором, как здесь принято, и посадили на кол, все разошлись по домам»...

Койэтт также пишет: «...мы выехали в санях, чтобы видеть голову и четвертованные останки трупа Стеньки Разина, который перед тем восстал против царя, а также голову молодого человека, которого Стенька Разин выдавал за старшего царевича или сына царя: этот последний, по прибытии сюда, также был казнен, а голова его была выставлена на показ». Вот это чрезвычайно интересно. Андрей Черкасский казнен не был. Выходит, мы были правы, с самого начала усомнившись, что он играл роль царевича Алексея? Но кто тогда этот казненный, почему о нем больше нигде нет ни единого упоминания? Загадка эта, скорее всего, никогда уже не будет разгадана.

Что было дальше (да-да, физическая смерть Разина — это еще далеко не конец истории): 8 июня правительство разрешило вести торговлю по Дону и Хопру; 10 июня тамбовский воевода Е. Пашков отписался о прекращении волнений в Тамбове; начиная с 9 июня несколько тысяч волжан пытались штурмовать Симбирск, но взять не смогли и в конце концов были разбиты во время одного из приступов воеводой Шереметевым. Еще из донесения тамбовского воеводы Хованского: «И как де под Синбирском у боярина у Петра Васильевича Шереметева с тем вором был бой, и с тово де бою с тем вором на Царицын пришло воровских казаков тысени з 2». Сообщение самого Шереметева в приказ Казанского дворца от 2 июля (Крестьянская война. Т. 3. Док. 109) со ссылкой на показания казака Луки Сергеева: «А как де, собрався всех понизовых

городов жители, и он, Луканька, ходили под Симбирск и к городу приступали, хотя ево взять вскоре, идти в ыные верховые города. И как де их на приступе у города и в посылке, которые ходили против наших великого государя ратных людей, они, воры, побиты многие, а их осталось только тысени с 3...» Далее Сергеев говорит, что все — самарцы, астраханцы и т. д. — разбежались по своим городам. Шелудяк потом, на допросах, говорил, что ходил под Симбирск «бить челом великому государю в винах своих» — и попутно «заложил» массу разного народу. Но за это упрекать его нельзя: никто не выдерживает пыток, все рассказы об этом оборачиваются мифами.

Шереметев 27 июня посылал письмо «к самарским и Самарского уезду всяких чинов к жителям и к воровским казаком, которые [были] под Симбирском и остановились на Самаре», чтобы они «били челом» и повинились (Крестьянская война. Т. 3. Док. 110). 2 июля пришел от самарцев человек и сказал, что горожане виниться готовы. Все лето шли потоком донесения о том, что жители мятежных городов просят прощения. Сдался Саратов. Но Царицын и Астрахань держались. Шелудяк вернулся в Астрахань; к тому моменту Василий Ус умер и правили городом стрельцы Иван Красулин и Обоим-ко Андреев, но как только Шелудяк пришел, его выбрали атаманом. Весь июнь бушевала Пенза. И не только. Из материалов Темниковской приказной избы (Крестьянская война. Т. 3. Док. 80) — показания пензенских служилых людей Бориса Рыскина и Луки Иванова: «А говорили де им, Бориску и Лучке, те воровские казаки Тишка и Куземка Мордяшев с товарищи. — Идем де мы с астраханцы и саратовцы и иных понизовых городов с людьми коньми и пехотою большим собраньем с пушки через Саранскую черту к Москве». Тишка — это Тихон Маланьин, саратовец; Куземка — Кузьма Мардяшев, пушкарь из Нижнего Ломова. Тамбовский уезд, несмотря на высланную 6 июня милостивую грамоту, никак не унимался — там действовал атаман Филимон Путинцов.

Донцы, после смерти Разина осмелевшие, писали царю, что собираются идти брать Царицын и Астрахань, вот-вот ужо пойдут, но почему-то так и не пошли, хотя в Царицыне «воров» осталось всего ничего. Отписка Хованского в Разрядный приказ от 10 августа 1671 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 132): «А на Царицыне де атаман царицынской стрелец Дружинка Потапов. А с ним в Царицыне с 500 человек, и из них многие больные, оцынжали без хлеба»; сообщалось также, что Шелудяк разделил хлеб между оставшимися в Царицыне и теми, кто пошел с ним в Астрахань, но досталось каждому с гулькин нос.

В середине июля мятежный атаман Максим Осипов от Симбирска

дошел до Царицына, но там к тому времени уже решили виниться. Донской войсковой атаман Логин Семенов сообщал в Москву (Крестьянская война. Т. 3. Док. 128.1 августа 1671 года): «...бой учинили... и, тово вора Максимка Осипова с товарищи, с Ывашкою Поповым да с Ывашкою ж Андреевым, живьем взяли, а товарищей их многих побили. И сидят... те воры до твоего, великого государя, указу... на Царицыне за крепким караулом». Семенов писал также, что Шелудяк с людьми стоит у Черного Яра и непонятно, что он собирается делать дальше. На Тамбовщине по-прежнему орудовали атаманы. Донесение Шереметева в Разрядный приказ (Крестьянская война. Т. 3. Док. 119. Июль 1671 года): «...приведен в Синбирск воровской казак Васька Михайлов, а взят на бою на реке Пре на переправе, а в роспросе и с пытки сказал. — Идут де они воровать на Танбов к атаману Серику, а воровских казаков де у него в зборе много, а сколько де тысяч, того не ведает». (Ничего далее не известно об этом Серике и его «воровских казаках».)

Более двухсот казаков Разина укрылись в Полтаве, как сообщается в донесении Ромодановского в Разрядный приказ в сентябре 1671 года (Крестьянская война. Т. 3. Док. 141); Москва требовала выдачи, но их зачислили в Полтавский полк: «И переписать де, государь, тех воровских казаков некоторыми мерами было немочно». С Полтавы выдачи нет! С Запорог выдачи нет. С Яика — нет. С Терека — нет. А с Дону теперь — есть... Позор... В политике очень часто попытка добиться каких-либо свобод заканчивается потерей вообще всех свобод. Люди благоразумные из этого делают вывод, что добиваться никаких свобод и не нужно.

В августе полковник Косагов и дьяк Богданов поехали на Дон — выдавать казакам жалованье при условии, что они принесут царю присягу (поцелуют крест). Трех людей Косагова на Дону убили, но все же он добрался до Черкаска — и казаки склонили головы, и целовали крест, и вновь выразили желание идти брать Астрахань, но опять почему-то не пошли.

В том же месяце под Астрахань пришел назначенный туда воеводой Иван Богданович Милославский почти с тридцатитысячной армией и передал горожанам письмо с обещанием помилования. Но Астрахань решила защищаться (или Шелудяк решил за нее). Горожане, включая всех до единого священников, подписали бумагу («приговорную запись»), в которой клялись стоять друг за друга до конца (потом, конечно, все пленные говорили, что их заставили подписать силой). У Шелудяка было около двух тысяч вооруженных людей, еще несколько сотен привел с Дона Алексей Каторжный; он построил городок на нагорном берегу Волги,

чтобы отрезать Милославского от других воевод. Милославский укрепился на том же берегу; 12 сентября осажденные попытались нанести там удар, но были отбиты. Начались долгая осада и переписка с Милославским. Прелюбопытное письмо прислали ему из города персидский посланник и купцы (Крестьянская война. Т. 3. Док. 143. Сентябрь 1671 года): «Федор Иванович с нами был в одной мысли и слове, и нас во всем берег, и к добру радел, и мысль воровскую всегда нам сказывал, и дружбу многую нам оказывал, что великому государю годно... а атаман Федор Иванович государю служит верно, и чтоб к нему, Федору Ивановичу, прислать государственной милостивой указ и ево, Федора, обнадежить, а он работою и службою своею во всем добро учинит». Ах, как же Федор Иванович сражался за свою жизнь — нет, не верим, что он отдал приказ убить митрополита, не мог он совершить такой глупости...

На помощь Милославскому подошел князь Каспулат Муцалович Черкасский (если и был он раньше непонятно где, так что царь был вынужден у Разина интересоваться его местонахождением, то теперь нашелся) с кабардинцами, татарами, терскими и гребенскими казаками, город блокировали полностью, продовольствие заканчивалось, среди осажденных, естественно, начался ропот. 20 ноября на кругу Шелудяк разорвал «приговорную запись». Татары после длительной переписки вызвали его на переговоры — 24 или 25 ноября тот без охраны вышел из города и сразу был схвачен татарским мурзой Мустафой Калимбетовым. 26 ноября Астрахань выслала парламентаров с согласием сдаться при условии полной амнистии всем. Милославский на это согласился, и его, как прежде Разина, встречали звоном колоколов. Удивительно, но никто не был не только казнен, но даже арестован; Шелудяк и Иван Красулин по-прежнему жили в своих домах и ходили к Милославскому в гости, убийца митрополита Алексей Грузинкин получил отпускную бумагу и нанялся на рыболовный струг промышленника Ивана Туркина. (Наш Шелудяк, конечно, тип хитрый и скользкий, но также и отчаянно смелый авантюрист: человек более благоразумный на его месте воспользовался бы случаем и сбежал за границу.)

Очень хочется сказать, что Милославский был великодушен, добр и честен, но, увы: опять начинается история с шубой. Переговоры в Посольском приказе с персидским посланником Ю. Эханбеком и персидскими купцами о возмещении убытков (Крестьянская война. Т. 3. Док. 253. 3 мая 1673 года): «Боярин де Иван Богданович как пришел в Астарахань, взял себе многие животы... а их де животы грабленые у многих царского величества людей сыщутся». А вот и шуба. Из допроса

Ивана Красулина (Крестьянская война. Т. 3. Док. 297. 26 июля 1672 года): «И он, Ивашко, тое саблю (саблю князя Львова. — М. Ч.) отдал боярину и воеводе Ивану Богдановичю Милославскому, да ему же, боярину и воеводе, дал шубу кунью под камкой». Из того же документа: мятежник Ф. Колокольник показал, что Милославский взял у него «перстень с камнем да шапку лисью горлотную»...

Жизнь в городе, похоже, пошла спокойная. Из «расспросных речей» в Посольском приказе астраханца, сына боярского В. Ростопчина (Крестьянская война. Т. 3. Док. 180. Июнь 1672 года): «А которые де донские казаки остались после Стеньки Разина в Астарахани и поженились, и те живут и ныне в Астарахани... А которые же работные люди пришли из верховых городов в Астарахань со Стенькою Разиным, и те де люди и ныне в Астарахани ж, а сколько их, того не ведает, только в Астарахани от донских казаков и от работных людей шатости нет».

Но скоро на Милославского посыпались доносы, причем не из-за шуб, а из-за того, что сдержал слово, данное горожанам. Вот, например, грамота из приказа Казанского дворца (Крестьянская война. Т. 3. Док. 188. Июль 1672 года): «Ведомо великому государю учинилось, что гулящей человек Федька Тихонов, будучи в Астарахани с отцом своим с попом Тихоном, воровал и православных христиан побивал вместе с воровскими казаки. И после воровства взял за себя незаконно девку из двора боярина Ивана Семеновича Прозоровского, служню дочь. И того вора и его жену взял во двор боярин и воевода Иван Богданович Милославской». И еще множество преступников не просто разгуливают по Астрахани, а служат у Милославского. И тогда — в июне 1672 года — Москва отправила для разбирательства воеводу князя Якова Никитича Одоевского и с ним две с половиной тысячи стрельцов.

Милославский держался упрямо: как сказано в донесении стрелецкого головы В. Воробьина (Крестьянская война. Т. 3. Док. 184. 5 июля 1672 года), он отказался исполнить требование Одоевского и выдать Шелудяка, пока ему не предъявят прямого царского указания. Но в конце концов выдал, конечно. Шелудяк на допросах еще и советы давал, как обустроить Россию, и один из его советов даже был выделен в отдельный документ — выпись в Посольском приказе (Крестьянская война. Т. 3. Док. 221. Август 1672 года): надо поставить город между Паншином и рекой Иловлей, чтобы «воровские казаки» не могли больше ходить на Волгу... Не помогло — повесили.

Грузинкина, Красулина и многих других тоже взяли и казнили. Допросы велись беспрерывно, отдельно (без пытки) допрашивали

священников; казаков и горожан допрашивали под пытками. Фабрициус, вернувшийся к тому времени в Астрахань (фрагмент из его рассказа мы уже читали, прочтем теперь весь): «Свирепствовал он [Одоевский] до ужаса: многих повелел кого заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать язык из глотки, кого заживо зарыть в землю. И так поступали как с виновными, так и с невиновными. Под конец, когда народу уже осталось мало, он приказал срыть весь город. По его приказу люди стали вновь строить дома за городом. Когда дома уже были наполовину выстроены, их приказали снова разобрать, и людям пришлось снова перевозить срубы в Кремль. При этом им приходилось самим с женами и детьми таскать телеги взад и вперед, ибо лошадей не было. Часто бывало даже, что беременные женщины падали от тяжелой и непосильной работы и подыхали вместе с младенцем, как скотина...

После такого длительного тиранства не осталось в живых никого, кроме дряхлых старух да малых детей. Ежели выискивался кто-либо, кто из сострадания представлял этому злодею, что все же грешно так поступать с христианами, то он отвечал, что это еще слишком мягко для таких собак, а того, кто в другой раз станет заступаться, он тотчас велит повесить. Он нагнал на бедных людей такой ужас, что никто не осмеливался больше просить его за кого-либо. Он настолько привык к людским мукам, что по утрам ничего не мог съесть, не побывав в застенке. Там он приказывал, не жалея сил, бить кнутом, поджаривать, вздымать на дыбу. Зато потом он мог есть и пить за троих».

Один горожанин был сожжен заживо за то, что у него нашли какое-то «заговорное письмо»; Милославский пытался протестовать, но ему было велено не поднимать шуму; возможно, и шубами шантажировали. Он вместе со своими приближенными был впоследствии переведен воеводой в Казань, потом оборонял Киев от турок, словом, прожил долгую благополучную жизнь.

Гетман Дорошенко, как уже говорилось, бесславно окончил карьеру в Вятке, но его врагу Многогрешному, другу Москвы, повезло еще меньше: в 1672 году он был обвинен Москвой же в измене и сослан в Сибирь, потом, правда, освобожден и даже использован на дипломатической службе. Вот уж, наверное, оба пожалели, что не сошлись в свое время с Разиным. Воевода Юрий Долгоруков, предполагаемый личный враг Разина, в основном занимался дипломатией, получил множество постов и наград, но был убит восставшими в 1682 году, только не казаками, а стрельцами. «Кровопийца» Одоевский также занимал множество постов и умер спокойно в своей постели. Уцелевшие разинцы разбрелись кто куда,

некоторых не выдали и с Дона. Афанасий, пасынок Разина, жил в Черкасске под опекой Фрола Минаева. Все, конец? Как бы не так...

1673 год, ноябрь — отписка полкового воеводы Хитрово в Посольский приказ (Крестьянская война. Т. 3. Док. 261): «На Донце собралось воровство великое, ворует прежних воров Стенькины станицы Разина Балаклеичка города Ивашко Ми-юзской, а да с ним же собралось тех же станиц воры многие...» 1675 год, июнь — донской станичный атаман Яков Данилов докладывает в Посольском приказе, что снова собирались казаки идти на Волгу, и по распоряжению Яковлева их казнили (Крестьянская война. Т. 3. Док. 280): «А слышал де он, Яков, что те казаки были наперед сего в воровстве с Стенькою Разиным». Тот же год, ноябрь — «расспросные речи» в Посольском приказе стрелецкого сотника Я. Григорова и стрельцов Ф. Игнатьева и П. Петрова о том, что было на Дону, когда Москва потребовала выдать казака Семена Буянку — он «воровал» вместе с Иваном Миюзским (Миусским) — и Яковлев на кругу сказал, что надо выдать (Крестьянская война. Т. 3. Док. 284):

«И казаки де на Корнила кричали и говорили ему. — Повадился де он их к Москве возить, будто азовских ясырей, связав; полно де и той ему удачи, что Разина отвез. А если Буянка отдать, то и по достального казака присылки с Москвы ждать будет... и кричали и говорили. — Вам де в том чинитца выслуга, и берут ковши и соболи, а Дон тем разоряют. А Фрола де Минаева бранили матерны и говорили, что де ево, на руку посадя, другой раздавят... А те от казаков крики были не от пьяных, для того законуне всякого круга бывает казаком крепкой заказ, чтоб ничего не пили, были готовы в круг, и ходят в круг не пьяни». Тем не менее Яковлева выбрали возглавлять зимнюю станицу в Москву, он не хотел ехать с плохими новостями (всегда старался ездить только с хорошими и добровольно слагал с себя атаманские полномочия, когда хороших новостей не было, — пусть Самаренин отдувается). «И казаки на него шумели и говорили. — Естли он не поедет, и они де ево и с пасынком ево Родионом окуют, и как он возил Разина, так над ним они учинят. И казаки де в кругу приказывали ему с криком, чтоб он, приехав к Москве, говорил немного, а только б говорил, чтоб ратных людей от них вывезть, а у них де и без ратных людей войска много. И после того дни приходил Корнило к стольнику ко князю Петру Хованскому и плакал...

И в тех де черкасских во всех городках по станичным избам казаки все говорят, что хотят собрався идти великого государя на ратных людей, которые в ратном городке, и воевод и всех начальных людей и стрельцов московских побить всех, а городовым стрельцом дать волю. И збираютца в

Паншин изо всех городков для того на думу. А естли де пришлет великий государь на Дон рать большую, и они де замирятца с Озовом и поднимут Крым... И говорят де такие речи все казаки по всем казачьим верхним городкам в станичных избах, сходясь по утрам и в ыные времена не пьяны». Тем не менее и после этого инцидента Яковлева вновь избирали атаманом; в 1679 году Посольский приказ требовал от него пресечь попытки атамана Ивана Соловья идти пиратствовать на Волгу.

Весной 1682 года острогожский полковник И. Сасов писал курскому воеводе П. Хованскому, что «воровские» казаки собираются на реке Черной Калитве (Крестьянская война. Т. 3. Док. 299): «А знамена де у них, воровских казаков, большие комчатые и дорогильные, а прапорец де у них с черным пластаным орлом под золотом. А сказывают они де, донские воровские казаки, что те знамена и прапорец Стеньки Разина...» Возглавлял этих казаков атаман Иванов и дошел аж до Коротояка, где был осенью разбит правительственными войсками. В том же году царицынский воевода К. Козлов писал в Москву, что на Дону голодно и вот-вот «воровские казаки» снова пойдут брать города; обошлось без войск, мятежников усмиряли сами донцы во главе с Фролом Минаевым. И тогда же — мы об этом уже упоминали — произошел бунт стрельцов в Москве: в нем участвовали и астраханские стрельцы из тех, кто был в войске Разина и отделался ссылкой или тюрьмой. Собирали круги, сбрасывали своих командиров «с роскату»... В 1683 году отряд мятежного атамана Скалозуба пытался взять Царицын, но не сумел. В 1688-м во время очередных волнений на Дону казаки-раскольники заявляли, что хотят быть «как Стенька Разин».

Афанасий Разин воевал, в 1684 году был в плену у крымцев, его выкупили; от отца он, во всяком случае на словах, не отрекался. Год 1690-й, «расспросные речи» в Нижегородской приказной избе драгуна В. Таркова об очередных «воровских казаках» (Крестьянская война. Т. 3. Док. 314): «А Стенькин сын Разина Офонька в то время жил у Фрола ж Минаева и говорил ему, Фролу. — Я де, собрався с воровскими казаками, все крови отца своего отолью сего лета. И хотел он с ним, Фролом, ехать к Москве. И Фрол де ево с собою не взял...» В 1707 году, во время восстания донского атамана Кондратия Булавина, острогожский полковник И. Тевяшев сообщал в Разрядный приказ: «А при нем, атамане Булавине, были: один называетца полковником, прозвище Лоскут, сходец с Валуйки, про которого сказывают, что он был при Стеньке Разине лет с 7». Булавинцы тоже хотели быть «как Стенька». В 1744 году, при императрице Елизавете Петровне, Тайная канцелярия разбирала дело капитана Б. Тютчева, который в пьяном виде

болтал, что Саратов — разинский город и живут в нем разинцы; разбирались всерьез (в деле 40 листов), в итоге капитана не посадили, но в чине понизили. А еще через 30 лет бледной тенью Разина явился Пугачев; ну а уж потом казаков окончательно из «вольных людей» превратили в опричников, нагайками разгоняющих студенческие демонстрации. Что бы на это сказал Степан Тимофеевич, интересно?

О, разумеется, он не умер, а если и умер, то временно и отчасти. Валишевский: «Но проклятие тяготило на нем; он не мог более продолжать своих подвигов, он не мог даже умереть. Его не хотели принять ни вода, ни земля. Он живет вечно. Некоторые думают, что он все еще блуждает в населенных предместьях или дремучих лесах, помогая беглым арестантам или бродягам без паспорта. По другой версии он заключен в пещеру и там искупает свою вину. Через сто лет после его предполагаемой смерти он был признан русскими матросами, которым удалось бежать из плена у туркмен, на берегу Каспия. Он говорил с ними и объявил, что вернется в Россию еще через сто лет и вновь начнет свои подвиги. Он сдержал свое слово и назвался Емельяном Пугачевым».

В народных легендах бессмертие Разина тоже не награда, а наказание и несчастье. «Песни и сказания о Разине и Пугачеве»: «Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травой — кандалы спали, потом Стенька нашел угол еде, нарисовал на стене лодку, и весла, и воду, — все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге. Только уж не пришлось ему больше гулять: ни Волга-матушка, ни мать сыра земля не приняли его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив. Одни говорят, что он бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорят, что он сидит где-то в горе и мучится».

Рано или поздно он появится — так говорят поэты. А. Н. Толстой, «Суд»:

*Задымятся кровию все леса и реки;
На проклятых торжищах сотворится блуд...
Мне тогда змееныши приподнимут веки...
И узнают Разина. И настанет суд.*

Максимилиан Волошин, «Стенькин суд»:

*Сам судьей на Москву ворочусь.
Рассужу, развяжу — не помилую, —*

*Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому — всяк.
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.*

А вот по мнению В. Гиляровского («Стенька Разин»), возвращаться атаману нет никакого резона:

*— Эх, народ! Брось эту думу.
Аль в народ не верил я?
Глянь: окрасила солому
За него здесь кровь моя.
Верил я в него когда-то
Да разверлся теперь...
На словах одно — на деле
Раб душой и сердцем зверь.*

Так может ли он вернуться? Страх перед таким явлением жил долго. Очень любивший (по крайней мере, на словах) русский народ М. П. Погодин писал^[86]: «Не Мирабо страшен, а Емелька Пугачев: Ледрю-Роллен со всеми коммунистами не найдет в России приверженцев, а перед Никитою Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Маццини не перешагнет никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда нам угрожает опасность, вот с какой стороны стена наша представляет пролом». И ведь примерно так и вышло в 1917 году; правда, «коллективный Разин» тогда обошелся без участия казаков, те, напротив, пошли против власти, на краткий исторический миг вновь став бунтовщиками, но это не суть важно: времена меняются, «новый Разин» мог быть и юристом.

Г. А. Гладченко: «Почему бы защитникам крестьянских восстаний, предлагавшим поставить в городе [Астрахани] монумент Разину, не спроецировать те ситуации на сегодняшний день. Разве сейчас мало недовольных властью, просто бедных людей? Ведь за чертой элементарного достатка живут миллионы. Ну и что, найдется

предводитель, толпа недовольных озверевает, возьмет город и побрасывает с колокольни губернатора, его аппарат, правительство, депутатов Думы, мэрию заодно, других богачей». Да нет, что вы, мы уже давно тихие. Пусть бояре ходят хоть в пятистах шубах, пусть шубохранилища строят специальные — а что такого, все воруют, лишь бы на кол не сажали, а если и сажали, то не нас; мы тихие, мы сонные. Изредка кто-то пробормочет, не подымая головы, тихонечко: «На Руси уж давно правды нетути, одна кривдушка ходит по свету» — и, как все, в спячку. Мы сонные, мы тихие. Телевизор усыпил нас. Спим мы, и Степан Тимофеевич спит.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. Т. РАЗИНА

1630–1635 (предположительно) — на территории Войска Донского (предположительно в Черкасске) родился Степан, сын донского казака Тимофея Рази и неизвестной матери.

1652, 5 ноября — первое сохранившееся упоминание о Степане Разине — просьба о поездке на богомолье в Соловки.

1658, декабрь — Разин в составе ежегодной казачьей станицы едет в Москву.

1661, февраль — Разин начинает карьеру казачьего дипломата: отправляется с посольством к калмыкам.

1663, март — первое сохранившееся упоминание об участии Разина в военных действиях.

1667, весна — Разин собирает отряд и отправляется на Волгу пиратствовать; его цель — совместно с яицкими казаками занять Яицкий городок.

1667, лето — 1668, февраль — Разин в Яицком городке.

1668, март — Разин с войском, чтобы выйти из окружения, покидает Яицкий городок и выходит в Каспийское море.

Апрель — разинцы начинают ограбление городов Персии и (предположительно) одновременно с этим просят персидского шаха принять их в подданство.

1668, апрель — 1669, июнь — разинцы у берегов Персии.

1669, лето — Разина с войском мирно принимают градоначальники Астрахани.

Октябрь — разинцы возвращаются на Дон, строят себе городок Кагальник и готовятся к новому походу.

1670, апрель — Разин приказывает убить царского спецпосланника на Дону: начинается его открытое противостояние с войсковыми атаманами в Черкасске; оформляется новая концепция разинских походов: «война против злых бояр», конечная цель — Москва.

Май — взятие разинским войском Царицына; войско воеводы Львова под Черным Яром полностью переходит на сторону Разина.

21 или 24 июня — взятие Астрахани и казнь воеводы Прозоровского.

Июль — Разин придумывает самозванцев: «царевича Алексея» и «патриарха Никона», якобы находящихся в его войске.

Август — взятие Саратова и Самары.

4 сентября — Разин с войском приходит под Симбирск и начинает осаду.

Сентябрь — начинаются крестьянские восстания в Центральной России и Поволжье.

1 или 2 октября — Разин под Симбирском наголову разбит воеводой Барятинским.

3 или 4 октября — с отрядом казаков бежит из-под Симбирска в Царицын.

Ноябрь — возвращается в Кагальник; восстания повсеместно начинают подавлять правительственные войска.

1671, январь — делает попытку взять Черкасск.

12 апреля — предан анафеме.

14 апреля — по приказанию войскового атамана К. Яковлева казаки задерживают Разина.

2 июня — начало допросов Разина.

6 июня — казнь Степана Разина.

Лето — падение казачьей власти в Поволжье.

Ноябрь — падение казачьей власти в Астрахани.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Донской атаман Степан Тимофеевич Разин. Гравюра 1672 г.

Царь и великий князь Алексей Михайлович

Заседание Боярской думы.

Гравюра из книги А. Олеария «Путешествие в Московию». 30-е гг. XVII в.

Русская знать.

Гравюры из книги А. Оллария

Исписки валайского воеводы
о пропуске казака Степана Разина
в Москву в 1658 году

Отписка валайского воеводы в Посольский приказ о пропуске в Москву казака Степана Разина. 1658 г.

Донской казак и донская казачка.

Литографии XVIII в.

Стрелецкий голова и стрелец.

Рисунки из альбома Э. Пальмквиста. 1671 г.

Крестьяне.

Гравюра из книги А. Оллария. 30-е гг. XVII в.

Взятие Астрахани войсками Степана Разина.

Гравюра из книги Я. Стрейса «Три путешествия». 1676 г.

Атаман Стенька Разин и персидская княжна.

Гравюра Шюблера с картины П. Яковлева. 1898 г.

Сулейман, шах Персидский. Рисунок из «Титулярника», 1672 г.

Гербы из «Титулярника» 1672 года: Казанский и Астраханский

Степан Разин.

Гравюра из немецкого издания. 1671 г.

Степан Разин.

Скульптура С. Т. Коненкова

Поход Степана Разина в 1667–1669 годах

Конный воин.

Рисунок из альбома Э. Пальквиста. 1671 г.

Симбирск.

Гравюра XVIII в.

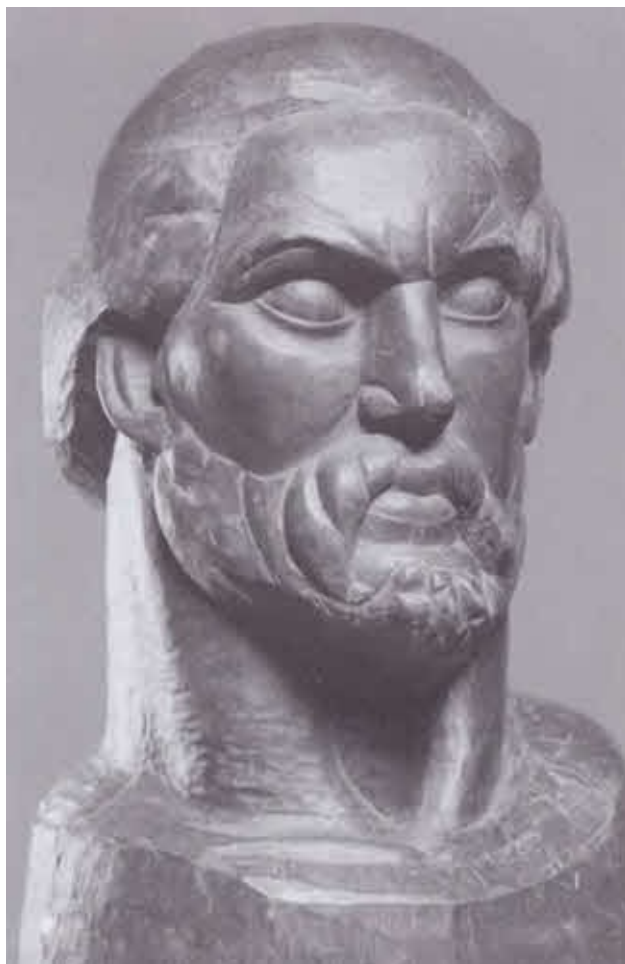
Три мотка СС (ста хата тили
Федина сирадина лише вил?
Келли Нутило в динце в вези
Хто хоце возу на фидо по фидо
и веди ном в вези Ади (ста
не тило в динце в вези Ади
но и вези вези Ади в вези
зади и мий (ий) пра ва хито в.
вади и мий (ий) пра ва хито в.
и вези вези Ади в вези
~~и вези вези Ади в вези~~
и вези вези Ади в вези
и вези вези Ади в вези
и вези вези Ади в вези

«Прелестная грамота» Степана Разина

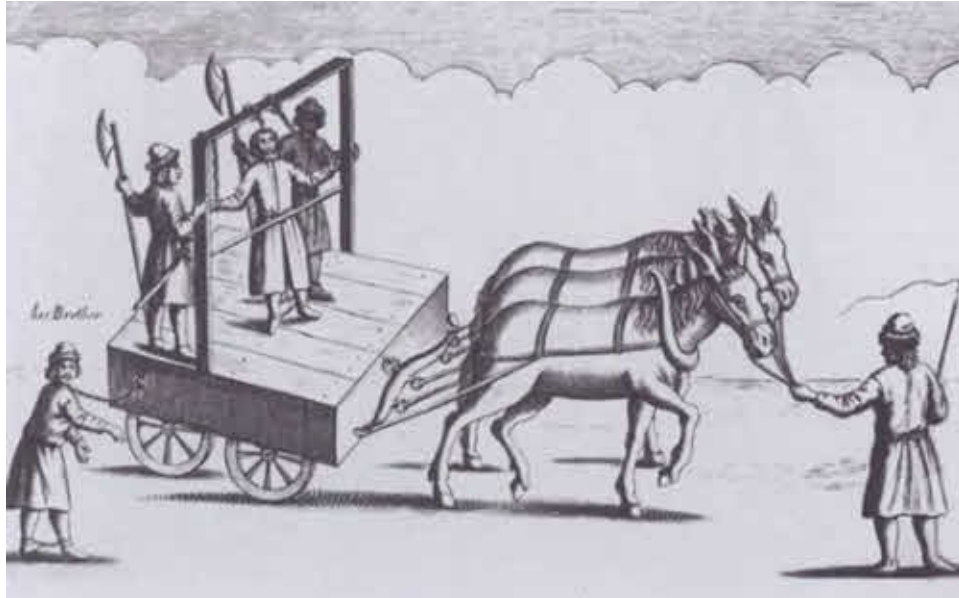
Степан Разин топит персидскую княжну.

Гравюра из книги Я. Стрейса «Три путешествия». 1682 г.

Степан Разин.

Скульптура Б. Ю. Сандомирской. Дерево тонированное. 1928 г.

Степана и Фрола Разиных везут на казнь.

Гравюра из английского издания. 1672 г.

Колесование

Наказание батогами

Наказание кнутом

Пытка водой.

Рисунок XVII в.

Казнь Степана Разина.

Картина В. Пчелина. 1930 г.

Степан Разин. Скульптура Е. В. Вучетича

ЛИТЕРАТУРА

Блажес В. В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002.

Броневский В. История донского войска. СПб., 1834.

Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.

Буганов В. И. Розыскное дело Степана Разина //Отечественная история. 1994. № 1.

Валишевский К. Первые Романовы. М., 1989.

Вернадский Г. В. История России. М., 2014.

Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882–1884.

Гладченко Г. Кремль — сердце Астрахани. Астрахань, 2012.

Голованов В. Я. Кровавая чаша //Дружба народов. 2007. № 11.

Горький А. М. Степан Разин. М., 1941.

Донские дела. СПб., 1898; 1913; 1917.

Злобин С. П. Степан Разин. М., 1951.

Золотарев П. Сказание летописно о Астрахани и о мучении преосвященного Иосифа митрополита и боярина и воевод... Ивана Семеновича Прозоровского с товарищи, и московских голов стрелецких Дмитрия Полуехтова да Алексея Соловцова, и дворян и детей боярских, и всякого чина людей... М., 1968.

Инсаров М. Степан Тимофеевич Разин //http://samlib.ru/i/insarow_m). 2011.

Каменский В. В. Степан Разин. М., 1918.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1906–1918.

Койэтт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

Королев В. Н. Утопил ли Стенька Разин княжну? //Историко-культурные и природные исследования на территории РЭМЗ. 2004. Вып. 2.

Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1903.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов: В 3 т. /Сост. Е. А. Швецова. М., 1954.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. М., 1976. Т. IV, дополнительный.

- Кузнецов И. Н.* Предания русского народа. М., 2008.
- Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб., 2009.
- Листопадов А. М.* Песни донских казаков: В 5 т. М., 1949.
- Логинов С. В.* Колодезь. М., 2000.
- Маньков А. Г.* Записки иностранцев о восстании Степана Разина. М., 1968.
- Маньков А. Г.* Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.
- Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья. Ростов н/Д., 1998.
- Мордовцев Д. Л.* За чьи грехи? М., 1990.
- Наживин И. Ф.* Степан Разин. М., 2004.
- Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Павленко Н. И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. М., 1986.
- Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Под ред. А. Н. Лозановой. М., 1935.
- Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5.
- Попов А. Н.* Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. СПб., 1857.
- Пронштейн А. П.* Роль донского казачества в крестьянской войне под предводительством Степана Разина // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.
- Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.
- Савельев Е. П.* Древняя история казачества. Новочеркасск, 1913–1918.
- Савельев Е. П.* Степан Разин и народные песни о нем. Новочеркасск, 1910.
- Сахаров А. Н.* Степан Разин. М., 2010.
- Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884.
- Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966.
- Соловьев В. М.* К вопросу об участии городского населения в Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина // История СССР. 1982. № 2.
- Соловьев В. М.* Фрол Разин // Вопросы истории. 1986. № 4.

Соловьев В. М. Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. М., 1991.

Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961.

Сопов А. В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. М., 2012.

Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг.: Восстание Степана Разина. Л., 1966.

Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

Таболina Т. В. Казачество: Историка, хроника, перспектива: 1989–1994. М., 1994.

Троицкий С. М. Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3.

Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. М., 1920.

Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.; Л., 1927.

Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885.

Хлебников В. Разин // Не вошедшее в «Творения». М., 1986.

Худяков И. А. Древняя Русь. СПб., 1867.

Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России. Элиста, 2007.

Чапыгин А. П. Разин Степан. М., 1927.

Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1957.

Шептаев Л. С. Народные песни и повествования о Степане Разине в их историческом развитии. Л., 1969.

Шептаев Л. С. Ранние предания и легенды о Разине // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.

Шукшин В. М. Я пришел дать вам волю. М., 1974.

Яковлев М. А. Народное песнотворчество об атамане Степане Разине: Из исторических песен XVII века. Л., 1924.

INFO

Чертанов М.

Ч-5 °Степан Разин /Максим Чертанов. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 383(1) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1583).

ISBN 978-5-235-03881-3

УДК 94(47)(092)"16"

ББК 63.3(2)45-422

знак информационной продукции 16+

Максим Чертанов
СТЕПАН РАЗИН

Редактор *Е. В. Смирнова*

Художественный редактор *И. И. Суслов*

Технический редактор *В. В. Пилкова*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 22.11.2015. Подписано в печать 29.01.2016.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 20,16+0,84 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1603930.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

notes

Примечания

См.: *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. Новочеркасск, 1913–1918.

См.: *Харузин М. Н.* Сведения о казацких общинах на Дону. М., 1885.

См.: *Валишевский К.* Первые Романовы. М.: ИКПА, 1989.

См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1906–1918.

См.: *Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича.*
СПб., 1884.

См.: *Таболіна Т. В.* Казачество: Историка, хроника, перспектива: 1989–1994. М., 1994.

См.: Сопов А. В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. М., 2012.

Московским царством принято называть период с Ивана Грозного до Петра Первого; впрочем, это спорный тезис. При царе Алексее Михайловиче использовался как этот термин, так и другой — Русь; многие документы адресованы «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси».

Цит. по: Сухоруков В. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937) — русский советский писатель, драматург, автор ряда исторических романов.

Степан Павлович Злобин (1893–1965) — советский писатель, участник Великой Отечественной войны, автор ряда исторических романов, некоторые из которых запрещались цензурой.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. М.: Изд-во АН СССР, 1954; далее — Крестьянская война.

См.: *Попов А. Н.* Материалы для истории возмущения Стеньки Разина: Сборник документов. СПб., 1857.

См.: Сказки и предания Самарского края: Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884.

Сам Алексей Михайлович, судя по документам, чаще употреблял старый термин «Московское царство».

В то время еще не было четкого отделения фамилий от прозвищ.

M., 1973.

См.: *Яковлев М. А.* Народное песнотворчество об атамане Степане Разине: Из исторических песен XVII века. Л., 1924.

См.: АрхивА. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1941. Т. II. Пьесы и сценарии.

A Relation Concerning the Particulars or the Rebellion Lately Raised in Muscovy by Stenko Razin. Newcomb, 1672. Цит. по: Записки иностранцев о восстании Степана Разина. М., 1968 (далее — Сообщение...).

См.: Манъков А. Г. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.

В русском языке применительно к воеводе Юрию Долгорукову употреблялись и по сей день употребляются две формы: «Долгорукий» и «Долгоруков».

См.: Манъков А. Г. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.

См.: Повесть о Земском соборе 1613 г. //Вопросы истории. 1985. № 5.

См.: Манъков А. Г. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.

Иван Федорович Називин (1874–1940) — русский писатель; после революции — один из крупнейших русских прозаиков в эмиграции, автор исторической прозы. Роман о Разине был написан в эмиграции в 1928 году.

Хлебников В. Не вошедшее в «Творения». М., 1986. Поэма «Разин» написана в 1929 году.

Этот пятитомный труд создавался с 1940-х по 1970-е годы в эмиграции.

Здесь и далее иностранные периодические издания цитируются по:
Иностранные известия о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г.
Манькова. Л., 1968.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI.Т. 11, 12.

Фирсов Н. Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. М., 1920.

Шукшин В. М. Вопросы самому себе. М., 1981.

См.: *Савельев Е.* Степан Разин и народные песни о нем. Новочеркасск, 1910.

Купцы из Средней Азии.

Индийцы.

См.: *Маньков А. Г.* Записки иностранцев о восстании Степана Разина.
М., 1968.

В данной книге не ставится задача обзирать или анализировать весь фольклор о Разине. На эту тему существует множество прекрасных работ. См., например, многочисленные работы Л. С. Шептаева.

Часто писали «Сенька» вместо «Стенька».

Вяткин Л. М. Заколдованные клады Степана Разина // Чудеса и приключения. 1998.

Существует, конечно, еще масса романов о Разине кроме тех, к которым мы постоянно обращаемся. Их круг отбирался по принципу: наличие оригинальной концепции; популярность (популярны — значит, участвовали в сотворении мифов); художественное своеобразие.

Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1957.

См.: Голованов В. Я. Кровавая чаша // Дружба народов. 2007. № 11.

Инсаров М. Степан Тимофеевич Разин. 2011. //<http://samlib.ru/i/insarowm>

См.: Дело патриарха Никона. СПб., 1697; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882–1884.

См.: Блажес В. В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург, 2002.

Дружба народов. 2007. № 11.

Повествования Кемпфера и Шардена о персидском походе Разина цитируются по: *Маньков А. Г.* Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.

См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3.

Это единственное упоминание об узбеках во всех источниках, относящихся к персидскому походу. Видимо, имеются в виду воинственные тюркские племена.

См.: *Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935.

Перевод Н. Воронель.

Марков А. С. По следам Разина. Астрахань, 1980.

Листопадов А. М. Песни донских казаков: В 5 т. М., 1949–1954.

См.: *Листопадов А. М.* Песни донских казаков: В 5 т. М., 1949–1954.

См.: Кузнецов *И. Н.* Предания русского народа. М., 2008.

Шентаев Л. С. Народные песни и повествования о Степане Разине в их историческом развитии. Л., 1969.

Историко-культурные и природные исследования на территории
РЭМЗ: Сборник статей. 2004. Вып. 2.

См.: Сухоруков В. О внутреннем состоянии донских Козаков в конце XVI столетия. Ростов н/Д., 1988.

См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.

См.: Донские дела. СПб., 1898; 1913; 1917.

См.: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-19534>

Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994.

См.: Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб., 2009.

См.: *Блажес В. В.* Фольклор Урала. Екатеринбург, 2002.

Шентаев Л. С. Ранние предания и легенды о Разине //Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.

Любишь?

Книжное обозрение. 2000. № 34.

<http://www.midi.ru/forumd.php?id=131858&page=1>

Совершенно секретно. 2011. 20 июня.

Н. Степной — псевдоним русского писателя Николая Александровича Афиногенова (1878–1947).

Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953.

Худяков И. А. Древняя Русь. СПб., 1867. С. 208–227.

Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века // *Щапов А. П.* Сочинения. СПб., 1906.

Томазо Аньелло (Мазаньелло) — рыбак, возглавивший восстание в Неаполитанском королевстве в 1647 году.

Чтобы разобраться во всех географических и хронологических подробностях в ходе войны осенью 1670 года, см.: *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1957. Здесь же излагаются лишь общая канва событий и атмосфера событий той осени.

Русская планета. 2014. 19 сентября.

Бровко В. Присоединение Крымского ханства к Российской империи и современная геополитика // <http://grafomanam.net/works/76122>

Маньков А. Г. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975.

Там же.

Опубликовано в «Вологодских епархиальных ведомостях» (1867. № 20). Цит. по: *Маньков А. Г.* Записки иностранцев о восстании Степана Разина. М., 1968.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии /Пер. А. Станкевича. М., 1905. Впервые опубликовано в 1676 году.

См.: *Манъков А. Г.* Записки иностранцев о восстании Степана Разина. М., 1968.

Отечественная история. 1994. № 1. С. 28–42.

Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1899. Кн. XIII. С. 156.